A detailed historical map of Saint-Petersburg, Russia, showing the city's layout along the Neva River and its tributaries. The map features a grid of streets, numerous buildings, and several fortifications. Key locations labeled include 'Isle' at the top, 'Grande' in the middle, and 'La Fontanka R.' at the bottom. The Neva River is labeled 'Neva R.' and 'La Petite Neva R.'. Other labels include 'Apothicairerie', 'Mojka R.', and 'Coursil Rouge'. The map is rendered in a sepia tone.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

БЮЛЛЕТЕНЬ

16

ОХРАННАЯ АРХЕОЛОГИЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2024

**ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

BULLETIN

№ 16

RESCUE ARCHAEOLOGY

ST. PETERSBURG

2024

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

БЮЛЛЕТЕНЬ

№ 16

ОХРАННАЯ АРХЕОЛОГИЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2024

УДК 902/904
ББК 63.4
Б98

DOI: 10.31600/978-5-6052467-2-5

Рецензенты:

А. В. Поляков (ИИМК РАН)
И. Л. Тихонов (Институт истории СПбГУ)

Ответственный редактор: Н. Ф. Соловьева

Технический редактор, оформитель: С. Л. Соловьев
Корректор: А. О. Пбликарпова

Бюллетень Института истории материальной культуры Российской академии наук:
(охранная археология). [№] 16 / науч. ред. Н. Ф. Соловьева, С. Л. Соловьев;
СПб.: ИИМК РАН, 2024. – 233 с. : ил.

Bulletin of the Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Sciences:
(rescue archaeology). [№] 16 / ed. by N. F. Solovyova, S. L. Solovyev;
St. Petersburg: Institute for the History of Material Culture RAS, 2024. – 233 pp. : il.

ISBN 978-5-6052467-2-5

Периодическое издание посвящено охранно-археологической деятельности ИИМК РАН по изучению культурного наследия России. Шестнадцатый номер бюллетеня представляет результаты археологических исследований объектов культурного наследия Санкт-Петербурга и его окрестностей, а также других регионов России, которые были осуществлены Центром спасательной археологии ИИМК РАН в сотрудничестве с другими научными, образовательными и государственными организациями в 2016–2024 гг.

Издание предназначено для историков, археологов, государственных служащих, частных предпринимателей и широкого круга читателей, заинтересованных в научной и достоверной информации об истории России и состоянии памятников ее культуры.

This periodical is dedicated to the rescuing and archaeological activities of the Institute for the History of Material Culture (IHMC) RAS in studies of the cultural heritage of Russia. The sixteenth issue of the Bulletin presents the results of archaeological investigations of the cultural heritage of St. Petersburg and its surroundings, as well as other regions of Russian Federation, carried out in 2016–2024 by the Center for Rescue Archaeology of IHMC RAS in collaboration with other scientific, educational and public organizations.

This publication is intended for historians, archaeologists, government employees, private entrepreneurs and a wide circle of readers interested in reliable scientific information on history of Russia and the state of the monuments of its culture.

ISBN 978-5-6052467-2-5

**УДК 902/904
ББК 63.4**

СОДЕРЖАНИЕ

Археологические исследования в Санкт-Петербурге и на Северо-Западе России

Археологические исследования на Сампсониевском кладбище XVIII в.9
Р.В. Филиппенко

Археологические разведки в Адмиралтейском районе Санкт-Петербурга в 2021–2022 гг.34
А.А. Гуцин

Изучение культурного слоя Санкт-Петербурга в 2020–2023 гг.54
Е.Ю. Кононович, М.И. Бажин, Н.А. Кубло

**Инвентаризация и мониторинг памятников археологии Ленинградской области
в 2023 г.81**
С.А. Семенов

**Каменная стена на Кольском полуострове: описание, аналоги
и возможные интерпретации114**
В.Г. Мизин

**Подводные археологические исследования линейного корабля «Портсмут»
в 2024 г.117**
В.В. Вахонеев, В.М. Петровский

Археологические исследования в регионах России и странах ближнего зарубежья

**Археологические разведки в Донецкой Народной Республике
и Запорожской области в 2024 г.125**
Л.Г. Шенко, С.Л. Соловьев, В.В. Вахонеев, А.Ю. Касимов

Археологические разведки на Маячном полуострове в Севастополе в 2024 г.136
В.В. Вахонеев, Ю.А. Виноградов, В.М. Петровский

**Краткие итоги археологических раскопок в Крымском и Абинском районах
Краснодарского края в 2024 г.142**
*С.Л. Соловьев, М.А. Топоривская, П.А. Украинский, А.Ю. Касимов, А.С. Гарипов,
П.А. Бараненко, Н.С. Черткова, А.С. Цинько*

О работах Каракумской экспедиции в осеннем сезоне 2024 г.159
Н.Ф. Соловьева, Е.К. Блохин

**Работы Античной комплексной археологической экспедиции на городище Акра
в 2024 г.167**
С.Л. Соловьев, В.В. Вахонеев

**Усадьбы СК-II, СК-III, СК-IV и СК-V второй половины IX – первой половины X вв.
поселения Вышестеблиевская-16 (по материалам раскопок в 2016 г.
на Таманском полуострове)171**
Л.Ю. Пономарев, С.Л. Соловьев

Междисциплинарные исследования

Комплекс кожаных предметов из раскопок в Калининграде в 2022–2023 гг.202
Н. А. Боковенко, А. В. Курбатов

**Обзор нумизматических находок из раскопок на Нейшлотском переулке
(Санкт-Петербург) в 2018 г.213**
К. В. Горлов, Р. В. Филиппенко

**Стоянка Ирба 2 в контексте верхнего палеолита долины Енисея:
общее и особенное227**
Т. В. Корнева

Список сокращений231

Список авторов232

CONTENTS

<i>Archaeological Investigations in St. Petersburg and in Northwestern Russia</i>	
Archaeological research at the Sampsonievsky cemetery of the 18th century	9
<i>R. V. Philippenko</i>	
Archaeological survey in the Admiralteysky district of St. Petersburg in 2021–2022	34
<i>A. A. Gushchin</i>	
The study of the cultural layer of St. Petersburg in 2020–2023	54
<i>E. Yu. Kononovich, M. I. Bazhin, N. A. Kublo</i>	
Inventory and monitoring of archaeological sites of the Leningrad region in 2023	81
<i>S. A. Semenov</i>	
The Stone Wall on the Kola Peninsula: description, analogues and possible interpretations	114
<i>V. G. Mizin</i>	
Underwater archaeological research of the battleship Portsmouth in 2024	117
<i>V. V. Vakhoneev, V. M. Petrovsky</i>	
<i>Archaeological Investigations in Russian Regions and Neighboring Countries</i>	
Archaeological survey in the Donetsk People’s Republic and Zaporizhia region in 20243	125
<i>L. G. Shepko, S. L. Solovyev, V. V. Vakhoneev, A. Yu. Kasimov</i>	
Archaeological exploration on the Mayachny Peninsula in Sevastopol in 2024	136
<i>V. V. Vakhoneev, Yu. A. Vinogradov, V. M. Petrovsky</i>	
Summary of archaeological excavations in the Crymsk and Abinsk districts Krasnodar region in 2024	142
<i>S. L. Solovyev, M. A. Toporivskaya, P. A. Ukrainsky, A. Yu. Kasimov, A. S. Garipov, P. A. Baranenko, N. S. Chertkova, A. S. Tsinko</i>	
About the work of the Karakum expedition in the autumn season of 2024	159
<i>N. F. Solovyova, E. K. Blokhin</i>	
The work of the Ancient complex Archaeological expedition at the ancient settlement of Akra in 2024	167
<i>S. L. Solovyev, V. V. Vakhoneev</i>	
Farmstead SK-II, SK-III, SK-IV and SK-V of the second half of the 9th – first half of the 10th centuries. settlements Vyshesteblievskaya-16 (based on the materials of excavations in 2016 on the Taman Peninsula)	171
<i>L. Yu. Ponomarev, S. L. Solovyev</i>	

Interdisciplinary Studies

A complex of leather objects from excavations in Kaliningrad in 2022–2023	202
<i>N. A. Bokovenko, A. V. Kurbatov</i>	
A review of numismatic finds from the excavations at Neishlotsky Lane. St. Petersburg in 2018	213
<i>K. V. Gorlov, R. V. Philippenko</i>	
The Irba 2 site in the context of the Upper Paleolithic of the Yenisei Valley: general and special	227
<i>T. V. Korneva</i>	
List of Abbreviations	231
List of Authors	232

Археологические исследования в Санкт-Петербурге и на Северо-Западе России

Археологические исследования на Сампсониевском кладбище XVIII в.¹

Р.В. Филиппенко²

DOI: 10.31600/978-5-6052467-2-5.9-33

Весной 2018 г. на участке проектируемого строительства по адресу: г. Санкт-Петербург, Нейшлотский пер., д. 3, лит. А, в ходе археологической разведки Отдела охранной археологии ИИМК РАН открыт участок ранее не известного кладбища (Полигаев и др., 2018. Л. 2–4). В течение 2018 г. и в конце 2019 г. Санкт-Петербургской экспедицией Отдела охранной археологии ИИМК РАН проводились раскопки на участке проектируемого строительства по адресу: г. Санкт-Петербург, Нейшлотский пер., д. 3, лит. А. Участок обследования прямоугольной формы площадью 1091,67 кв. м располагался в Выборгском районе Санкт-Петербурга и был огорожен капитальной кирпичной оградой, с севера граничил с Нейшлотским пер., с запада и востока – с дворами жилых домов, с юга – с территорией автоцентра. В центре участка располагалось здание двухэтажного бизнес-центра, по периметру которого разбит газон. Большую часть участка занимала автомобильная стоянка, мощеная тротуарной плиткой. После обнаружения могильных ям возник вопрос о принадлежности погребений к одному из нескольких кладбищ, находившихся на Выборгской стороне в первые годы существования Санкт-Петербурга. Так как предполагалось, что южная граница Сампсониевского православного кладбища проходила по Нейшлотскому пер., то погребения первоначально были отнесены к так называемому инородческому кладбищу, располагавшемуся южнее кладбища при церкви Св. Сампсония.

Место проведения археологических раскопок непосредственно связано с историей Петербурга.

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № FMZF-2022-0016 «Совершенствование методики проведения охранно-спасательных археологических мероприятий и внедрение цифровых технологий в археологии».

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: govif74@mail.ru.

На Выборгской стороне в допетровское время находилось несколько поселений, упоминаемых в Писцовых книгах XVI в., но все они располагались на берегу Большой Невки. Жителями деревень использовалась только прибрежная, свободная от леса полоса шириной около 200 м. Территория будущего Сампсониевского кладбища и его окрестности в «нагорной» части Выборгской стороны в XVII в. были не освоены и покрыты лесом. Историю использования участка, расположенного на углу Большого Сампсониевского пр. и Нейшлотского пер., можно разделить на четыре этапа. Первый этап – «кладбищенский», когда участок в продолжение нескольких десятилетий XVIII в. использовался для захоронения жителей Петербурга и его ближайших окрестностей (1710–1770-е). Второй этап – «производственный», время существования в этом месте канатного производства – частной канатной фабрики, принадлежавшей последовательно петербургским купцам Андрею Лоренцу и Федору Буссе. Третий этап, когда участок, несмотря на существование на его территории захоронений, начинает использоваться новыми владельцами для строительства доходных домов, жилых и хозяйственных построек (1870–1910-е). Именно в это время на участке появляется первое учебное заведение – женская гимназия Иоганны Карловны Платан. Последний, четвертый этап характеризуется существованием на этой территории нескольких детских учреждений, последовательно сменявших друг друга: трудовой школы I ступени № 160 Выборгского района и заведений дошкольного типа: детского сада № 412 и возведенного на его месте в конце 1930-х гг. детского сада № 5, а в послевоенное время № 13.

27 июня 1709 г. в День св. Сампсония Странноприимца русские войска одержали победу под Полтавой, через пять месяцев в присутствии Петра I была заложена деревянная церковь в память о Полтавской победе, освященная в 1710 г. К этому времени относится упоминание о существовании при ней кладбища (Кобак, Приютко, 2009. С. 23).

Деревянная церковь вскоре обветшала, и в 1728–1740 г. рядом с ней был построен новый каменный храм. Из старого здания церкви в новое перенесли иконы и убранство, а деревянную церковь разобрали и в 1737 г. распилили на дрова, которые сожгли для отопления каменной церкви, а золу пустили по воде. На месте алтаря снесенной церкви построили часовню. Строительство каменной Сампсониевской церкви осуществлялось в два этапа. В 1728–1733 гг. была воздвигнута западная часть храма – так называемая трапезная с двумя приделами (дополнительными малыми храмами), освященными в честь св. Иоанна Богослова и архангела Михаила; в 1732–1740 гг. пристроен восточный объем здания с главным иконостасом, освященным в августе 1740 г. Изначально храм был однокупольным, в 1760-х гг. к нему пристроили еще четыре купола, таким образом, церковь приобрела каноничное пятиглавие. Имя архитектора каменной Сампсониевской церкви до сих пор не известно (Гусенцова, Добрынина, 2007. С. 75).

В XVIII в. правый берег Большой Невки, близ которого находился Сампсониевский храм, считался предместьем. Отсюда начиналась дорога на Выборг – одно из важных стратегических направлений в годы Северной войны, бывшее в то время достаточно оживленным. Старая традиция размещать кладбище за городской чертой, обозначенной рекой, удобно сочеталась здесь с близостью к проезжей дороге. Переправа с берега на берег до устройства во второй половине XVIII в. Сампсониевского плашкоутного моста осуществлялась лишь через перевоз, а зимой по льду.

Сампсониевское православное кладбище было городским, и места на нем предоставлялись бесплатно. Распоряжением архимандрита Александроневского монастыря Феодосия предписывалось, чтобы «за места для погребения никаких плат не только с бедных, но и с могущих не взыскивали, разве кто с вольного своего позволения, сам от себя, к церкви строению что даст, и то записывать в книги, в приход и расход именно, и в погребении задержания никакого не чинить» (Кобак, Приютко, 2009. С. 622). Осенью 1732 г. императрица Анна Иоанновна утвердила особый доклад Синода о «Погребальных местах» в Петербурге. В нем указывалось, что «чинилось и поныне чинится погребение усопших» при Сампсониевской церкви «в батальоне», Предтеченской в Ямской слободе, и с недавнего времени при Вознесенской в Переведенческих слободах. «А понеже при вышепоказанных двух Сампсониевской и Предтеченской церквах, где чинятся погребения, места весьма низкие и водяные, а затем могилы копать глубоко

никак невозможно. И тако телеса в землю кладутся недалеко, которых там уже положено число великое, отчего (для известных резонов) имеется опасение». Поэтому указ приписывал Сампсониевское и Ямское кладбище из городских превратить в приходские: «Погребение чинить бы токмо их прихода жителям, а при других бы в Санкт Питер Бурхе церквах того погребения не чинить» (Кобак, Приютко, 2009. С. 29).

В 1737 г. при кабинете императрицы Анны Иоанновны «для основательного определения обо всем строении здесь в Санктпетербурге... и для учинения о том твердого плана» была образована «Комиссия о Санкт-Петербургском строении», которой предписывалось разработать проект реконструкции и дальнейшего развития столицы. В ведение Комиссии вошел вопрос и о столичных кладбищах. Архитекторы Комиссии обследовали все петербургские кладбища, на основе их рекомендаций в 1738 г. последовало новое распоряжение Синода о «местах, где надлежит быть погребениям». Таких мест утверждено было пять, в том числе «на Выборгской стороне у церкви Святого Сампсона Странноприимца» (Кобак, Приютко, 2009. С. 30). Сампсониевское кладбище вновь стало городским. В 1739 г. пять определенных указом кладбищенских мест были приняты в духовное ведомство. В следующем году к каждому из них был определен штат могильщиков «из отставных солдат в богадельнях, которые покрепче здоровьем», в количестве четырех человек. Приходским священникам было велено записывать отпеваемых в метрические книги, а кладбищенским притчам – вести особые записи погребенных (Кобак, Приютко, 2009. С. 30).

В апреле 1746 г. императрица Елизавета Петровна, осмотрев Калининское и Вознесенское кладбище, издала указ об их закрытии. Велено было засыпать их землей, а «погребать впредь мертвые тела в Ямской Московской слободе, на Охте и на Выборгской стороне, а окромя оных в других местах мертвых тел не погребать». Указом от 11 мая 1756 г. в Петербурге были учреждены три новых кладбищенских места, на Выборгской стороне место было определено как «на Выборгской дороге». Участок примыкал, по видимому, к старому Сампсониевскому кладбищу, где по-прежнему хоронили как православных, так и иноверцев. Места для православных кладбищ назначались длиной в сто двадцать и шириной в восемьдесят сажень (Кобак, Приютко, 2009. С. 31).

О размерах православного Сампсониевского кладбища упоминает М.И. Пыляев: «Всей земли для кладбища обнесенной каменной оградой, посейчас здесь в количестве 10 000 кв. сажен. Кладбище

это до царствования Екатерины II служило главным местом погребения для жителей Петербурга» (Пыляев, 2019. С. 20). На Сампсониевском кладбище хоронили дворян, мещан, купцов, ремесленников – простой люд и благородных. Различный был и характер погребений: от «князь-папы» П. И. Бутурлина, похороненного в присутствии Петра I, и до умершего в 1726 г. в Петропавловской крепости И. Т. Посошкова, автора известной «Книги о скудости и богатстве». В 1727 г. здесь похоронили сибирского губернатора князя М. П. Гагарина, повешенного за казнокрадство, в 1740 г. были преданы земле останки казненных А. П. Вольтынского, П. М. Еропкина и А. В. Хрущева. В ограде Сампсониевского храма недалеко от руководителя «Комиссии о Санкт-Петербургском строении» П. М. Еропкина (1698–1740) был погребен строитель здания Академии художеств А. Ф. Кокоринов (1726–1772) (Кобак, Приютко, 2009. С. 23, 24).

Расположение Сампсониевского православного и лютеранского кладбища определяется по нескольким историческим планам XVIII в., которые могут дать лишь общее представление о площади

и взаимном расположении православного и лютеранского кладбищ (рис. 1). Тем не менее на планах можно увидеть, что кладбища располагались вдоль Выборгской дороги, на трассе которой в 1739 г. проложен Большой Сампсониевский пр. Можно с уверенностью сказать, что проспект проходил по территории, не занятой ни одним из Сампсониевских кладбищ, и своим расположением сформировал западную границу некрополя.

Лютеранское Сампсониевское кладбище

С первых лет существования Петербурга появилась необходимость в особых кладбищах для жителей иностранного вероисповедания. Военные специалисты, инженеры, механики, архитекторы, ученые, медики и мастера Адмиралтейской верфи – множество людей родом из Голландии, Франции, Швейцарии, Дании, германских княжеств оказались в это время в России, внося заметный вклад в строительство города на берегах Невы. В допетровской православной Руси не только место погребения, но и само место жительства иностранцев было строго изолировано (как, например, Немецкая слобода в Москве). В Санкт-Петербурге недалеко от Сампсониевского православного кладбища, выше по

Рис. 1. Нейшлотский 2018–2019. Участок исследований на плане Санкт-Петербурга 1744 г., составленном Маттеусом Сойтером (URL: http://www.etomesto.ru/map-peterburg_1744/)

течению Большой Невки, появилось иновещерское («немецкое») кладбище. В 1711 г. по просьбе вице-адмирала К. Крюйса иностранцам было отведено место на Выборгской стороне, к югу от основанного за год до этого Сампсониевского православного кладбища. Основные расходы по его устройству и содержанию несла немецкая община церкви Св. Петра. На ее счет содержались и могильщики, для которых было построено особое помещение.

В 1738–1739 гг. территория кладбища была увеличена почти до двух с половиной гектаров. На планировочные работы, ограждение, уход за могилами с 1715 по 1750 г. были истрачены 1223 рубля. Для покрытия расходов церковный совет Петрикирхе обратился к другим неправославным общинам города. Конвент лютеранской церкви Св. Анны предложил, чтобы каждая община отдавала на содержание кладбища десять процентов всего церковного сбора. Местоположение кладбища создавало значительные трудности для жителей левого берега Невы. Траурные процессии следовали по наплавному мосту через Неву на Троицкую площадь, где приходилось ждать переправы паромом через Большую Невку на Выборгскую сторону (Кобак, Приютко, 2009. С. 450). Известно, что на Сампсониевском кладбище похоронены братья Блументросты: архиатер, доктор медицины Иван Лаврентьевич (1676–1756) и лейб-медик Лаврентий Лаврентьевич (1692–1755), первый президент Санкт-Петербургской академии наук. Среди первых петербургских академиков, погребенных на Сампсониевском, филолог и историк Готлиб Байер (1694–1738), математик Кристиан Гольдбах (1690–11764). Сампсониевское немецкое кладбище памятно в истории петербургского искусства. Здесь были похоронены зодчие Жан-Батист Леблон (1679–1719), Николаус Гербель (ум. 1724), Доменико Трезини (1670–1734), живописец Георг Гроот (1716–1749), скульптор Бартоломео Растрелли (1675–1744), а, возможно, и сын последнего архитектор Франческо Растрелли (1700–1771) (Кобак, Приютко, 2009. С. 24).

Среди петербургских кладбищ XVIII в. есть и такие, о существовании которых известно лишь по отдельным упоминаниям. Близ Сампсониевской церкви (место не уточняется) находилось основанное в 1738 г. греческое кладбище, время упразднения которого неизвестно (Кобак, Приютко, 2009. С. 35).

Упразднение Сампсониевских кладбищ – православного и иновещерского – произошло в 1770-е гг. Причиной закрытия послужило то, что со временем погосты оказались в городской черте, а по сенатскому указу 1772 г. кладбище ближе чем за

сто сажень от черты городской застройки должно быть закрыто. Возможно, на закрытие кладбищ в 1772 г. повлияла эпидемия чумы 1771 г. в Москве. После выхода указа, запрещающего совершать захоронения на кладбищах, расположенных в черте городов, последние были подготовлены не только к закрытию, но и «дезинфекции» по правилам того времени: многие из них были засыпаны «слоем земли». Однако Сампсониевское кладбище продолжало функционировать и после их закрытия. Известно, что могильщики с иновещерского Сампсониевского кладбища были переведены на Волковское кладбище только в 1789 г. (Кобак, Приютко, 2009. С. 452).

Уже в XVIII в. территория Сампсониевского кладбища, благодаря захороненным здесь жертвам противостояния всевластию Бирона А. Вольнскому, П. Еропкину и А. Хрущеву, имела непризнанный официально статус мемориального места. На могиле по велению императрицы Елизаветы Петровны был поставлен памятник – каменная плита и небольшая мраморная урна. Кладбище посещалось жителями города и людьми, интересующимися историей Петербурга. В 1880-х гг. обветшавший памятник был заменен на нынешний памятник «Врагам Бирона».

После закрытия Сампсониевского кладбища участок, на котором проводились настоящие исследования, судя по историческим планам, пустовал до конца XVIII – начала XIX вв. Лишь на плане 1820 г. на участке появляется здание канатной фабрики, данных о которой крайне мало. Известно, что канатная фабрика принадлежала Андрею Лоренцу. Более подробную информацию о расположении фабрики на участке обследования дает план Ф. Ф. Шуберта 1828 г., а также план, составленный перед реконструкцией канатной фабрики в 1841 г. следующим ее владельцем Федором Буссе (рис. 2; 3). Производственный корпус занимал площадь 850 кв. сажень, или 3869 кв. м, что при длине в 400 м дает ширину постройки около 10 м. Канатная фабрика – вытянутое строение с высокой крышей. Общая высота постройки составляла более 10 м при высоте крутой двускатной крыши более 6 м. На участке имелся двухэтажный жилой дом. Здание фабрики перекрывало всю северо-западную половину участка обследования.

В 1841 г. купец Федор Буссе представил проект реконструкции фабрики. Предполагалось сократить длину «веревочного сарая» до 100 м и построить несколько зданий. Новый корпус фабрики предполагалось выстроить по красной линии (прежняя фабрика Андрея Лоренца имела

Рис. 2. Нейшлотский 2018–2019. Участок исследований на фрагменте плана Санкт-Петербурга, подготовленного Федором Шубертом в 1828 г. (URL: http://www.etomesto.ru/map-peterburg_1828/)

отступ в 8 м от красной линии Батальонного/Нейшлотского пер.). После реконструкции фабрики капитальные постройки на участке обследования не обнаружены (рис. 4).

После разорения и закрытия канатной фабрики в 1879 г. территория, на которой она располагалась, была разделена между разными собственниками. На основной территории канатной фабрики (последнего периода ее существования) были устроены самые небольшие участки (современные Нейшлотский пер., д. 5, 7, 9). Участком, частично сохранявшим принципы застройки и элементы первоначальной планировки, оставалось место на пересечении Большого Сампсониевского пр. и Нейшлотского пер. по южной его стороне. Первой появляется на территории, занятой ныне дворами домов 31 и 33 по Большому Сампсониевскому пр. и дома 3 по Нейшлотскому пер., угловая постройка. Здание возведено в 1879 г. и учитывало особенности предложенного еще в 1861 г. расширения Нейшлотского пер.: оно было отодвинуто на четыре сажени от красной линии Нейшлотского пер. вглубь участка. Здание не перестраивалось и простояло вплоть до революции 1917 г. Вероятно, оно сохранялось и в первые четыре

десятилетия советской власти. В 1957 г. на его месте был выстроен корпус дома 33 по пр. Карла Маркса (ныне Большой Сампсониевский пр., д. 33).

Вторым на участке в 1888 г. был построен трехэтажный дом на каменном цоколе в глубине двора, практически на границе с домом 5 по Нейшлотскому пер. Он располагался у юго-восточного угла детского сада, возведенного в 1930-х гг. На участке археологических работ в тот период были построены небольшие деревянные и одноэтажные строения, а по его южной стороне – каменные сараи (конюшни) (рис. 5). После раздела территории фабрики Федора Буссе один из участков достался фельдшеру Клинического военного госпиталя А.М. Пассельцару. В дореволюционное время на участке А.М. Пассельцара в доме по Нейшлотскому пер. располагалась частная женская гимназия Иоганны Карловны Платан. Гимназия была основана в 1880-х гг. и к 1906 г. имела возможность пользоваться всеми правами гимназий Министерства народного просвещения. С 1906 г. гимназия находилась в ведении попечителя Санкт-Петербургского учебного округа: сохранились документы нескольких инспекций. В 1915 г. гимназия

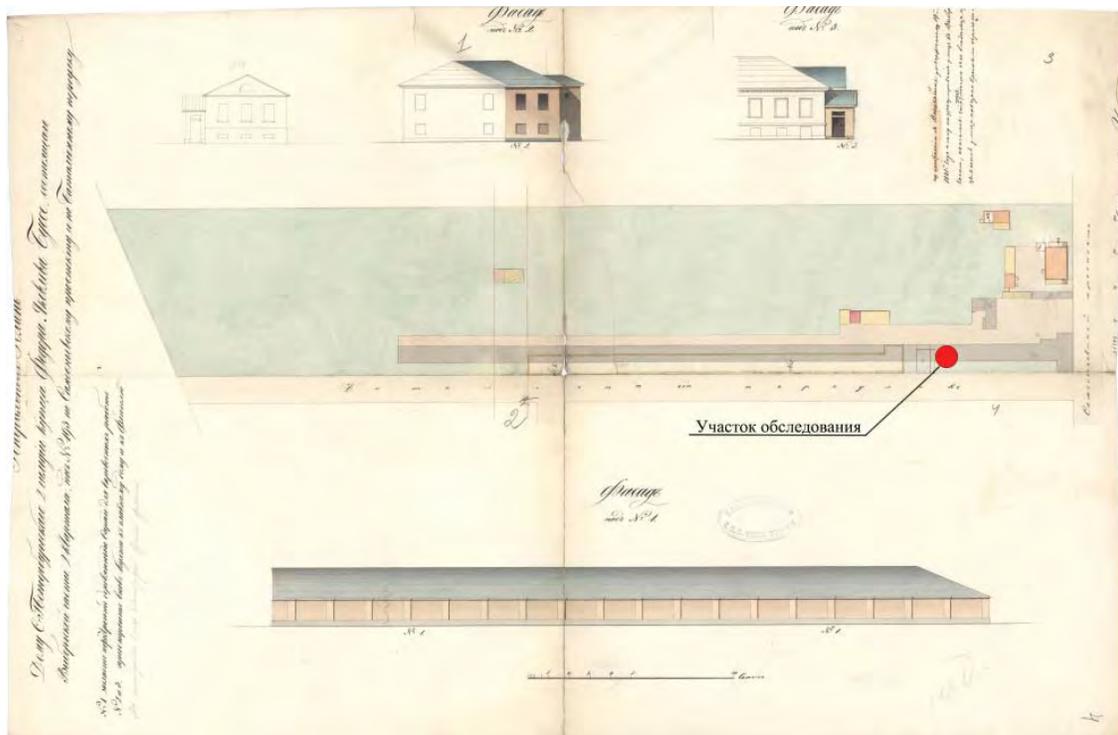

Рис. 3. Нейшлотский 2018–2019. Проект строительства нового здания канатной фабрики купца Ф.Я. Буссе (ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 2857. Л. 1–4)

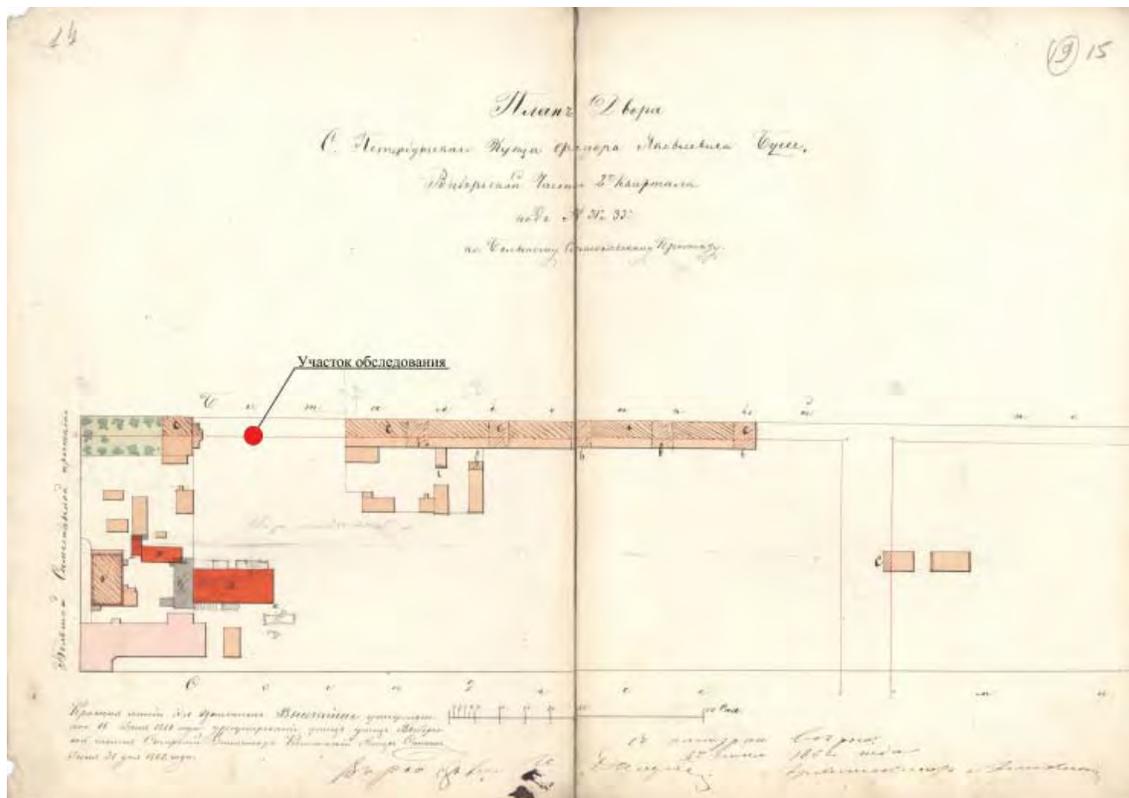

Рис. 4. Нейшлотский 2018–2019. Проект постройки летом 1862 г. нескольких каменных корпусов на участке купца Ф.Я. Буссе (ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 2857. Л. 14, 15)

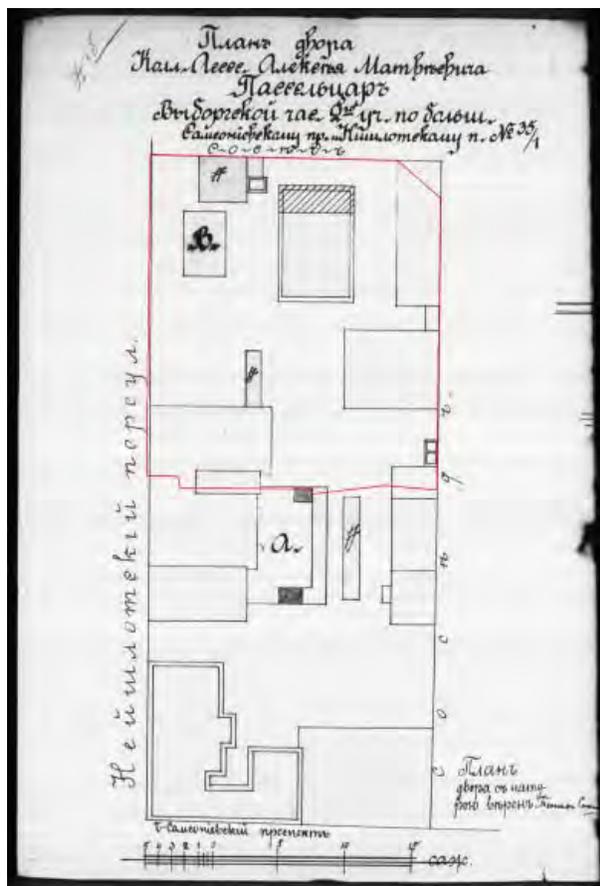

Рис. 5. Нейшлотский 2018–2019. План двора А. М. Пассельцара (1899) после завершения строительства здания гимназии в Нейшлотском переулке (ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 2731. Л. 4)

на Большом Сампсониевском проспекте, основное здание которой выходило фасадом на Нейшлотский пер., была переименована в Петроградскую женскую гимназию. После революции на ее основе создана 160-я единая трудовая школа. В 1928 г. школу расформировали и на ее основе создали детский сад, или, как тогда говорили, «детский очаг». Адрес детского дошкольного заведения: Большой Сампсониевский проспект, д. 33/1. В 1938 г. был построен двухэтажный кирпичный корпус детского сада, повторявший как размеры, так и этажность прежней деревянной постройки. Возведен он был по типовому проекту, разработанному архитектурским коллективом треста «Ленпроект» в составе Л. Е. Асс и А. С. Гинцберг. В 1940 г. детский сад в Нейшлотском пер. числился под номером № 5. Адрес построенного в 1938 г. детского сада, вероятно, по традиции оставался в довоенное время прежним: пр. Карла Маркса, д. 33/1. В послевоенное время и вплоть до своего закрытия в 1990-х гг. ведомственный детский сад завода «Русский дизель» в Нейшлотском пер., д. 3

носил № 13 (рис. 6). После расформирования детского сада здание было занято коммерческими структурами.

Археологические исследования на Выборгской стороне проводились начиная с 1970-х гг. Практически все исследования 1970–1980-х гг. были связаны с перепланировкой участка, расположенного между Сампсониевским собором и фабрикой-кухней Выборгского района. Благодаря первым археологическим работам, проведенным силами Ленинградского государственного университета, сотрудников Государственного Эрмитажа и Музея города в тесном сотрудничестве с реставраторами (Г. С. Лебедев, В. Д. Денисов, В. С. Воинов), были получены интересные результаты: определен план первоначальной Сампсониевской церкви. В процессе работ были открыты погребения, совершенные в могильных ямах и кирпичных склепах. Коллекция могильных плит датировалась по надписям от 1720-х до 1760-х гг. Часть плит из раскопок хранится в лапидарии собора (Лебедев и др., 1975. С. 40–42).

В 2008 г. в связи с юбилейными торжествами, посвященными 300-летней годовщине Полтавской битвы, на территории, прилегающей к Сампсониевскому собору, были проведены работы по реставрации фасадов, укреплению пилонов несущих столбов галереи, а также гидроизоляции фундамента. На наблюдении за земляными работами, включавшими выемку грунта на пятиметровом пространстве от стен по всему периметру собора, работали С. Ю. Каргопольцев, М. Ю. Каргопольцев и В. Н. Седых. У восточной стены собора ими была зафиксирована целиком сохранившаяся могильная плита середины XVIII в. (Каргопольцев и др., 2009. С. 167).

Рис. 6. Нейшлотский 2018–2019. Здание детского сада № 13. Фото 2015 г.
(URL: <https://www.citywalls.ru/house6087.html>)

В марте 2023 г. сотрудниками Центра спасательной археологии ИИМК РАН заложено два шурфа вблизи дома по адресу: Нейшлотский пер., д. 3. По результатам разведки установлена восточная граница Сампсониевского кладбища (Бажин и др., 2023. С. 11, 12).

Археологические исследования 2018–2019 гг.

Археологические раскопки на участке проектируемого строительства были начаты в июле и продолжались до декабря 2018 г. Раскоп был заложен на территории вокруг здания бывшего детского сада, не затрагивая въезд на участок с Нейшлотского пер. Участок пересекали действующие линии электро-, водо- и теплоснабжения. На этом этапе работ, по требованиям техники безопасности, погребения, располагавшиеся под фундаментом здания детского сада, фундаментом капитального кирпичного забора (граница участка обследования), под бетонными футлярами действующей теплотрассы, не исследовались (рис. 7–9). В 2019 г. заказчиком работ был проведен снос здания детского сада, кирпичного забора и частично извлечены подземные коммуникации электроводоснабжения и водоотведения. Раскопы были заложены вдоль фундамента и под открытыми террасами снесенного здания детского сада, на месте демонтированной теплотрассы и капитального кирпичного забора (рис. 7–9). При раскопках выяснилось, что мощность культурных напластований превышает 3 м и отражает практически всю историю Санкт-Петербурга от основания до современности.

Первоначальный период освоения участка, исследованного при раскопках, связан с функционированием на нем кладбища. Большая плотность расположения могил, свидетельствует об интенсивном использовании участка и продолжительном сроке функционирования кладбища. Закрытие кладбища стратиграфически связано со слоем темно-коричневой супеси толщиной 0,40 м, который, по всей видимости, представлял санитарную засыпку территории закрытого кладбища в конце XVIII в. Далее в течение 30–40 лет после закрытия кладбища на поверхности темно-коричневой супеси появляется прослойка гумуса. Хозяйственное освоение участка начинается в конце XVIII – начале XIX в., когда на участке возводится здание канатной фабрики А. Лоренца, следы которой остались в виде опорных деревянных столбов. С перестройкой канатной фабрики Федором Буссе, по всей видимости, связана система столбов, сложенных из бутового камня. Следующий этап использования участка относится ко второй половине XIX в. и рубежу

XIX–XX вв., когда земля под снесенной канатной фабрикой была передана новым владельцам. В этот период на участке разворачивается активная строительная деятельность: площадь подсыпается серо-коричневой супесью мощностью 0,45 м, в дальнейшем поверхность, не занятую строениями, замостили камнем либо засыпали битым кирпичом. На участке появилась дренажная система, состоящая из деревянных труб, изготовленных из досок, и деревянных смотровых колодцев. В границах раскопа зафиксировано две линии деревянных труб с шестью колодцами-отстойниками, пересекающими раскоп по линии запад–восток (рис. 7; 8). В юго-восточной и северо-западной частях территории обследования обнаружены фундаменты из бутового камня, относящиеся к зданиям конца XIX в. (рис. 7; 8). В процессе работ открыты заглубленные остатки деревянных сооружений. В юго-западной части расчищен деревянный настил, засыпанный строительным мусором после разрушения деревянного строения, рядом с настилом располагалась выгребная яма и ледник. С деревянными строениями связаны кирпичные фундаменты двух печей, открытые в юго-западной и юго-восточной половинах участка. По составу находок сооружения датируются рубежом XIX–XX вв. О масштабах хозяйственной деятельности в этот период также свидетельствуют две ямы для гашения извести, 79 столбовых и 81 хозяйственная яма (рис. 7).

Следующий этап хозяйственного освоения участка приходится на 30-е гг. XX в., когда вместо снесенных строений было построено здание детского сада, простоявшее до 2019 г. Новое строительство также сопровождалось подсыпкой территории слоем серой супеси со строительным мусором, мощность которого достигала 1,40 м. Хозяйственная деятельность в этот период была связана с детским садом: всего открыто 22 хозяйственные и столбовые ямы середины XX в. Ко времени Великой Отечественной войны относилась траншея с укрепленными досками дном и стенками, заполненная после войны бытовым мусором. Позднее вокруг здания детского сада были проложены многочисленные коммуникации для горячей и холодной воды, отопления, канализации и электроснабжения (расчищено 13 траншей). В северо-западной части раскопа обнаружена вентиляционная шахта бомбоубежища, расположенного в подвале соседнего дома (рис. 7; 8). После превращения детского сада в бизнес-центр в начале 2000-х гг. было проведено благоустройство всей территории, ее поверхность была выровнена, подсыпана песком толщиной до 0,40 м, со стороны фасада отсыпан плодородный слой и устроен

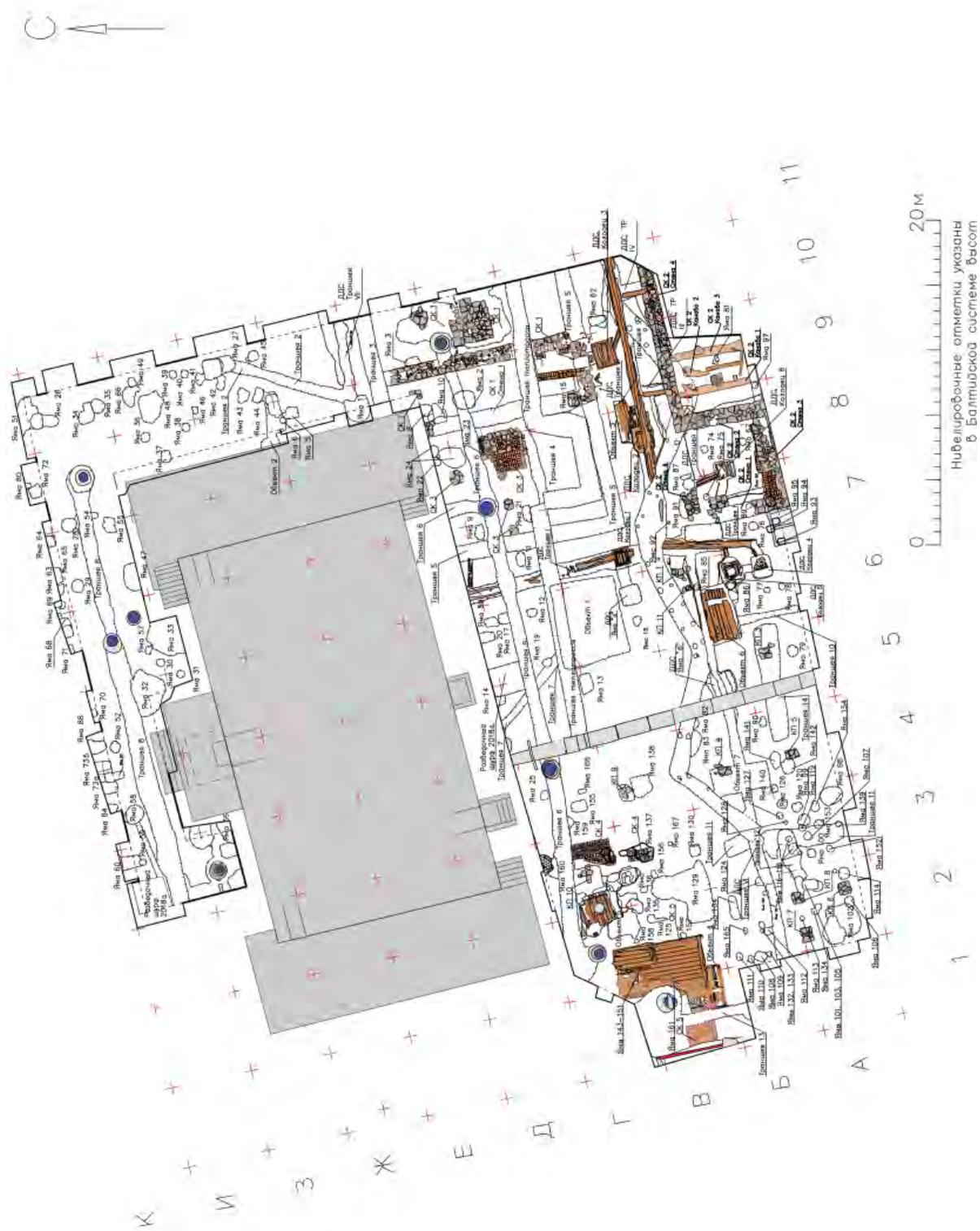

Рис. 7. Нейшлотский 2018–2019. План выявленных объектов по итогам работ 2018 г.

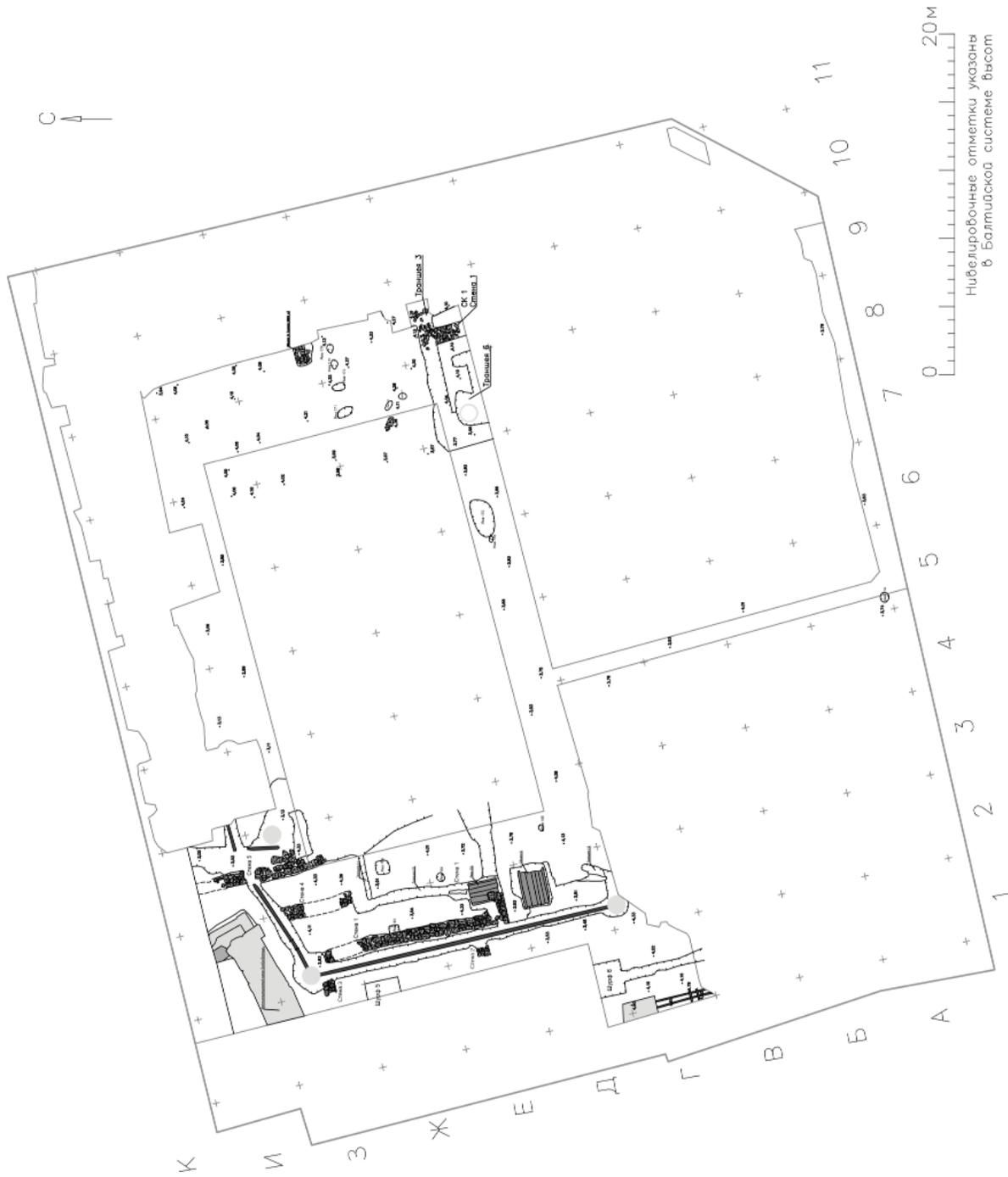

Рис. 8. Неилюцкий 2018–2019. План выявленных объектов по итогам работ 2019 г.

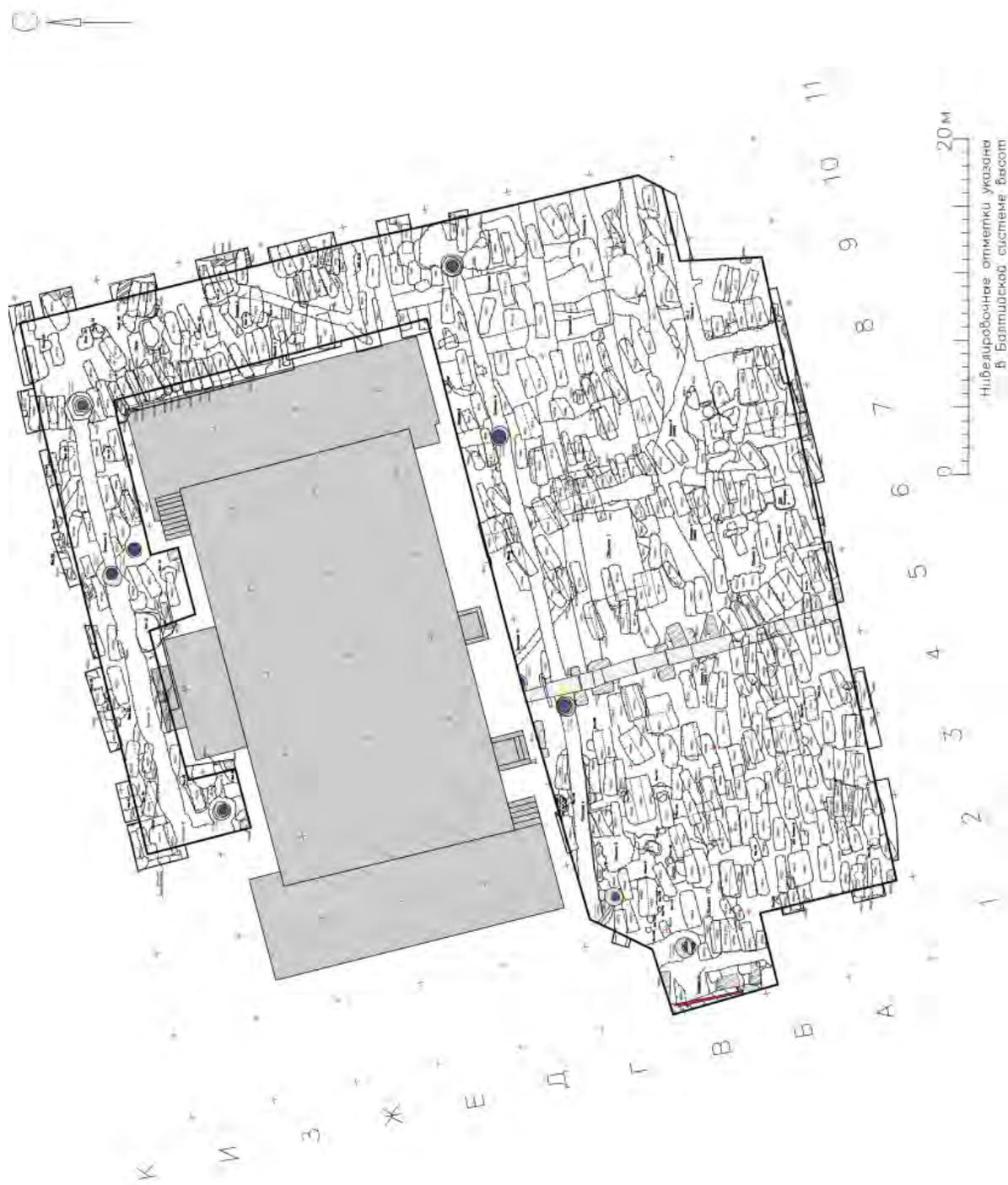

Рис. 9. Нейшлотский 2018–2019. План исследованных погребений по итогам работ 2018 г.

газон, а во внутреннем дворе тротуарной плиткой выложена автомобильная парковка.

Большинство из выявленных объектов – ямы, траншеи и фундаменты, прорезавшие культурный слой до материка, – в разной степени разрушали погребения кладбища XVIII в. В ходе раскопок 2018–2019 гг. открыто 746 погребений (рис. 9; 10), расположенных очень плотно. Следует отметить отсутствие какой-либо планировки кладбища, дорожек между могилами или определенного расстояния между могильными ямами. Нередко более поздние могильные ямы прорезали или перекрывали ранние. Между тем отмечены ряды из 3–7 могильных ям, вырытых, по всей видимости, одновременно на минимальном расстоянии друг от друга (расстояние между стенками могил подчас составляло лишь несколько сантиметров). Плотность расположения могильных ям хорошо видна на стратиграфическом разрезе, сделанном вдоль террасы здания детского сада (рис. 11).

Все захоронения совершены по обряду трупоположения в могильных ямах, сходных размеров (рис. 9; 10), ориентированных длинной осью по линии запад–восток с небольшим отклонением к югу. Для индивидуальных захоронений размеры могильной ямы составляли: длина 1,80–2,30 м, ширина 0,50–0,65 м. У коллективных погребений длина могильной ямы не менялась, а в ширину на каждого погребенного отводилось 0,50–0,60 м. Глубину могильных ям в большинстве случаев определить невозможно, так как верхние части ям были уничтожены позднейшей строительной деятельностью. На сохранившихся участках максимальная глубина составляла около 1,50 м, а в среднем 0,60–0,70 м. По всей видимости, на глубину могильных ям влиял уровень залегания грунтовых вод, который менялся в зависимости от времени года. Стенки могильных ям вертикальные, дно плоское, изредка с небольшим уклоном. В юго-западной части раскопа, где уровень грунтовых вод был выше, на дне могильных ям отмечены истлевшие еловые ветви. Большинство погребений совершено в деревянных гробах, изготовленных из досок толщиной 0,02–0,25 м (в единичных случаях до 0,05 м). Гробы имели длину до 0,50 м для младенцев, 1,50–2,00 м для взрослых. Конструктивно гроб представлял собой прямоугольный деревянный ящик с плоской крышкой, изготовленной из двух или трех досок с двумя поперечными перекладинами. Крышка крепилась к гробу с помощью 2–4 кованых гвоздей. В единичных случаях встречены украшения гроба в виде плетеных кистей, а в погребении № 214 в конструкции дна гроба прослежены

шесть невысоких ножек. В 17 погребениях костяки располагались без гробов, в ряде случаев на костях зафиксированы фрагменты ткани грубого плетения – рогожи.

Основная масса захоронений индивидуальные, но также обнаружено 35 коллективных погребений. В 28 случаях в одной могильной яме размещалось два гроба, а в 27 могилах гробы устанавливались на одном уровне, бок о бок; в одном погребении в могиле один гроб помещен поверх другого. В двух случаях в могильной яме располагалось три гроба. К коллективным захоронениям относятся три погребения, когда в одном гробу находилось по два индивида. Также обнаружены коллективные погребения без гробов: два захоронения с пятью костяками, одно с четырьмя умершими и два с двумя. В процессе работ найдены отдельно лежащие кости человека, происходившие из разрушенных погребений, получившие наименование скопления костей. В двух случаях кости человека были перезахоронены «пакетом» в небольших ямах, в 18 скоплениях кости найдены разрозненно в заполнении поздних траншей и ям на площади от 0,20 до 1,53 кв. м.

Все погребенные лежали вытянуто на спине, череп покоился на затылочной кости, с завалом влево или вправо. Кости рук согнуты в локтях, отмечено три основных положения: кости плечей и предплечий расположены под углом около 90°, а кисти рук – у локтевых суставов противоположной руки; кости плечей и предплечий лежат под острым углом; кости предплечий перекрещиваются на груди, кости рук лежат на ребрах погребенных; кости рук согнуты под тупым углом; кости рук покоились на костях таза или бедренных костях. Ноги погребенных в большинстве погребений втянуты параллельно друг другу, реже согнуты под тупым углом.

Головы погребенных располагались, по всей видимости, на подушках. До нас дошла подушка, сохранившаяся благодаря высокому уровню грунтовых вод в погребении № 456, размерами 0,28 × 0,24 м, сплетенная из лыка и набитая истлевающим сеном (?). В погребениях № 71 и 341 (рис. 12), № 640 под черепом погребенных найдены кирпичи, которые, вероятно, заменяли подушку. В погребении № 143 у черепа погребенного лежал уплощенный по форме камень размерами 0,10 × 0,15 м.

В процессе работ встречены захоронения с теми или иными особенностями. Так в погребении № 62 на дне гроба в анатомическом порядке

Рис. 12. Нейшлотский 2018–2019. Погребение № 341.
Вид с севера

Рис. 14. Нейшлотский 2018–2019. Погребение № 434.
Вид с севера

у южной стены располагалась кости ноги, включая кости стопы, в северо-восточной половине гроба в анатомическом порядке располагался позвоночник, ребра, лопатки и грудина, длинные кости рук и кости второй ноги, включая кости таза, фрагменты черепа располагались в юго-западной половине гроба. Вероятно, тело погребенного было расчленено до того, как мягкие ткани разложились (рис. 13). В погребении № 434 в гробу обнаружены кости неполных скелетов как минимум трех индивидов: три правые и одна левая бедренная кости, две левые и одна правая плечевые кости, фрагменты костей предплечья, фрагменты лопаток, ключиц и ребер (рис. 14). Возможно, это погребения казненных. В данной связи следует отметить погребение № 566, в гробу которого отсутствовал человеческий скелет. Вместо него лежали семь досок толщиной 0,25 м и длиной 1,45 м. В западной половине гроба найден нательный крест из цветного металла (рис. 15).

Рис. 15. Нейшлотский 2018–2019. Погребение № 566.
Вид с севера

Половозрастной состав погребенных определен А. А. Казарницким (Отдел антропологии МАЭ РАН)

Рис. 13. Нейшлотский 2018–2019. Погребение № 62.
Вид с севера

(Филиппенко, 2023. Т. 4. С. 26–55). Всего по итогам раскопок 2018–2019 гг. изучены кости 746 человек, из которых 653 происходят из отдельных (преимущественно индивидуальных) погребений, и 93 индивида – из скопления костей, ям, траншей и прирезок. Кости 98 человек из-за плохой сохранности определению не подлежали. Сохранность скелетов чрезвычайно плохая: для 154 скелетов не удалось идентифицировать ни возраст человека на момент смерти, ни его половую принадлежность по причине полного отсутствия соответствующих морфологических маркеров либо недостаточного их количества. Для 38 скелетов определен только пол, для 162 скелетов – только биологический возраст, одновременно обе характеристики установлены для 236 скелетов (рис. 16). Мужских костяков 198, из них наиболее представительная группа возрастом 45–55 лет (69 погребенных), следующая группа в возрасте 35–45 лет (54 погребенных), в возрасте старше 55 лет 21 погребенный, в возрасте 25–35 лет 16 погребенных, в возрасте 15–18 лет два погребенных. У 36 костяков взрослых мужчин не удалось определить возраст.

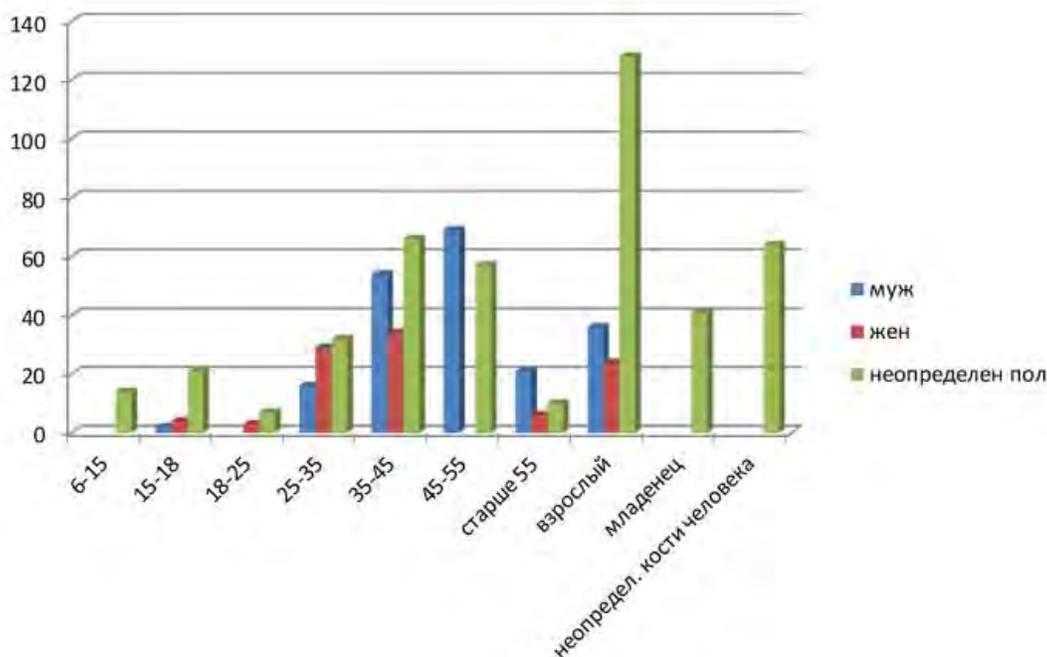

Рис. 16. Нейшлотский 2018–2019. Половозрастной состав человеческих костных останков

Женских костяков всего 100, из них самая представительная возрастная группа 35–45 лет (34 погребенных), 29 погребенных в возрасте 25–35 лет, шесть погребенных в возрасте старше 55 лет, четыре погребенных в возрасте 15–18 лет, три погребенных в возрасте 18–25 лет. У 24 костяков взрослых женщин не удалось определить возраст.

Отдельная возрастная группа – дети в возрасте до 3 лет. Всего обнаружено 41 погребение, из которых только восемь определимы. 33 погребения из-за плохой сохранности включены в эту группу по сопутствующим признакам, таким как размер могильной ямы и гроба. В четырех случаях захоронение младенцев происходило в одной яме с взрослым человеком.

Группа костяков с неопределимыми половыми признаками включает 207 индивидов, из них 66 погребенных в возрасте 35–45 лет, 57 погребенных в возрасте 45–55 лет, 32 погребенных в возрасте 25–35 лет, 21 погребенный в возрасте 15–18 лет, 14 погребенных в возрасте 6–15 лет, 10 погребенных в возрасте старше 55 лет, семь погребенных в возрасте 18–25 лет, у 128 взрослых людей не удалось определить возраст. Полностью неопределяемые кости человеческого скелета найдены в 64 погребениях.

Таким образом, на обследованном участке Сампсониевского кладбища похоронены в основном люди в возрасте от 25 до 45 лет, наличие всех полов и возрастных групп указывает на статус общего городского кладбища. Мужчин (с поправкой на большое количество погребений с неопределяемым полом) почти в два раза больше чем женщин, обращает на себя внимание небольшое количество индивидов до 18 лет и старше 55 лет. Полученная выборка вполне совпадает с описанием населения Санкт-Петербурга в первые десятилетия с его основания (рис. 16).

Сопровождающий инвентарь согласно христианской традиции в погребениях отсутствовал. Поэтому в большинстве погребений единственными находками были кресты-тельники. Однако зафиксированы редкие находки пуговиц, фрагментов ткани, кожаной обуви. В составе находок из погребений особо следует отметить монеты и миниатюрный стеклянный сосудик.

В могилах найдены 24 пуговицы, из которых семь – это пуговицы-гирьки, изготовленные из цветного металла (рис. 17: 1–9). Одна или две пуговицы-гирьки встречались у ключиц, лопаток, ребер и челюсти погребенных. Подобные пуговицы имеют широкую датировку и помимо прямого

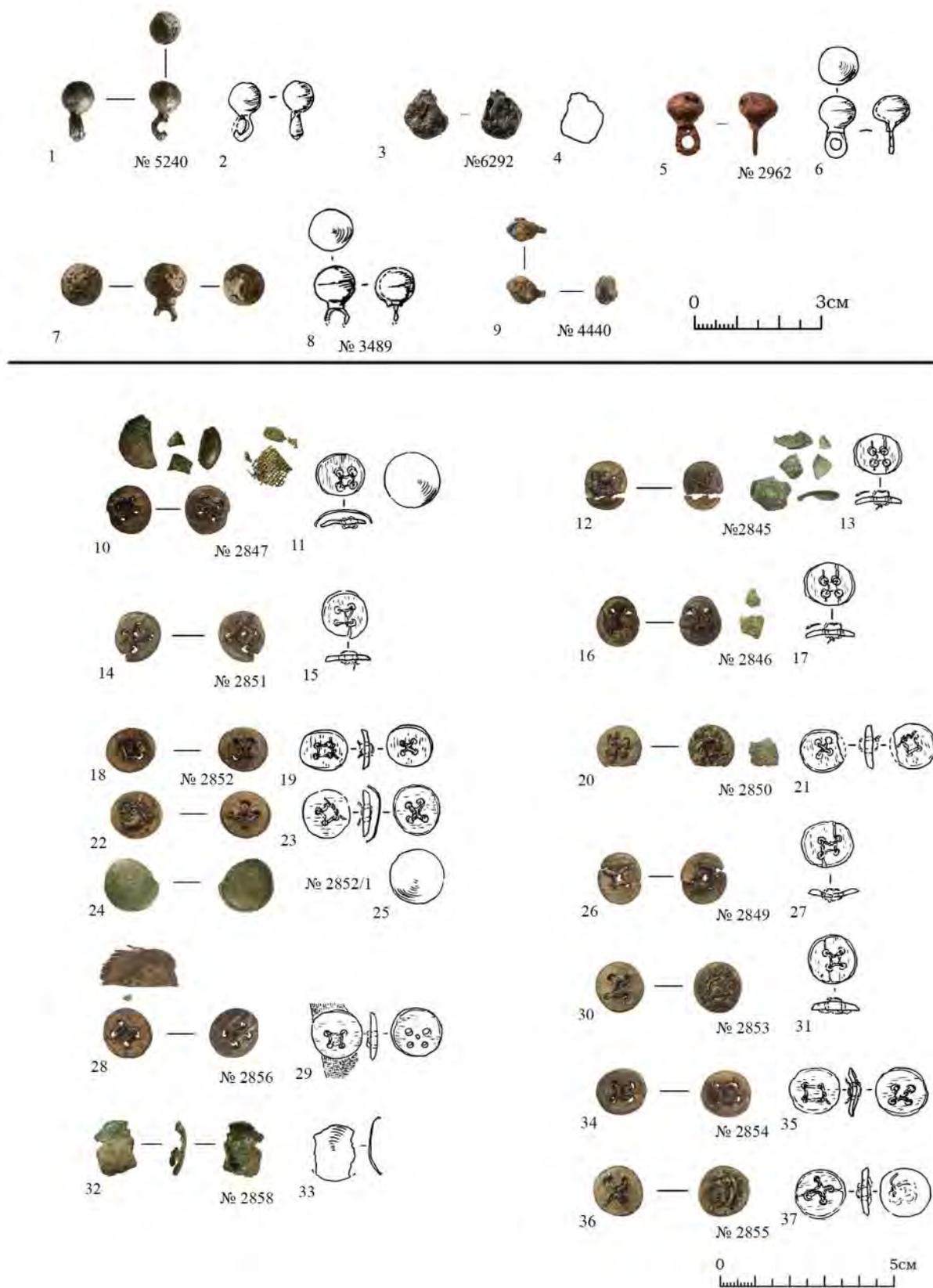

Рис. 17. Нейшлотский 2018–2019. Археологические находки: 1–9 – пуговицы-гирьки из цветного металла; 10–37 – пуговицы из погребения № 242 (дерево, цветной металл, ткань)

назначения служили украшением крестьянской одежды. Четырнадцать пуговиц найдено в погребении № 242 (рис. 17: 10–37; 18: 1–7). Ряд пуговиц располагался вдоль позвоночника погребенного (рис. 19). Основание у пуговиц деревянное, плоское, круглой формы с четырьмя отверстиями по центру. Лицевая часть пуговицы представляла собой выпуклую бронзовую пластину, завальцованную вокруг деревянного основания. В отверстиях пуговиц сохранились шерстяные нити, которыми они крепились к одежде. Одна из пуговиц похожей формы и размера была целиком отлита из медного сплава и вместо отверстий имела круглое ушко. Сохранились небольшие фрагменты одежды, к которым были пришиты пуговицы, – это планка суконной ткани с часто посаженными петлями. Края петель тщательно обметаны тонкой шерстяной нитью. По всей видимости, погребенный был одет в длиннополую одежду из сукна (кафтан?). Фрагмент одежды из сукна найден в сильно разрушенном погребении № 72, где у бедренной кости погребенного сохранился небольшой лоскут сукна с близко расположенными в ряд пуговицами из медного сплава (рис. 20: 1–7).

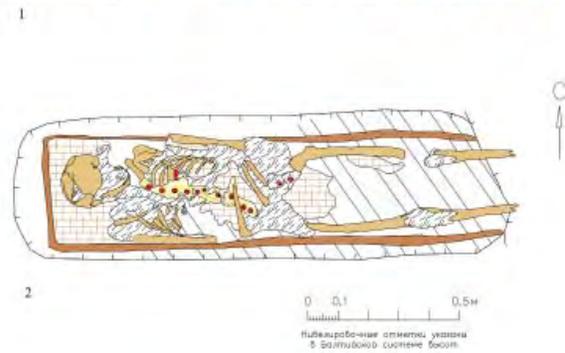

Рис. 19. Нейшлотский 2018–2019. Погребение № 242

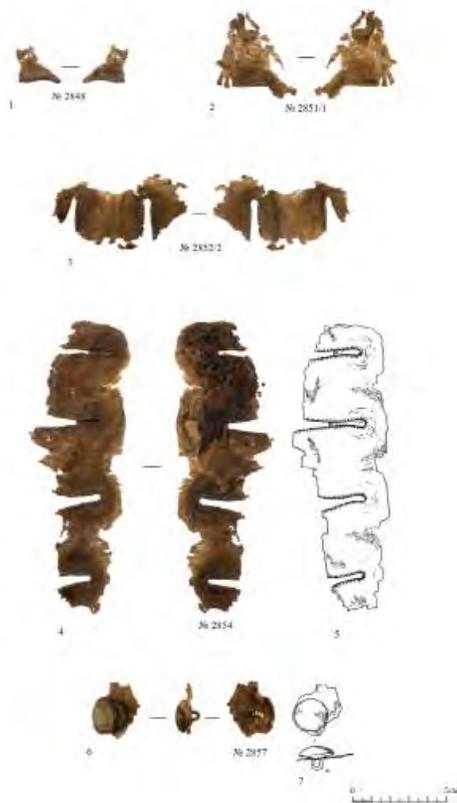

Рис. 18. Нейшлотский 2018–2019. Погребение № 242. Археологические находки: 1–7 – фрагменты одежды с пуговицей из цветного металла

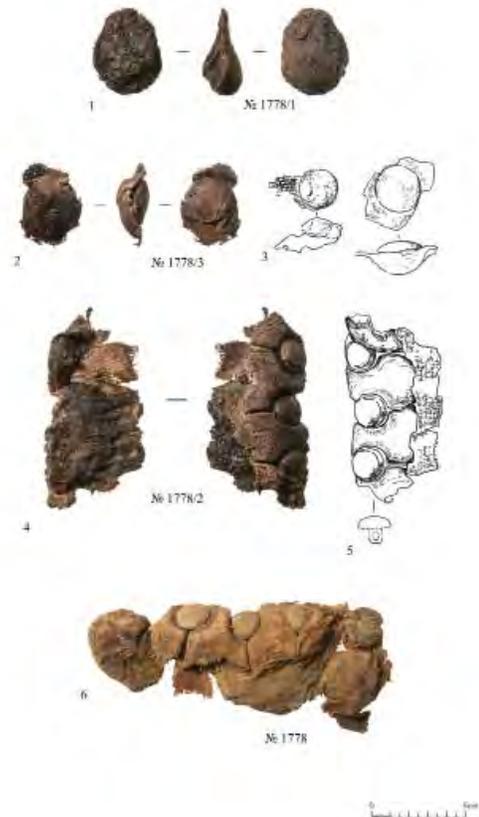

Рис. 20. Нейшлотский 2018–2019. Погребение № 72. Археологические находки: 1–7 – фрагменты одежды с пуговицами из цветного металла

Фрагменты кожаной обуви найдены в погребениях № 456 и 562. Все они относились к невысокой обуви простого фасона (рис. 21: 1, 2).

Изделия из стекла представлены небольшим флакончиком и бусиной. Стеклянный сосуд найден в погребении № 103 у черепа погребенного (рис. 21: 3). В погребении № 102 обнаружена стеклянная бочковидная бусина из прозрачного синего стекла со сквозным отверстием, с проволокой из медного сплава, лежавшая у нижней челюсти погребенного на одной линии с двумя пуговицами-гирьками и, по всей видимости, служила украшением одежды (рис. 21: 4).

Монеты найдены в двух погребениях. Погребение № 200 совершено без гроба. На дне могилы отмечен тлен ткани грубого плетения. У левой бедренной кости взрослого человека в фрагменте истлевшей ткани найдена сильно коррозированная монета медного сплава – ден(б)га 1700–1718 гг., рядом в скоплении найдены четыре серебряные монеты-чешуйки (рис. 22: 2–6). В погребении № 37 на дне гроба фрагментарно сохранился скелет мужчины в возрасте 45–55 лет. У его правой плечевой кости

Рис. 21. Нейшлотский 2018–2019. Археологические находки: 1, 2 – фрагменты кожаной обуви; 3 – стеклянный сосуд; 4 – стеклянная бусина

Рис. 22. Нейшлотский 2018–2019. Археологические находки: 1–6 – монеты

найдена серебряная монета «чешуйка» (рис. 22: 1). Монеты определены К.В. Горловым (ИИМК РАН) (табл. 1). Найденные монеты отчеканены в период с 1678 по 1718 г., что позволяет датировать погребения первой четвертью XVIII в. Вероятно, монеты оказались в погребении вследствие несоблюдения погребального обряда, в частности требования обмывания и переодевания умершего. Можно предположить, что погребенные были похоронены в той же одежде, в которой умерли.

Нательные кресты являлись наиболее распространенной находкой в погребениях. Всего найдено 226 бронзовых крестов-тельников. Десять крестов обнаружено в культурных напластованиях, которые с большой вероятностью происходят из разрушенных захоронений. Обычно кресты располагались в районе грудной клетки погребенного в разных местах (под нижней челюстью, у ключицы, на груди или у лопаток). В младенческих погребениях нательные кресты находились в центре гроба. Сохранность крестов плохая, 24 нательных креста не поддаются определению.

Стилистически нательные кресты делятся на восемь групп. Их классификация, построенная на материалах Российского этнографического музея, приводится у А.Б. Островского (2007). Еще одна классификация крестов-тельников XVII в. предложена Э.П. Винокуровой (1999).

Первая самая многочисленная группа (143 экз.) – тип III-1, 1-Б по А.Б. Островскому (рис. 23–30): прямоконечные, без обрамляющих выступов, без заполнения углов средокрестия, без расширения полупланок; на лицевой стороне изображен крест (Островский, 2007. С. 64, рис. 41, 168, № 29–31). По Э.П. Винокуровой (1999. С. 333, 334, рис. 7), это тип I, подтип I: концы прямые, углы прямые, простая форма, на лицевой стороне в центральной части изображения Голгофский крест. Датируются XVIII в.

Табл. 1. Монеты (определение К. В. Горлова, ИИМК РАН)

№	Эмитент	Номинал	Дата чеканки	Место чеканки / дифферент	Метал	Гурт / вес, г	Тип	№ п.о.
1	Русское Царство / Петр I	Копейка	CS / 1698	Москва. Старый денежный двор	Серебро	0,160	1242	Нейш3А-2018 № 1169, погр. № 37
2	Русское Царство / Федор Алексеевич	Копейка	1676–1680	Москва / о/М	Серебро	0,410	1022	Нейш3А-2018 № 2876, погр. № 200
3	Русское Царство / Петр I	Копейка	АЩΘ 1709	Москва. Кадашевский денежный двор	Серебро	0,150	1797	Нейш3А-2018 № 2875, погр. № 200
4	Русское Царство / Петр I	Копейка	АЩΑΙ 1711	Москва. Кадашевский денежный двор	Серебро	0,135	1835	Нейш3А-2018 № 2876/1, погр. № 200
5	Русское Царство / Петр I	Копейка	ΨSI 1716	Москва. Красный (Старый) денежный двор	Серебро	0,240	1416	Нейш3А-2018 № 2876/2, погр. № 200
6	Русское Царство / Петр I	Денга	1700–1718	Москва. Набережный двор	Медь	Гладкий	У-?	Нейш3А-2018 № 2926, погр. № 200

Вторая группа (17 экз.) – тип III-3, 1-Б по А.Б. Островскому (рис. 31) (Островский, 2007. С. 197, 198, № 122, 123; 75, 76, рис. 57, 58): прямоконечные, с заполнением углов и без обрамляющих выступов, в углах геометрический элемент (луч, луч на дуге). По Э.П. Винокуровой (1999 С. 336, 337, рис. 10), это тип I подтип 3: лучи на средокрестии, восьмиконечный Голгофский крест с тростью и копьем, могила Адама в виде пещеры с горками, в полости череп, надписи на квадратных щитках, оборот гладкий, орнаментированный либо с надписью молитвы. Датируются XVIII – началом XIX вв.

Третья группа (30 экз.) – тип III-2, 2-Б по А.Б. Островскому (рис. 32; 33): прямоконечные, без обрамляющих выступов, с заполнением углов средокрестия геометрическим элементом (луч, луч на дуге), с изображением Голгофского креста (Островский, 2007. С. 199–202, № 126–130, 133; С. 77–82, рис. 59–64). По Э. П. Винокуровой (1999, С. 336–338, рис. 11, 12), это тип I подтип 4, варианты 1, 2: волюты на средокрестии, ушко широкое петлеобразное с крестиком в ромбе на лицевой стороне, углы средокрестия покрыты декоративными волютами, образующими ромб вокруг пересечения ветвей креста. Восьмиконечный

Голгофский крест на подставке с тростью и копьем над могилой Адама с черепом внутри. Могила Адама изображена схематично в виде трапециевидной фигуры. Вокруг средокрестия Голгофского креста четырехлепестковая розетка, составленная из полукружков. На концах ветвей щитки с надписями; в варианте 1 лучи на волютах; в варианте 2 шарики на волютах. Датируются XVIII в.

Четвертая группа (3 экз.) – тип III-2–3, 1-А по А.Б. Островскому (рис. 34: 1–3): прямоконечные, без заполнения углов креста, с единым обрамлением растительного орнамента вокруг креста, в ряде случаев крест и охватывающее его обрамление представляют собой единую пластину (единая отливка). Форма в целом лопаткообразная, отсюда встречающееся название «лопатка». Это девичьи крестильные крестики (Островский, 2007. С. 193, № 108, 111; С. 72, рис. 52, 53). По Э.П. Винокуровой (1999, С. 340, 341, рис. 17), это тип V – крест листовидный (копьевидный). Ушко массивное, кольцевидное или объемное в виде бусины с перехватом или рюмкой у основания и с «пирамидкой» сверху. Концы и углы средокрестия, ствол креста заполнены орнаментальными завитками, что и придает кресту оригинальную форму листа (или

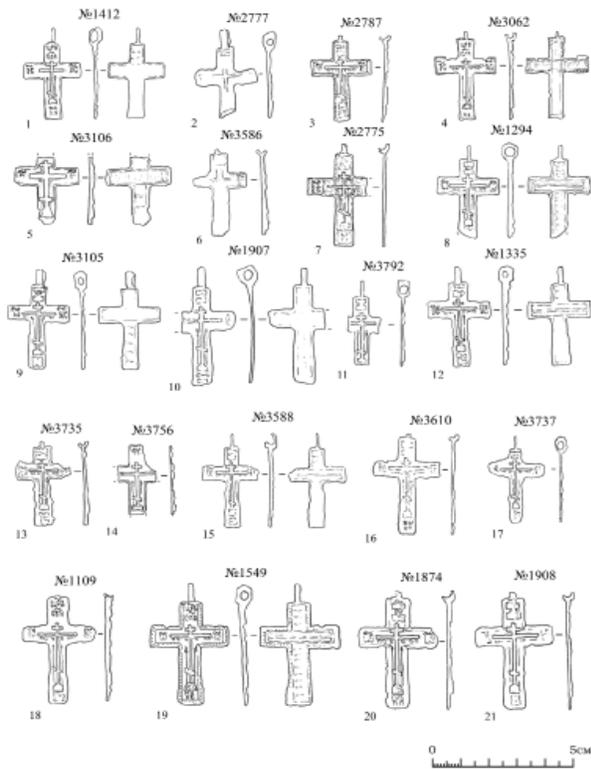

Рис. 23. Нейшлотский 2018–2019. Кресты-тельники типа III-1, 1-Б

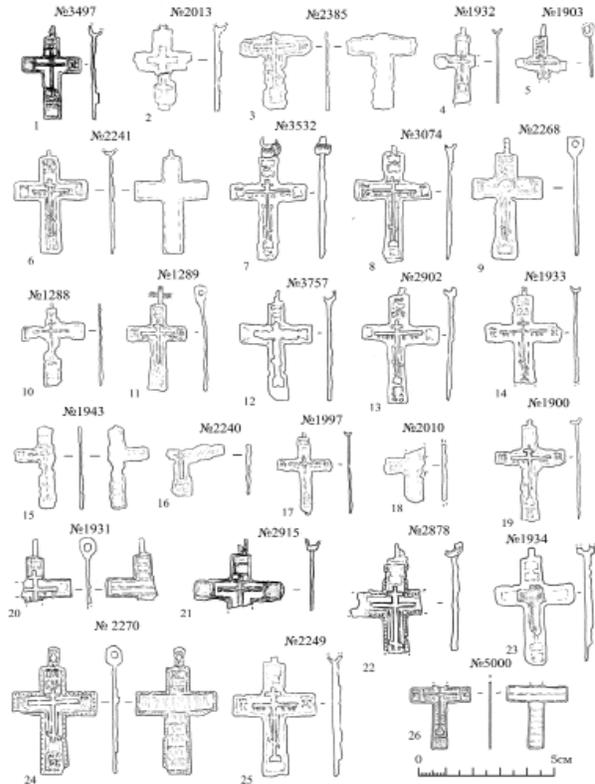

Рис. 25. Нейшлотский 2018–2019. Кресты-тельники типа III-1, 1-Б

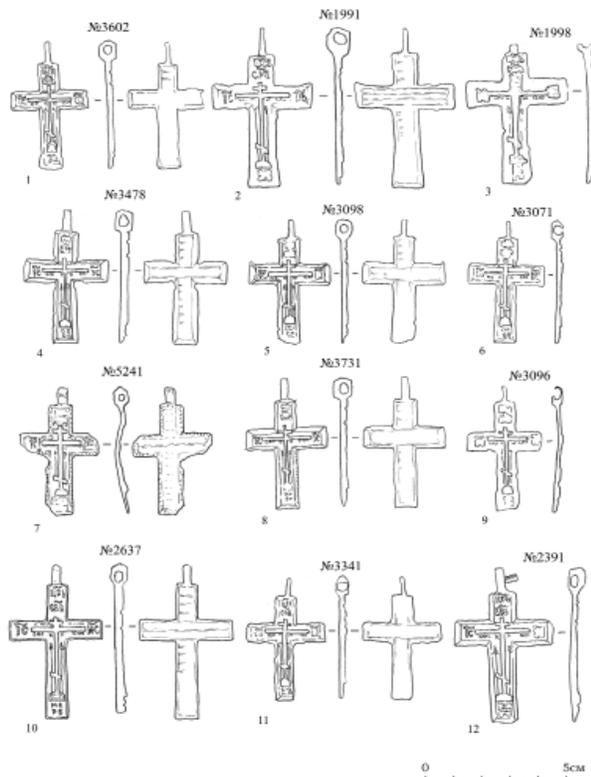

Рис. 24. Нейшлотский 2018–2019. Кресты-тельники типа III-1, 1-Б

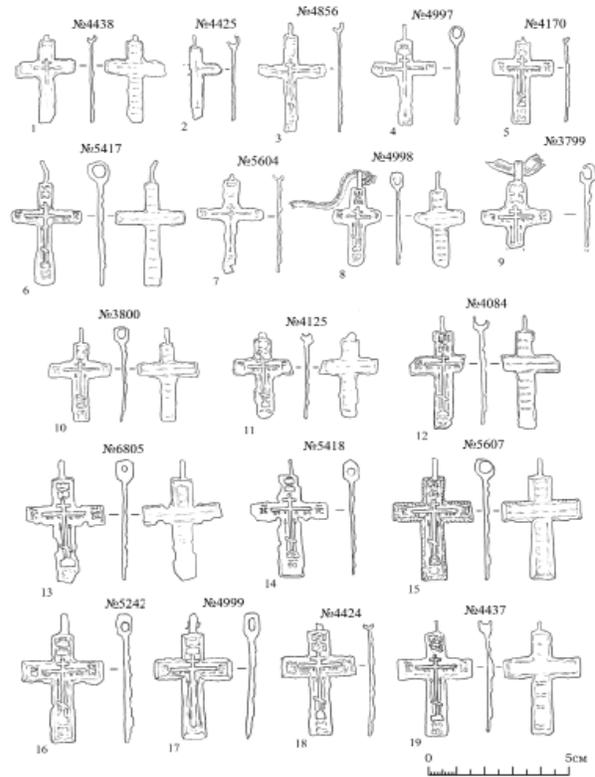

Рис. 26. Нейшлотский 2018–2019. Кресты-тельники типа III-1, 1-Б

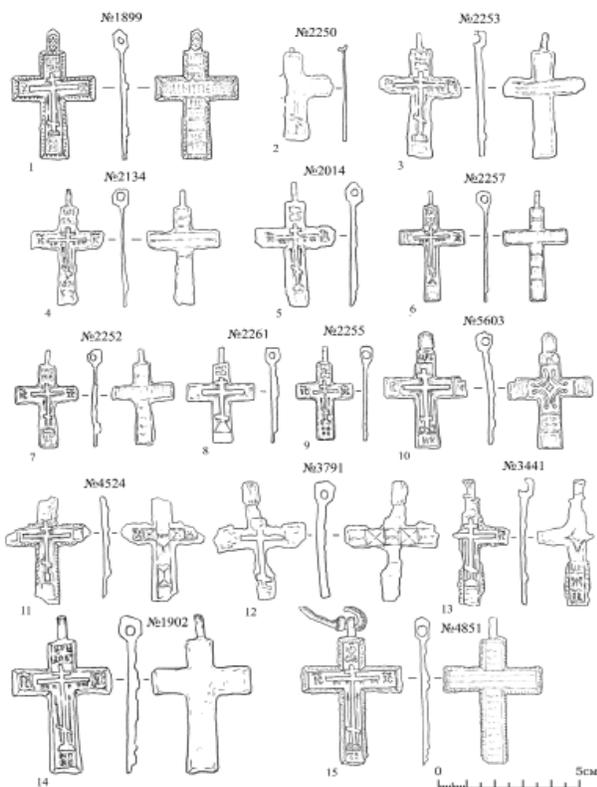

Рис. 27. Нейшлотский 2018–2019. Кресты-тельники типа III-1, 1-Б

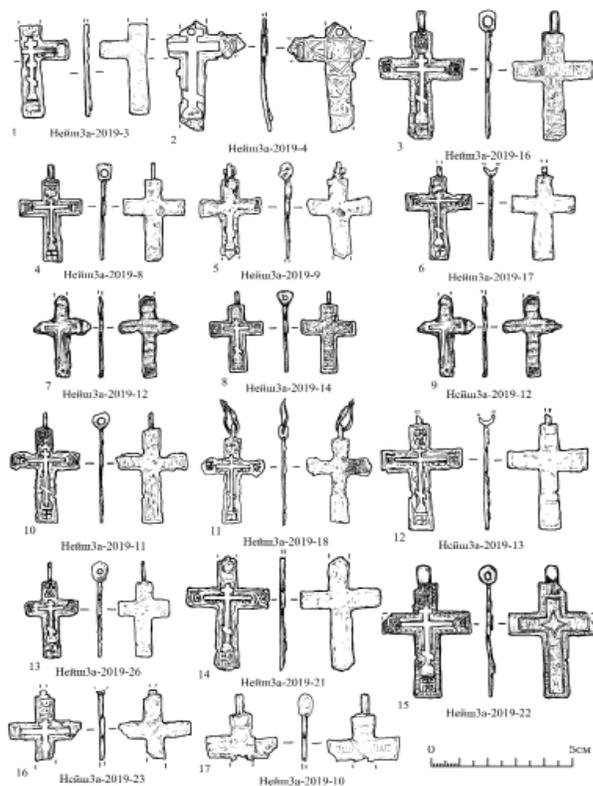

Рис. 29. Нейшлотский 2018–2019. Кресты-тельники типа III-1, 1-Б

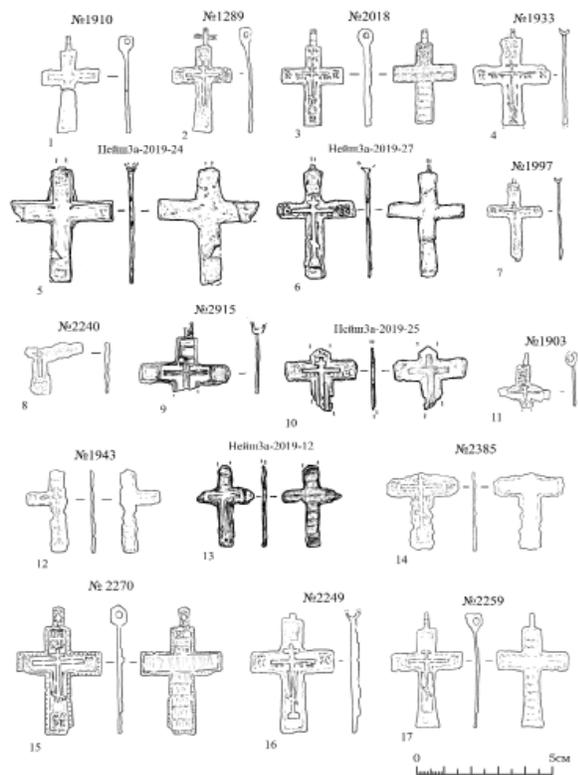

Рис. 28. Нейшлотский 2018–2019. Кресты-тельники типа III-1, 1-Б

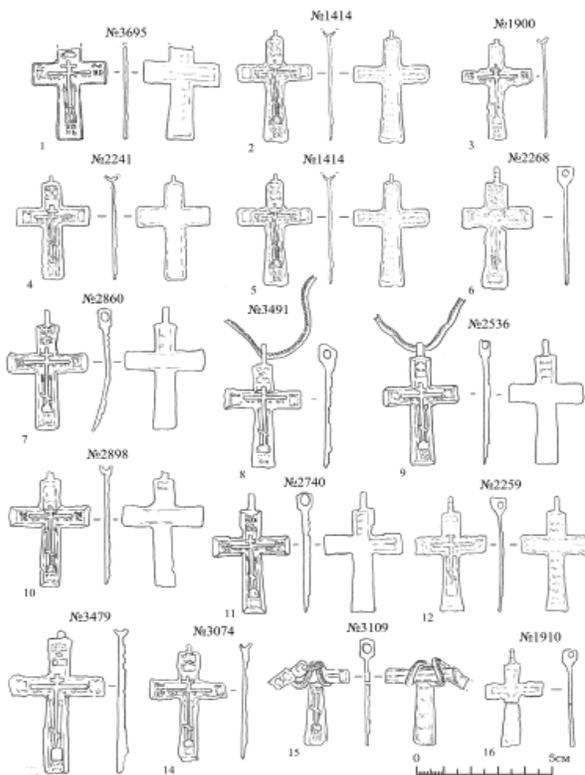

Рис. 30. Нейшлотский 2018–2019. Кресты-тельники типа III-1, 1-Б

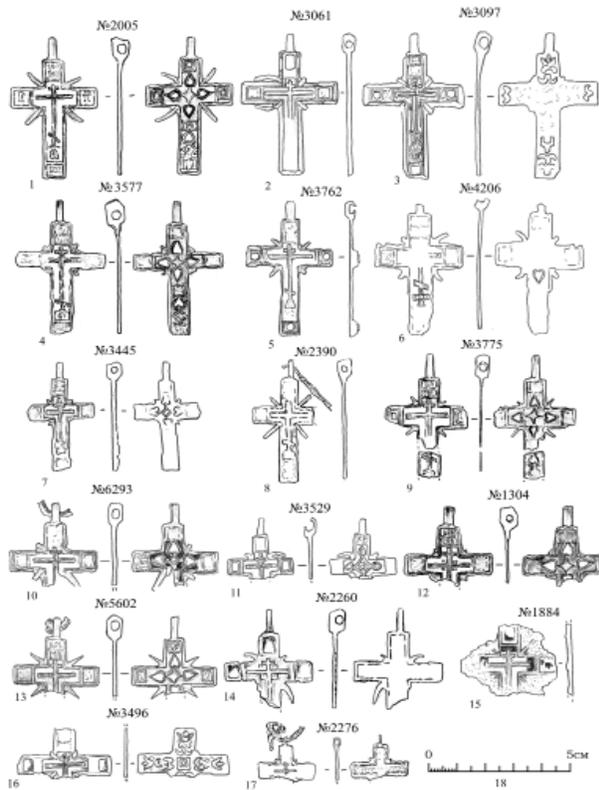

Рис. 31. Нейшлотский 2018–2019. Кресты-тельники типа III-3, 1-Б

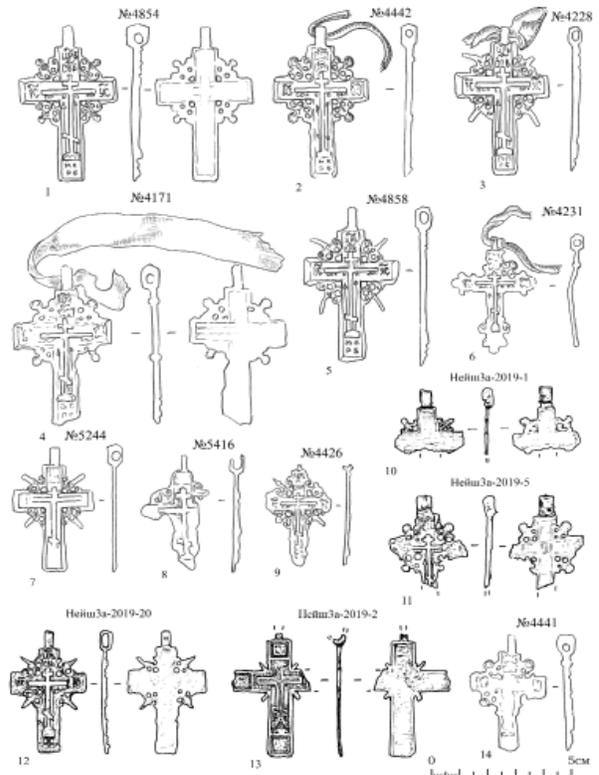

Рис. 33. Нейшлотский 2018–2019. Кресты-тельники типа III-2, 2-Б

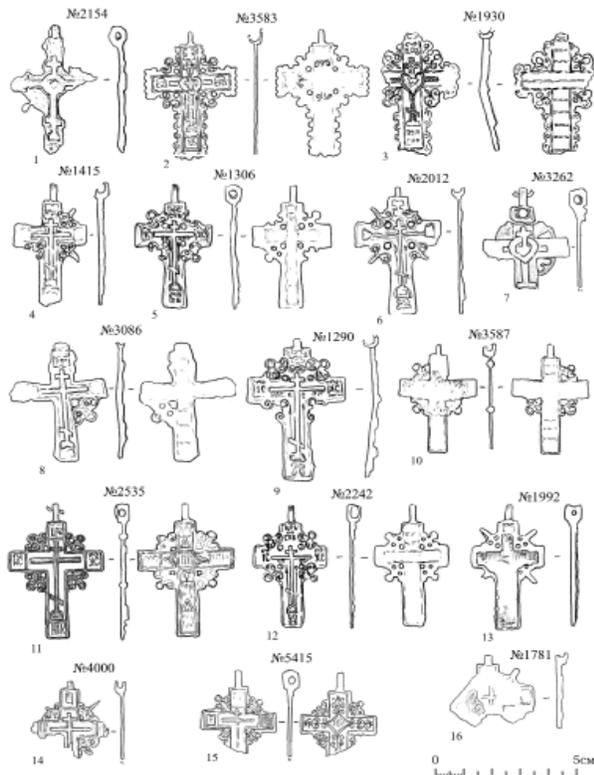

Рис. 32. Нейшлотский 2018–2019. Кресты-тельники типа III-2, 2-Б

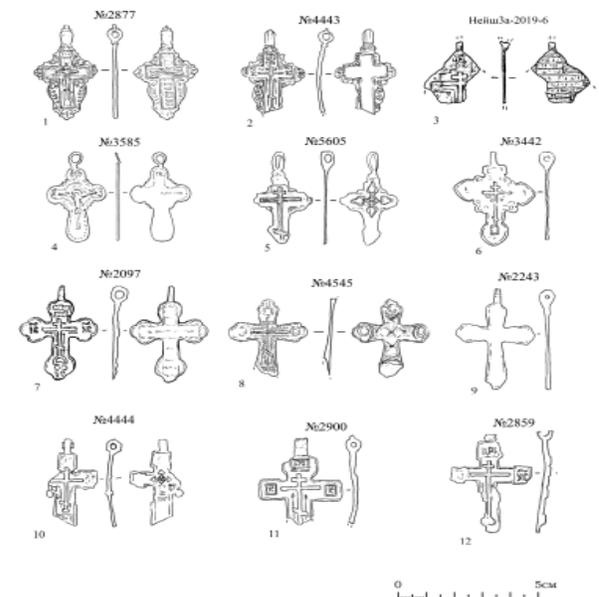

Рис. 34. Нейшлотский 2018–2019. Археологические находки: 1–3 – кресты-тельники типа III-2-3, 1-А (по А.Б. Островскому); 4 – тип V-2-3, 1-А (по А.Б. Островскому); 5, 6 – тип V-2-3, 3-Б (по А.Б. Островскому); 7–9 – тип VI (по Э.П. Винокуровой); 10–12 – тип III-1, 1.2-Б (по А.Б. Островскому)

копья). Изображен восьмиконечный Голгофский крест с тростью и копием над могилой Адама. Датируются XVIII–XIX вв.

Пятая группа (1 экз.) – тип V-2-3, 1-А по А.Б. Островскому (рис. 34: 4): бутоноконечные с заполнением углов средокрестия с изображением распятия (Островский, 2007. С. 242, № 211; С. 98, рис. 87). Найден один крест этого типа. Датируются XVII–XVIII вв.

Шестая группа (2 экз.) – тип V-2-3, 3-Б по А.Б. Островскому (рис. 34: 5, 6): бутоноконечные с заполнением углов средокрестия изображением Голгофского креста (Островский, 2007. С. 251, № 236; С. 103, рис. 94). По Э.П. Винокуровой (1999, С. 343, рис. 187), это тип VI подтип 1. Концы шлемовидной (или луковичной) формы, углы прямые. Волюты на средокрестии. Датируются XVII–XVIII вв.

Седьмая группа (3 экз.) – по Э.П. Винокуровой (1999. С. 343, 344, рис. 18), это тип VI: концы шлемовидной (или луковичной) формы, углы прямые (рис. 34: 7–9). Восьмиконечный Голгофский крест с тростью и копьем (иногда без них). По концам креста вписаны круглые дробницы с надписями. Надписи располагаются в сердцевинах и вокруг них. Вокруг Голгофского креста по большой перекадине и по стволу также надпись, на обороте надпись в клеймах.

Восьмая группа (3 экз.) – тип III-1, 1.2-Б по А.Б. Островскому (рис. 34: 10–12): прямоконечные, без обрамляющих выступов, без заполнения углов средокрестия, с расширением полупланок; на лицевой стороне изображен крест (Островский, 2007. С. 173, № 47, 49; С. 173, 174, рис. 43, 44). По Э.П. Винокуровой (1999 С. 340, рис. 16), это тип IV. Нижний конец в виде лопаточки, углы прямые и подострые. На концах клейма для надписей, с боков квадратные, по вертикали трапециевидные. Датируются XVII–XVIII вв.

Большинство типов описанных крестов-тельников появляются в обиходе в XVII–XVIII вв., часть типов бытовали до первой половины XIX в.

Все погребения, открытые в 2018–2019 гг., совершены по христианскому православному обряду. Наличие всех половозрастных категорий населения среди погребенных позволяет утверждать, что это участок общегородского кладбища. Присутствие на участке кладбища «небрежных» погребений: таких как два костяка в одном гробу, несколько гробов в одной яме, захоронения, выполненные в рогоже

или даже без нее, подчеркивают невысокий статус участка обследованного городского кладбища. В пользу этого вывода служат отсутствие склепов из кирпича и могильных плит, найденных при реставрации Сампсониевского собора (Лебедев и др., 1975. С. 40–42). Очевидно, что обследованный участок входил в разряд кладбища, предназначавшегося для захоронения низшего сословия Санкт-Петербурга. Найденные в двух погребениях монеты позволяют предположить, что первые захоронения на участке совершены в первой четверти XVIII в. Отмечена очень большая плотность погребений, разрушение ранних погребений более поздними, что свидетельствует о недостатке свободного места на кладбище и о продолжительности его функционирования. Таким образом, в результате археологических раскопок 2018–2019 гг. обследован участок православного Сампсониевского кладбища, действовавшего на протяжении XVIII в., после 1772 г. закрытого для захоронений и рекультивированного.

Источники и литература

- Бажин М.И., Гушин А.А., Кононович Е.Ю., Смирнов А.М., 2023. Новые данные об утраченных кладбищах XVIII–XIX вв. на территории Петербурга по результатам разведок 2020–2023 гг. // Бюллетень ИИМК РАН. СПб. № 14.
- Винокурова Э.П., 1999. Металлические литые кресты-тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы. XVII в. М.
- Гусенцова Т.М., Добрынина И. Н., 2007. Путешествие по Выборгской стороне. СПб.
- Каргапольцев С.Ю., Каргапольцев М.Ю., Седых В.Н. 2009. Архитектурно-археологические изыскания на территории Сампсониевского собора в Санкт-Петербурге (сезон 2008 г.) // Петровское время в лицах – 2009: материалы научной конференции к 300-летию Полтавской победы (1709–2009). СПб.
- Кобак А. В., Приютко Ю. М. 2009. Исторические кладбища Санкт-Петербурга. М.
- Лебедев Г.С., Денисов В.Д., Воинов В.С., 1975. В память о русской славе. Реставрация Сампсониевского собора на Выборгской стороне // Строительство и архитектура Ленинграда. Л. № 9.

Островский А. Б., 2007. Русский православный крест в собрании Российского этнографического музея. СПб.

Пыляев М. И. 1889. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб.

Полигаев В. Ф., Иванов П. А., Макарова В. П., 2018. Отчет о проведении историко-культурного научного археологического обследования с целью проведения государственной историко-культурной экспертизы земельного участка, расположенного по адресу: г. Санкт-Петербург, Нейшлотский переулок, д. 3 литер А // Архив ЦСА ИИМК РАН.

Филиппенко Р. В., 2023. Отчет о результатах археологических раскопок на территории выявленного объекта археологического наследия «Участок исторического культурного слоя г. Санкт-Петербурга XVIII–XIX вв. с сохранившимися историческими захоронениями» в зоне строительства дома в г. Санкт-Петербург, Нейшлотский пер., д. 3, лит. А. в 2018 г. // Архив ИА РАН.

ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 2731.

ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 2857.

Археологические разведки в Адмиралтейском районе Санкт-Петербурга в 2021–2022 гг.¹

А. А. Гуцин²

DOI: 10.31600/978-5-6052467-2-5.34–53

Статья посвящена результатам археологических разведок, проведенных в 2021–2022 гг. сотрудниками Центра спасательной археологии ИИМК РАН на земельном участке, расположенном в Адмиралтейском районе Санкт-Петербурга на Покровском острове по адресу: ул. Лабутина, д. 5, кадастровый номер 78:32:0001155:2805 (рис. 1). В 2023 г. была опубликована статья А. В. Курбатова, где давался подробный анализ предметов из кожи, найденных во время разведок, о которых пойдет речь ниже (Курбатов, 2023).

История освоения участка

До 1730-х гг. территория современного Покровского острова была болотистой местностью, покрытой лесом. Отдельные дома стояли лишь вдоль берега Фонтанки, что отражено на плане Санкт-Петербурга 1720-х гг., составленном Иоанном Баптистом Хоманном (рис. 2). Планомерное освоение этой территории началось после пожаров 1736–1737 гг., которые полностью уничтожили деревянные дома Морской слободы Адмиралтейского острова. «Комиссией о Санкт-Петербургском строении» новые дома для служащих и рабочих Адмиралтейского ведомства было решено возвести на болотистых землях между р. Фонтанкой и р. Мойкой. В частности, на нынешний Покровский остров в район современной ул. Лабутина (быв. Прядильная) была переведена Прядильная слобода, населенная работниками прядильного двора, что подтверждается купчими второй половины XVIII в., в которых фигурируют владельцы участков – прядильщики (Бройтман, 2007. С. 87).

Таким образом, в Петербурге появился новый район – Коломна. Название происходит от искаженного итальянского слова *colonna*, которым

архитектор Трезини называл параллельные просеки, прорубленные сквозь лес на месте будущего района. Позднее в купчих слово «коломна» встречается в значении слова «квартал» (Малиновский, 2008. С. 279). В «Описании Санкт-Петербурга от начала заведения его, с 1703 по 1751 г.» Г. Богданов так пишет об этом районе: «Новая Коломна, слободы новопоселенныя на Фонтанке Речке близ Калинскиной, в которых живут все Адмиралтейские мастерские люди, начата селиться с 1746 г. и в прочие годы» (Богданов, 1779. С. 187). На аксонометрическом плане Санкт-Петербурга П. де Сент-Илера (1765–1773) подробно отражена ситуация, сложившаяся на Покровском острове на вторую половину XVIII в. Границы участка обследования полностью совпадают с границами одного из домовладений, изображенного на плане, в состав которого входили деревянный одноэтажный дом (его фасад выходил на красную линию нынешней ул. Лабутина) и несколько небольших хозяйственных построек в юго-восточной части домовладения, отделенные от остального участка забором. Большая по площади северо-западная часть участка отображена на плане как пустое пространство, отгороженное деревянным забором от соседних участков. Границы участка обследования также проходят по соседнему домовладению, задевая деревянный одноэтажный дом и его хозяйственную пристройку (рис. 3).

В начале XIX в. ситуация на участке изменилась. На плане Санкт-Петербурга, составленном генерал-майором Шубертом в 1828 г. деревянный дом, выходящий фасадом на красную линию, отсутствует. В южном углу участка появился небольшой каменный дом с деревянной пристройкой. В северо-западной части также отмечены две деревянные постройки, вытянутые вдоль северо-западной и северо-восточной границ участка (рис. 4).

Историю застройки участка обследования в XIX – начале XX вв. можно проследить по материалам Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга. В деле «Чертежи дома на участке, принадлежавшем П. Садовской, Добродеевой, П. И. Летягиной по Прядильной ул., 5» отражена

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № FMZF-2022-0016 «Совершенствование методики проведения охранно-спасательных археологических мероприятий и внедрение цифровых технологий в археологии».

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: s85@list.ru.

история застройки участка начиная с 1831 по 1907 г. Исходя из исторических планов, находящихся в этом деле, деревянная застройка, фигурировавшая на планах XVIII в. к 1831 г. была уничтожена, а небольшой каменный дом в запад-юго-западном углу участка, отмеченный на плане Шуберта 1828 г., планировали изменить и добавить каменный флигель, который был построен между 1828 и 1831 гг. (План, 1831) (рис. 5). В целом конфигурация застройки на участке оформилась к 1866 г. и в дальнейшем не менялась. Уличный фронт был застроен каменным флигелем, с северо-запада со стороны двора к нему была пристроена деревянная лестница на столбах, вдоль юго-западной и северо-восточных границ участка расположены каменные флигели, дополненные деревянными пристройками. Вдоль северо-западной границы двора протянулся деревянный флигель (План, 1866) (рис. 6).

К 1942 г. вышеописанные постройки на участке обследования уже не существовали, о чем свидетельствует немецкая аэрофотосъемка (рис. 7). Стало ли это результатом немецких обстрелов или постройки были снесены еще до войны, установить не удалось. В настоящее время на участке обследования вдоль северо-восточной и северо-западной границ расположены гаражи и не действующие автомастерские, а также деревянный дом-временка (рис. 8). В 2021–2022 гг. на участке обследования было заложено пять разведочных шурфов (рис. 9).

Исследования 2021 г.

В 2021 г. на участке обследования был заложен первый шурф с учетом архивных данных о постройках, располагавшихся здесь в XIX в., и проезда вдоль северо-восточного фасада гаражного комплекса. Предполагалось проследить культурные напластования возле фундамента хозяйственного флигеля, построенного в 1828–1831 гг. Современная дневная поверхность представляла собой асфальтовое покрытие на уровне 3,65 м БС. Шурф был ориентирован относительно линий застройки. После снятия слоя асфальта мощностью 0,20–0,30 м на уровне 3,35 м БС был прослежен слой разрушения и верх кирпичной стены флигеля XIX в. После снятия слоя разрушения на уровне 3,05 м БС прослежен слой хорошо сохранившегося мощения 1, сложенного из мелкого булыжника (рис. 10). Вдоль стены с ее северо-восточной стороны прослежена отмостка из кирпичей размерами 0,13 × 0,25 × 0,06 м, к которым примыкало мощение 1. Судя по тому, что слой разрушения лежит на мощении 1, этот уровень был дневной поверхностью во время разрушения домов на участке обследования.

После разборки мощения 1 и подсыпки под него со строительным мусором в юго-восточной части шурфа на уровне 2,80 м БС было прослежено мощение 2 (рис. 11), сложенное из булыжников разных размеров: от 0,03 × 0,02 до 0,19 × 0,24 м, со следами ремонта. В некоторых местах булыжник

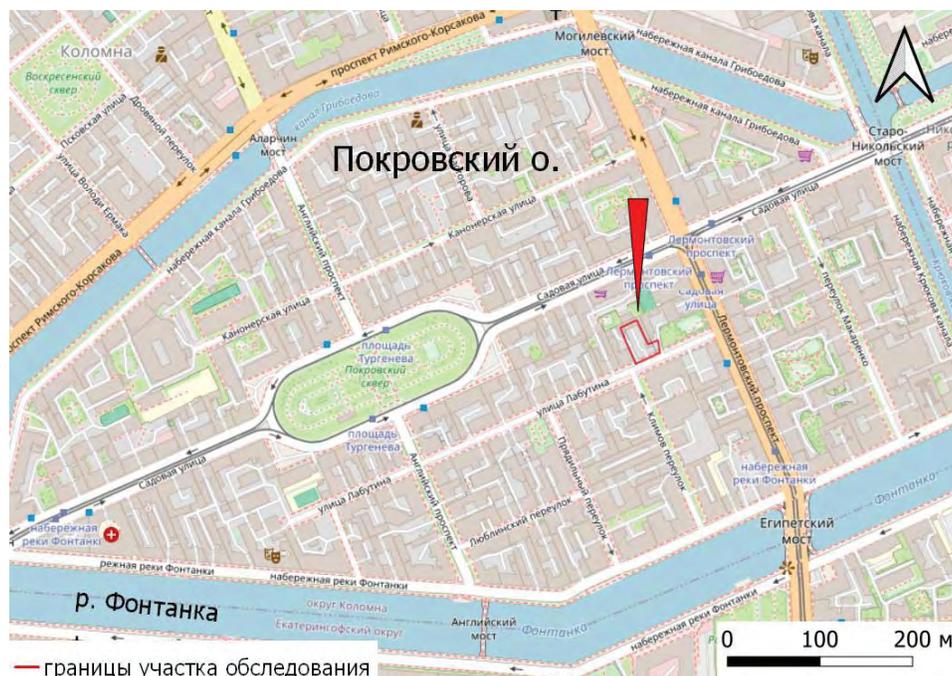

Рис. 1. Ул. Лабутина, д. 5. Расположение участка обследования на карте Санкт-Петербурга

Рис. 2. Ул. Лабутина, д. 5. Расположение участка обследования на плане Санкт-Петербурга И.Б. Хоманна, 1720-е гг.

Рис. 3. Ул. Лабутина, д. 5. Расположение участка обследования на аксонометрическом плане Санкт-Петербурга П. де Сент-Илера, 1765–1773 гг.

Рис. 4. Ул. Лабутина, д. 5. Расположение участка обследования на Подробном плане столичного города Санкт-Петербурга генерал-майора Шуберта, 1828 г.

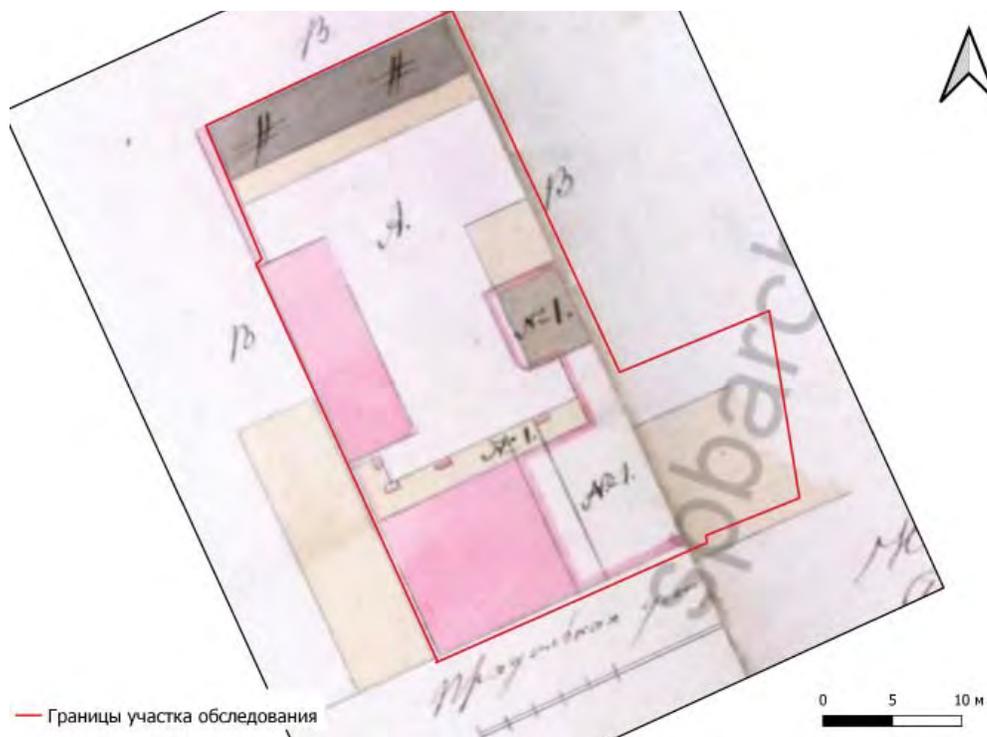

Рис. 5. Ул. Лабутина, д. 5. План двора губернской секретарши Прасковьи Садовской, 1831 г. Проектируемые объемы пристроек обозначены «№ 1» и обведены розовой линией, существующие каменные постройки полностью закрашены розовым цветом, деревянные – светло-коричневым (ЦГИА. Ф. 513. Оп. 102. Д. 3726. Л. 2)

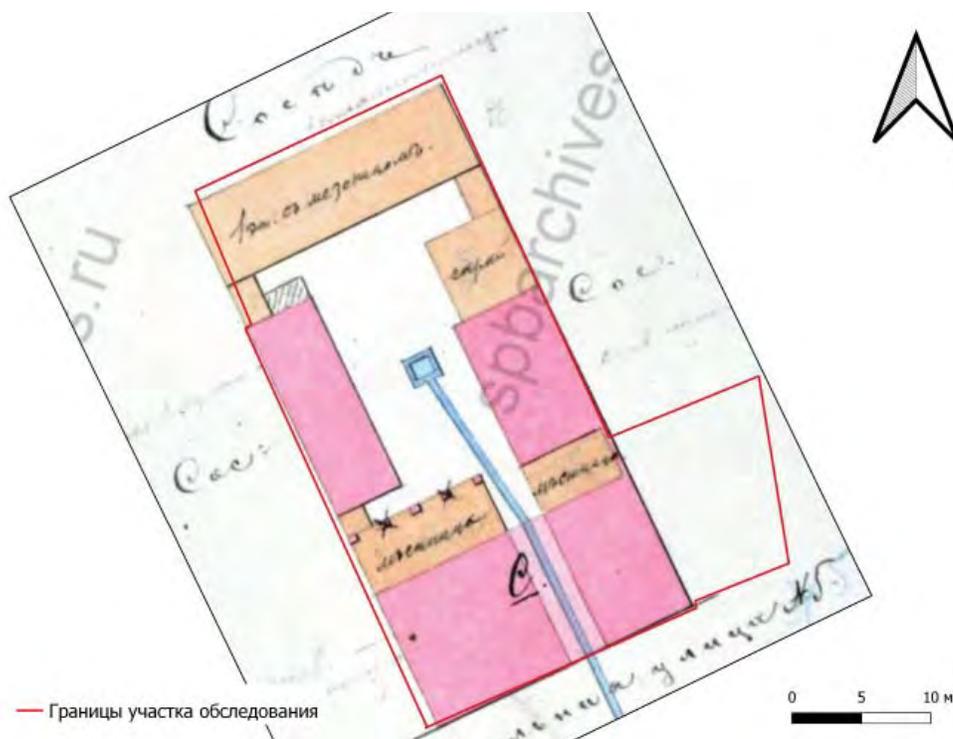

Рис. 6. Ул. Лабутина, д. 5. План двора коллежского ассессора Добродеева, 1866 г. (ЦГИА. Ф. 513. Оп. 102. Д. 3726. Л. 7)

Рис. 7. Ул. Лабутина, д. 5. Границы участка обследования на немецкой аэрофотосъемке, 1942 г.

Рис. 8. Ул. Лабутина, д. 5. Границы участка обследования на спутниковом снимке Яндекс

заменен фрагментами известняковой плиты и кирпича. Мощение 2 выложено вокруг неотесанных бутовых плит фундамента, которые обычно маркируют подземную часть подобных конструкций, следовательно, можно сделать вывод, что мощение появилось еще до постройки флигеля, то есть не позднее 1831 г. Между булыжниками мощения 2 найдены три пуговицы белого глухого стекла, а также фрагмент венчика фаянсового сосуда с бежевой поливой внутри и снаружи, с рельефным

коричневым геометрическим орнаментом. После разборки мощения 2 и нивелировочных подсыпок на отметках 1,94–1,95 м БС была прослежена прослойка светло-серой супеси с включениями органики мощностью 0,30 м. В ней найден фрагмент углового красноглиняного печного изразца-перемычки с белой поливой. Такие изразцы характерны для русских печей периода классицизма (вторая половина XVIII – начало XIX вв.). По одной из версий, прослойка могла образоваться в результате наводнения.

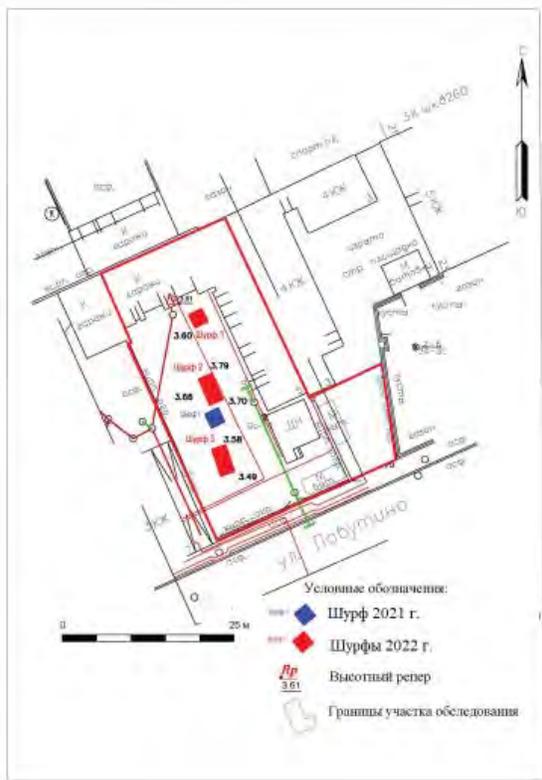

Рис. 9. Ул. Лабутина, д. 5. Расположение разведочных шурфов 2021–2022 гг. План

Рис. 10. Ул. Лабутина, д. 5. Шурф 1 (2021 г.). Мощение 1 и остатки кирпичной стены флигеля XIX в. Вид с юго-востока

Под прослойкой светло-серой супеси с включением органики на отметках 1,64–1,65 м БС был прослежен мокрый слой темно-коричневой супеси с щепой (рис. 12). Разбор слоя темно-коричневой супеси с щепой производился в стесненных условиях в сильно обводненном шурфе. Так как

Рис. 11. Ул. Лабутина, д. 5. Шурф 1 (2021 г.). Мощение 2 возле фундамента флигеля XIX в. Вид с северо-востока

Рис. 12. Ул. Лабутина, д. 5. Шурф 1 (2021 г.). Слой темно-коричневой супеси с щепой возле фундамента и лежней флигеля XIX в. Вид с северо-востока

большую часть шурфа занимал бутовый фундамент на лежнях с остатками кирпичной стены разборка слоя была возможна только между фундаментом и северо-восточной стенкой на площади примерно 0,7 кв. м. Мощность слоя колеблется от 0,50 м в северо-западном борту шурфа до 0,80 м в юго-восточном. Слой темно-коричневой супеси с щепой уходит под лежни бутового фундамента, из чего следует, что как минимум к 1831 г. слой уже был археологизирован (рис. 13; 14). В слое обнаружены 49 находок, в том числе 22 фрагмента керамики, среди которых фрагменты изделий из серожгущейся, красножгущейся, светлоглиняной и белоглиняной керамики; фарфоровое донце с белой поливой снаружи и внутри со следами росписи зеленой

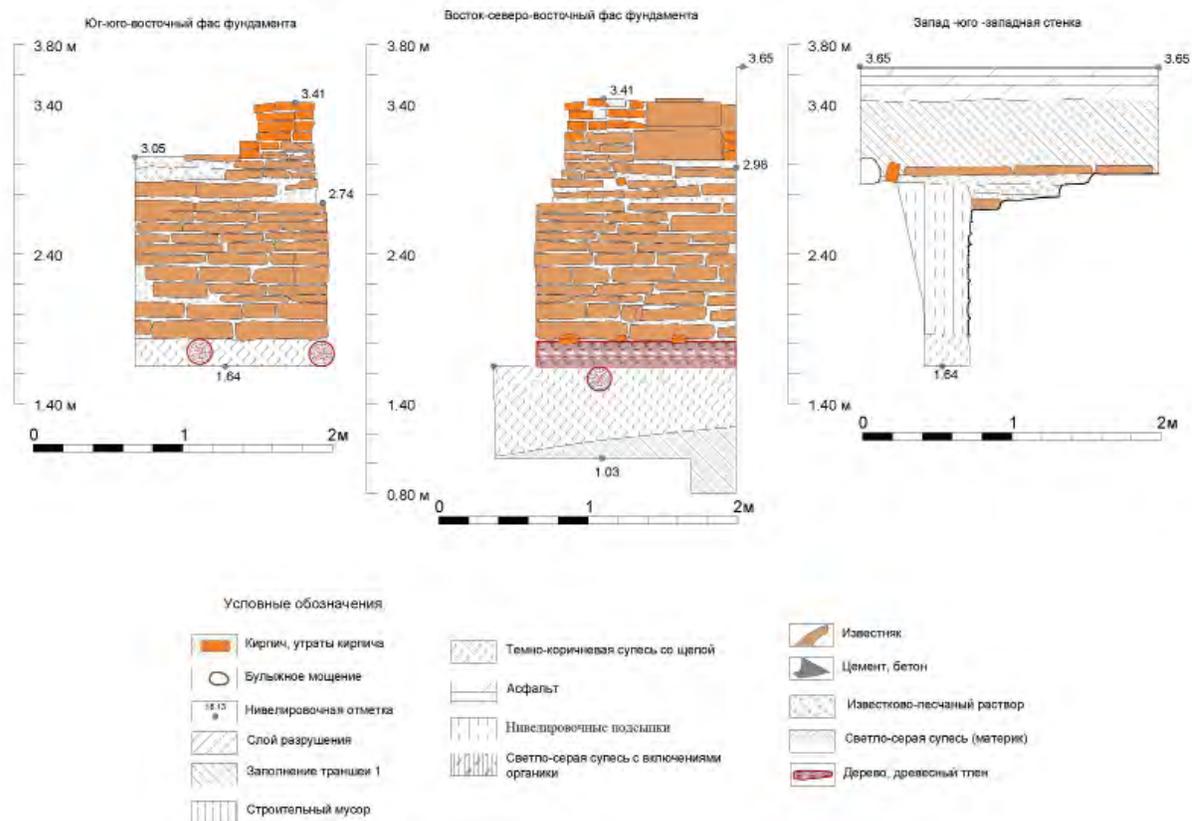

Рис. 13. Ул. Лабутина, д. 5. Шурф 1 (2021 г.). Залегание слоя темно-коричневой супеси со щепой относительно конструкций фундамента XIX в. Разрезы

и черной краской; шесть фрагментов изделий из фаянса, в том числе фаянсовая тарелка с белой поливой с вдавленным клеймом британской фирмы WEDGWOOD, известной с 1759 г. и существующей до сих пор (Марки, 2008. С. 147); пять фрагментов стеклянных сосудов, в том числе горло выдувной бутылки и два донца выдувных флаконов; изделия из дерева: фрагмент восьмигранной рукояти и деревянная пробка цилиндрической формы; три фрагмента изделий из кожи; кусок веревки из конского волоса. Находки из металла представлены коваными гвоздями. Особо следует отметить пуговицу-гирьку из медного сплава с цельнолитым туловом и округло-петлевидным ушком на ножке (рис. 15). Тулово изделия украшено изображением трехлучевой звезды с округлым углублением в центре и точками между лучами. По бокам пуговицы идет пояс из косых крестиков. Пуговица происходит из нижней части слоя темно-коричневой супеси со щепой. Согласно каталогу пуговиц из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника, похожие изделия датируются XVI–XVIII вв. (Пуговицы, 2015. С. 33).

Исследования 2022 г.

В феврале–марте 2022 г. состоялся второй этап обследования участка с целью определения границ распространения культурного слоя на этой территории. С этой целью было заложено три шурфа. Шурф 1 размерами 2 × 2 м заложен в северо-восточной части участка обследования с учетом архивных данных о постройках XIX в. и современных коммуникациях. После снятия слоя асфальта мощностью 0,20 м на отметке 3,15 м БС был прослежен слой разрушения мощностью 0,50–0,60 м, состоявший из булыжников, обломков кирпичей, кирпичной крошки и известкового раствора, по всей видимости, оставшихся от домов XIX – начала XX вв. После снятия слоя разрушения на уровне 2,55 м БС прослежен слой темно-коричневой супеси с включениями строительного мусора, по всей видимости, являвшийся нивелировочной подсыпкой.

После разбора слоя нивелировочной подсыпки на уровне 2,00 м БС прослежен слой темно-коричневой супеси с щепой 1, мощностью 0,40–0,75 м (рис. 16), в котором также встречались многочисленные

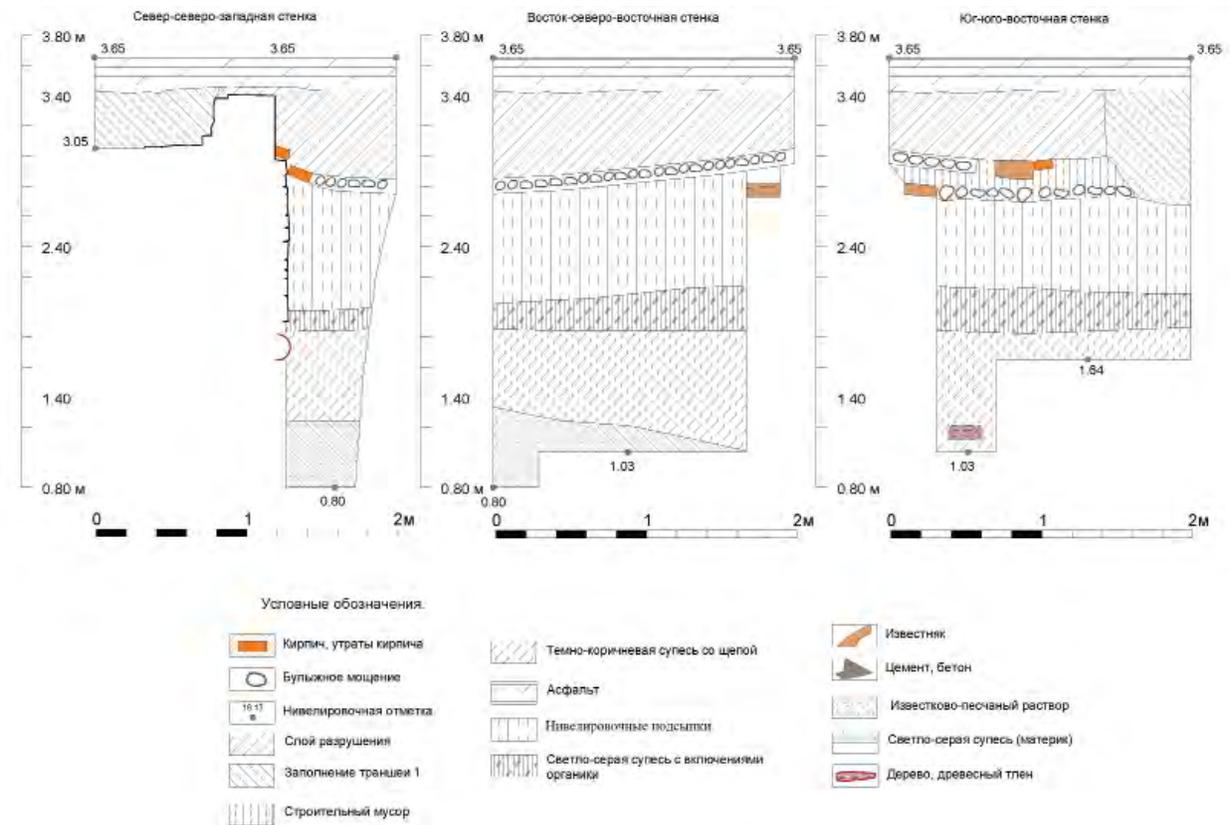

Рис. 14. Ул. Лабутина, д. 5. Шурф 1 (2021 г.). Стратиграфические разрезы бортов

Рис. 15. Ул. Лабутина, д. 5. Шурф 1 (2021 г.).
Пуговица-гирька

Рис. 16. Ул. Лабутина, д. 5. Шурф 1 (2022 г.). Слой темно-коричневой супеси с щепой 1. Вид с юго-запада

фрагменты кирпичей. В слое найдены: фрагментированные красноглиняные плоскостные светильники, фрагменты красноглиняных изразцов с белой поливой и черной росписью, обломок стебля белоглиняной курительной трубки с рельефной надписью WITTHANN (рис 17; 18), фрагменты фаянсовой и керамической посуды, в том числе крупный фрагмент серолощеного кувшина с частью горла и тулова (рис. 19), фрагментированный светлоглиняный горшок со следами нагара (рис. 20), фрагменты красноглиняной черепицы; многочисленные фрагменты кожаной обуви; деревянные пробки, пробки из пробкового дерева, деревянная основа для щетки и овальная деревянная деталь с круглым отверстием в центре и пропилами по краям – предположительно элемент такелажа (рис. 21).

После разборки темно-коричневого слоя с щепой 1 на уровне 1,30 м БС прослежена прослойка светло-серой супеси с включениями органики мощностью 0,13 м, аналогичная той, что была обнаружена в шурфе 2021 г. Под ней на уровне 1,17 м БС залегал слой темно-коричневой супеси с щепой 2 мощностью 0,80 м (рис. 22), на поверхности которого лежала деревянная доска

Рис. 17. Ул. Лабутина, д. 5. Шурф 1 (2022 г.).
Обломок белоглиняной курительной трубки
с рельефной надписью

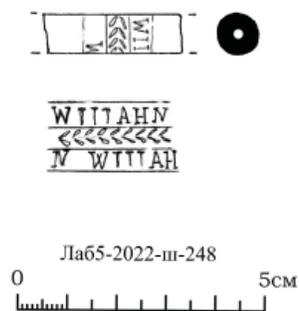

Рис. 18. Ул. Лабутина, д. 5. Шурф 1 (2022 г.).
Обломок белоглиняной курительной трубки
с рельефной надписью

Рис. 20. Ул. Лабутина, д. 5. Шурф 1 (2022 г.).
Светлоглиняный горшок

Рис. 21. Ул. Лабутина, д. 5. Шурф 1 (2022 г.).
Деревянное изделие

Рис. 19. Ул. Лабутина, д. 5. Шурф 1 (2022 г.).
Фрагмент серолощеного кувшина

Рис. 22. Ул. Лабутина, д. 5. Шурф 1 (2022 г.).
Слой темно-коричневой супеси с щепой 2. Вид с юго-запада

длиной 1,31 м и шириной 0,21 м. Начиная с этого уровня в шурф стали поступать грунтовые воды. В темно-коричневом слое с щепой 2 на уровне 0,08 м БС был обнаружен фрагмент деревянной конструкции – два параллельно лежащие полубревна (рис. 23), уходящие в борта шурфа. В слое найдены фрагменты накладок из фольги с тиснением (рис. 24), булавка с круглой головкой, загнутая в виде крючка, фрагменты проволоки. Особо следует отметить пуговицу-гирьку из медного сплава с цельнолитым туловом и округло-петлевидным ушком на ножке, аналогичную той, что была обнаружена в шурфе 2021 г. Ее тулово также украшено изображением трехлучевой звезды с округлым углублением в центре и точками между лучами, а по бокам идет пояс из косых крестиков (рис. 25). В составе находок из стекла следует выделить фрагмент из-под шарлатанского лекарства MENADIESCHE KRONWUNDERESSENZ ALTONA (рис. 26; 27) Это «целебное» средство производилось начиная с 1770-х гг. сапожником

Рис. 23. Ул. Лабутина, д. 5. Шурф 1 (2022 г.).
Фрагмент деревянной конструкции. Вид с юго-запада

Рис. 24. Ул. Лабутина, д. 5. Шурф 1 (2022 г.).
Фрагменты накладок из фольги

Рис. 25. Ул. Лабутина, д. 5. Шурф 1 (2022 г.).
Пуговица-гирька

Рис. 26. Ул. Лабутина, д. 5. Шурф 1 (2022 г.).
Фрагмент флакона для лекарства из Гамбурга

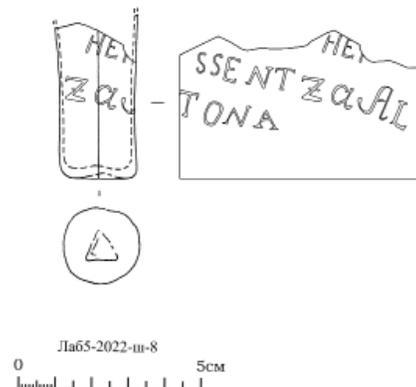

Рис. 27. Ул. Лабутина, д. 5. Шурф 1 (2022 г.).
Фрагмент флакона для лекарства из Гамбурга

и шарлатаном Иоганном Петером Менадь (Johann Peter Menadier) в районе Гамбурга Альтона (Brandt, 2018). В слое обнаружены фрагменты красноглиняной черепицы и красноглиняных изразцов с белой поливой и черной росписью, а также многочисленные фрагменты керамической и фаянсовой посуды, в том числе профиль красноглиняной миски с нагаром снаружи и внутри (рис. 28).

После разборки слоя темно-коричневой супеси с щепой 2 на уровне 0,72 м БС был прослежен

Рис. 28. Ул. Лабутина, д. 5. Шурф 1 (2022 г.). Профиль красноглиняной миски с нагаром

материк – сильно обводненная светло-серая супесь, в которой зафиксированы контуры ямы 1. Заполнение ямы 1 по составу не отличалось от слоя темно-коричневой супеси с щепой 2. В ней найдены многочисленные фрагменты керамической, фарфоровой и фаянсовой посуды. Находки из стекла представлены фрагментами бутылок и бокала с гравировкой. Также найдены фрагменты деревянных изделий, в том числе деревянная мебельная ручка, выточенная на токарном станке. Обнаружена продолговатая костяная ручка, полая внутри, напоминающая рукоять ножа. Находки из кожи представлены многочисленными фрагментами обуви и тремя фрагментами кожаной рукавицы. Дно ямы прослежено на уровне 0,41 м БС (рис. 29; 30).

Шурф 2 размерами 2 × 4 м заложен в центре участка обследования с целью проследить культурные напластования возле фундамента флигеля начала XIX в. Современная дневная поверхность представляла собой асфальтовое покрытие на отметках 3,65–3,79 м БС. После снятия слоя асфальта мощностью 0,30 м на отметках 3,65–3,79 м БС был прослежен слой разрушения мощностью 0,55 м, который, как и в шурфе 1, состоял из булыжников, обломков кирпичей, кирпичной крошки и известкового раствора, оставшихся от домов

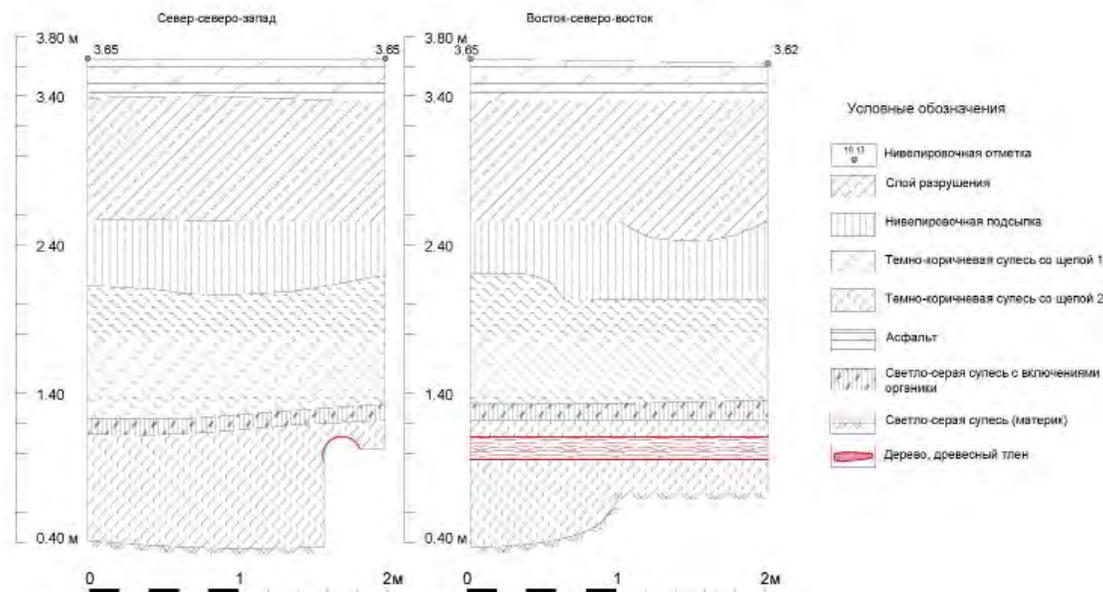

Рис. 29. Ул. Лабутина, д. 5. Шурф 1 (2022 г.). Северо-западный и северо-восточный борты. Разрезы

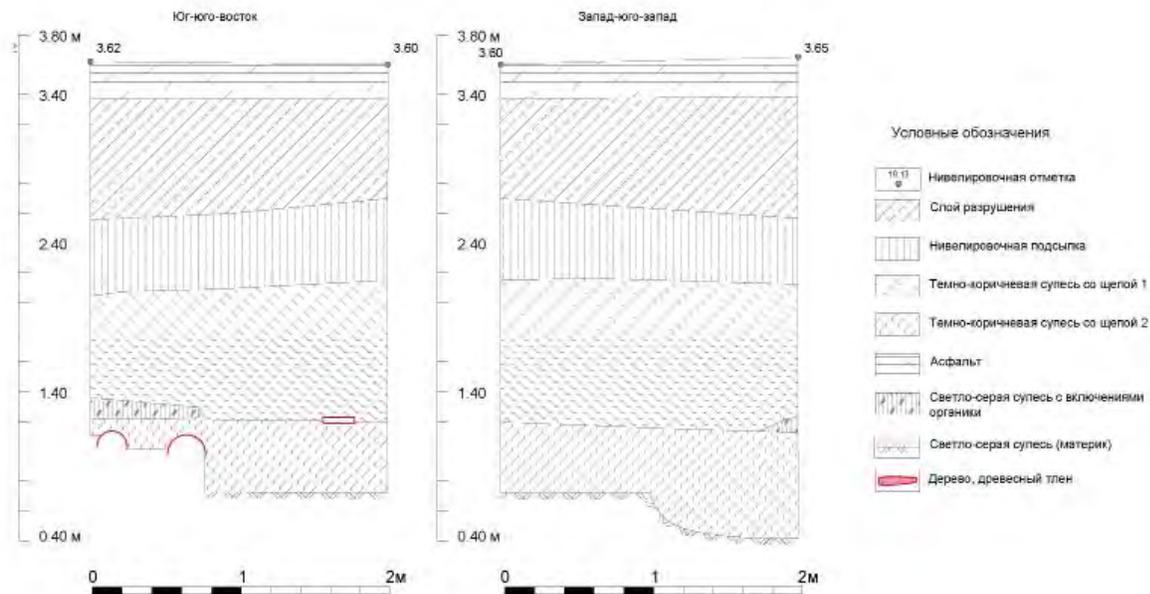

Рис. 30. Ул. Лабутина, д. 5. Шурф 1 (2022 г.). Юго-восточный и юго-западный борты. Разрезы

XIX – начала XX вв. После снятия слоя разрушения на уровне 3,10 м БС прослежен слой темно-коричневой супеси с включениями строительного мусора – нивелировочной подсыпки мощностью 0,95 м. Ниже на уровне 2,00 м БС зафиксирован слой темно-коричневой супеси с щепой 1 мощностью 0,30–0,35 м (рис. 31). На этом уровне в шурф стали поступать грунтовые воды. В слое найдены: фрагменты изразцов с белой поливкой и черной росписью в том числе с росписью «трельяж» (рис. 32), обломки красноглиняной черепицы, белоглиняных сосудов с поливкой, бутылок из каменной массы, фаянсовой посуды. Находки из дерева представлены обломком деревянной ручки и продолговатым изделием, круглым в сечении с пропилом в середине. Встречались многочисленные детали кожаной обуви.

После разборки темно-коричневого слоя с щепой 1 на уровне 1,65 м БС прослежена прослойка светло-серой супеси с включениями органики мощностью 0,10–0,20 м. Ниже на отметках 1,30–1,45 м БС был зафиксирован слой темно-коричневой супеси с щепой 2 и верх деревянных конструкций (рис. 33). Наиболее примечательной находкой из слоя стал фрагмент сланцевой литейной формы для изготовления игрушечных солдатиков³ (рис. 34; 35). Профиль солдатика выполнен детально, судя по униформе, это гренадер европейской армии 30–50-х гг. XVIII в.

³ За атрибуцию автор благодарит и.о. директора Государственного мемориального музея А.В. Суворова Александра Николаевича Лукирского.

Слева от солдатика расположены еще две литейные матрицы, которые по какой-то причине были довольно грубо сбиты. Их остатки представляют собой два круга, состоящие из небольших ровных углублений. Похожая сбитая матрица расположена и на обратной стороне, где также процарапано изображение, напоминающее форму сердца.

Рис. 31. Ул. Лабутина, д. 5. Шурф 2 (2022 г.). Слой темно-коричневой супеси с щепой 1. Вид с северо-запада

Рис. 32. Ул. Лабутина, д. 5. Шурф 2 (2022 г.).
Красноглиняный изразец с росписью

Рис. 33. Ул. Лабутина, д. 5. Шурф 2 (2022 г.).
Слой темно-коричневой супеси с щепой 2.
Вид с северо-востока

Рис. 34. Ул. Лабутина, д. 5. Шурф 2 (2022 г.).
Фрагмент литейной формы для изготовления
солдатиков

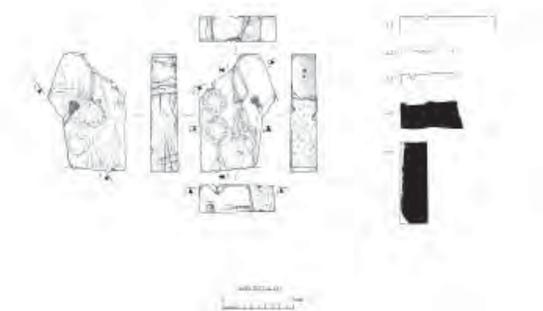

Рис. 35. Ул. Лабутина, д. 5. Шурф 2 (2022 г.).
Фрагмент литейной формы для изготовления
солдатиков

Рис. 36. Ул. Лабутина, д. 5. Шурф 2 (2022 г.).
Фрагмент металлической шкатулки (?)

В слое найдено сильно деформированное овальное изделие из желтого металла с петелькой, возможно фрагмент металлической шкатулки (рис. 36), булавка, загнутая в виде крючка, перекрученная проволочка из желтого металла, фрагмент цепочки и столовый нож из темного металла. Единственная нумизматическая находка – сильно потертая медная монета Российской империи второй половины XVIII в. (рис. 37).

Находки из кожи представлены многочисленными фрагментами обуви, в том числе с тиснением в форме «цветочка». Особо следует отметить целый башмак с деревянным каблуком и шелковой завязкой. Также найден кусок войлока.

В составе керамических находок следует отметить две белоглиняные фрагментированные игрушки-свистульки с желто-зеленой поливой:

Рис. 37. Ул. Лабутина, д. 5. Шурф 2 (2022 г.). Монета Российской империи второй половины XVIII в.

Рис. 38. Ул. Лабутина, д. 5. Шурф 2 (2022 г.). Фрагмент игрушки-свистульки в виде уточки

Рис. 39. Ул. Лабутина, д. 5. Шурф 2 (2022 г.). Фрагмент игрушки-свистульки в виде человека с птичкой в руках

одна в виде уточки (рис. 38), другая в виде человека с птичкой в руках (рис. 39). Похожие игрушки обнаружены при раскопках в г. Суздале в 1980-х гг. и, согласно каталогу глиняных игрушек Владимиро-Суздальского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, датируются XVIII в. (Глиняные игрушки, 2002. С. 33, 34). Помимо этого, находки из керамики были представлены многочисленными фрагментами красноглиняной, светлоглиняной и сероглиняной посуды, среди которых следует выделить фрагментированную красноглиняную поливную тарелку с росписью (рис. 40) и профиль сероглиняного горшка со следами нагара внутри и снаружи (рис. 41). В слое также найдены фрагменты плоских красноглиняных светильников, красноглиняной черепицы и красноглиняных изразцов с белой поливой и темной росписью, фрагменты сосудов из каменной массы, три обломка белоглиняных курительных трубок, обломки фарфоровой и фаянсовой посуды.

На уровне слоя темно-коричневой супеси с щепой 2 обнаружены доски и деревянные столбы, уходящие вглубь, относящиеся к разным деревянным конструкциям (рис. 42; 43). В центре шурфа обнаружен деревянный короб 1 размерами 1,4 × 1,3 м, состоящий из четырех деревянных столбов:

Рис. 40. Ул. Лабутина, д. 5. Шурф 2 (2022 г.). Красноглиняная поливная тарелка с росписью

Рис. 41. Ул. Лабутина, д. 5. Шурф 2 (2022 г.).
Профиль сероглиняного горшка с нагаром

Рис. 42. Ул. Лабутина, д. 5. Шурф 2 (2022 г.).
Деревянные конструкции. Вид с северо-востока

одного тесаного прямоугольного размерами 0,14 × 0,18 м и трех круглых в сечении диаметром 0,17–0,20 м с пазами, в которые укладывались доски. Верх столбов сильно поврежден. С юго-западной внешней стороны короба устроена забутовка из булыжников. Внутри короб завален досками. В его центральной части между досками забит ряд кольев диаметром 0,03–0,07 м, вероятно относящихся к более позднему частоколу. Деревянный короб 1 перекрыт слоем темно-коричневой супеси с щепой 2.

В северо-восточной части шурфа прослежен угол менее массивного деревянного короба 2, составленного из вертикально поставленных досок, закрепленных двумя столбами. Стенки короба 2 уходят в борта шурфа. Длина открытой юго-восточной стенки короба 1,13 м, юго-западной –

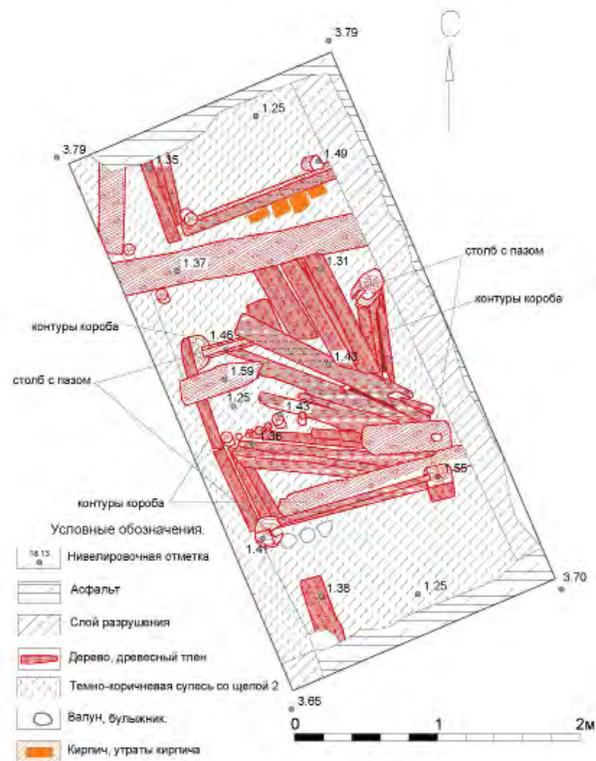

Рис. 43. Ул. Лабутина, д. 5. Шурф 2 (2022 г.).
Деревянные конструкции. План

0,48 м. Диаметр столбиков 0,08–0,09 м. С внешней стороны короба прослежена забутовка из обломков кирпичей.

Между деревянными коробами 1 и 2 была уложена доска шириной 0,26 м, уходящая под лежни фундамента и в северо-восточный борт шурфа, перекрывавшая три доски шириной 0,16 м, в свою очередь лежавшие поверх северо-западной стенки короба 1. На этом уровне работы в шурфе 2 были остановлены, так как дальнейшее исследование деревянных конструкций в границах шурфа не представляется возможным, а требует проведения раскопок на большей площади. Следует отметить, что слой темно-коричневой супеси с щепой 2, как и конструкции, находящиеся в нем, лежат под фундаментом флигеля, построенного в промежутке между 1828 и 1831 гг., а слой темно-коричневой супеси с щепой 1 и прослойка светло-серой супеси с включениями органики нарушены фундаментом флигеля, что свидетельствует о том, что их формирование было завершено до 1830-х гг. XIX в. (рис. 44; 45).

Шурф 3 размерами 2 × 4 м заложен на юго-западе участка обследования с целью проследить культурные напластования у флигеля начала XIX в.

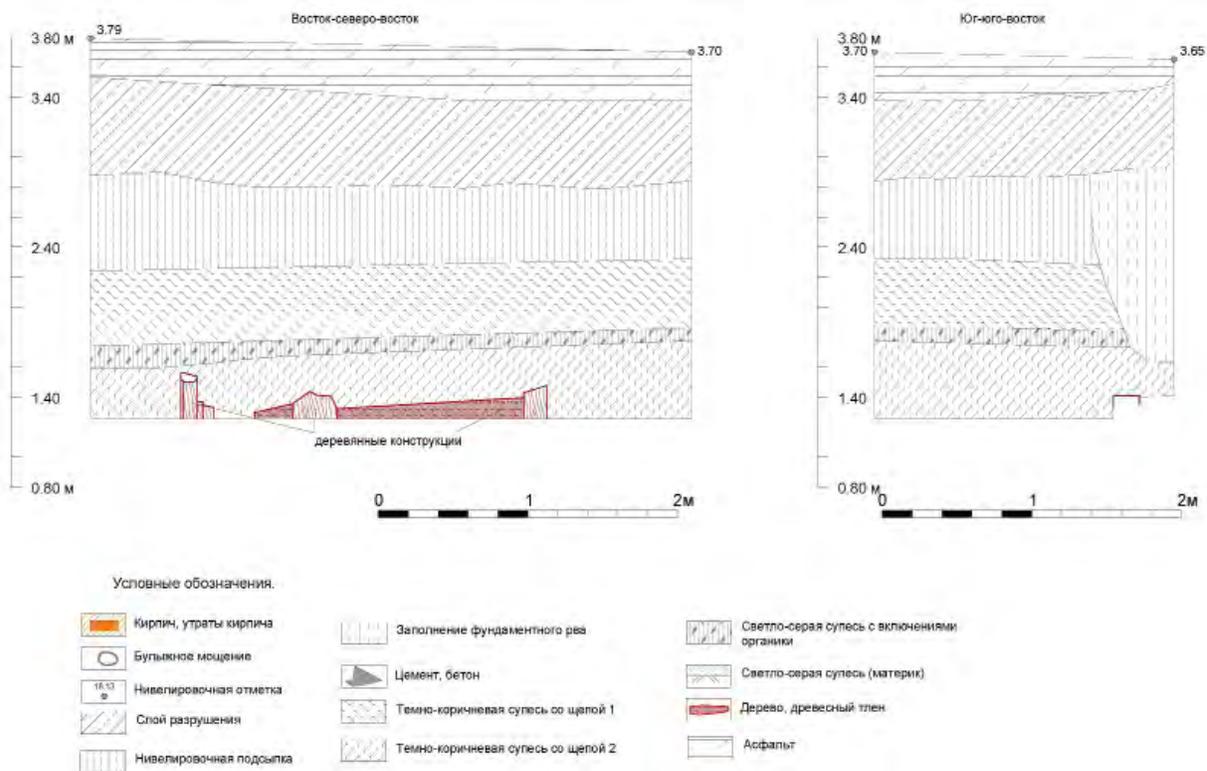

Рис. 44. Ул. Лабутина, д. 5. Шурф 2 (2022 г.). Северо-восточный и юго-восточный борта. Разрезы

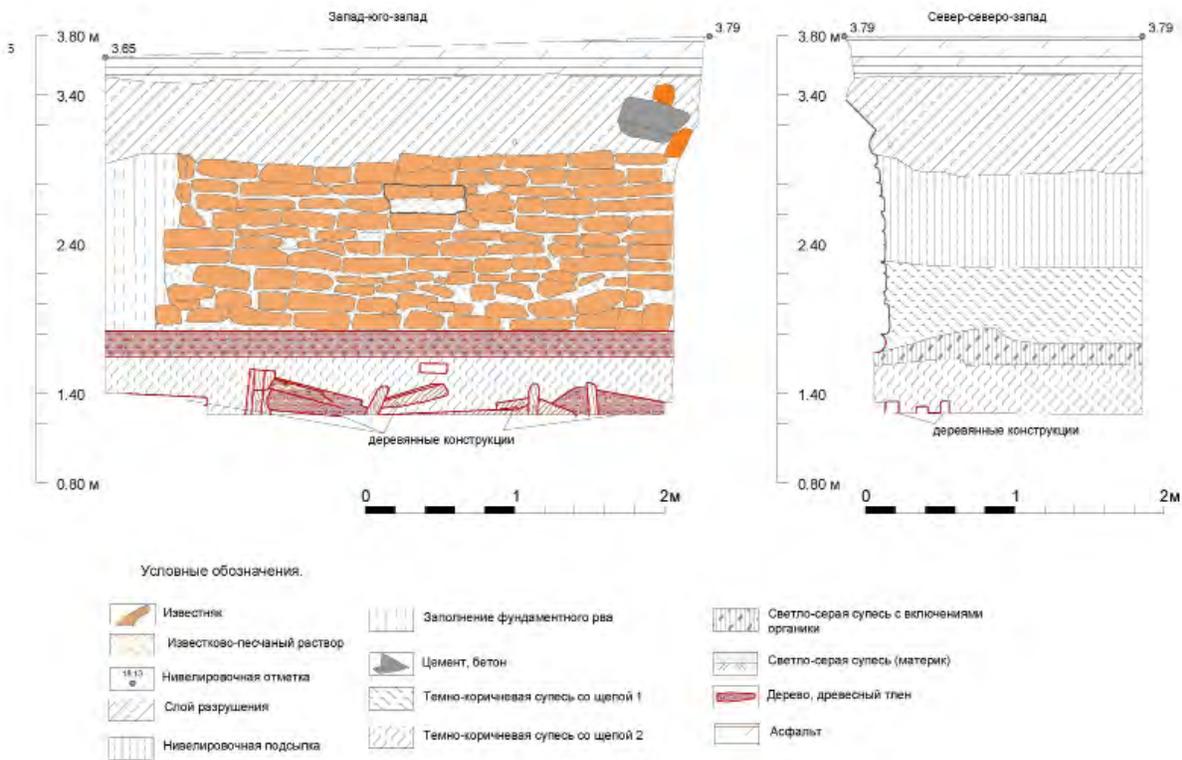

Рис. 45. Ул. Лабутина, д. 5. Шурф 2 (2022 г.). Юго-западный и северо-западный борта. Разрезы

Современная дневная поверхность – асфальтовое покрытие на отметках 3,49–3,51 м БС. После снятия слоя асфальта мощностью 0,33 м на уровне 3,16 м БС прослежен слой разрушения мощностью 0,56 м, по структуре сходный со слоем разрушения в шурфах 1 и 2. При его разборке на отметках 2,96–2,39 м БС обнаружен верх кирпичной кладки на известково-песчаном растворе – остатки задней стены лицевого флигеля начала XIX в., сложенной из кирпичей размерами 0,26 × 0,14 × 0,07 м (рис. 46).

После разборки слоя разрушения у внешнего фасада стены на уровне 2,32 м БС прослежен слой темно-коричневой супеси с включениями строительного мусора, по всей видимости, служившего нивелировочной подсыпкой мощностью 0,50 м, которая на отметках 1,82–1,87 м БС перекрывала слой светло-серой супеси с включениями органики мощностью 0,52 м (рис. 46). В последнем обнаружены детали кожаной обуви, фрагменты черепицы, обломок фаянсового сосуда на ножках в виде львиных лап с человеческими личинами (рис. 47). После снятия слоя светло-серой супеси с включениями органики на уровне 1,30 м БС прослежен слой темно-коричневой супеси с щепой 2 мощностью 0,50–0,55 м. Грунтовые воды, обильно поступавшие с этого уровня, удалялись с помощью насоса (рис. 48). В слое обнаружены многочисленные фрагменты керамической поливной посуды, несколько обломков фарфоровой и фаянсовой посуды, лезвие железного ножа с коротким хвостиком, вилка двузубая с деревянной ручкой (рис. 49), фрагмент железной подковы с двумя ухналями (рис. 50), полусферическая металлическая пуговица на ножке, детали кожаной обуви. Под слоем темно-коричневой супеси с щепой 2 на уровне 0,75 м БС зафиксирован сильно обводненный материк – светло-серая супесь.

Рис. 46. Ул. Лабутина, д. 5. Шурф 3 (2022 г.). Вид с северо-востока

Рис. 47. Ул. Лабутина, д. 5. Шурф 3 (2022 г.). Фрагмент фаянсового сосуда на ножках

Рис. 48. Ул. Лабутина, д. 5. Шурф 3 (2022 г.). Слой темно-коричневой супеси с щепой 2. Вид с северо-запада

Рис. 49. Ул. Лабутина, д. 5. Шурф 3 (2022 г.). Двузубая вилка

Рис. 50. Ул. Лабутина, д. 5. Шурф 3 (2022 г.).
Фрагмент железной подковы

Юго-восточную часть шурфа 3 занимало подовальное помещение флигеля. Под слоем подсыпок обнаружены остатки кирпичного «колодца» размерами 1,15 × 1,35 м, стенки которого были сложены из кирпичей размерами 0,30 × 0,14 × 0,06 см на известково-песчаном растворе. Пол «колодца» выложен обломками кирпичей (рис. 51). Его заполнение – темно-коричневая супесь с фрагментами кирпичей и досок, при разборке сделан ряд находок, датируемых концом XIX в. В частности, были найдены: монета медного сплава 1 копейка 1889 г., монета медного сплава 1/2 копейки 1892 г., бутылочка прозрачного бесцветного стекла с литой рельефной двухстрочной маркировкой «В.З.» и «П.Н.З.» (второй строкой) на одной стороне и «1890» на другой, бутылка «сельтерская» из каменной массы с темно-терракотовой поливкой снаружи и овальным клеймом-оттиском под ручкой P.NAUHEIM & Co WIRGES, горлышки подпрямоугольных флаконов бесцветного стекла, фрагменты бутылок прозрачного зеленого стекла, пробки из пробкового дерева, бельевая алюминиевая пуговица с четырьмя подтреугольными дырочками.

В центральной части шурфа открыт фундамент с остатками кирпичной кладки на известковом растворе мощностью 0,75 м, представлявший собой стену из валунов шириной 1,12 м, уложенных в фундаментный ров без раствора на лежни с забутовкой обломками кирпичей (рис. 52). Следует отметить, что в этом случае лежни помещены непосредственно на материковую поверхность, а слой темно-коричневой супеси с щепой 2 был нарушен фундаментом (рис. 53; 54).

Подводя итог, можно сделать следующие выводы. Выявленные на участке обследования по адресу ул. Лабутина, д. 5 слои темно-коричневой супеси с щепой 1 и 2 можно датировать второй четвертью XVIII – первой четвертью XIX вв. на основании анализа находок из этих слоев и их стратиграфии. Фундамент внутриворотового флигеля, построенного

Рис. 51. Ул. Лабутина, д. 5. Шурф 3 (2022 г.).
Подвальное помещение флигеля. Вид с северо-востока

Рис. 52. Ул. Лабутина, д. 5. Шурф 3 (2022 г.).
Фундамент флигеля. Вид с севера

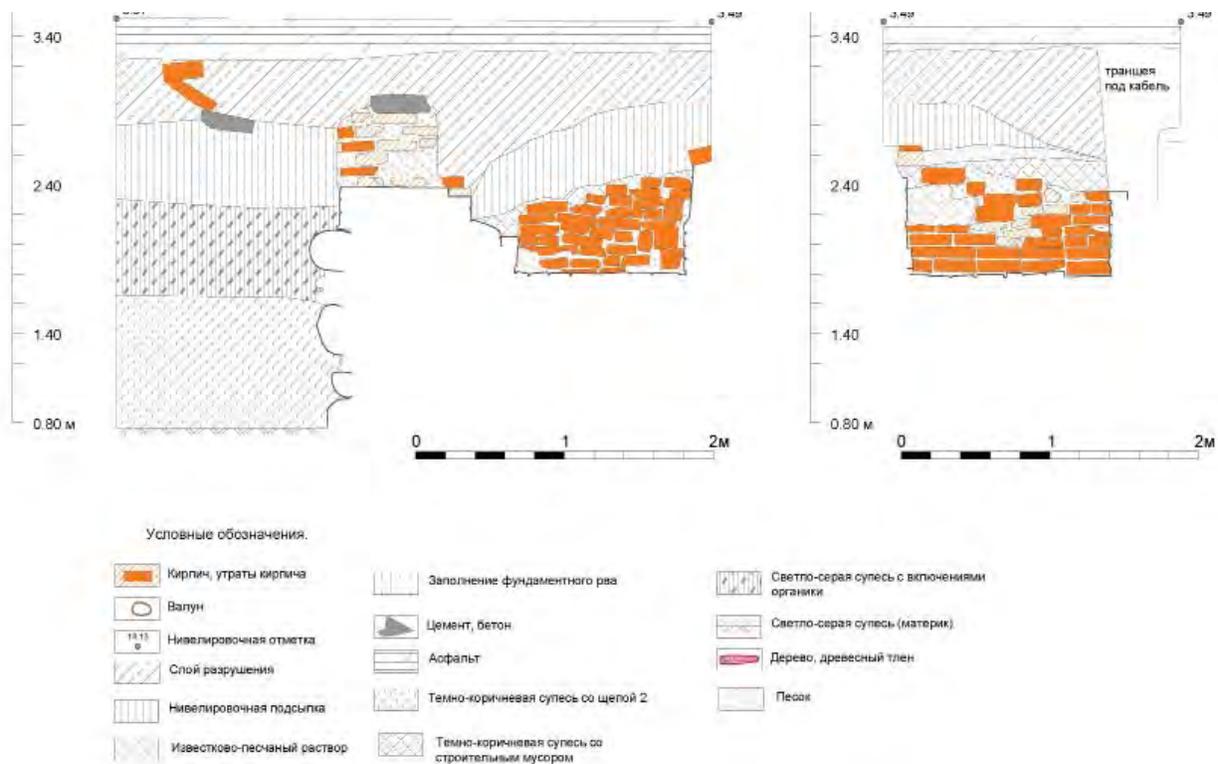

Рис. 53. Ул. Лабутина, д. 5. Шурф 3 (2022 г.). Северо-восточный и юго-восточный борта. Разрезы

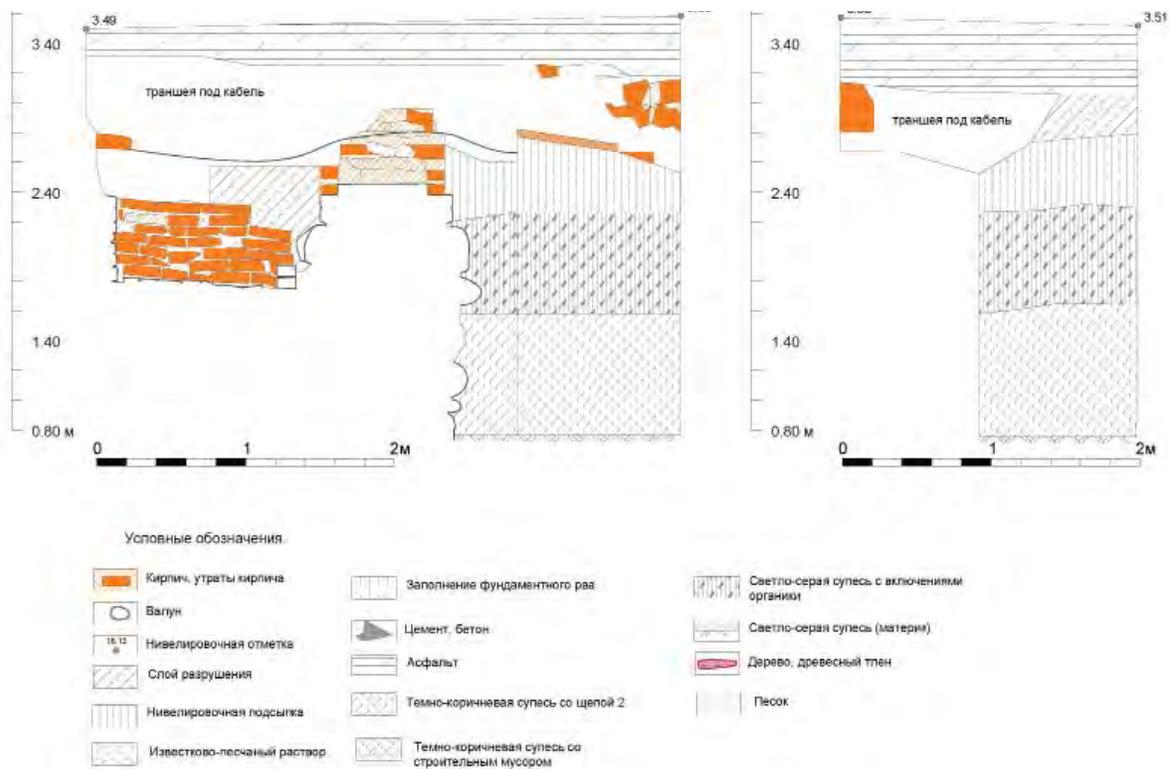

Рис. 54. Ул. Лабутина, д. 5. Шурф 3 (2022 г.). Юго-западный и северо-западный борта. Разрезы

в промежутке между 1828 и 1831 гг., прорезает слой темно-коричневой супеси с щепой 1, в свою очередь слой темно-коричневой супеси с щепой 2 подстилает лежни фундамента, что свидетельствует о том, что к 30-м гг. XIX в. эти слои уже были сформированы.

Источники и литература

- Богданов Г., 1779. Историческое, географическое и топографическое описание Санктпетербурга, от начала заведения его, с 1703 по 1751. СПб.
- Бройтман Л. И., 2007. Загадки Коломны // История Петербурга. СПб. № 4.
- Глиняные игрушки XIV–XVIII вв. из археологических коллекций Владимиро-Суздальского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника: каталог. Владимир, 2002.
- Курбатов А. В., 2023. Коллекция кожи из раскопок на ул. Лабутина, д. 5 в Санкт-Петербурге в 2022 г. // Бюллетень ИИМК РАН. СПб. № 14.
- Малиновский К. В., 2008. Санкт-Петербург XVIII в. СПб.
- Марки фарфора фаянса и майолики. Русские и иностранные. Пособие для любителей и коллекционеров. М., 2001.
- План двора губернской секретарши Прасковьи Садовской, 1831 // ЦГИА. Ф. 513. Оп. 102. Д. 3726. Л. 3.
- План двора коллежского асессора Добродеева, 1866 // ЦГИА. Ф. 513. Оп. 102. Д. 3726. Л. 7.
- Пуговицы XI–XVIII вв. из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника: каталог. Владимир, 2015.
- Brandt J., 2018. Ein Altonaer Wundermittel. URL: <https://amh.de/ein-altonaer-wundermittel/> (дата обращения: 13 августа 2018 г.)

Изучение культурного слоя Санкт-Петербурга в 2020–2023 гг.¹

Е. Ю. Кононович², М. И. Бажин³, Н. А. Кубло⁴

DOI: 10.31600/978-5-6052467-2-54–80

Археологические разведки в границах исторической части Санкт-Петербурга в последние годы ведутся практически непрерывно. Подавляющее большинство этих исследований связано с проведением историко-культурной экспертизы земельных участков. У подобного формата работ есть свои преимущества и недостатки. С одной стороны, отсутствие раскопок не позволяет получить статистически значимое количество материала и исследовать закрытые комплексы, с другой – постоянные разведки в случайных местах позволяют картографировать культурный слой города, оценить его сохранность и информационный потенциал. Целью данной статьи является введение в научный оборот первичной информации о результатах разведочных работ ИИМК РАН на территории города, проводившихся в 2020–2023 гг., в результате которых был изучен культурный слой Петербурга второй половины XVIII – начала XIX вв. (рис. 1).

Домик Петра

В 2022 г. Городской археологической экспедицией ЦСА ИИМК РАН в рамках историко-культурной экспертизы проводилось обследование у Домика Петра на Петроградском острове в границах проектируемых сетей освещения. Проектируемые сети и опоры проходили вдоль внешней стороны ограды Домика Петра, а также вдоль Петровской улицы по кромке газона между трассой Петровской

улицы и домом № 4 (рис. 2). Археологическое обследование у Домика Петра проводилось П. Е. Сорокиным в 2007 и 2013 гг. В ходе работ была получена информация об историческом ландшафте и сделан вывод о том, что культурный слой начала XVIII в. и более ранних периодов переотложен или не сохранился (Сорокин, Матвеев, 2016). Исследователями также было высказано предположение, что домик рубили не на месте, так как в слое отсутствовала щепка. Все 13 шурфов были связаны с реставрацией Домика и были заложены в пределах ограды (Сорокин, Матвеев, 2016). Разведочные шурфы 2022 г. были заложены за пределами ограды и показали несколько иную, отличающуюся от шурфов 2007 и 2013 гг. ситуацию, сложившуюся у одной из первых построек в Санкт-Петербурге. Всего было заложено три шурфа. Шурф 1 расположен на месте вскрытой кабельной траншеи, пробившей остатки фундамента дома причта Петропавловского собора в 27 м на северо-северо-запад от Домика, на газоне между проезжей частью и жилым домом № 4 по Петровской улице. Шурфы 2 и 3 было решено расположить исходя из реконструкции береговой линии XVII–XIX вв., предложенной П. Е. Сорокиным: с запада и востока от Домика Петра. Таким образом, шурф 2 был размещен на участке суши с востока от Домика, шурф 3 – на урзе реконструируемой береговой линии конца XVII – начала XVIII вв., с запада от Домика (рис. 2).

Размеры шурфа 1 (рис. 2–5) составили 2 × 2 м, максимальная глубина – 2,1 м. Дневная поверхность шурфа находилась на отметке 2,91 м БС. Работы были начаты не с уровня дневной поверхности: шурф прирезан к кабельной траншее размерами 0,5 × 1,0 м и расширен до размеров 2 × 2 м. К началу работ была вскрыта кирпичная кладка и частично пробита растворная заливка. В шурфе прослежена следующая стратиграфия (по южной стенке): дерн и современная плодородная почва мощностью до 0,15 м; серая мешаная супесь (современная нивелировочная подсыпка) мощностью до 0,4 м; серо-коричневая мешаная супесь с включением строительного мусора и битого кирпича мощностью до 0,6 м, слой лежал на растворе (пол конструкции),

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № FMZF-2022-0016 «Совершенствование методики проведения охранно-спасательных археологических мероприятий и внедрение цифровых технологий в археологии».

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: kononovichekaterina@gmail.com.

³ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: bazhinmaxim7@gmail.com.

⁴ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: nikolaykublo@yandex.ru.

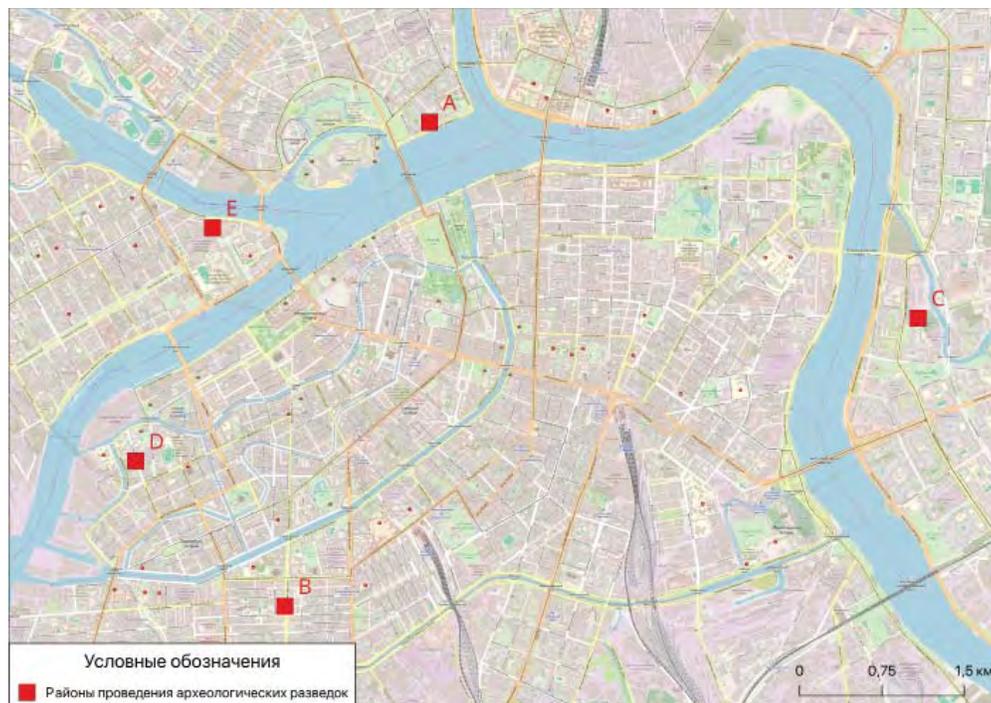

Рис. 1. Карта Санкт-Петербурга с указанием мест проведения археологических разведок в 2020–2023 гг.:
 А – Домик Петра; В – гвардейские слободы; С – Новочеркасский пр., д. 8; D – Английский пр., д. 13;
 Е – Биржевая линия, д. 14

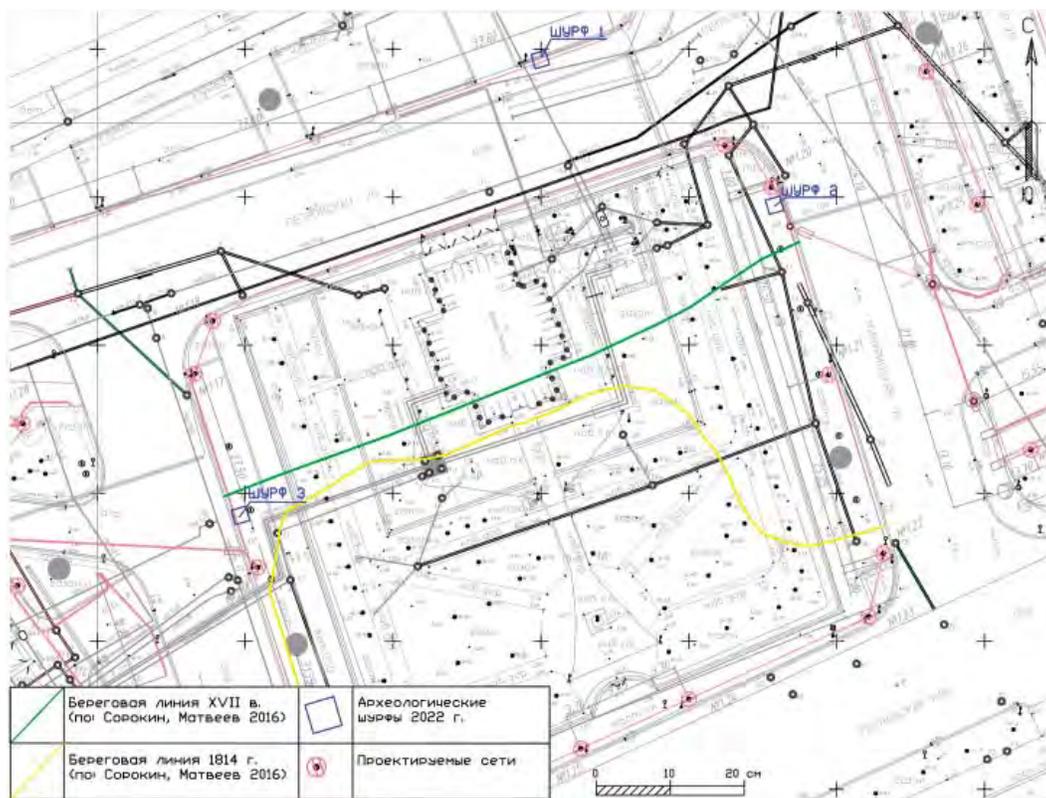

Рис. 2. Домик Петра. 2022 г. Топографический план с указанием проектируемых сетей, археологических шурфов и реконструкции береговой линии

Рис. 3. Домик Петра. 2022 г. Шурф 1. Кирпичная кладка и бутовый фундамент. Вид с юга

Рис. 4. Домик Петра. 2022 г. Шурф 1. Стратиграфия южной стенки. Вид с севера

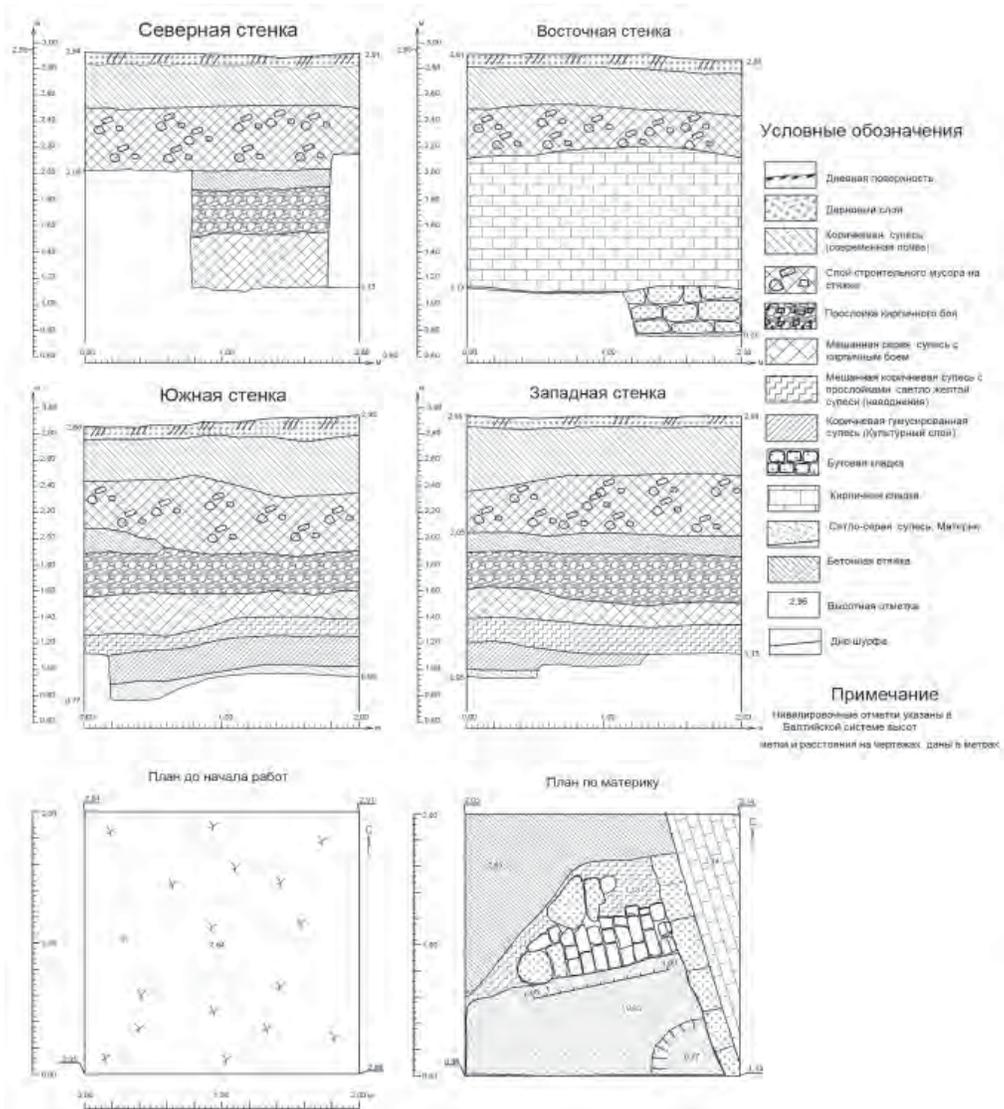

Рис. 5. Домик Петра. 2022 г. Шурф 1. Планы и разрезы

на отметках около 2,09–2,00 м БС был расчищен верх растворной заливки в северо-западном углу шурфа; прослойка мешаной коричневой слабогумусированной супеси со светло-желтой материковой супесью мощностью до 0,2 м; коричневая гумусированная супесь – погребенная почва мощностью до 0,20 м; материк (светло-желтая супесь) выявлен на отметках 0,75 м БС.

В процессе расчистки стало понятно, что заливка – это пол, предположительно подвала здания. В северо-восточной части шурфа на отметках чуть выше пола (2,15–2,10 м БС) была расчищена кирпичная кладка, уходившая в северную и южную стенки шурфа. Заливка вплотную примыкала к кладке. Кладка состояла из 16 рядов красноглиняных кирпичей без клейм. Размеры кирпичей (26,7 × 12,8 × 6,0 см) позволяют отнести их ко второй половине XVIII в. Заливка лежала на слое из сплошного битого кирпича (порядка 0,4 м) – прием, использовавшийся для забутовки пустот между ленточным фундаментом. Нижележащий слой заполнения состоял из битого кирпича и мешаной серой супеси толщиной около 0,4 м.

Кирпичная кладка лежала на бутовом фундаменте. Верх отмотки цоколя находился на уровне 1,13 м БС. Вскрыто два ряда бутовой плиты. Бутовый фундамент впущен в материк. С запада на восток от отмотки цоколя была прослежена кирпичная кладка, уходящая в западный борт шурфа. Кладка выложена в 2–3 кирпича, в один ряд, шириной 0,58 м, видимой длиной 1,8 м. Ряды сложены из целых и фрагментированных кирпичей. Выявленный фрагмент кирпичной кладки на бутовом фундаменте относится к зданию причта Петропавловского собора. Точная дата постройки дома не известна, в ЦГИА СПб сохранились дела об отведении места вблизи Троицкого собора на Петербургской стороне священнослужителям для постройки домов по Дворянской улице в 1786 г. (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 13253). Описание дома причта Петропавловского собора содержится в «Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии» (Историко-статистические, 1869. С. 117, 118). Подробно останавливаться на нем не будем, отметим лишь, что к началу XIX в. дом служителей Петропавловского собора находился в третьем участке Петербургской части на углу Невской набережной и Малой Дворянской ул. Дом состоял из главного каменного трехэтажного корпуса, обращенного фасадом на Малую Дворянскую ул., и каменного двухэтажного флигеля, обращенного фасадом на Неву (ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 8219). Дом был разрушен в 1941 г.

В южной части шурфа был вскрыт участок культурного слоя, незатронутый строительной деятельностью (темно-коричневая гумусированная супесь), лежащий на материке. Верхние горизонты культурного слоя мешаные со светло-желтой супесью, возможно следы наводнений – характерная ситуация для Петроградского острова. Вскрытый участок находился внутри конструкции под заливкой пола, мощность культурных напластований достигала 0,55 см. Слой достаточно неоднородный, слабо выраженный, по всей площади вскрытого участка читались небольшие ямы и перекопы. Основная масса находок, полученная в результате работ, происходит из этого слоя. Всего найдено 21 ед. археологического материала. Среди находок стоит выделить археологически целый светлоглиняный гончарный горшок (рис. 6). Изделие характерно для Северо-Запада, после обжига сосуд приобретает светло-розовый оттенок, в изломе прослеживается серая полоса. Период бытования таких горшков довольно широк, однако наиболее высока их концентрация в культурных слоях города и области, относящихся к XVIII в. Также из слоя происходит фрагмент пивной кружки из каменной массы с кобальтовой полихромной росписью, датируемый XVII – началом XVIII вв. (рис. 7: 6). В слое найдено значительное количество красноглиняной желобчатой черепицы (рис. 8) и фрагмент лицевого красноглиняного изразца с полихромной (вероятно, темно-синей по белому фону) росписью голландского типа (рис. 9), но, вероятно, русского производства, аналогичные фрагменты были встречены при работах 2007 и 2011 гг. (Сорокин, Матвеев, 2016. С. 71).

Шурф 2 (рис. 2; 10; 11) заложен к востоку от ограды Домика Петра, на газоне между тротуаром и проезжей частью, в 16 м на восток от Домика Петра и в 93 м на север от берега Невы.

Рис. 6. Домик Петра. 2022 г. Шурф 1. Светлоглиняные гончарные сосуды

Рис. 7. Домик Петра. 2022 г. Археологические находки: 1 – венчик сероглиняного орнаментированного сосуда; 2 – стенка лощеного сосуда; 3 – донце фаянсового блюда; 4 – донце фарфоровой чашки; 5 – венчик трипода; 6 – донце сосуда из каменной массы; 7 – фрагмент стебля курительной белоглиняной трубки; 8 – профиль фарфоровой чашки; 9 – красноглиняный подсвечник; 10 – фаянсовая крышка; 11 – монета; 12 – лодейная клепка; 13 – фрагменты глиняной бутылки рижского бальзама

Дневная поверхность находилась на отметках 2,15–2,20 м БС, материк прослежен на отметках 0,05–0,10 м БС. Вдоль западной и восточной стенок шурфа зафиксированы траншеи. Мощность нивелировочной современной подсыпки (техноген) составила около 0,8 м. Слой содержал строительный мусор, полиэтилен и был насыпан на прослойку стерильного желтого карьерного песка, залегающего на булыжном мощении (верх мощения на уровне 1,35 м БС). Мощение булыжником сохранилось частично вдоль восточного борта шурфа. Последнее существовавшее на данном участке дорожное покрытие в виде мощения функционировало в начале XX в., согласно архивным данным. Соответственно, все лежащие под мощением слои и подсыпки могут быть датированы концом XIX в. Восточную

Рис. 8. Домик Петра. 2022 г. Археологические находки: 1, 2 – черепица

часть шурфа заняла траншея под деревянный срубный короб (коллектор?). Заполнение траншеи – коричневая мешаная супесь. В нем встречено большое количество археологического материала, подобного находкам из нижележащего слоя, ненарушенного траншеей. На отметках 0,95–1,00 м БС зафиксирован верхний горизонт культурного слоя, представляющий собой коричневую мешаную супесь с кирпичной крошкой мощностью не более 0,2 м. Нижний горизонт культурного слоя мощностью 0,70–0,88 м залегал на стерильной тонкой прослойке погребенной почвы «перемытой» с большим количеством серой супеси.

Культурный слой – насыщенный органикой темно-коричневый сильно гумусированный слой – содержал в себе находки XVIII – начала XIX вв. Всего обнаружено 326 находок на площади менее 4 кв. м. Слой содержал значительное количество органических материалов, в основном древесные отходы от строительства (щепка, стружка, кора, спилы). Таким образом, была зафиксирована ненарушенная стратиграфия напластований в центральной части шурфа, у восточного борта

Рис. 9. Домик Петра. 2022 г. Археологические находки: 1–5 – изразцы

Рис. 10. Домик Петра. 2022 г. Шурф 2. Уровень верха культурного слоя. Вид с востока

культурный слой был нарушен траншеей под деревянную канализацию, у западного профиля дно траншеи частично пробивало верх культурного слоя. Предназначение траншеи неизвестно.

Шурф 3 (рис. 2) заложен к западу от ограды Домика Петра на газоне между тротуарной и проезжей частью, в 23 м на восток от Домика Петра, в 89 м на север от берега Невы. Размеры

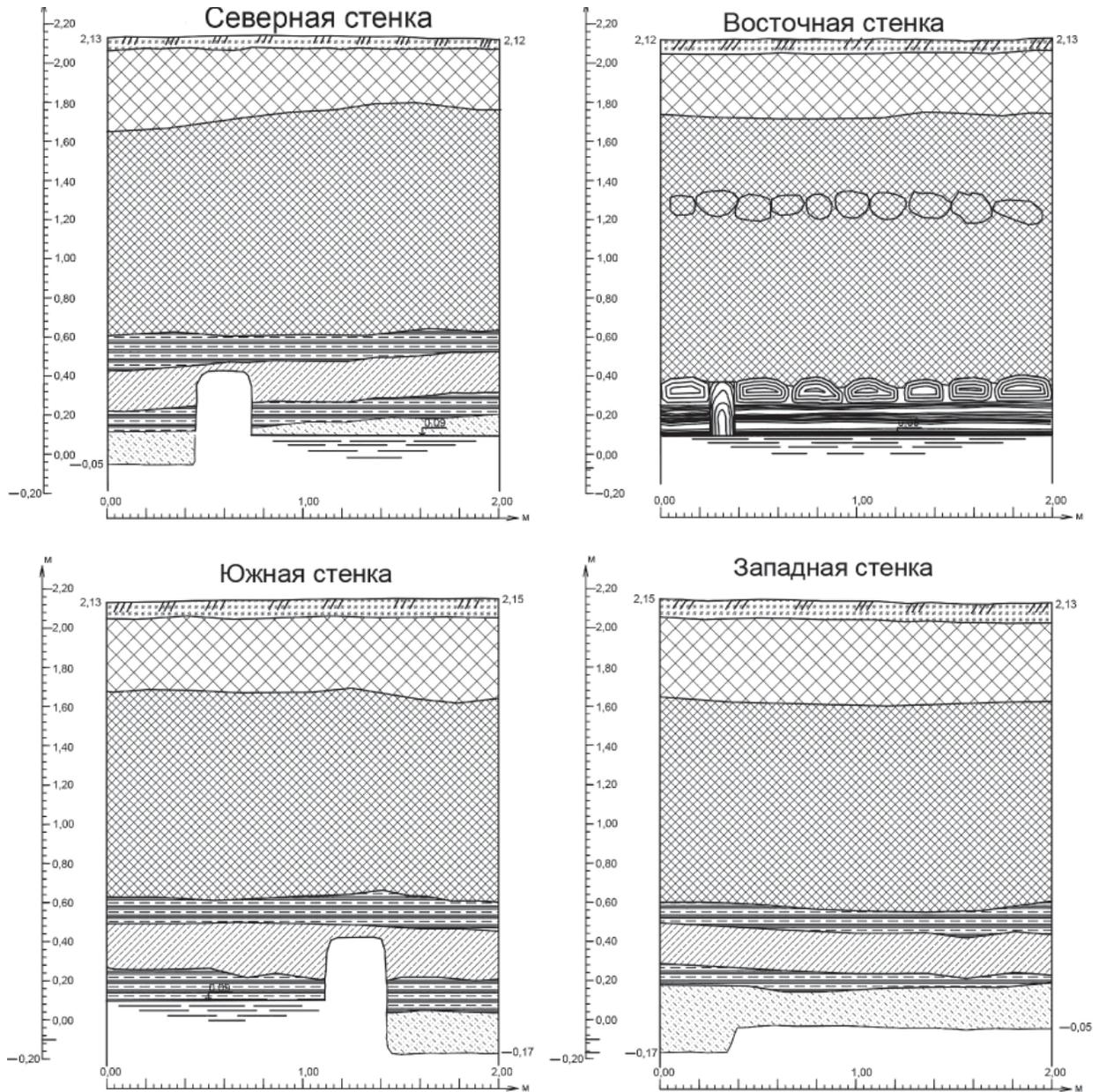
шурфа составили 2×2 м, максимальная глубина – 2,1 м, Материковая поверхность прослежена ниже уровня грунтовых вод на отметках 0,15–0,10 м БС. Грунтовые воды появились на уровне 0,8 м БС. Дневная поверхность шурфа находилась на уровне 2,15 м БС. Стратиграфия аналогична описанной для шурфа 2. В культурном слое найдено 126 ед. археологического материала.

Собранная в ходе разведок у Домика Петра коллекция археологического материала насчитывает 529 находок. Керамические изделия представлены столовой, кухонной и тарной посудой, архитектурно-облицовочными изделиями и фрагментами курительных белоглиняных трубок.

Кухонная посуда в большинстве своем представлена сероглиняными и светлоглиняными горшками без поливы. Все экземпляры типологически делятся на три группы: горшки с прямым венчиком в форме валика, отогнутого наружу, плотно прилегающего к короткой шейке сосуда; горшки со скошенным наружу выделенным венчиком в форме валика; сосуды с s-образным профилем (венчик слегка отогнут наружу) (рис. 12; 13). Среди сероглиняной керамики выделяется фрагмент венчика кувшина (?) с орнаментом насечками по внутренней и внешней стороне венчика, а также на бортике между венчиком и шейкой, на которой нанесен орнамент волнистой линией (рис. 7: 1). В коллекции присутствует стенка лощеного орнаментированного сосуда (рис. 7: 2). В техногенных подсыпках были найдены фрагменты красноглиняных цветочных горшков.

В слое щепы красноглиняная поливная керамика отсутствовала, за исключением двух фрагментов, по своим типологическим признакам и характеру поливы относящихся к посуде европейского типа: венчик (трипода?) с рельефной внешней стороной (рис. 7: 5) и донце с ангобом по внешней стороне и зеленой поливой внутри. К импортной керамике относятся фрагмент сосуда из каменной массы (рис. 7: 6) и фрагмент фаянсового блюда с темно-синей, фактически черной, цветочной росписью (рис. 7: 3). В слое щепы найден фрагмент стебля курительной белоглиняной трубки с опоясывающим орнаментом елочкой и надписью «...FABRIC... ROSTIN» (рис. 7: 7). Такие трубки производились на мануфактуре в Ростине (Польша). Фабрика функционировала в период с 1753 по 1804 гг. (Witkowska, 1989–1990. С. 283, 284).

Еще одна интересная находка представлена фрагментом стенки бутылки рижского бальзама (рис. 7: 13). Известно, что бутылки для бальзамов

Условные обозначения

- Дневная поверхность
- Дерновый слой
- Нивелировочная подсыпка
- Нивелировочная подсыпка 2
- Слой щепы
- Темно-коричневая гумусированная супесь со щепой (культурный слой)

- Фрагменты деревянных конструкций
- Светло-серая супесь. Материк
- Уровень грунтовых вод
- Высотная отметка
- Дно шурфа

Примечание

1. Нивелировочные отметки указаны в Балтийской системе высот
2. Отметки и расстояния на чертежах даны в метрах

Рис. 11. Домик Петра. 2022 г. Шурф 2. Чертежи

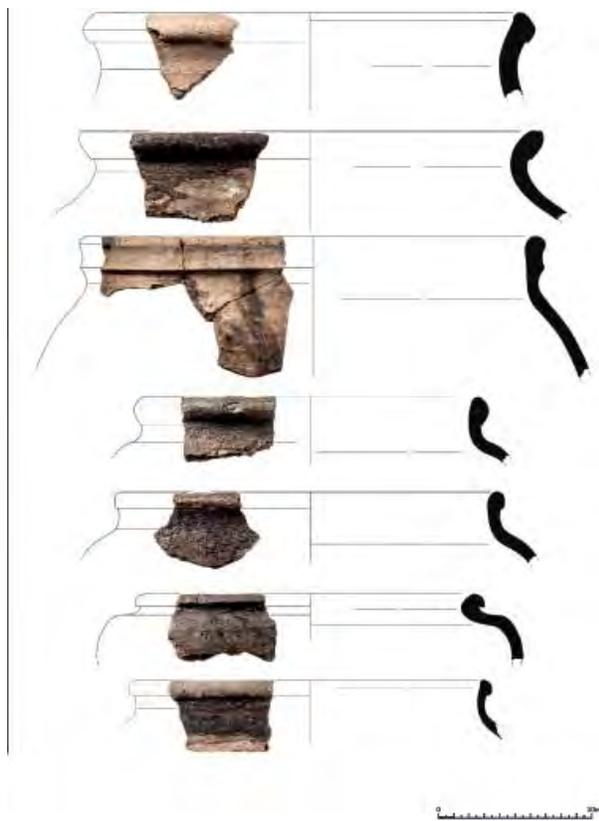

Рис. 12. Домик Петра. 2022 г. Археологические находки. Венчики светлоглиняных и сероглиняных сосудов

и минеральной воды изготавливались из каменной массы, но данный экземпляр сделан из красножгущейся глины и покрыт с двух сторон бежевой поливой. На фрагменте сохранилась часть клейма в виде вдавленного круга, обведенного темно-коричневой и синей росписью, внутри круга читаются вдавленные буквы «...ALS...M». Вероятно, это фрагмент бутылки рижского бальзама производства второй половины XVIII в. Вокруг этого продукта кипели нешуточные страсти, после смерти изобретателя целебного бальзама началась борьба с подделками, множество фабрик производило в то время травяные бальзамы, в том числе и фабрика русского купца-предпринимателя родом из Вязьмы Семена Лелюхина. Вероятно, данный фрагмент относится именно к его производству (Brinkmann, 2019).

Следующая категория находок – столовая фарфоровая и фаянсовая посуда. Среди хорошо определенных изделий можно выделить фарфоровую чашку с росписью «Strohblumenmuster» (рис. 7: 8). Этот узор был впервые использован Мейсенской мануфактурой в 1740-х гг. Поверхность изделий при этом была ребристой, повторяя пучок злаковых

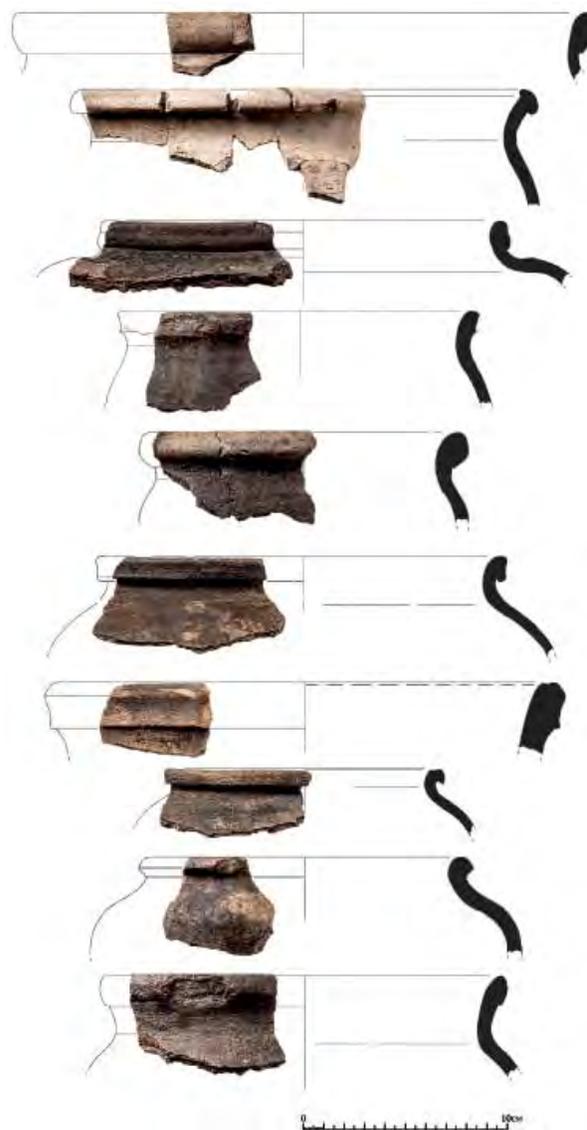

Рис. 13. Домик Петра. 2022 г. Археологические находки. Венчики светлоглиняных и сероглиняных сосудов

стеблей, поэтому за росписью закрепилось название «соломенные цветы» (Röntgen, 2004). К Мейсенской мануфактуре относится и фрагмент чашки с цветочной полихромной росписью, на донце которого клеймо в виде перекрещенных шпаг со звездочкой (клеймо периода 1774–1812 гг.) (рис. 7: 4). Характерной для находок второй половины XVIII в. является фаянсовая крышка с лепным цветком на внешней поверхности изделия (рис. 7: 10) и простой красноглиняный круглый подсвечник (рис. 7: 9).

Архитектурно-облицовочная керамика представлена фрагментами желобчатой черепицы без клейм (рис. 8) и печных красноглиняных

изразцов (рис. 9). Часть изразцов относится к типу красноглиняных с плоской лицевой поверхностью с синей росписью по белому фону, центральная часть утрачена, на ней, вероятно, была сюжетная композиция. На фрагментах читается прямоугольная рамка в виде прямых полос, соединяющихся в углах стилизованными угловыми цветами. Схожие мотивы росписи представлены на изразцах летнего домика Петра I и часто встречаются в слоях XVIII в. в Санкт-Петербурге (Реброва, 2021). Второй узнаваемый мотив на одном из фрагментов изразца – ваза, выполненная темно-синей росписью, – широко распространен в XVIII в. (Медведев, 2021).

Металлические изделия представлены фрагментами кованых гвоздей, замков, строительной фурнитуры, присутствует корабельная заклепка (рис. 7: 12) и монета 1797 г. достоинством 2 копейки, найденная в верхнем горизонте слоя в шурфе 2 (рис. 7: 11). Изделия из стекла представлены донцами и горлышками бутылок; изделия из дерева – различными затычками, поплавком, фрагментом наборной кадки и обломками миски (рис. 14).

Наибольший интерес представляют найденные в верхнем горизонте культурного слоя шурфа 3 фрагменты кожаных переплетов книг издательства Русского Библейского общества (рис. 15; 16). Хорошо определимы два переплета, принадлежавшие Библии и Псалтыри. Оба экземпляра по орнаменту корешка и клею на лицевой части переплета могут быть отнесены к первому изданию 1822 г. (Книга хвалений или Псалтырь на русском языке. Первое издание. Иждивением Российского библейского общества. СПб.: Тип. Н. Греча, 1822). Библейское общество было учреждено 11 января 1813 г. в Санкт-Петербурге по высочайшему повелению государя императора Александра I (О цели Российского, 1815).

Таким образом, разведочные работы вблизи Домика Петра подтвердили выводы П. Е. Сорокина о том, что культурный слой наиболее раннего периода освоения территории (известного нам по письменным источникам) отсутствует или уничтожен, культурный слой XVIII в. потревожен активной хозяйственной деятельностью XIX в., происходившей у Домика Петра и в его окрестностях.

Измайловская слобода

Летом 2023 г. ЦСА ИИМК РАН были проведены разведочные полевые исследования в южной части Адмиралтейского района, на территории бывшей Измайловской гвардейской слободы Санкт-Петербурга (рис. 17). Слобода возникла в 1739 г.,

Рис. 14. Домик Петра. 2022 г. Археологические находки: 1 – фрагмент кадки; 2 – обломки миски; 3 – кольцо; 4 – затычка; 5 – поплавок; 6 – горлышко бутылки с пробкой; 7 – фрагмент льняной стельки (?); 8 – донце бутылки (1–5 – изделия из дерева; 6, 8 – изделия из стекла)

когда указом императрицы Анны Иоанновны земли к югу от Фонтанки были переданы для строительства гвардейских полковых слобод, в которых должны были разместиться военнослужащие с семьями. Измайловский гвардейский полк занял территорию, ограниченную р. Фонтанкой, Обводным каналом, современными Лермонтовским и Московским пр. Восточнее были возведены аналогичные слободы для Семеновского и Преображенского полков (ПСЗРИ, 1830. С. 966–968). Причиной создания слобод послужил тот факт, что с самого основания Петербурга на территории города находился значительный воинский контингент, при этом специально отведенные для размещения солдат и офицеров строения отсутствовали. Летом солдаты проживали в палатках, а в зимнее время размещались по квартирам горожан. Подобный порядок, естественно, создавал существенные

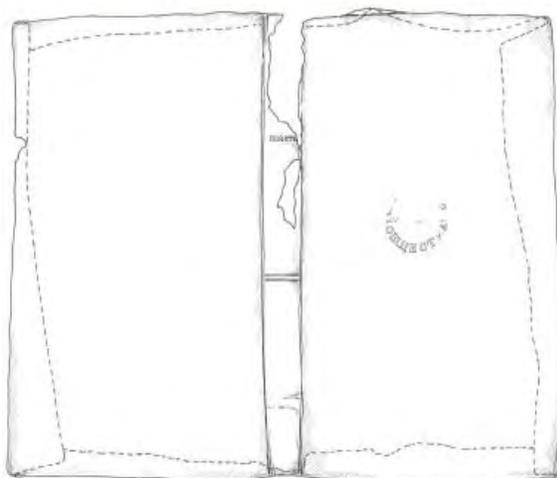

Рис. 15. Домик Петра. 2022 г. Археологические находки. Кожаный переплет Псалтыри

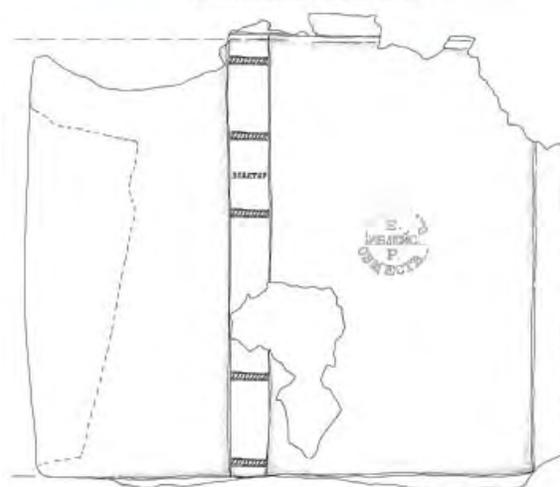

Рис. 16. Домик Петра. 2022 г. Археологические находки. Кожаный переплет Библии

неудобства для горожан и сказывался на качестве несения воинской службы. Первые мероприятия, направленные на создание солдатских слобод, предпринимались еще при Петре I, однако завершены не были (Антонов, 2001. С. 118, 119).

Строительство всех трех гвардейских слобод окончилось к 1743 г. В плане каждая слобода состояла из одной полковой и нескольких, перпендикулярных ей, ротных улиц, в общих чертах эта планировка сохранилась до современности (рис. 18). Полковой улицей Измайловской слободы был современный Измайловский пр., ротные улицы ныне называются Красноармейскими. Ширина улиц была нормирована и составляла 12 сажень для полковой и 10 сажень для ротных. На каждой ротной улице строилось 20 деревянных изб на каменных фундаментах, называвшихся связями. Каждая

связь представляла собой большие сени, по бокам от которых располагались солдатские комнаты, имелся собственный двор, зачастую занятый хозяйственными постройками и огородами. Каждая рота имела свой общий двор и плац. За пределы жилой зоны были вынесены цейхгауз, конюшни, полковой двор и дома штаб-офицеров. На окраине слободы располагались полковые огороды. В слободах каждый солдат проживал со своей семьей, если имелась, во дворах разрешалось вести подсобное индивидуальное хозяйство, содержать огороды и скот. По существу, гвардейские слободы полностью укладывались в градостроительную логику Петербурга XVIII в., когда большая часть города состояла из более-менее обособленных слобод, население которых было объединено единой профессией. Закончилась история гвардейских слобод в первом десятилетии XIX в. В правление

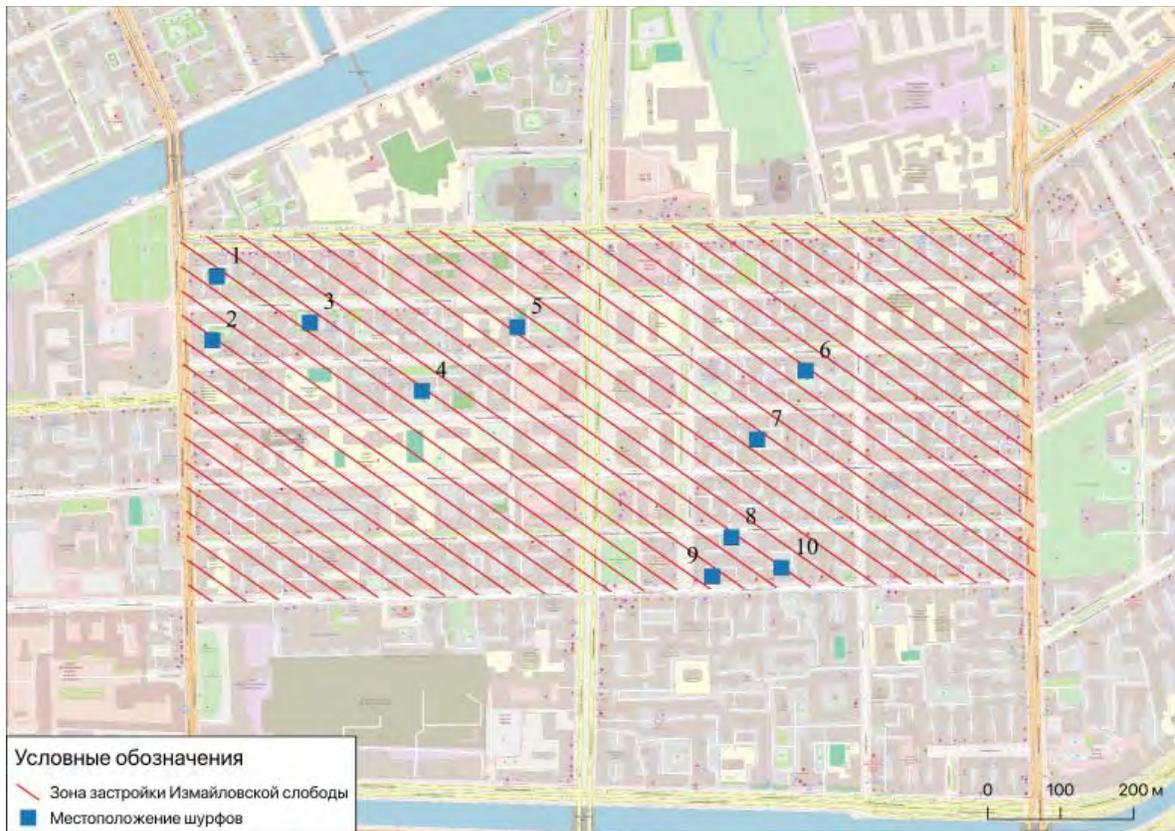

Рис. 17. Гвардейские слободы. 2023 г. Территория застройки Измайловской слободы в середине XVIII – начале XIX вв. и местоположение археологических шурфов

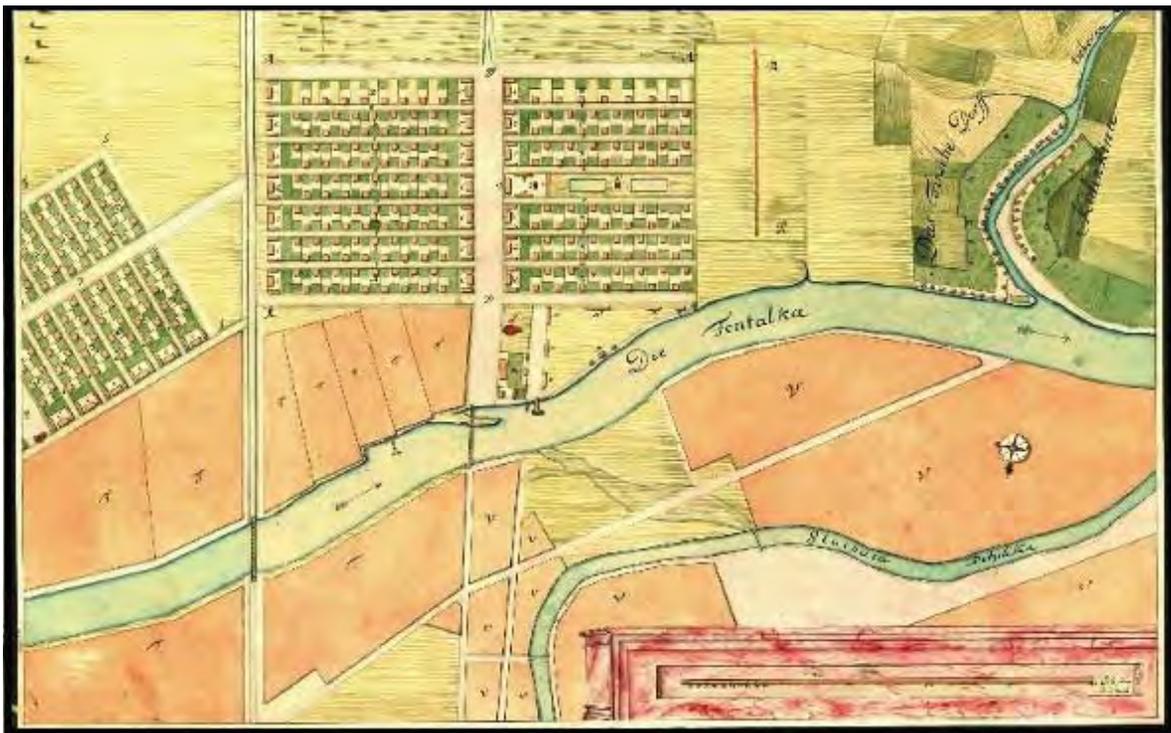

Рис. 18. Гвардейские слободы. 2023 г. План Измайловской слободы на шведской карте Санкт-Петербурга, 1740-е гг.

Павла I принцип размещения воинских частей в слободах был признан неэффективным, снижающим уровень дисциплины. Правительством было принято решение о размещении гвардейцев в каменных казармах, специально возведенных для этого на бывшей полковой улице (совр. Измайловский пр.). Переселение солдат из слободы в казармы состоялось в 1804–1810 гг., после чего освободившиеся территории были переданы под застройку частным лицам.

В рамках разведки на территории бывшей Измайловской слободы было заложено десять археологических шурфов. Шурфы 1–3 расположены в северо-западной части территории слободы, во дворах домов по адресам: Троицкий пр., д. 17, Лермонтовский пр., д. 40–42 и 13-я Красноармейская ул., д. 22. Шурфы 4 и 5 также расположены в западной половине слободы, но ближе к центральному Измайловскому пр. Шурфы 6–10 равномерно распределены по восточной половине слободы в квартале, ограниченном 3-й и 7-й Красноармейскими ул., ул. Егорова и Советским пер. (рис. 17). Все шурфы расположены на дворовых территориях, а учитывая тот факт, что красные линии улиц не претерпели существенных изменений, можно утверждать, что обследованные участки относились к зоне внутренних дворов XVIII в. (рис. 18). Данный факт, с одной стороны, заранее исключал возможность обнаружения остатков самих изб-связей, с другой – накопление культурного слоя во дворах в результате замусоривания и ведения хозяйственной активности, как правило, происходит более интенсивно, что позволило исследовать насыщенные находками участки слободы.

В четырех шурфах (1, 4, 8 и 10) культурные отложения полностью уничтожены позднейшим строительством и инженерными коммуникациями. В шурфах 6, 7 и 9 зафиксирован непотревоженный культурный слой периода существования Измайловской гвардейской слободы (середина XVIII – начало XIX вв.). В остальных шурфах отмечены мешаные археологические слои, содержащие наряду с находками XVIII в. более поздние предметы. Стратиграфия всех шурфов, исключая случаи, где культурные отложения полностью уничтожены коммуникациями или фундаментами, схожа и типична для центральной части Санкт-Петербурга. Культурный слой перекрыт слоями строительного мусора середины – второй половины XIX в., выше которых, в свою очередь, фиксируются этапы городского благоустройства вплоть до современности. Как и на большей части территории города, культурный слой достаточно влажный для того, чтобы в нем сохранялись предметы из органических материалов, в частности фрагменты кожаной обуви.

Шурфы 2 и 3 расположены ближе к западной границе Измайловской слободы, во дворах зданий Лермонтовский пр., д. 40–42 и 13-я Красноармейская ул., д. 22, соответственно. На обоих участках культурный слой периода существования слободы присутствовал, однако существенно поврежден более поздними объектами. Тем не менее в результате работ получена коллекция предметов, в которой наряду с более поздними вещами есть и находки, отложившиеся в период существования слободы. В шурфе 2 зафиксирована впущенная в культурный слой и материк траншея с металлической трубой и еще две поздние ямы. Объекты повредили культурный слой на большей части площади шурфа. Из заполнения траншеи происходят две монеты 1730-х и 1789 гг. При этом ранняя монета найдена в верхней части заполнения объекта. Вероятнее всего, наблюдаемая ситуация сформировалась в результате обратной засыпки траншеи культурным слоем, в котором она была выкопана. С некоторой осторожностью с переотложенным культурным слоем XVIII в. можно также связать обломки стебля голландской трубки, сельтерских бутылок и фрагменты белоглиняной керамики с полихромной росписью, имитировавшей фаянс.

Около трети шурфа 3 занимает мусорная яма с материалом конца XIX – начала XX вв. Непотревоженный слой содержит предметы, которые можно предварительно датировать второй половиной XVIII – последней третью XIX вв.: то есть в нем содержатся находки как периода существования слободы, так и предметы отложившиеся, очевидно, после ее ликвидации. К поздним находкам относятся окрашенная чашка турецкой трубки и стеклянный флакон, с XVIII в. связаны фрагмент стебля голландской трубки и часть керамических сосудов (рис. 19). Разделить керамический комплекс между периодами существования слободы и более поздним периодом не представляется возможным.

Общее количество находок в шурфах 2 и 3 заметно меньше, а датировка слоя шире, чем в шурфах в восточной части слободы (см. ниже). Данная ситуация согласуется с тем фактом, что шурфы расположены на окраине поселения (западнее Лермонтовского пр. застройка отсутствовала, территория была занята полковыми огородами).

Шурф 6, заложенный во дворе дома по адресу: 3-я Красноармейская ул., д. 10, оказался наиболее информативным. На этом участке выявлен стратифицированный культурный слой середины – второй половины XVIII в. Под слоями непотревоженного булыжного мощения и строительного мусора второй половины XIX в., на уровне 2,5 м БС обнаружен деревянный настил, состоявший из

Рис. 19. Гвардейские слободы. 2023 г. Шурф 3. Археологические находки из культурного слоя второй половины XVIII – конца XIX вв.

досок шириной около 0,3 м, лежащих на двух поперечных лагах такого же размера (рис. 20). Настил занимает большую часть площади шурфа, доски уходят в северную, западную и южную стенки. Северо-восточный угол настила поврежден более поздней ямой, границы которой теряются на фоне темно-бурой супеси, на которой лежит настил. Определить назначение этой деревянной конструкции, не расширяя шурф, не представляется возможным, однако, скорее всего, настил является полом дворовой хозяйственной постройки.

Настил перекрыл слой коричневой супеси с щепой и кирпичной крошкой, мощностью 0,35 м (рис. 21). Из слоя со щепой происходят более ста находок, в том числе три глиняных светильника, ножка патинированной стеклянной рюмки мануфактурного производства и фрагмент белого поливного изразца с голубым трельяжным орнаментом (рис. 22: 1, 2, 10). Также из слоя происходит набор фрагментов кухонной и столовой посуды, характерный для культурного слоя Петербурга рубежа XVIII – XIX вв. (рис. 22: 3, 4, 7–9, 11). Кухонная керамика представлена фрагментами сероглиняных горшков с сильным нагаром, столовая – красноглиняными сосудами различных форм с коричневой и желтой поливой.

Рис. 20. Гвардейские слободы. 2023 г. Шурф 6. Деревянный настил. Вид с северо-востока

Рис. 21. Гвардейские слободы. 2023 г. Стратиграфия шурфа 6. Восточный борт

Ниже коричневого слоя со щепой прослежен слой темно-серой гумусированной супеси мощностью 0,55 м, еще более насыщенный находками. Состав находок типичен для городского слоя XVIII в. (рис. 23). Наиболее точную датировку слоя дает монета Екатерины II 1780 г. (рис. 23: 1). К характерным для XVIII в. находкам можно отнести также четыре обломка стеблей белоглиняных курительных трубок и фрагменты керамической тарелки, подражающей фаянсовым изделиям с белой поливой и полихромной росписью (рис. 23: 2–4; 24: 2) (Михайлова, 2020. С. 358). Набор керамики, происходящий из слоя темно-серой супеси, несколько отличается от массового материала в вышележащем слое (рис. 24: 2–5; 25). В слое присутствуют фрагменты от нескольких белоглиняных горшков, в том числе украшенные двустрочным волнистым орнаментом (рис. 25: 2, 4, 6, 8, 9). На поливной керамике

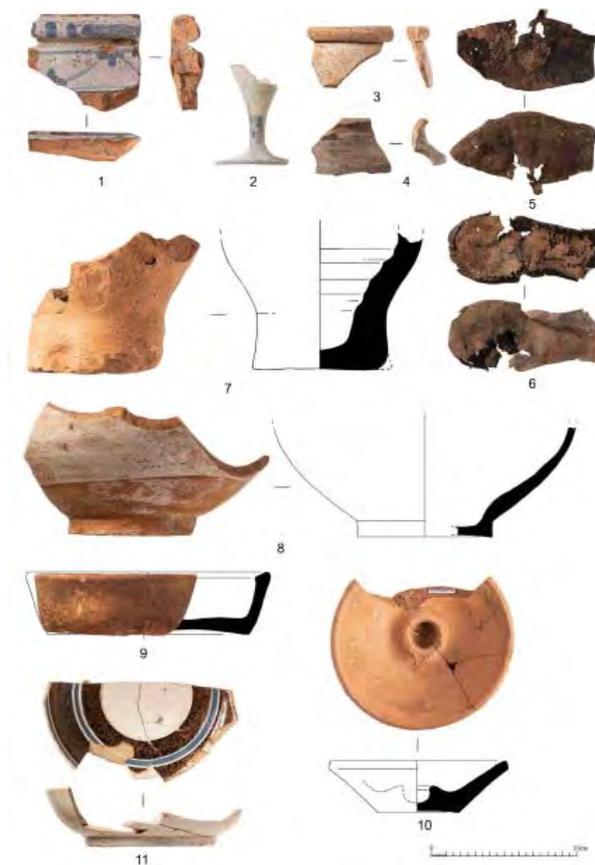

Рис. 22. Гвардейские слободы. 2023 г. Шурф 6. Археологические находки из культурного слоя коричневой супеси со щепой

Рис. 23. Гвардейские слободы. 2023 г. Шурф 6. Археологические находки из культурного слоя темно-серой гумусированной супеси рубежа XVIII – XIX вв.

преобладает покрытие зеленого цвета (рис. 24: 2; 25: 10). Сероглиняная кухонная керамика с нагаром также присутствует (рис. 25: 1). В составе находок широко представлены детали кожаной обуви (рис. 24: 6, 7). К редким предметам можно отнести керамическое пасхальное яйцо без росписи и фрагмент сланцевой черепицы (рис. 23: 5; 24: 1).

Шурф 7 расположен во дворе дома по адресу 5-я Красноармейская ул., д. 17. На данном участке под техногенными отложениями также выявлен культурный слой второй половины XVIII – первой половины XIX вв., представляющий собой темно-серую гумусированную супесь (рис. 26). Среди находок отсутствуют вещи, имеющие узкую датировку, однако в целом состав находок близок к коллекции из нижнего слоя шурфа 6. В керамическом комплексе преобладают фрагменты сероглиняных горшков с нагаром, наряду с ними имеются обломки белоглиняного горшка, орнаментированного двумя рядами V-образных насечек по плечу. Из культурного слоя происходит вазообразный сосуд с желтой поливой на внутренней

стороне (донце аналогичного сосуда также найдено в шурфе 6). Подобные изделия часто встречаются в культурных слоях Петербурга рубежа XVIII–XIX вв. Кроме керамической посуды присутствуют обломки фаянсовых блюдец, сельтерских бутылок, голландских курительных трубок, а также целая стеклянная выдутая колба и часть железного ухвата (рис. 27).

Шурф 9 расположен во дворе дома по адресу: 7-я Красноармейская ул., д. 21. Верхняя часть стратиграфии шурфа представлена слоями современного благоустройства и строительного мусора. Ниже залегал слой темно-серой гумусированной супеси, на 0,15–0,20 м ниже поверхности которого обнаружена деревянная конструкция (рис. 28; 29). Объект представляет собой ряд досок шириной около 0,10 м и толщиной 0,02 м. Пять досок лежали по оси север–юг. Еще одна располагалась под настилом перпендикулярно остальным и подпиралась доской, установленной вертикально. Часть конструкции уничтожена коммуникационной траншеей.

Рис. 24. Гвардейские слободы. 2023 г. Шурф 6. Археологические находки из культурного слоя темно-серой гумусированной супеси середины XVIII в.

В слое выше настила обнаружено 54 находки, половина из которых представлена элементами кожаной обуви. В их составе следует отметить две подошвы остроносой формы (рис. 30: 6, 7). Аналогичные изделия встречаются в слое Петербурга рубежа XVIII–XIX вв. (Михайлова, 2020, С. 355, 356). Прочие находки близки тем, что уже упоминались выше: фрагменты сероглиняной керамики, часто со следами нагара, обломки сельтерских бутылок и керамического светильника (рис. 30: 2, 4, 5). К редким находкам можно отнести деревянную игральную шашку и фаянсовую статуэтку гончей (рис. 30: 1, 3).

Ниже настила залегал слой темно-серой гумусированной супеси мощностью 0,8 м, по морфологическим характеристикам аналогичный тому, что перекрыл настил. В рамках разведочных работ была разобрана только часть слоя, не перекрытая досками. Исследованный участок содержал большое количество деталей кожаной обуви и фрагментов керамики, среди которых можно выделить крупную миску с ручкой и зеленой поливой внутри (аналогичная происходит

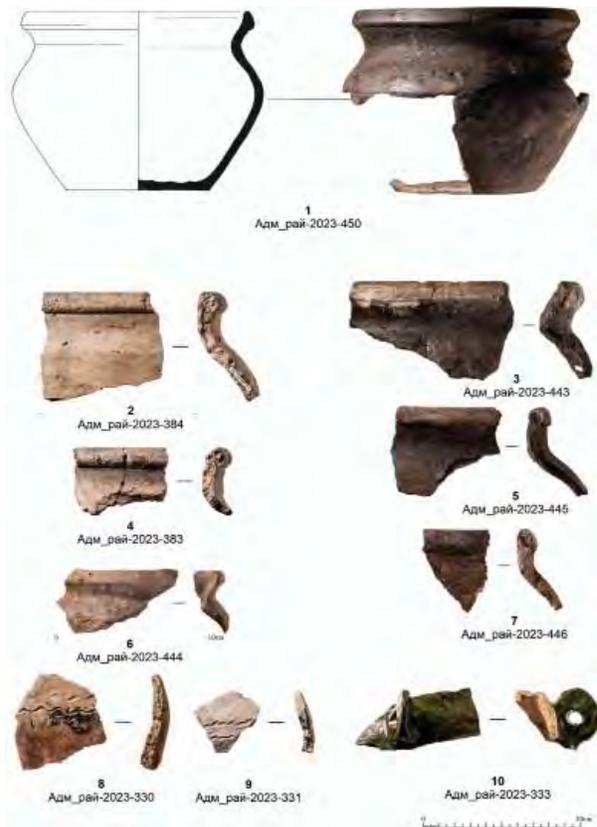

Рис. 25. Гвардейские слободы. 2023 г. Шурф 6. Керамика из культурного слоя темно-серой гумусированной супеси середины XVIII – начала XIX вв.

Рис. 26. Гвардейские слободы. 2023 г. Шурф 7. Стратиграфия. Северный борт

из слоя темно-серой супеси шурфа 6) и обломки тонкостенной белоглинянной керамики. Малое количество находок и отсутствие бесспорных хроноиндикаторов не позволяют уверенно говорить о дате слоя ниже настила, однако, исходя из стратиграфии и аналогичных находок из хорошо

Рис. 27. Гвардейские слободы. 2023 г. Шурф 7. Археологические находки из культурного слоя середины XVIII – начала XIX вв.

Рис. 28. Гвардейские слободы. 2023 г. Шурф 9. Деревянный настил

датируемых слоев, можно считать временем его образования вторую половину XVIII в. и связывать его формирование с функционированием слободы.

Результаты археологической разведки показали хорошую сохранность и высокую информативность культурного слоя XVIII – начала XIX вв. в пределах бывшей Измайловской слободы. В трех шурфах восточнее Измайловского проспекта установлено наличие стратифицированного культурного слоя, включающего датирующие находки и элементы деревянных конструкций. В шурфах, заложенных на западной окраине слободы (ближе

Рис. 29. Гвардейские слободы. 2023 г. Шурф 9. Стратиграфия. Южный борт

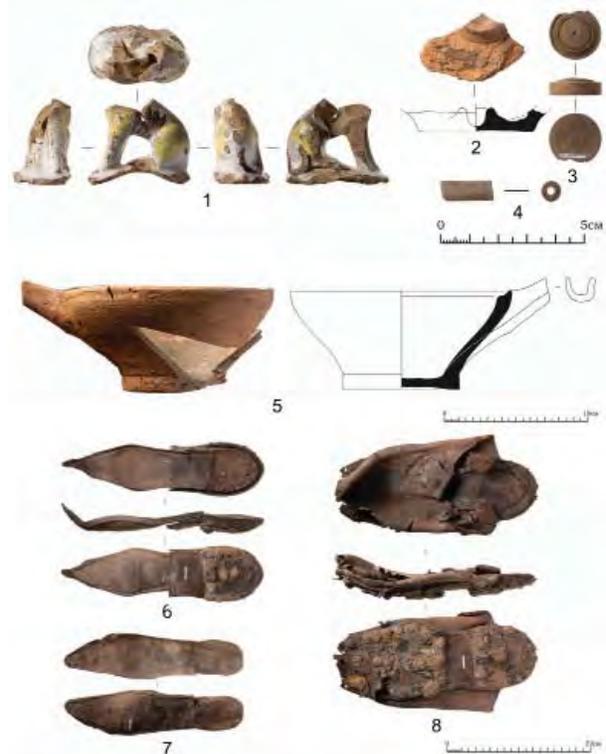

Рис. 30. Гвардейские слободы. 2023 г. Шурф 9. Археологические находки из культурного слоя выше деревянного настила

к Лермонтовскому пр.), строительная активность и накопление культурного слоя происходили, видимо, менее интенсивно.

Исходя из письменных источников, Измайловская слобода безусловно является специфической частью Петербурга XVIII в. Подобно другим слободам столицы, она была заселена людьми, объединенными одной профессией, и, как следствие,

одними правилами и укладом жизни. В то же время в археологическом материале, полученном в результате разведки, не удалось выделить группу находок, которые были бы связаны с солдатским бытом с полной очевидностью. Близкие параллели находкам из Измайловской слободы находятся в культурном слое других частей Санкт-Петербурга второй половины XVIII – первой четверти. XIX вв.

Старообрядческое кладбище (Новочеркасский пр., д. 8)

В 2020 г. археологические разведки проводились на территории Красногвардейского района в границах ОКН «Приют для престарелых девиц и вдов имени Н. и М. Тепловых» (рис. 1). Рассматриваемый участок некогда принадлежал старообрядческому кладбищу, на месте, где сейчас расположен приют имени Николая и Марии Тепловых, находился молебельный дом.

В 1752 г. в Санкт-Петербурге было разрешено создавать кладбища для раскольников. В первой половине XVIII в. на берегу р. Охты в Охтинской верхней слободе поморцы основали свое кладбище, ставшее первым старообрядческим кладбищем на территории города. Осенью 1768 г. был издан указ, который официально утвердил Малоохтинское старообрядческое кладбище и расширил его территорию. Вскоре оно стало одним из центров петербургских поморцев. Вплоть до начала XX в. кладбища играли важную роль в жизни старообрядческих общин, поскольку до 1883 г. им было запрещено строить церкви. На средства купца Макея Ивановича Ундозерова на кладбище в 1792 г. была построена каменная молельня «с высоким куполом и колокольной» (ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 7162). В 1802 и 1809 гг. к кладбищу были прирезаны дополнительные участки, на которых появились богадельня, больница и столовая.

Архивные дела свидетельствуют о том, что к середине XIX в. территория, занимаемая поморцами и федосеевцами, была застроена семью каменными флигелями, молельней и кладбищем, обнесенным каменной оградой. Строения располагались в северо-западной части кладбища и представляли собой небольшие прямоугольные деревянные сараи, будки, сторожки и службы, построенные на каменном фундаменте. В северо-западном углу кладбища находилось здание молельни, имевшее крестообразную форму. Судя по отмеченному на плане крыльцу, его лицевой фасад выходил на запад. Соседство поморцев с федосеевцами послужило непосредственным поводом к закрытию Малоохтинского кладбища. В 1848 г. началось упразднение кладбища. В 1850 г. молельни были

запечатаны, а двумя годами позже появился указ, запрещающий старообрядцам хоронить на кладбище. В 1903–1904 гг. по проекту Н.А. Виташевского рядом с кладбищем был возведен приют имени Николая и Марии Тепловых.

Исследованный участок находился на правом берегу р. Невы, в 440 м от нее, и на левом берегу р. Охты, в 129 м от реки. Археологические шурфы были расположены в границах внутреннего проходного двора д. 8. Территория ограничена с востока и юга оградой Малоохтинского кладбища, с запада и севера – зданием приюта (рис. 31).

Шурф 1 заложен в первом дворе, на участке, свободном от охранной зоны подземных сетей, у ограды кладбища, с целью выявления остатков захоронений Старообрядческого кладбища XVIII в. и культурного слоя. В шурфе под толщей подсыпки обнаружен участок булыжного мощения из камней крупного и среднего размеров. У южного борта шурфа прослежена полоса из булыжников одной формы. Согласно требованию КГИОП, работы были остановлены на уровне выявления и расчистки булыжного мощения как неотъемлемой части ОКН «Приют для престарелых девиц и вдов имени Н. и М. Тепловых».

Шурф 2 заложен во втором дворе, в углу, у ограды кладбища с целью выявления остатков захоронений Старообрядческого кладбища и остатков несохранившейся молельни XVIII в. В ходе работ был снят дерновый слой и произведена зачистка по слою темно-серой гумусированной супеси на уровне 6,3 м БС. На отметках 5,69–6,13 м БС в слое светло-коричневой супеси был обнаружен верх двух кирпичных конструкций. На отметках 5,35–5,37 м БС между двух кладок прослежен слой темно-серой супеси с включениями кирпичного боя и кирпичной крошки. На отметках 4,53–4,57 м БС замечен материк.

В шурфе обнаружены следующие конструкции (рис. 32; 33). В центральной части шурфа открыты остатки кирпичной кладки из 18 рядов красноглиняных кирпичей, связанных серым известково-песчаным раствором. Кирпичи имеют размеры 265 × 125 × 60 мм, что соответствует стандартам конца XVIII в. Кирпичная кладка на уровне 4,66 м БС опирается на ряд обтесанных сверху известняковых блоков размерами 0,38 × 0,12–0,19 × 0,11 м, впущенных в материковый слой. Стена ориентирована по оси запад–восток и уходит в борта шурфа. Размеры выявленной части стены составили 1,90 × 0,70 × 1,45 м. На кирпичах верхнего ряда кладки прослежены

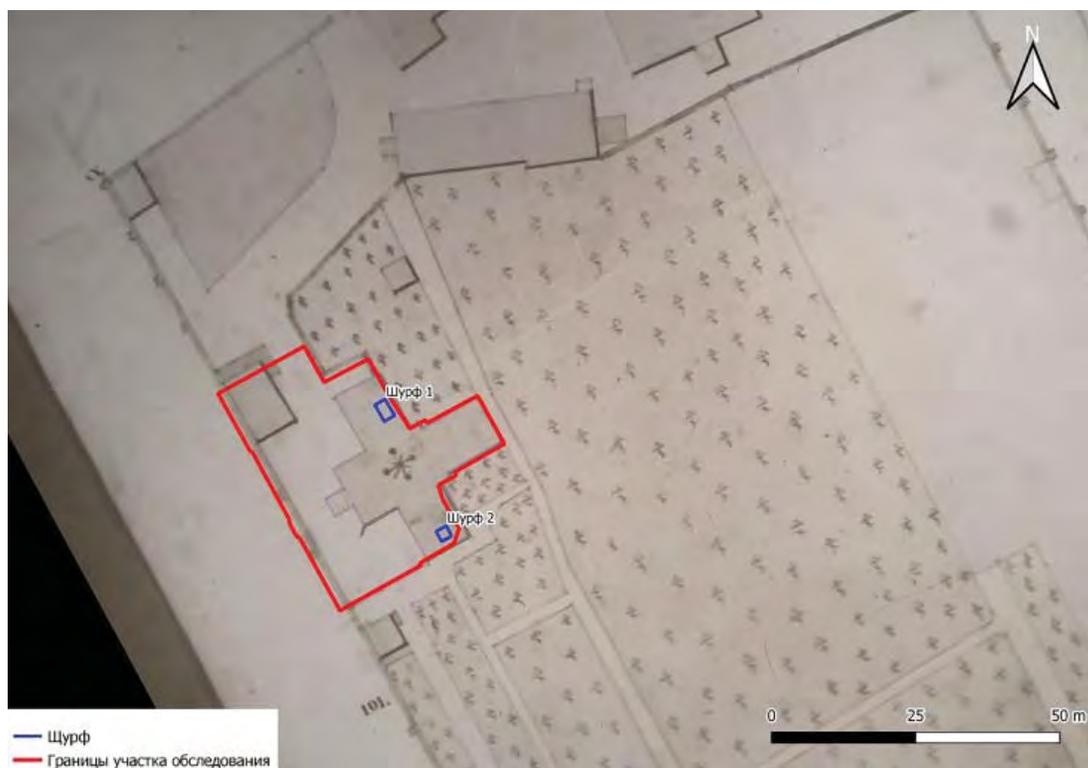

Рис. 31. Новочеркасский пр., д. 8. 2020 г. План участка Старообрядческого кладбища 1870 г. с наложением границ участка обследования и археологических шурфов (ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 7162)

следы расчесов. К северо-западной части стены примыкает прямоугольная кирпичная кладка из 20 рядов кирпичей, которая не имеет перевязки с основной частью постройки, за исключением 15-го ряда (известняковых блоков). В северо-западной части стены прослежен проем, заложный кирпичом. На фасах кирпичной кладки местами сохранилась штукатурка серого цвета. Подошва стены прослежена на уровне 4,78 м БС.

Вдоль южной стенки шурфа на уровне 6,08 м БС открыта кирпичная кладка размерами 1,90 × 0,17 × 1,60 м на сером известково-песчаном растворе, ориентированная по линии запад–восток, уходящая в южный борт шурфа (рис. 32; 33). Размеры кирпичей составили 190 × 120 × 60 мм. В восточной части кладки находился кирпичный столб. Подошва стены прослежена на отметках 4,51–4,53 м БС и лежит на материке.

В юго-западном углу шурфа на уровне 4,52 м БС открыта кирпичная кладка размерами 0,64 × 0,51 × 0,69 м, ориентированная по линии север–юг, подстилающая вышеописанные. Кладка состоит из нескольких рядов кирпичей, лежащих на фундаменте из известняковых блоков, промазанных серым известково-песчаным раствором (рис. 32; 33).

Таким образом, в результате разведок, проведенных на территории внутреннего двора здания приюта имени Николая и Марии Тепловых, обнаружены остатки кирпичных стен и известнякового фундамента старообрядческой молельни конца XVIII в. Архитектурные особенности старообрядческих храмов во многом связаны с отношением правительства к старообрядчеству. В течение долгого времени (с начала XVIII в. и вплоть до 80-х г. XIX в.) в различных частях Российской империи было разрешено возведение храмовых сооружений без «оказательства», то есть без внешних признаков храма: без купола, креста и колокольни (Кожурин, 2010). Внешний облик молельни Малоохтинского старообрядческого кладбища конца XVIII в. не сохранился, археологическое изучение остатков стен и фундаментов позволит восстановить его.

Хлебная слобода (Английский пр., д. 13)

В 2020 г. велись исследования в границах Адмиралтейского района, на берегу р. Пряжки, на территории внутреннего благоустроенного дворика по адресу: Английский пр., д. 13 (рис. 1). На первом из известных печатных планов Санкт-Петербурга, созданном на основе топографической съемки, проводившейся Петербургской Академией наук в период с 1729 по 1737 гг., изучаемая

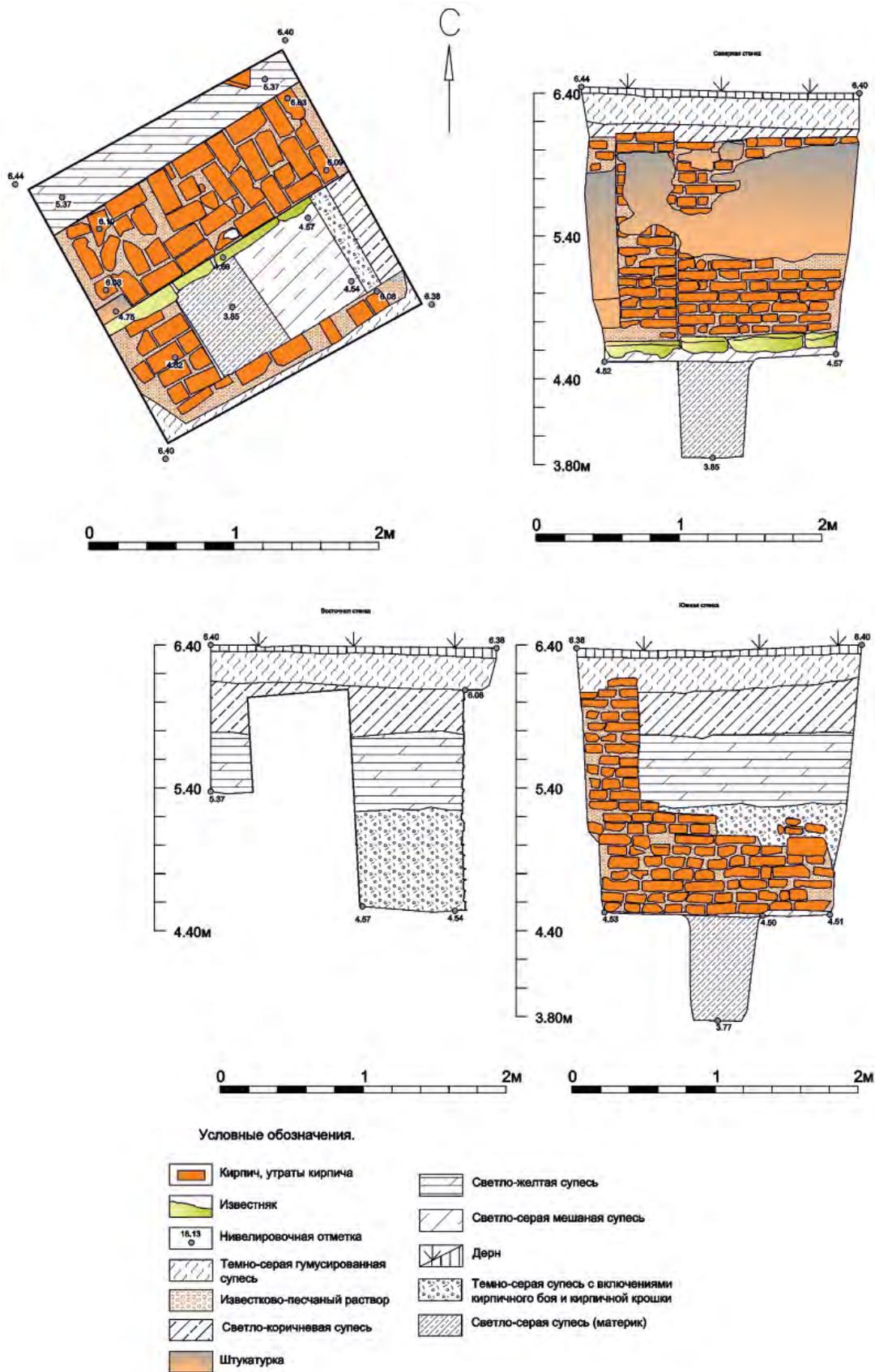

Рис. 32. Новочеркасский пр., д. 8. 2020 г. Шурф 2. План и профили бортов

Рис. 33. Новочеркасский пр., д. 8. 2020 г. Шурф 2. Кирпичные кладки. Вид с запада

Рис. 35. Английский пр., д. 13. 2020 г. Фрагмент «Плана из атласа Санкт-Петербурга 1798 г.»

местность изображена как незастроенная территория, примыкавшая к единственному отмеченному на берегу р. Пряжки деревянному строению (рис. 34). Один из самых подробных планов Санкт-Петербурга конца XVIII в., составленный в 1798 г. Комиссией о каменных строениях Санкт-Петербурга при Сенате, показывает на берегу Пряжки Хлебную слободку с небольшими деревянными постройками. Исследованный участок расположен на незастроенной дворовой территории (рис. 35). На планах первой половины XIX в. ситуация остается прежней. Согласно плану 1859–1860 гг. исследуемый участок принадлежал коллежскому секретарю М. А. Уклеевскому. На участке прямоугольной формы, ограниченном Английским пр. и Хлебным пер., размещались два

деревянных дома и надворные постройки между ними (рис. 36).

Дом, обозначенный на плане лит. А, выходил фасадом на Хлебный пер. Это было деревянное здание с мезонином на ленточном фундаменте, имеющее в плане прямоугольную форму. Фасад с тремя окнами и резными ставками располагался

Рис. 34. Английский пр., д. 13. 2020 г. Фрагмент «Плана императорского столичного города Санкт-Петербурга», 1737 г.

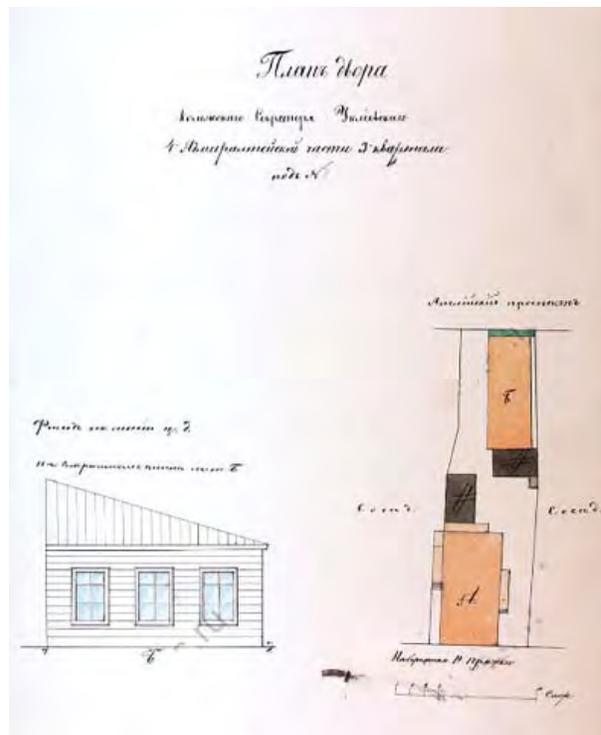

Рис. 36. Английский пр., д. 13. 2020 г. План двора и фасад дома на участке Уклеевского 1859 г. (ЦГИА СПб. Ф. 513. Опись 102. Д. 3761)

на торце здания. По периметру был установлен деревянный забор. Одноэтажный деревянный дом без фундамента, обозначенный на плане как лит. Б, также имел прямоугольную форму. За домом находились нежилые надворные деревянные постройки. Согласно заключению Комиссии по градостроению, в 1860 г. по обращению владельца деревянные нежилые постройки были снесены. Были заменены перекрытия крыш жилых домов. Комиссия постановила снос жилых домов через 10–15 лет, что соответствовало правилам жилого строительства того времени (ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 3761).

Исследованный участок представлял собой детскую площадку с чашей недействующего фонтана по центру. Удаленность от р. Пряжки составляла 107 м. Рельеф территории относительно ровный. Высотные отметки колеблются в пределах 3,04–3,15 м БС. Шурф 1 заложен у южной границы фонтана, где была прослежена следующая стратиграфия (рис. 37; 38). Сверху на отметках 3,04–1,55 м БС слой нивелировочной подсыпки техногенного происхождения конца XIX–XX вв., что подтверждается обнаруженными в слое находками, в составе которых 83 изделия и их фрагментов, в основном кухонной и столовой посуды: обломки сельтерских клейменных бутылок из каменной массы, донце фарфоровой тарелки производства «Императорского Фарфорового завода» с клеймом конца XVIII в. (рис. 39: 5), фрагмент шерстяной нити (ткани), горлышко бутылки, донце и стенки белоглиняного сосуда, венчики сероглиняных и красноглиняных сосудов (горшков, крынок, мисок и др.). Все находки имеют широкую датировку: от конца XVIII до первой половины XX вв., и происходят из более ранних слоев, поврежденных планировочными работами и обустройством фонтана. Ниже прослежен слой темно-коричневой супеси со щепой мощностью 0,28 м. Слой однородный, ярко выраженный, влажный, с примесью щепы различного размера и со следами органики. В шурфе обнаружены фрагменты досок от ниже расположенной деревянной конструкции. Основная масса находок происходит из этого слоя. Всего было найдено 136 единиц, в том числе фрагмент чашечки белоглиняной курительной трубки, венчик фаянсового блюда с синей росписью, фрагментированная фаянсовая чашка торговой марки WEDGWOOD с клеймом конца XVIII – начала XIX вв. (рис. 39: 2), костяная накладка с резьбой, фрагмент кожаного ремешка. В составе находок особо отметим донце расписной фарфоровой вазы, вероятно восточного происхождения (рис. 39: 4). Ниже залегала тонкая прослойка погребенной почвы –

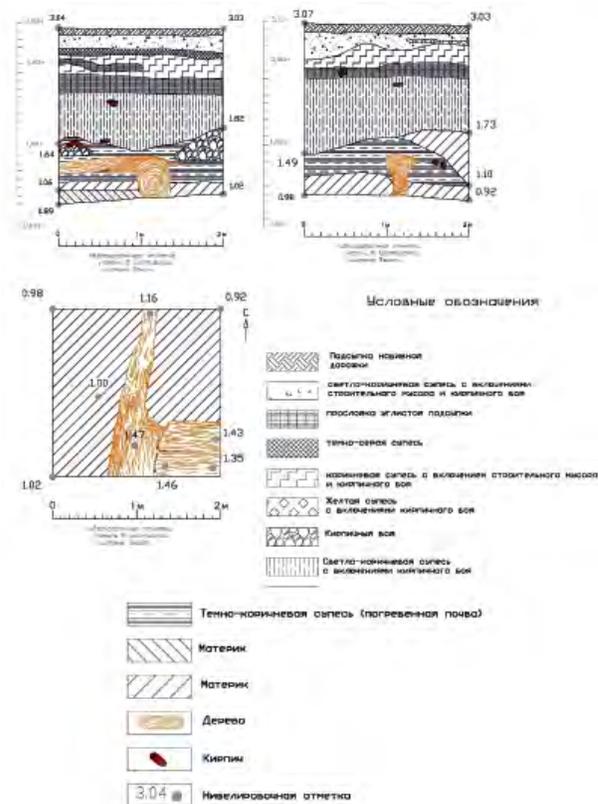

Рис. 37. Английский пр., д. 13. 2020 г. Шурф 1. План и профили бортов

Рис. 38. Английский пр., д. 13. 2020 г. Шурф 1. Деревянная конструкция на уровне материка. Вид с юга

темно-коричневой супеси. Из слоя погребенной почвы и заполнения конструкции происходит археологический материал, датирующийся концом XVIII в.: сельтерская бутылка с клеймом 1780-х гг. (рис. 39: 3), выдувные бутылки темно-зеленого стекла, фрагменты лощеного кувшина, профили сероглиняной керамики (рис. 39: 1). Особо отметим фрагмент пряжки медного сплава с циркульным орнаментом (рис. 39: 6).

Рис. 39. Английский пр., д. 13. 2020 г. Шурф 1. Археологические находки: 1 – профиль сероглиняного сосуда; 2 – донце фаянсовой чашки; 3 – стенка бутылки каменной массы; 4 – донце фарфоровой вазы; 5 – донце фарфоровой тарелки; 6 – пряжка медного сплава, орнаментированная

Деревянная конструкция в виде нижнего венца с деревянным перекрытием досками открыта в слое погребенной почвы на отметках 1,47–1,06 м БС (рис. 37; 38) и была устроена на материке. Конструкция размерами 1,9 × 1,3 × 0,5 м ориентирована по оси север–юг. Верхняя часть бревен имела плохую сохранность. Можно предположить, что конструкция относилась к деревянной надворной постройке или к полу жилого дома, расположенного, согласно историческим картам и архивным планам, на этом месте с конца XVIII в. до 1870-х гг. – это период Хлебной слободки, в то время имевшей частную деревянную рядовую застройку. Выявленный культурный слой с находками можно отнести к концу XVIII – середине XIX в.

Биржевая линия, д. 14

В 2021 г. проводилось обследование в восточной части Василеостровского района по адресу: Санкт-Петербург, Биржевая линия, д. 14, лит. А (рис. 1). Современная трасса Биржевой линии

и аллеи вдоль нее идет по территории засыпанного Биржевого канала, проходившего вдоль первого здания Старого Гостиного двора. На первой подробной официальной карте Петербурга 1738 г. вдоль здания Гостиного двора показан канал, по которому пролегает участок исследований (рис. 40). На карте из атласа Санкт-Петербурга 1798 г. видно, что уже в то время Биржевой канал был засыпан и вдоль Гостиного двора пролегал улица (рис. 41). Ближайшие к месту археологические исследования проводились во дворе Старого Гостиного двора в 2009 г., работы были посвящены изучению остатков фундамента памятника. Исходя из полученных данных, не нарушенная погребенная почва в этой части Васильевского острова залегает на отметках 1,75–2,00 м БС (Завьялов, Городилов, 2010). Рельеф территории обследования ровный, проходит поперек проезжей части Биржевой линии от д. 14 на восток к пешеходной зоне посередине линии. Высотные отметки колеблются в пределах 3,65–3,85 м БС. Удаленность р. Малая Нева 234 м.

Шурф 1 заложен в восточной части участка обследования на территории пешеходной зоны. Дневная поверхность представлена газоном. Размеры шурфа составили 2 × 2 м, максимальная глубина (с учетом контрольного прокопа материка) 3,3 м. Современная дневная поверхность находилась на уровне 3,65 м БС. Зафиксирована следующая стратиграфия напластований (рис. 42; 43): дерн мощностью до 0,06 м, на отметках 3,65–3,59 м БС, – современная дневная поверхность; серая гумусированная супесь мощностью до 0,1 м, на отметках 3,6–3,5 м БС, – современная почва; коричневая мешаная супесь с включениями битого

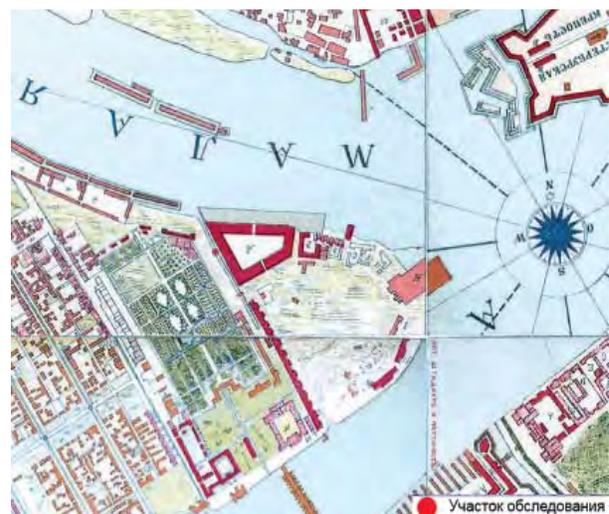

Рис. 40. Биржевая линия, д. 14. 2021 г. Фрагмент «Плана Санкт-Петербурга 1738 г. Зихгейма»

Рис. 41. Биржевая линия, д. 14. 2021 г. Фрагмент «Плана из атласа Санкт-Петербурга 1798 г.»

кирпича мощностью до 0,2 м, на отметках 3,5–3,3 м БС, – нивелировочная подсыпка; темно-серая мешаная супесь с включениями строительного мусора и кирпичного боя мощностью до 0,10 м, на отметках 3,3–3,2 м БС, – засыпка булыжного мощения; булыжное мощение 1 мощностью до 0,08 м, на отметках 3,20–3,22 м БС, в виде валунов среднего размера в центре и с окантовкой по краям валунами более крупного размера; булыжное мощение 2 мощностью 0,05 м, под первым мощением; мешаная серая аморфная супесь с включениями строительного мусора и кирпичного боя мощностью до 0,8 м; мешаная темно-коричневая супесь с включениями кирпичного боя мощностью до 0,6 м; темно-коричневая гумусированная супесь мощностью до 0,2 м – погребенная почва; материк – светло-желтая супесь – выявлен на отметках 1,38–1,37 м БС.

Из слоя мешаной серой супеси происходит 48 находок, в составе которых две монеты медного сплава 1800 и 1734 гг. (рис. 44), что свидетельствует о нарушенности слоя. Остальной материал, представленный фрагментами глиняной гончарной, фаянсовой и фарфоровой посуды, можно отнести к концу XVIII – первой половине XIX в. Также из слоя происходит большое количество кремневого сырья, очевидно, предназначенного для ружейного дела.

В слое темно-коричневой мешаной супеси найдено большое количество битых сельтерских бутылок, их скопление хорошо читалось в юго-западном углу шурфа на отметках 1,80–2,00 м БС и, скорее всего, было связано с древесным тленом (возможно, некогда это была партия минеральной воды в деревянном ящике). Всего из

слоя происходит 464 находок, в подавляющем большинстве это фрагменты сельтерских бутылок, а также обломки курительных белоглиняных трубок с клеймами XVIII в. производства Гауды (рис. 44: 1), фрагменты глиняной гончарной посуды, в том числе носик рукомоиника (рис. 45: 9), обломок фарфоровой чашечки немецкого производства второй половины XVIII в. (рис. 45: 3) и фрагменты печных изразцов XVIII в. (рис. 46). Изразцы типологически относятся к плоским с росписью по лицевой поверхности. В коллекции можно выделить полихромную роспись с преобладанием зеленого цвета, роспись синюю «на манер голландской» с выделенными углами, синюю сетку и пр. Все экземпляры имели широкое распространение, судя по их массовости и частоте залегания в шурфах на территории Санкт-Петербурга.

Из слоя темно-коричневой мешаной супеси происходят горла бутылок французского и английского производства (Meigh, 1972) (рис. 47) и фрагменты трех бутылочных круглых клейм (или клейм-печатей), вероятно местного происхождения. На одном клейме аббревиатура «М.Ф.Х» в круге из точек; второе клеймо неразборчиво, читаются буквы «LONDO...СК», что является подражанием клеймам английских бутылей и встречается во многих городах России (Векслер, Лихтер, 2014). Третье клеймо также круглое зеленого стекла, в центре ветвь (гроздь винограда?), по краю неразборчиво надпись: «CHATL...TE». Необходимо заметить, что применительно к стеклянной таре (бутыли, штофы и пр.) фискальная функция клеймения впервые отразилась в законе 1774 г. Указ Сената от 16 сентября потребовал установки на питьевых сосудах производственного клейма (фабричной марки). В дальнейшем это клеймо обязано было ставиться только на посуде казенной меры, предназначенной для розлива напитков, подлежащих питьевому или акцизному сбору (РГАДА. Ф. 168. Оп. 1).

Остановимся подробнее на сельтерских бутылках. Все бутылки изготовлены из каменной массы, покрытой бежевой, светло-бежевой, молочной и светло-серой глазурью, большинство бутылок имеет клеймо: снаружи по кругу: «SELTERS», во внутреннем круге изображен триерский крест с буквами «С» и «Т». Кольцо с кобальтовой глазурью (голубовато-фиолетовое), охватывающее большую букву N – место производства Nauort, в кольце марка скважины. Все бутылки «пузатые» и по своим морфологическим признакам относятся к периоду производства этой продукции в XVIII в., что подтверждает и описанное выше клеймо, четко маркирующее год и место производства:

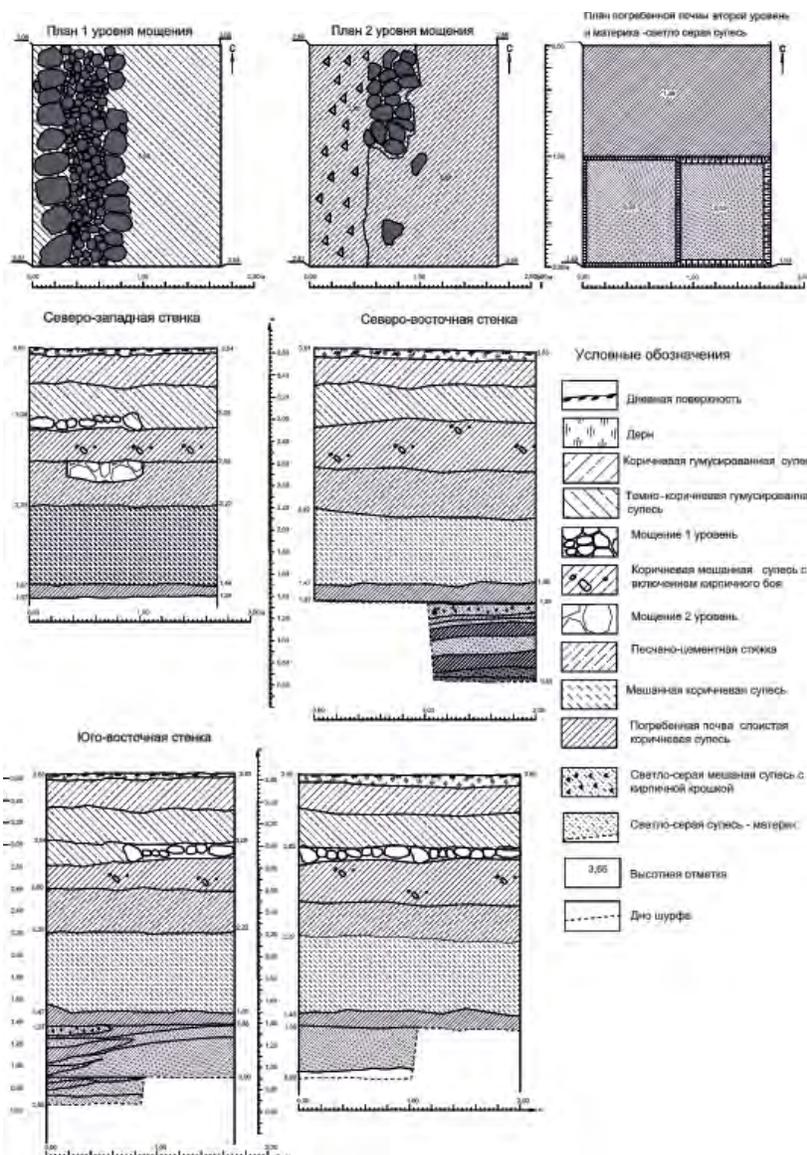

Рис. 42. Биржевая линия, д. 14. 2021 г. Шурф 1. План и профили бортов

Рис. 43. Биржевая линия, д. 14. 2021 г. Шурф 1. Северный борт

Рис. 44. Биржевая линия, д. 14. 2021 г. Шурф 1. Археологические находки: 1–6 – фрагменты курительных белоглиняных трубок; 7 – монета

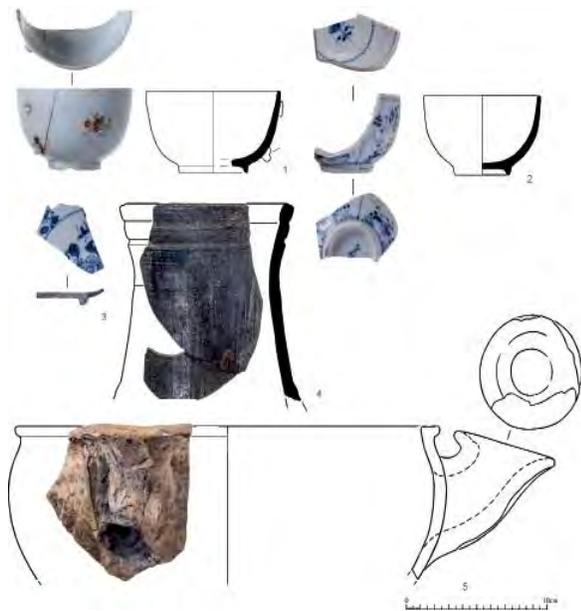

Рис. 45. Биржевая линия, д. 14. 2021 г. Шурф 1.
Археологические находки: 1–3 – фрагменты фарфоровой посуды; 4 – венчик лощеного кувшина; 5 – венчик с носиком глиняного рукомоЙника

Рис. 47. Биржевая линия, д. 14. 2021 г. Шурф 1.
Фрагменты стеклянных бутылок

Рис. 46. Биржевая линия, д. 14. 2021 г. Шурф 1.
Фрагменты изразцов

Zirka 1780, Nauort (Westerwald) (Brinkmann, 1982; Wiegand, 2017) (рис. 48; 49). Бутылки относятся к разным партиям, изготовленным в разных местах: HS 193, R 43, R 93, R 174, R 222, B 21, HB 5, HB 15. Таким образом, слой темно-коричневой мешаной супеси можно датировать второй половиной XVIII в.

Из слоя погребенной почвы происходили 84 находки, в основном фрагменты сельтерских бутылок и обломки курительных белоглиняных трубок, которые следует относить к слою, нарушенному хозяйственной деятельностью. Зафиксированная толща мешаной супеси может служить свидетельством засыпки искусственного канала, проходившего вдоль Гостиного двора. Канал был засыпан в середине – второй половине XVIII в. Высотные отметки выявленной погребенной почвы в целом совпадают с отметками, полученными в ходе работ предшествующих лет, что не дает основания полагать, что на месте шурфа 1 проходил канал. Вероятно, шурф оказался на его берегу, засыпанном и снивелированном вместе с каналом.

Полученная в ходе разведок информация носит предварительный характер. Датировки нуждаются в дальнейшем уточнении и детализации, а некоторые категории материала не вошли статью (в частности, многочисленные изделия из кожи и ряд групп керамики). В то же время данные разведок содержат

Рис. 48. Биржевая линия, д. 14. 2021 г. Шурф 1.
Бутылки из каменной массы

Рис. 49. Биржевая линия, д. 14. 2021 г. Шурф 1.
Клейма на бутылках из каменной массы

новую информацию о Санкт-Петербурге XVIII – начала XIX вв.

Источники и литература

Антонов Б.И., 2001. Императорская гвардия в Санкт-Петербурге. СПб.

Векслер А.Г., Лихтер Ю.А. 2014. Об одном виде клейм на стеклянных штофах XVIII в. // Археология Подмосквья. М. Т. 10.

Завьялов В.А., Городилов А.Ю., 2010. Археологический надзор за ходом строительства на участке Старого Гостиного двора // Бюллетень ИИМК РАН. СПб. № 1.

Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии, 1869. СПб. Вып. 1.

Кожурин К.Я., 2010. Культура русского старообрядчества (XVII–XX вв.). Учебное пособие. СПб. Ч. 2.

Медведев И.Б., 2021. Коллекционируя печные изразцы // Архитектурная керамика мира. СПб.

Михайлова Е.Р., 2020. Находки в Колтовской и Шневенской слободах: материалы к истории петербургского быта XVIII – начала XIX в. // Жизнь и смерть в Российской империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVIII–XIX вв. М.

Полное собрание законов Российской империи, 1830. СПб. Собр. 1. Т. 10.

О цели Российского библейского общества и средствах к достижению оной, 1815. СПб.

Реброва Р.В., 2021. К вопросу о манере росписей петербургских изразцов первой половины XVIII в. // Архитектурная археология. М. № 3.

РГАДА. Ф. 168. Оп. 1. Сношения русских государей с правительственными местами и с должностными лицами: (коллекция) из фондов Коллегии иностранных дел и Кабинета Екатерины II.

Сорокин П.Е., Матвеев В.Н., 2016 Археологическое изучение Домика Петра I в Санкт-Петербурге // Петровские памятники России и Европы. СПб.

ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 13253. Об отведении места вблизи Троицкого собора на Петербургской стороне священнослужителям для постройки домов; о разрешении придворному актеру Василию Черникову построить дом на свободном участке на Дворянской улице.

ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 3761. Чертежи дома на участке, принадлежавшем М. А. Уклеевскому по наб. р. Пряжки, д. 14 и Английскому пр., д. 11.

ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 7162. План Старо-обрядческого кладбища на Малой Охте.

ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 8219. Чертежи дома на участке, принадлежавшем причту Петропавловского собора по Петровской ул., 10 и Малой Дворянской ул., 2.

Brinkmann B., 1982. Zur Datierung von Mineralwasserflaschen // *Keramos*. Munich. N 98.

Brinkmann B., 2019. Steinzeugflaschen für Kunze-Balsam aus Riga – Markenfälschung im 18. Jahrhundert. *Mülheim an der Ruhr*.

Wiegand H., 2017. Von der Grubenhütte zum Pfarrhaus: Archäologie und Geschichte der Parzelle Oberdorfstraße 3 in Heddesheim. Heidelberg.

Witkowska T., 1989–1990. Manufaktura fajek glinianych z Rościna, gmina Myślibórz // *Materiały Zachodniopomorskie*. Szczecin. N 35/36.

Röntgen R., 2004. Blaumalerei auf Meissener Porzellan. Leipzig.

Meigh E., 1972. *The Story of the Glass Bottle*. Stoke-on-Trent.

Инвентаризация и мониторинг памятников археологии Ленинградской области в 2023 г.¹

С. А. Семенов²

DOI: 10.31600/978-5-6052467-2-5.81–113

В 2023 г. продолжилось сотрудничество Центра спасательной археологии ИИМК РАН (далее ЦСА) с Комитетом по сохранению культурного наследия Ленинградской области (далее Комитет) по инвентаризации и мониторингу памятников археологии. Работа проходила в рамках распоряжения Комитета «О проведении мероприятий по обследованию и фотофиксации один раз в пять лет состояния объектов культурного наследия, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, с составлением актов технического состояния объектов культурного наследия, включенных в реестр, в целях определения мероприятий по обеспечению их сохранности, расположенных на территории Ленинградской области, на 2023 г.». Все необходимые материалы для работы Комитета (историографические и картографические справки, отчеты по обследованию памятников, координаты, планы) были подготовлены ЦСА, также была произведена локализация объектов на современной топооснове и обеспечено сопровождение специалистов Комитета к местоположению памятников или оказана помощь в их поиске. Согласно списку, обследование объектов археологического наследия должно было проводиться в Волосовском, Кингисеппском, Гатчинском, Лужском, Кировском, Киришском, Тихвинском, Волховском и Лодейнопольском районах. По причине плохой доступности, погодных условий и технических проблем во время полевых работ были обследованы не все объекты.

В статье названия памятников даны в соответствии с «Археологической картой Ленинградской области», в скобках указаны названия согласно Решению Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № FMZF-2022-0016 «Совершенствование методики проведения охранно-спасательных археологических мероприятий и внедрение цифровых технологий в археологии».

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: s.s.a.g@mail.ru.

«Об утверждении списка памятников археологии Ленинградской области» и Единому государственному реестру объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации (ЕГРОКН). В случае невозможности идентифицировать памятник по «Археологической карте Ленинградской области», его название дается в кавычках в соответствии с Решением Леноблисполкома № 271 (Лапшин, 1990; 1995; Решение, 1978).

ВОЛОСОВСКИЙ Р-Н

Горки 1. Курганно-жальничный могильник («Курганная группа Горки-I, 152 насыпи»)

Согласно работам экспедиции ЦСА в 2020 г., проведенным в рамках инвентаризации ОКН Ленинградской области, памятник расположен в 0,6 км к северу от современной д. Горки (ранее д. Горки Первые) Волосовского района, к северу от шоссе Волгово – Старые Низковицы (трасса 41К-013), в лесу, в границах уже Гатчинского района. Могильник состоял из 189 погребальных сооружений: курганных насыпей высотой до 2 м и диаметром до 12 м, небольших курганов-жальничков и жальничных могил. Итоги работ 2020 г. с историографической справкой опубликованы (Семенов, Васильев, 2021. С. 61, 62).

Инспекция 2023 г. проведена со специалистом Комитета Н. А. Зарубиной. Установлено, что состав и сохранность памятника соответствуют данным последнего обследования экспедицией ЦСА в 2020 г. (рис. 1).

Горки 2. Курганно-жальничный могильник («Курганная группа Горки-II, 5 насытей»)

Согласно работам экспедиции ЦСА в 2020 г., проведенным в рамках инвентаризации ОКН Ленинградской области, могильник, расположенный к югу от д. Горки в лесу, состоял из восьми погребальных сооружений, неодинаково удаленных друг от друга: одного кургана диаметром 9 м, высотой 0,9 м и семи жальничных погребений с круглыми (диаметром 2,5–6,0 м) и овальными (размерами 1,4–2,6 × 2,2–3,9 м) каменными оградками. Итоги работ 2020 г. с историографической справкой опубликованы (Семенов, Васильев, 2021. С. 62, 63).

Рис. 1. Курган на юго-восточной окраине курганно-жальничного могильника Горки 1. Осень 2023 г.

Рис. 2. Курган на северо-западной окраине курганно-жальничного могильника Сумино 1. Осень 2023 г.

Инспекция 2023 г. проведена со специалистом Комитета Н.А. Зарубиной. Установлено, что состав и сохранность памятника соответствуют данным последнего обследования экспедицией ЦСА в 2020 г. Дополнительно установлено, что к северу от кургана № 1 (по плану 2020 г.) расположено несколько слабовыраженных аморфных насыпей (всхолмлений), возможно относящихся к жальничным погребениям.

Сумино 1. Курганно-жальничный могильник («Курганно-жальничный могильник, 161 насыпь»)

Согласно работам экспедиции ЦСА 2020 г., проведенным в рамках инвентаризации ОКН Ленинградской области, памятник расположен на северной окраине пос. Сумино в лиственной роще. Могильник состоял из 22 визуально выделяемых погребальных комплексов: 17 курганов и двух жальников, расположенных в центральной части рощи с западной стороны от просеки трубопровода, и трех курганов, расположенных на восточной окраине рощи с восточной стороны от просеки. Общие размеры курганных насыпей составляют по высоте 0,2–1,8 м, в диаметре 5,5–12,0 м. Итоги работ 2020 г. с историографической справкой опубликованы (Семенов, Васильев, 2021. С. 67, 68).

Инспекция 2023 г. проведена со специалистом Комитета Н.А. Зарубиной. Установлено, что состав и сохранность памятника соответствуют данным последнего обследования экспедицией ЦСА в 2020 г. Дополнительно отмечено, что могильник сильно замусорен и зарос борщевиком (рис. 2).

Торосово 1. Курганный могильник («Курган»)

Согласно работам экспедиции ЦСА в 2020 г., проведенным в рамках инвентаризации ОКН

Ленинградской области, памятник расположен к северу от д. Торосово, с восточной стороны от автодороги Волосово–Келози, на опушке леса между шоссе и старым карьером. Могильник состоит из шести курганных насыпей диаметром 2,6 × 3,4–7,0 м, высотой 0,20–0,45 м. Насыпи слабо заметны в современном рельефе из-за многочисленных ям и земляных отвалов, образовавшихся при строительстве автодороги. Итоги работ 2020 г. с историографической справкой опубликованы (Семенов, Васильев, 2021. С. 68, 69).

Инспекция 2023 г. проведена со специалистом Комитета Н.А. Зарубиной. Установлено, что состав и сохранность памятника соответствуют данным последнего обследования экспедицией ЦСА в 2020 г.

Калитино. Курганно-жальничный могильник («Курганная группа, 540 насыпей»)

Согласно работам экспедиции ЦСА в 2021 г., проведенным в рамках инвентаризации ОКН Ленинградской области, памятник располагается на южном краю лесного массива (заросший парк бывшей усадьбы барона Толля), между пос. Калитино и д. Старые Раглицы. Могильник состоял из 625 визуально выделяемых погребальных комплексов: 554 кургана и 71 жальника. Курганы представляют собой насыпи полусферической формы диаметром 3,0–13,1 м, высотой 0,2–2,3 м. Оградки жальничных погребений имеют округлую, овальную и подпрямоугольную форму. Диаметр жальников колеблется в пределах 2,4–5,2 м, высота – 0,2–0,5 м. У восточного края зафиксированы жальничные ряды (клетки), длиной около 9,6 м и шириной 3,5 м, вытянутые по оси северо-запад–юго-восток. Итоги работ 2021 г. с историографической справкой опубликованы (Семенов и др., 2022. С. 26–28).

Инспекция 2023 г. проведена со специалистом Комитета Н.А. Зарубиной. Установлено, что состав и сохранность памятника соответствуют данным последнего обследования экспедицией ЦСА в 2021 г. (рис. 3; 4).

Беседа 1. Курганно-жальничный могильник («Курганно-жальничный могильник Беседа-II, 110 насыпей»)

Согласно работам экспедиции ЦСА в 2020 г., проведенным в рамках инвентаризации ОКН Ленинградской области, памятник расположен у северо-западной окраины пос. Беседа, на краю и склоне северного правого берега ручья, в лиственной роще. Могильник состоял из 86 визуально определяемых погребальных комплексов: 73 курганов, курганов-жальников и 13 жальничных могил. Размеры курганных насыпей составляют по диаметру 3,5–10,0 м, по высоте 0,2–1,6 м. У части насыпей прослежены фрагменты каменного венца по основанию. Большинство курганов повреждены ямами по центру. Жальники, расположенные в центре, представлены в виде погребений с оградками прямоугольной формы или небольших насыпей с оградкой подовальной формы размерами 2,2–4,3 × 2,0–3,5 м. У части жальничных могил с западной и восточной сторон (в головах и ногах погребенного) расположены крупные валуны. Итоги работ 2020 г. с историографической справкой опубликованы (Семенов, Васильев, 2021. С. 70–72).

Инспекция 2023 г. проведена со специалистом Комитета Н.А. Зарубиной. Установлено, что состав и сохранность памятника соответствуют данным последнего обследования экспедицией ЦСА ИИМК РАН 2020 г. (рис. 5; 6).

Рис. 3. Курган в курганно-жальничном могильнике Калитино. Осень 2023 г.

Рис. 4. Крупная насыпь в центральной части курганно-жальничного могильника Калитино. Осень 2023 г.

Рис. 5. Курганно-жальничный могильник Беседа 1. Осень 2023 г.

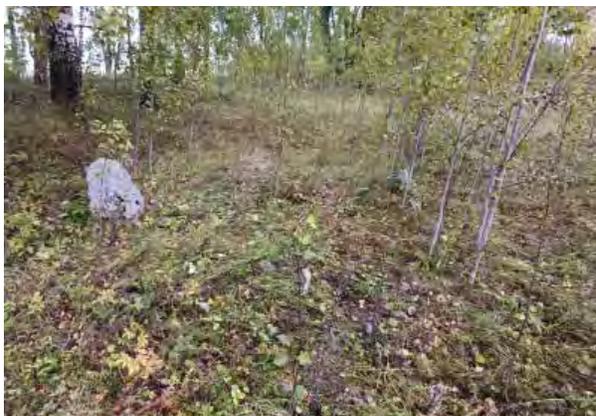

Рис. 6. Курганно-жальничный могильник Беседа 1. Жальничное погребение с крупными валунами в «голове» и «ногах». Осень 2023 г.

*Соловьева Горка. Курганно-жальничный
могильник («Курганно-жальничный
могильник»)*

Согласно работам экспедиции ЦСА в 2020 г., проведенным в рамках инвентаризации ОКН Ленинградской области, памятник расположен в 2,5 км к юго-западу от пос. Беседа, в лесу на высоком правом берегу р. Черная (?). Могильник состоял из 78 визуально определяемых погребальных комплексов: 72 курганов диаметром 4–11 м, высотой 0,2–1,6 м и шести жальничных могил. Все курганы повреждены ямами по центру. Жальники представлены в виде каменных куч прямоугольной формы или небольших насыпей с оградкой круглой формы. Итоги работ 2020 г. с историографической справкой опубликованы (Семенов, Васильев, 2021. С. 72, 73).

Инспекция 2023 г. проведена со специалистом Комитета Н.А. Зарубиной. Установлено, что состав и сохранность памятника соответствуют данным последнего обследования экспедицией ЦСА в 2020 г. Дополнительно на западной окраине могильника, на краю оврага осмотрен крупный валун с просверленным сверху в центре отверстием диаметром 3,5 см и глубиной 55 см (рис. 7).

*Черное. Курганный могильник («Курганная
группа, 6 насыпей»)*

Согласно работам экспедиции ЦСА в 2020 г., проведенным в рамках инвентаризации ОКН Ленинградской области, могильник, расположенный в д. Черное, состоял из трех курганов диаметром 5,6–8,0 м, высотой 0,50–1,25 м. Итоги работ 2020 г. с историографической справкой опубликованы (Семенов, Васильев, 2021. С. 73–75).

Рис. 7. Курган в северо-западной части курганно-жальничного могильника Соловьева Горка. Осень 2023 г.

Инспекция 2023 г. проведена со специалистом Комитета Н.А. Зарубиной. Установлено, что состав и сохранность памятника соответствуют данным последнего обследования экспедицией ЦСА в 2020 г. Дополнительно отмечено, что курган № 1 расположен на территории частного участка (ул. Черное, д. 76), уже обнесенного забором, доступ ограничен, сохранность удовлетворительная. Два других кургана расположены с западной стороны от перекрестка улиц Черное и Центральная, сохранность плохая, повреждены многочисленными ямами.

На кургане № 1 растет большая старая коренастая и ветвистая сосна (рис. 8). Возможно, о ней писал Н.К. Рерих, осмотревший могильник в д. Черная в 1896 г. Рерих отметил, что при деревне осталось четыре–пять нераскопанных курганов, которые «заросли настолько большими да к тому же святочитимыми в деревне соснами, что раскопка их неудобна» (Рерих, 1896. Л. 28). В дальнейшем в статье «На кургане. В Водской Пятине (СПб. губ.)» он писал о соснах: «Многие насыпи поросли лесом, деревья насквозь пронизали их своими корнями; невольно вспоминаются курганные сосны при деревне Черная (Царскосельского уезда): коренастые, любовно обняли они насыпи своими мощными корнями. Сосны эти хранятся преданием, что на смельчака, отважившегося рубить одну из них, напала “трясучка”» (Рерих, 1914).

Сосницы. Городище («Городище»)

Согласно работам экспедиции ЦСА в 2020 г., проведенным в рамках инвентаризации ОКН Ленинградской области, памятник расположен в 2,8 км к северо-востоку от д. Сосницы, в 1,8 км к югу от д. Черное, на левом (восточном) берегу

Рис. 8. Курганный могильник Черное. Старая сосна на кургане № 1. Осень 2023 г.

р. Лемовжи, на высоком мысу, образованном при впадении в реку лесного ручья Черный, и представляет собой мысовое городище с площадкой подтреугольной формы, валом и рвом. Итоги работ 2020 г. с историографической справкой опубликованы (Семенов, Васильев, 2021. С. 75–77).

Инспекция 2023 г. проведена со специалистом Комитета Н.А. Зарубиной. Установлено, что состав и сохранность памятника соответствуют данным последнего обследования экспедицией ЦСА в 2020 г. Дополнительно отмечено, что в центральной части площадки городища расположено место отдыха местных жителей, оборудовано кострище, положены бревна для сидения, складированы дрова. Состояние памятника удовлетворительное.

Сосницы. Курганный могильник («Курганная группа»)

Инвентаризация памятника силами ЦСА ранее не производилась. В связи с отсутствием источников, позволяющих четко локализовать объект на местности и получить внятное представление о памятнике, инспекция объекта в 2023 г. не состоялась. Объект под названием «Курганная группа» поставлен на государственный учет в 1978 г. Решением Леноблсполкома № 271 от 10.07.1978 по адресу: «Сосницкий сельский совет, близ д. Сосницы, на полях совхоза “Ударник”» (Решение, 1978. П. 62). Идентифицировать объект с известными в настоящее время памятниками не представляется возможным. Какие источники послужили основанием для включения «Курганной группы» в список объектов археологии также точно не известно.

В 1894 г. Н.К. Рерих около д. Сосницы исследовал три кургана, «в которых под слоем земли и камней в 3/4 аршина оказался слой золы и угли (предметы не сохранились)». Затем Н.К. Рерих обратил внимание на «сопку» «в 1 сажень высоты» у речки Хмеленки в месте «Серебряный ручей», которую первоначально пытались раскопать крестьяне. Под слоем дерна крестьяне обнаружили слой камней мелких, «какие бывают на речном дне, а потом шла накидная земля». В этой земле был найден кусок дерева с еще заметными «зарубками», но крестьяне, не поняв их, бросили это дерево в реку, где оно и пропало. Далее будто бы они докопались до четырехугольной каменной плиты. На дне ямы, вырытой крестьянами, Н.К. Рерих также нашел только «отколотую» доску «длиною в 2 аршина, шириною в 1/2 аршина, а толщиной около 2 дюймов» (Рерих, 1894. Л. 2, 6, 7).

В 1896 г. Н.К. Рерих отметил «Куделову горку», расположенную «на расстоянии 1 версты к югу

от деревни Сосницы». По его описанию, горка представляла собой каменистый холм, высотой до 4 1/2 сажени, диаметром до 40 сажени неправильной формы, имеющей склон на юг. Была известна под названием Куделова урочища и Кудельской горки. Местное предание гласит, что «тут что-то было, собирались туда молиться». Н.К. Рерих, осмотрев это место, указал, что весь холм усеян плитою, в разных ее местах были «пробные колодцы», в которых на глубине от 3/4 до 1 аршина обнаружен уголь, обожженные камни и зола. Горка была сложена из «твердого грунта и плиты» (Рерих, 1896. Л. 33об., 34).

В 1972 или 1973 г. Волосовским отрядом Северо-Западной археологической экспедиции ЛГУ под руководством З.В. Прусаковой и Ю.М. Лесмана при проведении разведочных работ «на левом берегу р. Лемовжи в 200 м к востоку от сосницкого кладбища» осмотрена возвышенность, «которую называют сопкой» (рис. 9). Согласно обмерам, ее диаметр составлял 25 м, высота над поймой 7 м, высота над площадкой 4 м. С северо-востока площадкой она была соединена с всхолмлением овальной формы 25 × 13 м и высотой 3,8 м. Возвышенность окружал ручей-болотце, присыпанный с южной стороны. Весь участок сильно зарос кустарником. По мнению З.В. Прусаковой и Ю.М. Лесмана, всхолмление имело естественное происхождение. Также отрядом на левом берегу р. Лемовжи, «не доходя деревни Сосницы», осмотрено место, «называемое в народе Кудиловой горой». Было отмечено, что «это возвышенность округлой формы без каких-либо видимых следов укреплений, на которой видны остатки фундаментов домов, когда-то здесь находился хутор» (Прусакова, 1972–1973а. Л. 9, п. 21, 22; 1972–1973б).

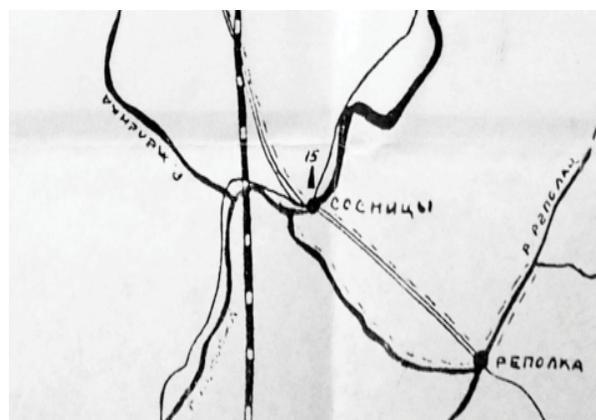

Рис. 9. «Сопка» у д. Сосницы на фрагменте карты-схемы маршрута обследования З.В. Прусаковой и Ю.М. Лесмана в 1972–1973 гг.

В архиве Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области нами обнаружена заготовка Охранного обязательства на памятник под названием «Курганная группа у дер. Сосницы Изварского с/с», подготовленная Инспекцией по охране памятников Леноблсполкома. Дата обязательства не проставлена. К нему приложена план-схема объекта, соответствующего описанию возвышенности З.В. Прусаковой и Ю.М. Лесмана 1972/1973 г.: «...на левом берегу р. Лемовжи в 200 м к востоку от сосницкого кладбища» (Охранное) (рис. 10). На схеме предельно упрощенно, вероятно, обозначена «сопка» с площадкой, расположенные в 120 м к юго-западу от птичника и в 200 м к юго-востоку от церкви. Предположительно, возвышенность, «которую называют сопкой», осмотренная З.В. Прусаковой и Ю.М. Лесманом, поставлена на государственный учет в 1978 г. Решением Леноблсполкома № 271 от 10.07.1978 под названием «Курганная группа». В изданной в 1990 г. В.А. Лапшиным первой части «Археологической карты Ленинградской области» «Курганная группа» близ д. Сосницы на полях совхоза «Ударник» не учтена (Лапшин, 1990).

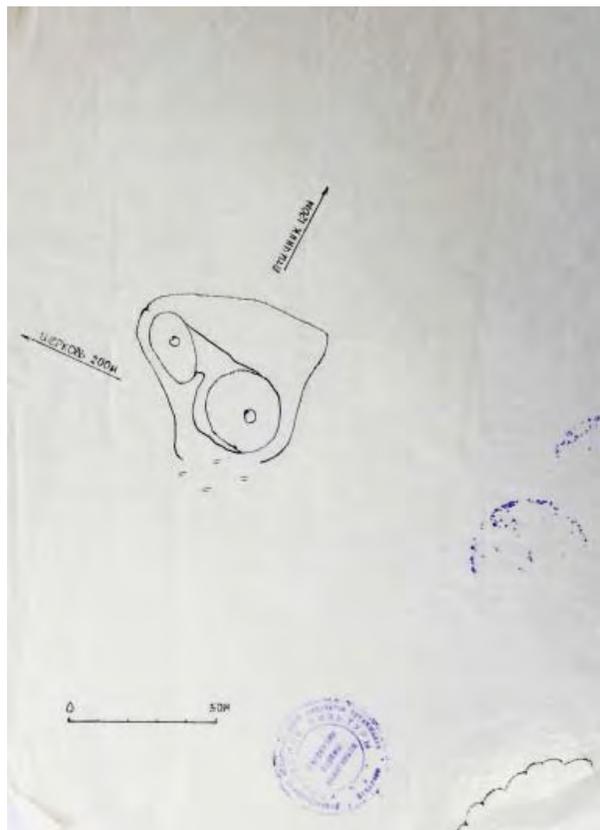

Рис. 10. План-схема «курганной группы» у д. Сосницы из заготовки охранного обязательства Инспекции по охране памятников Леноблсполкома

Кальмус. Курганный могильник («Курганная группа, 35 насыпей»)

Инвентаризация памятника силами ЦСА ранее не производилась. Памятник под названием «Курганная группа, 35 насыпей» поставлен на государственный учет в 1978 г. Решением Леноблсполкома № 271 от 10.07.1978 по адресу: «Волосовский район, Терпилицкий с/с, д. Кальмус» (Решение, 1978. П. 66).

В изданной в 1990 г. В.А. Лапшиным первой части «Археологической карты Ленинградской области» памятник учтен как несохранившийся «Кальмус. Курганная группа у д. Кальмус» (Лапшин, 1990). В учетной карте из историографических источников указан только отчет В.А. Лапшина «Разведка в западных районах Ленинградской области в 1985 г.». Однако упоминания могильника у д. Кальмус в данном отчете нет (Лапшин, 1985). Анализ литературы и архивных материалов позволяет предположить, что «Курганная группа, 35 насыпей» у д. Кальмус является двойником другого могильника, зафиксированного в Археологической карте 1990 г. как «Пожевицы 2. Курганная группа», расположенного «в 0,18 м к юго-востоку от д. Пожевицы, в роще у дороги в д. Кальмус (Лапшин, 1990. С. 88, п. 652).

В 1876 г. в районе «д. Пожевицы» Л.К. Ивановский произвел исследования в трех могильниках, раскопав 66 курганов (Ивановский, 1876. Л. 24–26; Спицын, 1896. С. 111, 112). Второй могильник был обозначен Л.К. Ивановским под № XVII как группа «у мызы», где им было раскопано 22 насыпи, в шести из которых «кости истлели, вещей нет». В остальных курганах обнаружено всего три женских костяка и погребальный инвентарь. Ближайшая от деревни мыза располагалась к северо-востоку, рядом с образованной позднее д. Кальмус.

В 1899 г. во II полевой группе «у мызы» членами и слушателями С.-Петербургского археологического института под руководством «профессора Н.И. Веселовского и художника Н.К. Рериха» были вскрыты три погребения (Рерих, 1899. Л. 10; 1900. С. 103, 104). Согласно описанию, в них костяки помещались в лежачем положении головой на запад в неглубокой могиле (глубиной 3/4 аршина) при малочисленном каменном кольце основания. Находки (витой с петельками и пластинчатый с плетеным орнаментом браслеты) отнесены к XIII в. Отмечена высота насыпей от 3/4 аршина до 2 аршин.

В 1927 г. в рамках палеоэтнологической экспедиции КИПС сотрудниками ГАИМК Б.А. Коишевским

и Л.С. Генераловой была осмотрена группа «раскопанных» курганов, располагавшаяся в примерно 1/4 версты к востоку от деревни в низине, у подошвы холма. Курганы представляли собой 33 насыпи диаметром от 2 до 8 м и высотой от 0,5 до 2 м. Большая часть могильника была распахана, а оставшееся раскопано ямой сверху (Коишевский, Генералова, 1927. Л. 15; 1931. Л. 3).

В 1972 или 1973 г. Волосовским отрядом Северо-Западной археологической экспедиции ЛГУ под руководством З.В. Прусаковой и Ю.М. Лесмана при проведении разведочных работ в 180 м к юго-востоку от «д. Пежевицы» в роще у дороги в д. Кальмус осмотрена группа, состоящая «из 36 насыпей полусферической формы». По данным исследователей, курганы имели диаметр от 3–5 м до 9–10 м, высоту 0,35–1,80 м, хорошо задернованы, поросли кустарником, у некоторых прослежена каменная обкладка в основании. В отчете могильник описан под пунктом № 5 как «Курганная группа I у д. Пежевицы» (Прусакова, 1972–1973а. Л. 4, п. 5; 1972–1973б). Следует обратить внимание на количество зафиксированных насыпей, а также на то, что на карте-схеме разведочных работ пункт № 5 показан у д. Кальмус (рис. 11).

Можно полагать, что на основании этих разведочных работ могильник у д. Пежевицы и был включен в список Решения Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978 как «Курганная группа, 35 насыпей д. Кальмус». ОАН «Пежевицы 2. Курганная группа» из Археологической карты 1990 г. в списке Решения Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978 отсутствует. В 2023 г. во время полевого выезда со специалистом Комитета Н.А. Зарубиной могильник «в 180 м к юго-востоку от д. Пежевицы, в роще у дороги в д. Кальмус» не найден.

Рис. 11. Курганная группа у д. Кальмус на фрагменте карты-схемы маршрута обследования З.В. Прусаковой и Ю.М. Лесмана в 1972–1973 гг.

Большая Вруда. Курганно-жальничный могильник («Курганная группа, 95 насыпей» и «Курганная группа, 80 насыпей»)

Согласно работам экспедиции ЦСА в 2020 г., проведенным в рамках инвентаризации ОКН Ленинградской области, памятник расположен на юго-западной окраине д. Большая Вруда у излучины правого берега р. Вруды, в густо заросшем кустарником и деревьями обособленном участке леса. Могильник состоит из 70 погребальных комплексов, представленных крупными полусферическими насыпями диаметром 7,0–10,5 м, высотой до 1,4 м, а также небольшими уплощенными насыпями, диаметром 4–6 м, высотой 0,2–0,5 м с остатками каменной обкладки по основанию. Часть курганов имеют следы современных грабительских раскопок. Итоги работ 2020 г. с историографической справкой опубликованы (Семенов, Васильев, 2021. С. 51–53). Инспекция 2023 г. проведена со специалистом Комитета Н.А. Зарубиной. Установлено, что состав и сохранность памятника соответствуют данным последнего обследования экспедицией ЦСА в 2020 г. (рис. 12).

Буяницы I. Курганно-жальничный могильник («Курганная группа, 137 насыпей»)

Согласно работам экспедиции ЦСА в 2020 г., проведенным в рамках инвентаризации ОКН Ленинградской области, памятник расположен на северной окраине д. Буяницы, в лиственной роще. Могильник состоял из 62 видимых погребальных комплексов: курганов и курганов-жальничков полусферической или сегментовидной формы диаметром 4,5–10,0 м, высотой 0,2–1,2 м с частично сохранившимися каменными обкладками по основанию и жальничных могил с каменными оградками круглой формы размерами 4–5 × 3,3–4,8 м

Рис. 12. Курган на северо-восточном краю курганно-жальничного могильника Большая Вруда. Осень 2023 г.

и прямоугольной формы размерами 2,5 × 1,4 м. Часть погребальных комплексов повреждена грабительскими раскопками. Итоги работ 2020 г. с историографической справкой опубликованы (Семенов, Васильев, 2021. С. 82). Инспекция 2023 г. проведена со специалистом Комитета Н. А. Зарубиной. Установлено, что состав и сохранность памятника соответствуют данным последнего обследования экспедицией ЦСА в 2020 г. Дополнительно отмечено, что могильник по краям сильно замусорен бытовыми и строительными отходами (рис. 13).

Чирковицы. Курганный могильник («Курганная группа, 18 насыпей»)

Инвентаризация памятника силами ЦСА ранее не производилась. В 1973 г. Ижорским отрядом Северо-Западной археологической экспедиции ЛГУ и ЛО ВООПИК под руководством Е. А. Рябинина в д. Чирковицы между постройками и огородами зафиксированы остатки курганного кладбища. Всего было учтено 18 насыпей. Е. А. Рябинин отметил, что могильник находится под угрозой полного уничтожения из-за строительства большого здания в непосредственной близости от курганов. Снят план памятника (Рябинин, 1973. Л. 6–7. Табл. № 24) (рис. 14).

В 1978 г. памятник под названием «Курганная группа, 18 насыпей» поставлен на государственный учет. Решением Леноблсполкома № 271 от 10.07.1978 по адресу: «Волосовский район, Чирковицкий с/с, в д. Чирковицы» (Решение, 1978. П. 72). В изданной в 1990 г. В. А. Лапшиным первой части «Археологической карты Ленинградской области» памятник учтен как «Чирковицы. Курганная группа в д. Чирковицы» (Лапшин, 1990. С. 90. № 670).

Рис. 13. Курган в центре курганно-жальничного могильника Буяницы. Осень 2023 г.

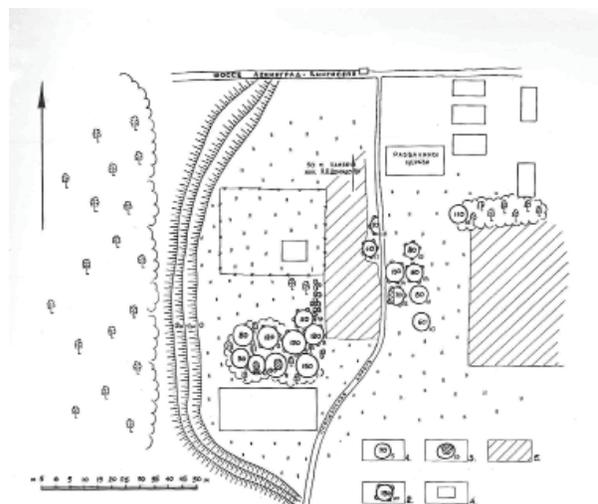

Табл. № 24. Курганный могильник у д. Чирковицы
Условные обозначения: 1-насыпи без обкладочных камней; 2-насыпи без обкладки; 3-исследованные и распаханные курганы; 4-постройки; 5-павилья, огороды.

Рис. 14. Курганный могильник в д. Чирковицы.
План 1973 г. (Рябинин, 1973. Л. 6–7. Табл. № 24)

Инспекция 2023 г. проведена со специалистом Комитета Н. А. Зарубиной. Установлено, что через могильник проложен газопровод, вся его территория подвергалась хозяйственной и строительной деятельности. Вероятно, памятник разрушен, но, возможно, сохранились две частично поврежденные насыпи (№ 17 и 18 по плану Е. А. Рябинина 1973 г.), а также грунтовые погребения.

*КИНГИСЕППСКИЙ Р-Н
Кайболово 1. Городище («Городище»)*

Последние данные о памятнике были получены экспедицией ООА ИИМК РАН в 2015 г. в ходе реализации контракта по формированию единого государственного реестра и мониторингу объектов культурного наследия Ленинградской области. Результаты работы, состоящие в подготовке историографии памятника, определения степени сохранности, съемки актуального топографического плана с определением границ памятника и их координат, представлены в отчетных материалах, но в литературе не опубликованы (Васильев, Семенов, 2015а; 2015б; Васильев, 2021. С. 36–42).

Первые упоминания о городище относятся к 1874 г. В «Сведениях о городищах и курганах С.-Петербургской Губернии» указано: «В Ратчинской волости, в двух верстах от дер. Кайболова, по направлению к тракту в с. Катыли, сохранилось городище, длиною в 84 и шириною в 67, окружностью же в 212 саж. Форма городища круглообразная, поверхность ровная, и ныне распахивается под посеvy. Расположено

оно на высоком месте, на берегу р. Сумы. Внешние укрепления его сохранились: с запада и севера овраги, с востока и юга валы. Длина валов 76, ширина 4 саж.; въезд с юга. Кем городище построено и почему разрушено не известно в предании народа, раскапываемо оно не было и древних вещей на нем найдено не было» (Елачичь, 1874. С. 149).

В 1956 г. городище было обследовано отрядом по изучению крепостей ЛОИА АН СССР под руководством П. А. Раппопорта (Раппопорт, 1956. Л. 20; 1961. С. 35–37). Согласно сведениям, полученным в результате разведочных работ, культурный слой городища имеет толщину от 0,25 (близ вала) до 0,45 м (в южной части площадки). Слой черного цвета содержит мелкие камни, редкие угольки и единичные фрагменты круговой керамики (вероятно, подъемный материал). На большинстве черепков отмечен линейный и волнистый орнамент, в том числе многорядный. Керамика датирована XI–XIV вв. Экспедицией был снят первый план памятника. В 1963 г. городище осмотрено сотрудниками Института истории АН Эстонской ССР под руководством Э. Ю. Тыниссон (Тыниссон, 1963. Л. 4, 5). По данным исследователя, площадка городища была занята под сенокос, лишь в ее центральной части находится небольшой участок под огородом. Никаких артефактов найдено не было. Отмечена высота вала: с внутренней стороны 3,0–3,5 м, с внешней – до 4,5 м.

В 1973 г. памятник обследован Ижорским отрядом Северо-Западной археологической экспедиции ЛГУ и ЛОО ВООПИК под руководством Е. А. Рябинына (Рябинин, 1974. Л. 1, 2). На этот момент площадка городища была ровная, задернованная и незастроенная. В отношении дугообразного в плане вала, расположенного с восточной напольной стороны, получены новые наблюдения. По мнению Е. А. Рябинына, он имел поверхностную обкладку из плитнякового камня. В центральной и северо-восточной части площадки заложен ряд шурфов, однако культурный слой в них прослежен не был. В 1977 г. Государственной инспекцией охраны памятников Управления культуры Леноблисполкома на городище подготовлена учетная карточка (Учетная, 1977). В 1978 г. памятник под названием «Городище» поставлен на государственный учет решением Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978 по адресу: Кингисеппский район, Конновский с/с, в 1,3 км от д. Кайболово, на правом берегу реки Сумы (Решение, 1978. П. 161).

В 1980 г. Ижорской археологической экспедицией ЛОИА АН СССР во главе с Е. А. Рябиныным

и Т. В. Рябиныной проведено дополнительное исследование и раскопки памятника (Рябинин, Рябинына, 1981. Л. 4–9; Рябинин, 1984а. С. 47–52). Перед валом с напольной стороны были прослежены слабые следы заплывшего рва. По имеющимся повреждениям вала заключено, что он сооружен из мешаного суглинка и на всем протяжении облицован кусками плитняка, образующими «сплошной каменный панцирь». В центре площадки, несколько ближе к валу был заложен раскоп площадью 70 кв. м, где прослежена следующая стратиграфия: ниже дерна толщиной 0,10–0,12 м залегает слой серого гумусированного суглинка (подвергавшийся многолетней распашке) мощностью 0,16–0,36 м, перекрывающий плотный материковый суглинок темно-желтого цвета. В сером мешаном суглинке встречены отдельные мелкие фрагменты глиняной посуды как поздних форм, так и древнерусского времени. В материке выявлено основание наземной, по-видимому, жилой срубной постройки (постройка 1) в виде пятна правильной прямоугольной формы размерами 4,6 × 3,3 м, ориентированной длинной осью по линии юго-запад–северо-восток. Пятно состояло из слоя утрамбованного чернозема с включением угля. В южной части основания постройки, ближе к его западному краю расчищены остатки печи-каменки, представленные скоплением обожженных камней, угля и мелких обломков прокаленной глины. В заполнении постройки найдены 93 обломка древнерусской гончарной посуды, витой (из трех проволок) бронзовый перстень, черешковый наконечник стрелы ромбовидной формы и фрагмент железного стержня. Рядом с жилищем обнаружены бронзовый перстень с заходящими концами и серебряная бочонковидная бусина с напаянными рельефными «глазками». В южной части раскопа выявлено пятно постройки 2 размерами 3 × 3 м. В ее юго-западном углу открыта яма овальной формы размерами 1,2 × 0,9 м, заглубленная в материк на 0,3 м и заполненная темным мешаным суглинком, насыщенным углем и золой. Из заполнения ямы происходят четыре крупных куски железного шлака. При зачистке основания постройки 2 встречены 14 обломков глиняной посуды, биконическое шиферное пряслице, половинка серебряной литой бусины с рельефным узором и два фрагмента железных изделий. Кроме построек, в раскопе зафиксированы пятна нескольких ям, заполненных мешаным суглинком с большим содержанием угля и золы. В ямах найдены фрагменты древнерусской керамики, шлак, куски обожженной глины, ярко-зеленая бусина прозрачного стекла. По мнению Е. А. Рябинына, раскопки 1980 г. доказали, что площадка городища была местом постоянного обитания, здесь

располагались жилые наземные срубные постройки с каменной печью, с земляным или дощатым полом. По соседству с ними находились хозяйственные и производственные сооружения.

В 1983 г. Ижорской экспедицией ЛОИА АН СССР под руководством Е.А. Рябина раскопки памятника были продолжены (Рябинин, 1984б. Л. 1–12). С запада и востока от раскопа 1980 г. были вскрыты два участка (раскопы 2 и 3) общей площадью 215 кв. м. Раскопками 1983 г. подтверждена стратиграфия памятника: под дерном залегал слой серого гумусированного суглинка мощностью 0,08–0,20 м, его подстилает слой плотного материкового суглинка темно-желтого цвета. В сером мешаном суглинке найдены немногочисленные мелкие обломки гончарной керамики (как поздних форм, так и древнерусского времени), что обусловлено многолетней распахкой памятника. В «пятнах» наземных сооружений, выявленных на уровне материка, и в хозяйственных ямах обнаружена керамика и индивидуальные находки не перемешаны и представлены древностями, относящимися к периоду функционирования городища. В раскопе № 2 на уровне материкового суглинка зафиксировано восемь пятен различных очертаний и размеров, заполненных темным гумусированным слоем с находками. Пятна 1, 2, 3, 6, 8 – ямы различного характера и назначения. Пятно 4 – основание небольшого наземного сооружения (постройка 2) с остатками обгоревшего дерева, правильной четырехугольной формы размерами 2,9 × 1,0 м. Пятно 5 – основание наземной постройки прямоугольной формы (постройка 3) размерами 4,6 × 3,0 м. Пятно 7 – остатки наземного сооружения. В раскопе 3 также выявлены различные комплексы: основание крупной прямоугольной постройки (постройка 4) размерами 3,8 × 3,2 м с печью-каменкой и подпечной ямой, остатки других сооружений (постройка 5) и печей-каменок, хозяйственные ямы. На основании результатов исследований Е.А. Рябинин пришел к выводу, что период заселения городищенской площадки был непродолжительным, в течение одного строительного периода в пределах второй половины XII – первой половины XIII вв. Прекращение жизни на городище могло быть связано с вторжением крестоносцев в Водскую землю зимой 1240–1241 гг., упомянутым в летописи: «...придоша Немце на Водь с Чюдью, и повоеваша и дань на них возложиша. А город учиниша в Копорьи погосте» (Новгородская, 1950. С. 295). На археологической карте Ленинградской области памятник учтен как «Кайболово-1. Городище» (Лапшин, 1990. С. 102, № 780).

Согласно работам экспедиции ООА ИИМК РАН в 2015 г., памятник представляет собой городище,

расположенное на мысу, образованном излучиной правого берега р. Сумы в 1,9 км к западу от д. Кайболово. Площадка памятника подовальной формы, с напольной северо-восточной стороны расположен вал, между южной оконечностью вала и краем берега на площадку городища наезжена полевая дорога. Края и береговые склоны памятника покрыты густыми зарослями кустарников и лиственных деревьев. Высота площадки мыса в границах памятника над уровнем воды достигает 14 м (74,37–77,08 м БС). В центре городища расположены западины – следы археологических раскопок Е.А. Рябинина в 1980 и 1983 гг., в северной части – большая яма. Для съемки плана в 2015 г. были проведены топографические работы и обмеры, позволившие определить характеристики и параметры площадки и вала городища. Площадка подовальной формы, размерами (без вала) 167 м (юг–север) на 132 м (запад–восток). Длина вала по подошве составляет 167 м, ширина – до 14 м, высота с внутренней стороны – 3 м, с внешней – 3,5–4,0 м. Площадь городища (вал и внутренняя площадка) составляет 18967,41 кв. м. С напольной стороны вала прослежены следы заплывшего рва. Для проверки возможного наличия у городища посада с внешней стороны вала, на поле было заложено пять шурфов, общей площадью 26 кв. м. Культурный слой и артефакты, синхронные существованию городища второй половины XII – первой половины XIII в., не зафиксированы.

Инспекция 2023 г. проведена со специалистом Комитета Н.А. Зарубиной (рис. 15). Установлено, что состав и сохранность памятника соответствуют данным последнего обследования экспедицией ООА ИИМК РАН в 2015 г.

Рис. 15. Вал Кайболовского городища. Осень 2023 г.

Пиллово. Курганный могильник («Курганная группа, 3 насыпи»)

Последние данные о памятнике были получены экспедицией ООА ИИМК РАН в 2019 г. в ходе реализации контракта по инвентаризации ОАН Ленинградской области. Результаты работы, состоящие в подготовке историографии памятника, определения степени сохранности, съемки актуального топографического плана с определением границ памятника и их координат, представлены в отчетных материалах, но в литературе не опубликованы (Богуславский, Городилов, 2019а; 2019б).

По сведениям А. А. Спицына, первые исследования могильника произведены в 1885 г. выпускником Медико-хирургической академии доктором Л. К. Ивановским. Полевого дневника работ не сохранилось, но по оставшимся от раскопок вещам можно предположить, что Л. К. Ивановским было исследовано не менее 29 курганов (или вещи происходят только из 29 курганов?) (Спицын, 1896. С. 101).

В 1973 г. разведочные работы на могильнике проведены Ижорским отрядом Северо-Западной археологической экспедиции ЛГУ и ЛОО ВООПИК под руководством Е. А. Рябина (Рябинин, 1974. Л. 2, 3; 1976. С. 211, 212). По данным экспедиции, памятник располагался на возвышенности около часовни и на прилегающих участках, поросших травой. На момент обследования могильник был почти полностью уничтожен: курганы раскопаны или распаханы. Зафиксированы только три небольшие насыпи, высотой 0,20–0,30 м и диаметром 4–5 м. По мнению Е. А. Рябина, по круглым углублениям, окруженным в ряде случаев кольцом из валунов, ему удалось проследить остатки 16 уничтоженных курганов. Рядом с часовней обнаружен крест, происходящий «из разрушенного курганно-жальничного захоронения».

Следует отметить, что сведения о часовне и каменном кресте в д. Пиллово известны с 1734 г. В полном собрании постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи, относящихся к царствованию императрицы Анны Иоанновны, указано, что в день мученицы Анастасии из часовни к кресту выносили ее святой образ, молились, ели мясо, пироги, овечьи головы, «а в постные дни рыбу, и пьют пиво; да к той же часовне приводят тоя ж деревни крестьяне, повсягодно, перед Ильиным днем, в воскресенье, корову и убивают и, разрубя и розделя по частям, носят в дома свои и едят, и Богу в домах своих молятся» (Полное, 1898. С. 193; Панченко, Федоров, 2017. С. 85). О часовне в д. Пиллово «во имя

Анастасии Римляныни» упоминается в Историко-статистических сведениях о Санкт-Петербургской епархии за 1885 г. (Историко-статистические сведения, 1885. С. 319). В 1943 г. этнографические данные содержат сведения о четырех каменных крестах, которые местные жители называли крестами Анастасии «за нашей деревней, на лугу» и продолжали совершать перед ними те же обряды, что были описаны в XVIII в. Отмечалось, что раньше боялись прикасаться к этим крестам, так как от этого может парализовать, но «примерно двадцать лет тому назад один мальчик разбил эти кресты молотком, но его не парализовало» (Magiste, 1959. P. 69, 70; Панченко, Федоров, 2017. С. 85).

В 1978 г. памятник под названием «Курганная группа, 3 насыпи» поставлен на государственный учет Решением Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978 по адресу: «Кингисеппский район, Котельский с/с, д. Пиллово, у часовни» (Решение, 1978. П. 164). В том же году Государственной инспекцией по охране памятников Управления культуры Леноблисполкома на памятник подготовлен паспорт и учетная карточка (Паспорт, 1978; Учетная, 1978). В изданной в 1990 г. В. А. Лапшиным первой части «Археологической карты Ленинградской области» могильник учтен как «Пиллово. Курганная группа» (Лапшин, 1990. С. 102, № 782).

В 1998 г. разведочной группой Тесовского отряда Северо-Западной экспедиции Санкт-Петербургского филиала РНИИ культурного и природного наследия под руководством В. Б. Панченко (Яшкиной) на территории д. Пиллово проводился сбор этнографических сведений, а также поиск каменных крестов могильника. По словам местных жителей, раньше за часовней, стоявшей на западной окраине деревни, находились два или три каменных креста, но в настоящее время они утрачены. При осмотре указанного участка какие-либо видимые признаки средневекового могильника зафиксированы не были (Панченко, 1998; 2000. С. 54; Панченко, Федоров, 2017. С. 85).

В 2011 г. территория могильника трижды обследована отрядом НИИКСИ СПбГУ под руководством И. А. Федорова (Федоров, 2012. Л. 51–53; Михайлова и др., 2018. С. 32). При первом посещении удалось осмотреть полуразрушенную деревянную часовню размерами 5 × 3 м с провалившейся крышей. Из опроса местных жителей стало известно, что часовня использовалась жителями деревни как культовое сооружение во время Великой Отечественной войны, а также что еще до 1970-х гг. вокруг часовни стояли каменные кресты, снесенные

техникой во время очистки поля. По сведениям информаторов, один из крестов находился в часовне, а в настоящее время он закопан внутри. При повторном посещении д. Пиллово установлен факт сноса часовни, инициированный владельцами ближайшего участка. В результате осмотра территории могильника, по мнению И. А. Федорова, удалось зафиксировать всего два объекта, которые были соотнесены с остатками могильника: невысокую аморфную насыпь, диаметром 3,5 м, высотой 0,4 м, с валуном (возможно, из каменной оградки кургана) и фрагмент валунной оградки из трех валунов, выложенных по периметру окружности диаметром около 2 м, без насыпи. По предположению исследователя, это остатки жальничной могилы с валунной оградкой круглой или овальной формы. Также на всей территории могильника отмечены многочисленные следы грабительских раскопок с применением металлодетекторов. По свидетельствам местного населения, территория курганной группы, а также близлежащие территории являются объектом постоянного разграбления и, по непроверенным данным, на территории могильника грабителями был найден меч. Осенью экспедицией снят топографический план территории памятника (Федоров, 2012. Л. 51–53).

Летом 2015 г. осмотр памятника был принят экспедицией ООА ИИМК РАН в ходе реализации контракта по формированию единого государственного реестра и мониторингу объектов культурного наследия ОКН Ленинградской области. По сведениям местных жителей, несохранившаяся «часовня» (или «молельный дом») находилась в центре деревни, на ее западной окраине (к западу от старого краснокирпичного дома), на участке, в настоящее время приобретенном в частное владение и огороженном забором. Как сообщалось, ранее у часовни находились «могилы с каменными крестами». Хозяева участка остатки «часовни» и всю территорию выравнивали бульдозером. По их словам, перед «благоустройством» на это место для освящения и благословения вызывали священника, который запретил строить что-либо на месте часовни. Две задернованные небольшие земляные насыпи, отмеченные на частном участке, со слов владельцев, являются результатом их хозяйственной деятельности. Провести подробный осмотр на своей территории владельцы участка не позволили (Васильев, Семенов, 2015а; 2015б).

Осенью 2015 г. экспедицией Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева СПбГУ при осмотре места расположения курганной группы

на западной окраине деревни обнаружены свежие грабительские траншеи и ямы глубиной до 1 м, в отвалах которых лежали человеческие кости из вскрытых погребений. Рядом были найдены несколько железных предметов, среди которых отмечено кресало. По мнению исследователей, эти артефакты могут датироваться эпохой позднего Средневековья и Нового времени и происходят, вероятнее всего, из культурного слоя деревни, упомянутой впервые в 1500 г. (Михайлова и др., 2018. С. 32).

В 2019 г. экспедицией ООА ИИМК РАН под руководством А. Ю. Городилова установлено, что к моменту полевого обследования надземные части курганов не сохранились, в южной половине курганной группы фиксируется несколько земляных насыпей, однако в силу слабой задернованности и общей аморфности их вряд ли можно отнести к курганным насыпям. Кроме того, территория вокруг места бывшей часовни отдана в частное пользование и обнесена забором, что не позволило обследовать центральную часть памятника. На большей площади памятника наблюдаются следы грабительских раскопок. Снят актуальный топографический план могильника, границы которого определены по ландшафтно-топографической ситуации, а также на основании совмещения с планами, снятыми в предшествующие годы, когда надземные части насыпей еще сохранялись (Богуславский, Городилов, 2019а; 2019б).

Инспекция 2023 г. проведена со специалистом Комитета Н. А. Зарубиной. Установлено, что сохранность памятника соответствуют данным последнего обследования экспедицией ООА ИИМК РАН в 2019 г. На территории частного участка, а также к западу и югу от него заметно несколько небольших аморфных насыпей (всхолмлений), возможно оставшихся от погребальных сооружений могильника. К северу от участка, где ранее располагалась часовня, между забором и огородом заметно скопление валунов, возможно оставшихся от венца курганов или оградок жальничных погребений.

КИРОВСКИЙ Р-Н Городище. Городище на берегу р. Лава («Городище»)

По техническим причинам инспекция объекта в 2023 г. не проведена. Последние данные о памятнике были получены экспедицией ООА ИИМК РАН в 2019 г. под руководством А. Ю. Городилова в ходе реализации контракта по инвентаризации ОАН Ленинградской области. Результаты работы, состоявшей в подготовке историографии

памятника, определения степени сохранности, съемки актуального топографического плана с определением границ памятника и их координат, представлены в отчетных материалах, но в литературе не опубликованы (Кириллов, Городилов, 2019).

Деревня, на территории которой расположено городище на р. Лаве, известна с рубежа XV–XVI вв. В Переписной окладной книге Вотской пятины 1500 г. упоминается «Деревня Городище», «В Теребужском же погосте» Великого Князя деревня «за бояры и за детьми за боярскими в поместье» (Переписная, 1851. С. 61; Карты Водской пятины, 1905) (рис. 16). Впервые на деревню с названием «Городище» обратил внимание польский исследователь Зориан Доленго-Ходаковский (Адам Чарноцкий) во время своего «ученого путешествия» по Северной Руси, совершаемого для составления карты «Городства» и словаря географических названий «общих для всех славянских земель». Проезжая в 1820 г. из Санкт-Петербурга в «пределы Славян при самой южной стороне озера Нева», он после осмотра Апраксина Городка на р. Нази, посетил и городище при р. Лаве. Как писал путешественник, при д. Городище он действительно нашел «окоп», находившийся «с правой стороны реки Лавы, в ее колене, и на утесистом берегу; вал довольно еще высок, и не поврежден со стороны восточной и северной, а с юга и запада обрушился в реку» (Ходаковский, 1822; 1839. С. 131–133; 1844а. С. 1).

Рис. 16. Деревня Городище на фрагменте карты Теребужского погоста Водской пятины (Карты Водской пятины, 1905)

В 1871–1872 гг. историк и археолог Д. Я. Самоквасов «желая проверить путем личного исследования городищ воззрения на эти памятники», также совершил два путешествия по России. Вероятно, именно в первую поездку в 1871 г. он осмотрел городище у д. Городище на р. Лаве. Разделив все осмотренные им укрепления на два разряда: городища с правильными угловатыми очертаниями, относящиеся к периоду после введения в употребление огнестрельных снарядов, и городища с круглообразными очертаниями, относящиеся к периоду до изобретения пороха и пушек, городище на Лаве он отнес ко второму. Конкретное описание памятника касалось только формы площадки, которую Д. Я. Самоквасов отметил как треугольную (Самоквасов, 1873. С. 109, 110, 112, 113, 116).

По непроверенным сведениям, исходящим от В. П. Петренко, спустя 60 лет после З. Ходаковского «указанную деревню посетил Н. Е. Бранденбург, отметив наличие здесь остатков укрепления – шанца» (Петренко, 1977а; 1977б, Л. 1; 1982. С. 71). В Отчете о работах 1976 г. по этому поводу приведена ссылка на «Краткий отчет о раскопках в Ладужском уезде» Н. Е. Бранденбурга в Записках Русского археологического общества (т. I, с. XXXIX), однако в этом томе от 1886 г. ничего подобного нет (Записки, 1886). В статье, опубликованной Н. Е. Петренко в КСИА в 1982 г., посещение городища на р. Лаве Н. Е. Бранденбургом также упоминается, но ссылка на источник отсутствует (Петренко, 1982. С. 71). Тем не менее Н. Е. Бранденбург все же должен был знать о существовании здесь более позднего укрепленного пункта – Лавуйского острожка «на немецком рубеже» XVII в., возникшего на месте городища, так как был знаком с письменными документами этого времени, упоминавшими о заставе на р. Лаве (Бранденбург, 1896. С. 259, 260, 266).

В 1971 г. экспедицией Староладожского музея под руководством В. П. Петренко разведочными работами подтверждено, что непосредственно на территории деревни находится городище с местным названием «Городок», которое по характеру укреплений было датировано древнерусским временем (Кольчатов и др., 1972; Петренко, 1977а; 1977б, Л. 2; Петренко и др., 1977; Селин, 2002а. С. 62).

В 1976 г. на городище Княщинским отрядом Староладожской экспедиции ЛОИА под руководством В. П. Петренко у подножия вала на площадке заложен небольшой раскоп площадью 16 кв. м, прорезана южная оконечность вала, а также снят план памятника. Согласно описанию, городище расположено на мысу, образованном изгибом

р. Лавы. Подтреугольная в плане площадка, размерами 56 × 66 м, защищенная обрывистыми берегами, высотой 15–20 м, а с напольной стороны подковообразным, слегка изогнутым в плане валом шириной 12–14 м, высотой 4 м, и заплывшим рвом шириной 10 м. Площадка была хорошо задернована, в юго-восточной части отмечено несколько заплывших траншей. У вала с внутренней стороны прослежено 10 ям, являвшихся, по сообщению местных жителей, капонирами военного времени. В раскопе зафиксирован культурный слой в виде однородного «светло-серого гумуса», мощностью 0,3–1,0 м. В основании слоя прослежена вымостка из плит шириной до 1 м, уложенных в 1–2 яруса параллельно валу. Из слоя происходят несколько фрагментов стенок неорнаментированных гончарных сосудов XVI–XVIII вв. и шарики картечи. В траншее шириной 2 м и длиной 14 м, прорезавшей вал, прослежены два этапа его сооружения. Сначала вал был сложен из желтого песка с включением плит и валунов. На его вершине зафиксированы остатки сгоревших бревен и пятна прокаленной глины, свидетельствующие, вероятно, о наличии каких-то деревянных укреплений или внутривальных конструкций. На втором этапе вал с внутренней стороны был досыпан культурным слоем площадки, а с внешней – светло-коричневой глиной. В теле вала была найдена стеклянная продолговатая бусина желтого цвета и несколько стенок гончарных сосудов. Некоторые фрагменты, орнаментированные многорядной ломаной волной, были отнесены к XI–XII вв. По итогам разведочных работ В.П. Петренко пришел к выводу, что поселение в д. Городище появляется в домонгольское время, а само городище, исходя из характера оборонительных сооружений, – в древнерусское время. Также он полагал, что на городище находилась «Лавуйская застава», возникшая на русско-шведской границе, установленной в результате Столбовского договора 1617 г., и известная по письменным источникам с XVII–XVIII вв. (Петренко, 1977а; 1977б; 1982; Петренко и др., 1977).

В 1978 г. памятник под названием «Городище» поставлен на государственный учет Решением Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978 по адресу: «Волховский район, Путиловский с/с, у д. Городище, на берегу р. Лавы» (Решение, 1978. П. 91).

В 1989 г. городище было осмотрено отрядом Ленинградской областной экспедиции ЛОИА под руководством В.А. Лапшина в рамках продолжающегося обследования Ленинградской области с целью создания ее археологической карты. Отмечено хорошее состояние площадки памятника

и отсутствие свежих повреждений культурного слоя. Однако в валу с напольной стороны зафиксированы устроенные там погребя (Лапшин, 1989а; 1989б, Л. 19). В изданной в 1995 г. В.А. Лапшиным «Археологической карте Ленинградской области. Часть 2», памятник учтен как «Городище. Городище в д. Городище на правом берегу р. Лава, на мысу» (Лапшин, 1995. С. 155, № 1537).

В 2001 г. исследования на памятнике проведены Тесовским отрядом Северо-Западной археологической экспедиции НИИКСИ СПбГУ под руководством А.А. Селина. Были заложены два раскопа: один в северной части площадки городища у подножия вала, второй с внешней стороны городища на посадке. По данным экспедиции, в обоих раскопах вещей раньше XVII в. найдено не было. На посадке культурный слой представлял собой задернованный «черный пахотный слой» перекрывающий развал камней от фундаментов домов позднейшего времени. На самом городище под дерном зафиксирован «коричневый гумус» и семь ям в материке. Всего было собрано 2500 фрагментов керамики. В яме 3 обнаружен археологически целый сосуд «бурого цвета, форма которого близка характерным для XVI в.». Тем не менее, по мнению А.А. Селина, на основании итогов работ 2001 г. городок на Лаве можно датировать не ранее XVII в. (Селин, 2002а. С. 62–65; 2002б. С. 199–206; Шмелев, 2004). В 2002 г. исследования на городище А.А. Селиным были продолжены.

В результате работ ООА ИИМК РАН в 2019 г. по инвентаризации памятника получены более точные данные о его состоянии. Согласно обследованию, «Городище расположено в д. Городище, на мысовом выступе правого крутого берега р. Лавы, к западу от грунтовой дороги в д. Васильково. Городище занимает треугольный мысовой выступ правого берега р. Лавы размерами около 185 × 130 м. Хорошо сохранившийся вал дуговидный в плане, высотой 3,5 м, с крутыми склонами. Ров с напольной стороны шириной 10 м почти не выражен в рельефе. Площадка городища ровная, повреждена траншеями времен Великой Отечественной войны; на ней фиксируются следы современных грабительских раскопок. Ров и вал заросли лиственным лесом и кустарником». Границы памятника определены по ландшафтно-топографической ситуации и по сохранившимся остаткам оборонительных сооружений. На топографическом плане в северной части вала с наружной стороны зафиксированы четыре погребя, а в центральной части вала плотную примыкающий частный участок с жилыми и хозяйственными постройками (Кириллов,

Городилов, 2019). Установленные границы ОАН «Городище» в результате инвентаризации 2019 г. закреплены Приказом Комитета по культуре Ленинградской области за № 01-03/19-428 от 28 октября 2019 г. (Приказ, 2019).

ВОЛХОВСКИЙ Р-Н

Горчаковщина-2. Группа сопки («Сопка», «Сопка»)

Согласно работам экспедиции ЦСА в 2021 г., проведенным в рамках инвентаризации ОКН Ленинградской области, памятник состоит из двух сопки, расположенных между деревнями Бабино и Горчаковщина, на краю правого высокого берега р. Волхов. Северная сопка (№ 1) представляет собой насыпь диаметром около 28 м и высотой 2,8 м. Вершина сильно скрыта. Большая часть сопки находится в пределах частного садового участка. Южная сопка (№ 2) высотой около 8 м, диаметром около 27 м имела конусовидную форму, довольно крутые склоны и уплощенную вершину. Итоги работ 2021 г. с историографической справкой опубликованы (Семенов и др., 2022. С. 30–32). Инспекция 2023 г. проведена со специалистом Комитета Т.А. Кравчук. Установлено, что состав и сохранность памятника соответствуют данным последнего обследования экспедицией ЦСА в 2021 г.

Горчаковщина 1. Многослойное поселение («Селище»)

Последние данные о памятнике были получены экспедицией ООА ИИМК РАН в 2015 г. в ходе реализации контракта по формированию единого государственного реестра и мониторингу объектов культурного наследия ОКН Ленинградской области. Результаты работы, состоящие в подготовке историографии памятника, определения степени сохранности, съемки актуального топографического плана с определением границ памятника и их координат, представлены в отчетных материалах, но в литературе не опубликованы (Васильев, Семенов, 2015а; 2015б).

Селище (поселение) открыто в 1970 г. археологической экспедицией Староладожского музея под руководством В.П. Петренко во время проверки состояния памятников в окрестностях Старой Ладоги (Петренко, 1970–1971а. Л. 4–18; 1970–1971б; Лебедев, Седых, 1985. С. 15). По данным экспедиции, на правом берегу р. Волхов, в 600–700 м от Любшинского городища, в 170 м к юго-юго-западу от крайнего дома д. Горчаковщина, на склонах оврага, расположенного между новой автомобильной дорогой Чернавино–Бабино и обрывистым берегом р. Волхов, были зарегистрированы выходы культурного слоя, собрана гончарная

керамика (Кольчатов и др., 1972. С. 21). Для выяснения стратиграфии и определения границ поселения был полностью зачищен южный склон оврага на длину 15,8 м (зачистка № 1), в 30 м к югу от оврага был зачищен берег р. Волхов (зачистка № 2), а также заложены два шурфа: шурф 1 в 14 м севернее оврага на краю берега и шурф 2 в 6 м к востоку от дороги. В зачистке 2 и шурфе 2 выходы культурного слоя зафиксировано не было. В том же 1970 г. и в 1971 г. В.П. Петренко исследовал памятник тремя раскопами общей площадью около 160 кв. м. В 1970 г. раскоп (раскоп А или 1) размерами 10 × 4 м был заложен с южной стороны оврага, в 1971 г. к нему была сделана прирезка (раскоп В или 3) площадью около 20 кв. м, а также заложен раскоп с северной стороны от оврага (раскоп Б или 2) первоначально размерами 8 × 8 м с дальнейшими прирезками.

В результате работ было установлено, что выходы культурного слоя занимают участок вдоль края высокой террасы размерами 450 × 60 м, а культурные напластования поселения достигают мощности 1,5 м и состоят из четырех слоев (А–Г). Непосредственно под дерном залегает мешаный светло-серый пахотный слой (слой А) с разновременными находками от древнерусского времени до современности (керамика, стекло, железные гвозди, скобы, крестики и др.). Под мешаным пахотным слоем размещался темно-серый гумусный слой (слой «Б» мощностью до 1 м). К нему относилось несколько кострищ в виде скопления угля и золы, два очага в виде развалов обожженных камней и скоплений глины, каменный развал и яма. Находки из слоя: фрагмент костяного двустороннего орнаментированного гребня, пряслице из розового шифера, железные нож и заклепка, бронзовая пряжка, керамика, изготовленная на гончарном круге (горшки и миски в том числе с линейным или линейно-волнистым орнаментом), и несколько лепных черепков. Круговая керамика, по данным исследователя, датируется XII–XIV вв., также встречено несколько фрагментов белоглиняной керамики XV–XVI вв. В целом, исходя из материала, слой датируется XII–XVI вв.

На небольшом участке площадью около 70 кв. м зафиксирован нижележащий гумусный слой, насыщенный угольками (слой «В»), мощностью 0,20–0,25 м. К нему относился очаг с очажной ямой, несколько хозяйственных ям глубиной до 0,35 м, а также углубление от подпрямоугольного в плане сооружения размерами 3 × 4 м. В ямах и очаге найдены пищевые отходы в виде костей животных, рыбой чешуи, а также железная черешковая стрела, серебряная обойма с пуансонным орнаментом,

фрагменты глиняных пряслиц и тигля, костяные иглы. Керамика слоя представлена лепной неорнаментированной посудой «ладожского типа» конца I тыс. На основании материала сделано заключение, что формирование слоя «В» завершилось не позднее X в.

Непосредственно над материком (суглинок с гравием) была прослежена более светлая и менее насыщенная находками прослойка красновато-коричневого суглинка с вкраплениями гумуса (слой «Г») мощностью 0,10–0,15 м. Из этого слоя происходят находки эпохи раннего металла: мелкие кремневые изделия, фрагменты лепной керамики, в том числе украшенные ямками, наколами, косым штампом, отпечатками ткани («текстильная», «сетчатая» керамика) и штриховкой. По итогам исследования 1970–1971 гг., ранний слой «Г», относящийся к эпохе раннего металла, был зафиксирован только в раскопе Б к северу от оврага. По данным В.П. Петренко, основная часть поселения этого времени, находившаяся к северу и северо-западу от раскопа, к моменту раскопок оказалась полностью разрушенной. Слой «В» оставленный в четвертой четверти I тыс., также прослежен в раскопе Б или 2 к северу от оврага. Выходы культурного слоя «Б», относящегося к средневековому поселению XII в. и более позднего времени, прослежены по обе стороны от оврага во всех трех раскопах. По мнению В.П. Петренко, восточная граница поселения проходила в районе дороги, а на севере доходила до современной деревни.

В 1978 г. памятник под названием «Селище» поставлен на государственный учет Решением Леноблсполкома № 271 от 10.07.1978 по адресу: «Волховский район, Исадский с/с, на южной окраине д. Горчаковщина» (Решение, 1978. П. 81). В изданной в 1995 г. В.А. Лапшиным «Археологической карте Ленинградской области. Часть 2» памятник учтен как «Горчаковщина-1. Многослойное поселение» (Лапшин, 1995. С. 142, № 1490).

В 2015 г. экспедицией ООА ИИМК РАН установлено, что памятник расположен на ровной площадке коренного правого берега р. Волхов, с южной и северной стороны от оврага, вытянутого по направлению юго-восток–северо-запад от шоссе к берегу реки. Высота площадки над уровнем реки около 13 м (на отметках 17,25–18,21 м БС). По краям оврага, берега реки и вдоль автодороги площадка частично заросла кустарником и лиственными деревьями. С северной стороны от оврага открытая часть памятника используется для стоянки автомобилей рыбаков и туристов, южная

часть (к югу от оврага) заросла густой травой. Для определения наличия, состояния и границ культурного слоя памятника к югу от раскопов В.П. Петренко 1970–1971 гг. были заложены три шурфа размерами 1 × 1 м. В шурфах 1 и 2 зафиксирован культурный слой (черный гумусированный суглинок с находками и темно-серый суглинок с включением камней и мелких фрагментов моренной плиты) мощностью 0,6 м, включавший немногочисленные фрагменты керамики позднесредневекового и Нового времени. В шурфе 3 находок не обнаружено. По результатам работ определены границы памятника, снят топографический план.

Инспекция 2023 г. проведена со специалистом Комитета Т.А. Кравчук. Установлено, что состав и сохранность памятника соответствуют данным последнего обследования экспедицией ООА ИИМК РАН в 2015 г. Территория памятника по-прежнему используется как стоянка автомобилей для рыбаков и туристов.

Исад 1/3. Многослойное поселение («Многослойное поселение»)

Согласно работам экспедиции ЦСА в 2021 г., проведенным в рамках инвентаризации ОКН Ленинградской области, памятник не локализован. Итоги работ 2021 г. с историографической справкой опубликованы (Семенов и др., 2022. С. 28–30). В 2023 г. во время полевого выезда со специалистом Комитета Т.А. Кравчук памятник на местности не найден.

Юшково (Вельсы). Поселение («Селище»)

Последние данные о памятнике были получены экспедицией ООА ИИМК РАН в 2015 г. в ходе реализации контракта по формированию единого государственного реестра и мониторингу объектов культурного наследия ОКН Ленинградской области. Результаты работы, состоящие в подготовке историографии памятника, определения степени сохранности, съемки актуального топографического плана с определением границ памятника и их координат, представлены в отчетных материалах, но в литературе не опубликованы (Васильев, Семенов. 2015а; 2015б).

В районе д. Вельсы (совр. д. Юшково) сбор подъемного материала («кремневые остатки») на песчаных дюнах производился в 1880 г. членами и слушателями Императорского Санкт-Петербургского археологического института (Калачев, 1881. С. 12).

В 1950 г. памятник зафиксирован во время разведки Северо-Западной археологической экспедиции под руководством Н.Н. Гуриной (Гурина, 1950).

Л. 81, 82; 1961. С. 498–500, 532). На левом берегу р. Волхов, к северу от д. Юшково, почти напротив поселения Изсады, на песчаном коренном берегу (15 м над уровнем воды) были найдены фрагмент текстильной керамики и бронзовый нож. В 1952 г. сотрудником Невской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР (руководитель Н. Н. Гурина) Г. П. Гроздиловым на памятнике проведены раскопки на площади 142 кв. м (Гурина, 1952. Л. 45–52; 1961. С. 498–500, 532). Поселение исследовано на семи раскопах, заложенных к северо-западу и юго-востоку от карьера, прорезающего центральную часть памятника от шоссе в сторону реки. В обрезах карьера прослежен черный культурный слой, содержащий обломки древней керамики. По мере удаления от реки в сторону шоссе мощность слоя постепенно уменьшалась, а у самой дороги слой выклинивался, что дало основание исследователю определить ширину поселения в 70–80 м (от края берега до шоссе). Протяженность площади древнего поселения между раскопами № 5 и 7 вдоль края берега определена в 160–200 м. В раскопах прослежена следующая стратиграфия памятника: непосредственно под дерновым слоем залегал темно-серый гумусированный песок мощностью 0,30–0,35 м, перекрывавший желтый песок, достигавший толщины 0,40 м. Подстилающим слоем являлся желтый слоистый материковый песок. Темный гумусированный слой содержал гончарную керамику и металлические изделия XIII–XIV вв. (XI–XV вв.?), а нижележащий слой желтого песка – керамику раннего металла, штрихованную и текстильную керамику. В материке зафиксировано несколько комплексов очажного и жилого характера, относящихся к средневековому времени. В раскопах № 2–5 открыты ямы округлых и овальных очертаний, содержавшие «позднеславянские» находки (керамику), обожженные камни, валуны, глиняную обмазку. В раскопе № 5 обнаружено основание наземной жилой срубной постройки со сгоревшим полом из бревен и досок. Основание постройки имело размеры 4,8 × 4,0 м. На раскопе открыты следы еще двух сгоревших построек.

В 1978 г. памятник под названием «Селище» поставлен на государственный учет Решением Леноблсполкома № 271 от 10.07.1978 по адресу: «Волховский район, Иссадский с/с, близ д. Юшково, у карьера» (Решение, 1978. П. 83). В изданной в 1995 г. В. А. Лапшиным «Археологической карте Ленинградской области. Часть 2», памятник учтен как «Юшково (Вельсы). Поселение» (Лапшин, 1995. С. 143, № 1498).

В 2004 г. памятник обследован во время археологической разведки Ладожского отряда кафедры археологии исторического факультета СПбГУ под

руководством М. А. Юшковой (Раззак) (Юшкова, 2005. Л. 13). По мнению исследовательницы, поселение уничтожено карьером практически полностью. У обреза южной стенки карьера был собран подъемный материал в виде обломков сосудов эпохи раннего металла и Средних веков.

По результатам исследования 2015 г. экспедицией ООА ИИМК РАН установлено, что памятник расположен в бору на песчаных дюнах коренного левого берега р. Волхов, на высоте от 5,5 до 10,9 м от уровня воды (на отметках 9,91–15,21 м БС), к северо-западу и юго-востоку от карьера, прорезающего центральную часть памятника от шоссе в сторону реки. Вся территория памятника используется под место отдыха людей и пляж (паркуются машины, устроены кострища, мангалы и т. п.), центральная часть памятника в значительной степени разрушена карьером-оврагом. Техническое состояние памятника аварийное. Для определения наличия, состояния и границ культурного слоя памятника по обе стороны от карьера и мест раскопов Г. П. Гроздилова 1952 г. были заложены девять шурфов и один шурф (№ 10) в лесу на противоположной (юго-западной) стороне от шоссе. Размеры всех шурфов 2 × 2 м, общая площадь 40 кв. м. Культурный слой поселения (серый гумусированный песок) мощностью 0,25–0,30 м зафиксирован лишь в шурфе 6, из которого происходят девять мелких фрагментов керамики, в том числе лепная керамика раннего металла с ямочным орнаментом и белоглиняная керамика XV–XVII вв. Выход культурного слоя также прослежен в обресе южной стенки карьера, откуда собран подъемный материал, включавший 18 мелких обломков сосудов позднесредневекового и Нового времени, в том числе белоглиняной керамики XV–XVII вв. По итогам работ установлены границы памятника, снят топографический план, подтверждена датировка памятника от эпохи раннего металла до позднего Средневековья и Нового времени (II–I тыс. до н.э. – XVII–XVIII вв.) (Васильев, Семенов. 2015а; 2015б).

Инспекция 2023 г. проведена со специалистом Комитета Т. А. Кравчук. Установлено, что состав и сохранность памятника соответствуют данным последнего обследования экспедицией ООА ИИМК РАН 2015 г. Уточнено, что в настоящее время селище расположено на территории памятника природы «Нижеволховский».

Вельца. Городище («Городище»)

Согласно работам экспедиции ЦСА ИИМК РАН, проведенным в 2021 г. в рамках инвентаризации ОКН Ленинградской области, установлено, что «Городище» является средневековым поселением. На памятнике

с момента его выявления С.Н. Орловым в 1940-х гг. характерные признаки городища в виде вала и рва не фиксировались. Итоги работ 2021 г. с историографической справкой опубликованы (Семенов и др., 2022. С. 78). Инспекция 2023 г. проведена со специалистом Комитета Т.А. Кравчук. Установлено, что состав и сохранность памятника соответствуют данным последнего обследования экспедицией ЦСА в 2021 г.

Шкурина Горка. Сопка («Сопка»)

Инвентаризация памятника силами ООА/ЦСА ИИМК РАН ранее не производилась. В 1820–1821 гг. польский археолог З.Д. Ходаковский, принятый с соизволения императора Александра I в Министерство народного просвещения, на выделенные правительством деньги совершает ученое путешествие по Северной России для составления словаря географических названий «общих для всех славянских земель» и в особенности урочищ и мест с наименованиями «городок, городец, городно, городня, городенка и городище», что «есть одно и то же», составляет карту «Городства», то есть городищ. Обращает З.Д. Ходаковский внимание и на величественные насыпи – «Сопки», большое количество которых он отметил по обеим сторонам р. Волхов, в особенности под «знаменитую Ладогою» где их «около 30» (Ходаковский, 1839. С. 145–147; 1844б). В материалах Историко-статистических сведений о С.-Петербургской епархии 1884 г. при описании Михйловского погоста, куда входила и д. Горка, указано, что, помимо сопки у церкви Михаила Архангела, «других сопки поменьше находится по берегу Волхова до 15» (Михайловский погост, 1884. С. 152–154). Сопка у северной окраины д. Горка отмечена на карте Н.Е. Бранденбурга, исследовавшего погребальные памятники Южного Приладожья на протяжении 1878–1886 гг. (Бранденбург, 1895. Карта).

В 1899–1901 гг., в связи с подготовкой празднования 200-летия основания Санкт-Петербурга, был произведен сбор данных для первой археологической карты Петербургской губернии. В сборе сведений принимали участие слушатели Петербургского археологического института. Под руководством А.А. Спицына координировал эту работу и собирал все поступающие сведения член Русского археологического общества Н.К. Рерих. Информаторами выступали священники, учителя, заведующие учебными заведениями, уездные исправники и др. По Ладожскому уезду материалы были предоставлены, в том числе, слушателем Археологического института Г.Г. Швиттау, переписавшим сведения о сопках на р. Волхов из публикаций З. Ходаковского (Сведения,

1900–1901). В 1911 г. Н.И. Репников составляет предварительный список памятников «старины в Ново-Ладожском уезде», в котором памятник впервые упоминается с привязкой к деревне как «попорченный кладоискателями курган» за околлицей д. Горка (Репников, 1911. Л. 13. П. XXXIX).

Первое подробное описание сопки сделано в 1929 г. Н.Н. Чернягиным во время разведочных работ по р. Волхов. По его данным, сопка находилась на северном конце д. Шкурина Горка, в 30 шагах от края берегового ската, у самой дороги, отделенная от нее изгородью. Сопка представляла собой крутобокую, конусообразной формы насыпь с несколько сглаженной вершиной диаметром 30 шагов (приблизительно 21,5 м) и высотой 6,96 м. С северо-востока она была ограничена изгородью и дорогой, а с остальных сторон пахотным полем. С юга и юго-запада пашня подступала к ее основанию. С северо-восточной стороны в верхней части отмечена широкая (около 6 м) западина, с севера и запада указаны две осыпи или обрыва во всю высоту сопки. От местных жителей получена информация, что «сопку никто не копал» (Чернягин, 1929. Л. 22, 23; 1931. Л. 15, 16) (рис. 17). Сопка включена в свод, составленный Н.Н. Чернягиным в 1941 г. (Чернягин, 1941. С. 120. № 348). Позднее, согласно материалам Н.Н. Чернягина, сопка была включена в свод В.В. Седова (Седов, 1970. С. 44. № 325). В 1949 г. Э.Е. Фрадкиным составлен первый паспорт, где памятник обозначен как «Сопка “волховского типа”» конусообразной формы высотой 1,5 м «при диаметре основания 50–61 м». Размер охранной зоны установлен вокруг сопки в 5 м (Паспорт, 1949).

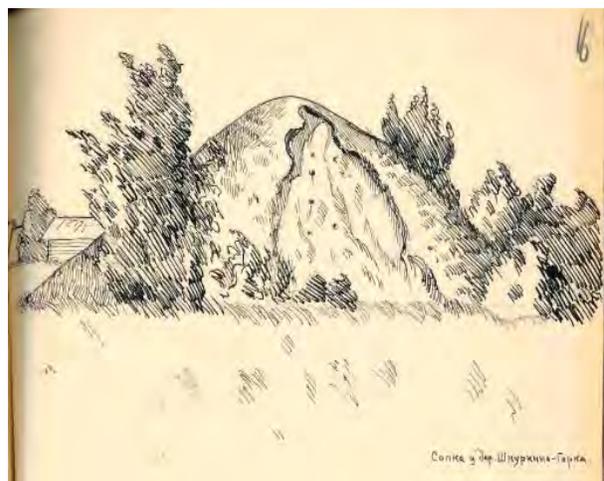

Рис. 17. Сопка у д. Шкурина Горка. Рисунок 1929 г. (Чернягин, 1931. Л. 16)

В 1968 г. Волховский отряд ЛОИА АН СССР под руководством С.Н. Орлова проводил обследование археологических памятников, числящихся по спискам Ленинградского областного управления культуры, для их описания и составления паспортов. На левом берегу р. Волхов им было осмотрено место, где находилась сопка у северного конца д. Шкурина Горка. По его данным, насыпь «полностью увезена, разрушена» (Орлов, 1968. С. 8, п. 8). В 1970–1980-е гг. сопки исследовались В.П. Петренко. В составленном каталоге сопек Северного Поволжья насыпи в д. Горка (Шкурина Горка) присвоена индексация 22-1. По данным В.П. Петренко, сопка уничтожена до 1965 г. (Петренко, 1994. С. 8, 120, 133).

Решением Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978 памятник под названием «Сопка» поставлен на государственный учет по адресу «Волховский район, Волховский с/с, д. Шкурина Горка, севернее окраины деревни» (Решение, 1978. П. 78). В изданной в 1995 г. В.А. Лапшиным «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Шкурина Горка. Сопка» (Лапшин, 1995. С. 132. № 1421).

Инспекция 2023 г. проведена со специалистом Комитета Т.А. Кравчук. Установлено, что на предполагаемом месте расположения сопки находится всхолмление, заросшее кустарником, в центре которого установлена опора ЛЭП. Возможный останец сопки расположен в г. Волхов, в микрорайоне Шкурина Горка, с западной стороны от грунтовой дороги, вытянутой вдоль левого берега р. Волхов.

ГАТЧИНСКИЙ Р-Н

Таровицы I. Курганно-жальничный могильник («Курганная группа, 200 насыпей»)

Согласно работам экспедиции ЦСА в 2022 г., проведенным в рамках инвентаризации ОКН Ленинградской области, могильник состоял из 336 видимых погребальных комплексов – насыпей полусферической или сегментовидной формы высотой 0,37–2,54 м, диаметром 3,5–11,0 м. Большинство насыпей повреждены ямами различного происхождения, ряд больших ям отмечен в межкурганном пространстве. Местное название «Шведские могилы». Итоги работ 2022 г. с историографической справкой опубликованы (Семенов и др., 2023. С. 110, 111). Инспекция 2023 г. проведена со специалистом Комитета С.Н. Корниловой. Установлено, что состав и сохранность памятника соответствуют данным последнего обследования экспедицией ЦСА в 2022 г. (рис. 18).

Рис. 18. Курган на юго-восточной окраине курганно-жальничного могильника Таровицы. Осень 2023 г.

Фьюнатово. Курганно-жальничный могильник («Курганно-жальничная группа, 173 комплекса»)

Согласно работам экспедиции ЦСА в 2022 г., проведенным в рамках инвентаризации ОКН Ленинградской области, могильник сохранился в сильно разрушенном состоянии в результате хозяйственной и строительной деятельности в деревне. Из 173 погребальных комплексов, зафиксированных в 1974 г. Е.А. Рябининым, сохранились 22 визуально выделяемых насыпи диаметром 3,0–6,5 м, высотой 0,4–1,4 м. Итоги работ 2022 г. с историографической справкой опубликованы (Семенов и др., 2023. С. 118, 119). Инспекция 2023 г. проведена со специалистом Комитета С.Н. Корниловой. Установлено, что памятник сильно разрушен, его состав и сохранность соответствуют данным последнего обследования экспедицией ЦСА в 2022 г. (рис. 19).

Рис. 19. Специалист Комитета С.Н. Корнилова фиксирует сохранившиеся насыпи курганно-жальничного могильника Фьюнатово. Осень 2023 г.

*Рождествено 2. Курганный могильник.
(«Курганныя группа, 8 насыпей»)*

Инвентаризация памятника силами ООА/ЦСА ИИМК РАН ранее не производилась. В 1873 или 1874 г. у с. Рождествено в двух группах Л.К. Ивановским раскопано 17 курганов. В первой группе, местоположение которой неизвестно, исследовано четыре насыпи, в двух найдены черепа, и еще две «пустые». В могильнике, который Л.К. Ивановский обозначил как «Курганный поле по Ламповской дороге», в четырех курганах «кости истлели, вещей нет», в одном найден костяк в сидячем положении, в остальных восьми – только погребальный инвентарь (Ивановский, 1873. Л. 33; Спицын, 1896. С. 108). В «Сведениях о городищах и курганах С.-Петербургской Губернии» 1874 г. отмечено, что «в Рождественской волости находятся 12 сопок близ с. Рождествена, которые ежегодно уменьшаются вследствие распахания, при чем кроме человеческих костей ничего не находится» (Елачичь, 1874. С. 155).

В 1978 г. памятник под названием «Курганныя группа, 8 насыпей» поставлен на государственный учет по адресу: Гатчинский район, Рождественский с/с, в 2,5 км от с. Рождествено, вверх по течению р. Грязной (Решение, 1978. П. 148). В 1989 г. могильник обследован Северо-Западной историко-археологической экспедицией ЛГУ под руководством Е.М. Колпакова в целях паспортизации. Зафиксировано 10 насыпей полусферической и сегментовидной формы диаметром 6–9 м, высотой 0,2–1,2 м. Все курганы, кроме одного, были повреждены ямами и траншеями. По мнению исследователя, часть могильника могла быть распахана. Экспедицией снят первый план могильника (Колпаков, 1989. Л. 1, 2). В изданной в 1990 г. В.А. Лапшиным «Археологической карте Ленинградской области памятник учтен как «Рождественно-2. Курганныя группа» (Лапшин, 1990. С. 74, № 548).

Инспекция 2023 г. проведена со специалистом Комитета С.Н. Корниловой. Уточнено местоположение памятника, получены его географические координаты, установлено, что все курганы сильно повреждены грабительскими раскопками (рис. 20).

ЛУЖСКИЙ Р-Н

Надбелье 4. Городище («Городище»)

Согласно работам экспедиции ЦСА ИИМК РАН 2020 г., проведенным в рамках инвентаризации ОКН Ленинградской области, памятник представляет собой подчетыреугольную площадку размерами 95 м по западному краю, 85 м по северному, 94 м по восточному краю, 54 м по южному, возвышающуюся над уровнем ручья в овраге на 20 м.

*Рис. 20. Курганный могильник Рождествено.
Осень 2023 г.*

Рельеф площадки ровный, высотные отметки дневной поверхности в пределах 57,5–58,5 м БС, отметки уровня воды в ручье 38 м БС. С западной, напольной стороны городища по краю сохранились остатки оплывшего (распаханного?) вала шириной до 14 м, высотой 0,2–0,5 м, с остальных сторон крутые и, возможно, эскарпированные склоны мыса. В северо-западном углу сохранились следы въезда. В южной и центральной частях площадки городища видны следы раскопок 1995–2000 гг. площадью около 600 кв. м, выделяющиеся густой растительностью из деревьев и кустарников. У западного края площадки городища находится глубокая грабительская траншея длиной 16 м и шириной 1 м, перерезавшая вал и культурный слой памятника, также густо заросшая кустарником. Итоги работ 2020 г. с историографической справкой опубликованы (Семенов, Васильев, 2021. С. 105–107). Инспекция 2023 г. проведена со специалистом Комитета Е.В. Рыбачек. Установлено, что состав и сохранность памятника соответствуют данным последнего обследования экспедицией ЦСА в 2020 г. (рис. 21).

Надбелье 1. Сопка («Курган Надбелье-1»)

Согласно работам экспедиции ЦСА в 2020 г., проведенным в рамках инвентаризации ОКН Ленинградской области, сопка представляет собой округлую в плане, большую коническую насыпь диаметром до 23 м и высотой до 4,84 м. По основанию видны отдельные крупные валуны в сечении до 1,1 м. Вершина повреждена большой ямой диаметром 2,2 м и глубиной 1,2 м, в южной поле большая выемка грунта размерами 4,0 × 6,5 м. Основание южной поля частично повреждено жилым домом частного участка, на территории которого в основном и расположена сопка.

Рис. 21. Вал городища Надбелье 4. Осень 2023 г.

Рис. 22. Сопка Надбелье 1. Осень 2023 г.

По северо-восточной поле насыпи установлен забор соседнего участка, на территории которого оказалась часть сопки шириной от основания насыпи до 3 м. С этой же стороны сопка частично повреждена сараем. Итоги работ 2020 г. с историографической справкой опубликованы (Семенов, Васильев, 2021. С. 107). Инспекция 2023 г. проведена со специалистом Комитета Е.В. Рыбачек. Установлено, что состав и сохранность памятника соответствуют данным последнего обследования экспедицией ЦСА в 2020 г. (рис. 22).

Надбелье 2. Курганно-жальничный могильник («Курганно-жальничный могильник Надбелье-2»)

Согласно работам экспедиции ЦСА в 2020 г., проведенным в рамках инвентаризации ОКН Ленинградской области, памятник расположен в южной части д. Надбелье, сохранился частично. С юго-западной стороны к могильнику вплотную придвинут забор частного участка, проходящий по юго-западному краю кургана № 1. Курган № 1 представляет собой слабо выраженную округлую насыпь диаметром 3,5 м и высотой около 0,4 м с остатками каменной обкладки по основанию. К востоку от кургана № 1 фиксируется небольшой вал длиной около 8 м, заросший большими елями, где Ю.М. Лесманом в 1977–1980 гг. и Е.М. Колпаковым в 1989 г. фиксировались курганы № 2–4. С восточной стороны вал заканчивается скоплением камней. Через территорию могильника проложена дорожка к юго-западному частному владению. С северо-восточной стороны от дорожки до границы с огородами и северо-восточным частным владением на территории размерами 16 × 20 м расположены остатки малозаметных всхолмлений, оставшихся от курганов и жальников, многочисленные

камни оградок и обкладок. Количество и формы сохранившихся погребальных сооружений визуально определить не представляется возможным. По сообщению хозяина юго-западной усадьбы, территория могильника частично выравнивалась, камни собирались в кучи, вдоль дорожки на курганах № 1–4 посажены ели. При хозяйственных работах в пределах усадьбы ранее находили черепа и кости, каменные конструкции жальников. Итоги работ 2020 г. с историографической справкой опубликованы (Семенов, Васильев, 2021. С. 107–109). Инспекция 2023 г. проведена со специалистом Комитета Е.В. Рыбачек. Установлено, что состав и сохранность памятника соответствуют данным последнего обследования экспедицией ЦСА в 2020 г.

Надбелье 3. Курганно-жальничный могильник («Курганная группа Надбелье-3»)

Согласно работам экспедиции ЦСА в 2020 г., проведенным в рамках инвентаризации ОКН Ленинградской области, памятник расположен на южной окраине д. Надбелье на холме между частными усадьбами, сохранился частично. Территория к северо-западу и западу от холма, где находился основной массив курганных насыпей, перепланирована и занята двумя частными владениями. Центральная часть площадки холма и его северо-восточный склон, где располагались несколько курганов и жальничные погребения, попали в границы другого частного владения. Юго-восточная часть холма уничтожена карьером, образованным (со слов местных жителей) при взятии гравия на ремонт шлюза. С разрешения собственников была осмотрена территория двух частных участков с северо-западной и западной сторон от холма, а также западный край и склон холма, расположенный вне границ частных

владений. На западном краю холма были отмечены две насыпи диаметром 3,3–4,4 м и высотой 0,8–1,0 м с остатками каменного венца, жальничное погребение в виде гряды размерами 10,0 × 2,7–5,7 м и высотой 0,6 м, вытянутой по оси север–юг, и разбросанные по холму отдельные камни жальничных оградок и каменные скопления. По словам О.В. Филимоновой, когда строили погреб (ледник) и врезались в холм, то находили кости и черепа. Также, со слов местных жителей, на вершукке холма была немецкая огневая точка. Итоги работ 2020 г. с историографической справкой опубликованы (Семенов, Васильев, 2021. С. 109–110). Инспекция 2023 г. проведена со специалистом Комитета Е.В. Рыбачек. Установлено, что состав и сохранность памятника соответствуют данным последнего обследования экспедицией ЦСА в 2020 г.

Ям-Тесово. Городище («Городище»)

Согласно работам экспедиции ЦСА в 2020 г., проведенным в рамках инвентаризации ОКН Ленинградской области, памятник, расположенный на северо-западной окраине д. Ям-Тесово, представляет собой площадку овальной формы длиной 78 м и шириной 28 м, возвышающуюся над уровнем реки на 16,6–19,4 м, над дном оврага на 10,0–12,8 м. Высотные отметки площадки 49,56–52,80 м БС. С южной, напольной стороны городище защищено рвом глубиной 1,5 м, вал не сохранился. Склоны мыса крутые. Вдоль восточного и южного склонов прослеживается въезд. В центре площадки расположено огромное кострище диаметром 7,7 м от сжигания автомобильных шин, которые местные жители традиционно жгут на масленицу. На северном краю видны следы раскопок Ю.М. Лесмана 1980 г. Южный край площадки и юго-западный склон мыса сильно повреждены несколькими большими ямами-карьерами. Итоги работ 2020 г. с историографической справкой опубликованы (Семенов, Васильев, 2021. С. 110–113). Инспекция 2023 г. проведена со специалистом Комитета Е.В. Рыбачек. Установлено, что состав и сохранность памятника соответствуют данным последнего обследования экспедицией ЦСА в 2020 г. (рис. 23). Дополнительно отмечено наличие норы животного на восточном склоне мыса.

Заполье. Курган («Курганная группа»)

Согласно работам экспедиции ЦСА в 2020 г., проведенным в рамках инвентаризации ОКН Ленинградской области, памятник, расположенный в 1 км к востоку от д. Заполье, представляет собой удлиненный курган валообразной формы, вытянутый по направлению запад–восток. Длина кургана составляет 25,5 м, ширина – 9 м. Восточный

Рис. 23. Городище Ям-Тесово. Осень 2023 г.

конец более массивный, здесь высота насыпи доходит до 1,08 м, с западного конца – до 0,96 м. Вдоль длинных сторон с юга и севера, а также с востока видны заплывшие ровики шириной 1,8 м. В южной поле западного конца насыпь повреждена большой ямой, переходящей в траншею шириной 3,3 м и длиной 5,6 м. Итоги работ 2020 г. с историографической справкой опубликованы (Семенов, Васильев, 2021. С. 87–89). Инспекция 2023 г. проведена со специалистом Комитета Е.В. Рыбачек. Установлено, что состав и сохранность памятника соответствуют данным последнего обследования экспедицией ЦСА в 2020 г. (рис. 24). Дополнительно, в старой яме у западного конца насыпи зафиксирован свежий прокоп в теле кургана.

Рис. 24. Длинный курган у д. Заполье. Осень 2023 г.

Мерево 7. Жальничный могильник («Жальничный могильник»)

По техническим причинам инспекция объекта в 2023 г. не проводилась. Согласно работам экспедиции ЦСА в 2020 г., проведенным в рамках инвентаризации ОКН Ленинградской области, памятник, расположенный в 1 км к юго-западу от д. Мерево, занимает небольшой участок смешанного леса размерами 37 × 35 м на краю высокого берега ручья и его заболоченной поймы у поля. Могильник сильно разрушен грабительскими раскопками. Многие погребения повреждены ямами, отвалы земли изменили их форму, камни оградок смещены. Визуально прослежены семь погребений размерами 1,9–5,0 × 1,8–3,0 м. Из них одно погребение с оградкой из камней подовальной формы с небольшой насыпью, три погребения с оградкой прямоугольной формы, два жальничных ряда прямоугольной формы и раскопанное погребение с камнем, на котором выбит равносторонний крест. По сравнению с фиксацией камня в 2008 г., он упал глубже в яму, засыпан грунтом, крест не виден. Итоги работ 2020 г. с историографической справкой опубликованы (Семенов, Васильев, 2021. С. 91, 92).

Мерево 1. Курганный могильник («Курганный группа Мерево-1, 2 насыпи»)

Согласно работам экспедиции ЦСА в 2020 г., проведенным в рамках инвентаризации ОКН Ленинградской области, памятник, расположенный на территории молодежного лагеря «Восход», состоит из двух курганов. Курган № 1 расположен в 4 м к востоку от административного здания. Изначально это округлая в плане, полусферической формы насыпь диаметром около 11 м и высотой 1,2–1,3 м. В настоящее время западная пола сильно подрезана, вероятно при строительстве административного корпуса и прокладке дорожки. Ровик не фиксируется. На кургане растет несколько крупных сосен и елей, на вершине установлена информационная табличка «Памятник археологии. Курган X–XIII вв. Охраняется государством. Земляные работы запрещены». У подножия насыпи с северо-восточной стороны сложение из перемещенных крупных валунов. Курган № 2 расположен в 18 м к северо-востоку от кургана № 1, в 4,5 м к западу от корпуса 1, в 2 м к юго-востоку от деревянной беседки. Насыпь сильно повреждена со всех сторон, оплыла и представляет округлую в плане, небольшую насыпь сегментовидной формы высотой около 0,4 м и диаметром 4,8 м. Итоги работ 2020 г. с историографической справкой опубликованы (Семенов, Васильев, 2021. С. 92, 93).

Инспекция 2023 г. проведена со специалистом Комитета Е.В. Рыбачек. Установлено, что состав

и сохранность памятника соответствуют данным последнего обследования экспедицией ЦСА в 2020 г. (рис 25). Дополнительно отмечено, что сложение из перемещенных крупных валунов у подножия насыпи 1 с северо-восточной стороны отсутствует.

Мерево 2. Курган («Курган Мерево-2»)

Согласно работам экспедиции ЦСА в 2020 г., проведенным в рамках инвентаризации ОКН Ленинградской области, памятник, расположенный в 0,95 км к западу от д. Мерево, на территории детского лагеря «Молодежный», представляет собой округлую в плане, сегментовидной формы насыпь диаметром около 13 м, высотой 1,05 м. С северо-восточной стороны курган огибает ровик шириной 1,6 м. На кургане растет несколько крупных сосен, вершина вытоптана, в центре площадки старый разрушающийся «идол», вырезанный из ствола засохшего дерева. Перед насыпью с западной стороны установлена информационная табличка «Памятник археологии. Курган X–XIII вв. Охраняется государством. Земляные работы запрещены». Итоги работ 2020 г. с историографической справкой опубликованы (Семенов, Васильев, 2021. С. 93, 94). Инспекция 2023 г. проведена со специалистом Комитета Е.В. Рыбачек. Установлено, что состав и сохранность памятника соответствуют данным последнего обследования экспедицией ЦСА в 2020 г. (рис. 26).

Затуленье 2. Курганно-жальничный могильник

Последние данные по памятнику были получены экспедицией ООА ИИМК РАН в 2017 г. в ходе реализации контракта по формированию единого государственного реестра и мониторингу объектов культурного наследия ОКН Ленинградской области. Результаты работы, состоящие в подготовке

Рис. 25. Мерево 1. Курган № 1. Осень 2023 г.

Рис. 26. Мерево 2. Курган. Осень 2023 г.

историографии памятника, определения степени сохранности, съемки актуального топографического плана с определением границ памятника и их координат, представлены в отчетных материалах, но в литературе не опубликованы (Семенов и др., 2017).

Первые сведения об этом могильнике были получены в 1908 г. сотрудником Императорского Русского археологического общества С.С. Гамченко от «г. Оболенского (через А. А. Бунина)», что «в 12 вестах на юго-восток от ст. Преображенской (Толмачево. – *Прим. авт.*) в имении Затуленье г-жи Тимофеевой (на левобережье р. Оредеж), имеются довольно большие сопки, числом до 15, из которых несколько раскопаны и там найдены черепа и какие-то предметы» (Гамченко, 1913. С. 171; Коишевский и др., 1929. Л. 88, 89). В 1927 г., в рамках работы палеоэтнологического отряда ГАИМК в составе Северо-Западной экспедиции КИПС АН Гроздиловым Г.П. и Шульцем П.Н. на левом берегу р. Оредеж обнаружена курганная группа, тянувшаяся вдоль дороги в полосе «не шире 40 м, при длине 144 м», состоявшая из 19 курганов высотой до 1,5 м и диаметром до 14 м, из которых два разрыты. В восточной части могильника располагались 12 жальничных погребений без насыпей с оградками прямоугольной формы разных размеров: 2,5 × 1,8 м подквадратные, 8,0 × 2,5 м длинные. Камни из жальничных погребений были «частично повыбраны» (Шульц, Гроздилов, 1927. Л. 92, 93; Гроздилов и др., 1931. Л. 12–14). В 1931 г. сведения о памятнике включены ГАИМК в Учетный каталог археологических памятников Ленинградской области (Учетный, 1931. Л. 76). Памятник как

«Курганы у с. Затуленье» включен в указатель к карте курганов Северо-Западной Руси X–XIII вв., изданный в 1956 г. А.В. Успенской и М.В. Фехнер (Успенская, Фехнер, 1956. С. 197–209). В изданной в 1990 г. В.А. Лапшиным «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Затуленье-2. Курганно-жальничный могильник» (Лапшин, 1990. С. 18. № 64).

В 2008 г. могильник в рамках работ по мониторингу и инвентаризации памятников осмотрен отрядом ЛОЭ ИИМК под руководством С.А. Семенова, уточнены топографические привязки и сохранность. Было установлено, что могильник состоит из 15 курганов, вытянувшихся цепочкой вдоль р. Оредеж на 350 м. Из них 13 круглых высотой 0,3–1,5 м и диаметром 3,0–14,5 м, и два подовальных размерами 10 × 7 м и 8,0 × 7,5 м, высотой 0,8–0,9 м. Памятник делится на две части: западную и восточную, расположенные друг от друга на расстоянии 217 м. Западная часть могильника состоит из четырех курганов (по обследованию 2008 г., № 12–15), восточная – из 11 курганов (№ 1–11). К восточной оконечности цепочки насыпей примыкал жальничный могильник, состоявший из 10 или 11 погребений с оградками. С южной стороны вдоль могильника проходит ЛЭП, при возведении которой пострадала часть памятника. Вероятно, ряд насыпей разрушен при размывах (обвалах) края берега реки. Шесть насыпей (№ 4–7, 12, 14) повреждены грабительскими ямами. Памятник учтен как «Курганно-жальничный могильник Затуленье-2» (Семенов, 2008. Л. 18).

В 2013 г. состоялся совместный инспекционный выезд к могильнику Департамента государственной охраны, сохранения и использования объектов культурного наследия в лице специалиста О.В. Набокиной и ИИМК РАН в лице научного сотрудника С.А. Семенова. Было установлено, что вся территория восточной группы могильника отведена под частное индивидуальное строительство двух участков. Первый участок землеотвода занимает западный край восточной группы могильника (в пределах курганов № 1–3). В границы участка под строительство попадают два кургана № 1 и 2 (по индексации обследования памятника в 2008 г. С.А. Семеновом) и межкурганное пространство насыпей 1–3. Восточная граница землеотвода проходит у подошвы кургана № 3. Курган № 1 (диаметр 4 м, высота 0,4 м) расположен в 6 м к западу от фундаментной стены строящегося дома. Курган не поврежден. Курган № 2 (диаметр 5 м, высота 0,3 м), расположенный в 4 м к востоку от кургана № 1, частично разрушен фундаментной стеной строящегося дома. Фундаментная стена

разрезала курган по центру в направлении север–юг. Оставшаяся западная часть примыкает к фундаменту снаружи, восточная находится во внутреннем пространстве дома. На западную часть кургана произведен выброс грунта из фундаментного ровика. Второй землеотвод занимает всю оставшуюся восточную часть могильника и охватывает курганы № 3–11 и жальничные погребения. На момент инспекции второй участок был только размечен сигнальной лентой, строительные работы не производились. По результатам инспекционного осмотра был составлен акт, владельцы землеотводов предупреждены об ответственности за разрушение объектов археологического наследия. В том же 2013 г. памятник поставлен на учет как выявленный объект археологического наследия «Курганно-жальничный могильник Затуленье-2 (19 насыпей, 12 жальничных погребений)».

По результатам полевого обследования 2017 г. местоположение курганно-жальничного могильника Затуленье-2 локализовано у северо-восточной окраины д. Затуленье, к северу от грунтовой дороги Каменка–Затуленье, на краю высокого левого коренного берега р. Оредеж, в сосновом лесу. Был произведен визуальный осмотр памятника, подсчет сохранившихся погребальных сооружений, выполнена инструментальная топографическая съемка всех видимых погребальных комплексов, а также современного состояния рельефа. Установлено, что курганно-жальничный могильник Затуленье-2, состоящий из 26 погребальных комплексов, делится на две части, восточную и западную, расположенные друг от друга на расстоянии 232 м. Площадь восточной части могильника в установленных границах составляет 3647 кв. м, западной – 1662 кв. м (Семенов и др., 2017).

Восточная часть, вытянутая вдоль берега на 107,5 м, включает 18 круглых в плане, сегментовидной или полусферической формы насыпей диаметром 3,5–14,0 м и высотой 0,24–1,40 м. У двух насыпей зафиксированы ровики: у кургана № 7 кольцевой, у кургана № 6 с восточной и южной сторон. У юго-восточного края могильника к курганным насыпям примыкает жальник, состоявший, по данным 1927 г., из 12 погребений с оградками прямоугольной формы. В настоящее время на территории жальника находится большое скопление камней, однако четких форм оградок не прослеживается. На основании визуальных наблюдений можно выделить три жальника с остатками каменных оградок прямоугольной (№ 9 размерами 6,9 × 3,3 м; № 10 размерами 3,4 × 3,2 м) и овальной (№ 20 размерами 7,2 × 3,4 м) форм. Вся территория

восточной группы могильника отведена под частное индивидуальное строительство двух участков. Первый участок землеотвода занимает западный край восточной группы могильника в пределах курганов № 1 и 2. Восточная граница землеотвода проходит у подошвы кургана № 3. По данным 2013 г., курган № 1 располагался в 6 м к западу от фундаментной стены построенного дома. Из-за недоступности сохранность кургана № 1 не установлена. Курган № 2, по данным 2013 г., почти полностью разрушен при строительстве дома (ЗУ 47:29:0645001:388). Второй землеотвод занимает почти всю оставшуюся восточную часть могильника и охватывает как курганы, так и жальничные погребения. На момент полевых исследований 2017 г. строительных работ на втором участке не производились (ЗУ 47:29:0645001:389). Восемь насыпей (№ 4–8, 12, 14, 15) повреждены грабительскими (?) ямами. Многочисленные ямы находятся и на территории жальника. Верхняя площадка, на которой расположена восточная часть могильника, имеет небольшой уклон в северном направлении к краю берега. Отметки дневной поверхности в границах топографической съемки составляют 40,37–43,40 м БС. Перепад высот составляет 3,03 м. Высота берега над урезом воды (отметки в пределах 33,27 м БС) около 7 м.

Западная часть могильника состоит из пяти круглых в плане, сегментовидной (№ 23–26) и полусферической (№ 22) формы насыпей диаметром 5–11 м и высотой 0,36–1,78 м. У двух курганов имеется ровик: кольцевой вокруг кургана № 22 и у кургана № 25 с южной и западной сторон. Насыпи 23 и 25 по центру повреждены небольшими заплывшими ямами. В центре кургана № 22 видна яма размерами 4,0 × 2,5 м, глубиной 1 м. Край северной полы кургана № 24 обрушен. Площадка, на которой расположена западная часть могильника, имеет значительный уклон в северном направлении к краю берега. Отметки дневной поверхности в границах топографической съемки составляют 45,16–39,01 м БС. Перепад высот составляет 6,15 м. Высота берега над урезом воды (отметки в пределах 33,21 м БС) около 6 м.

Во время инспекции 2023 г. памятник осмотрен со специалистом Комитета Е.В. Рыбачек дополнительно для проверки сохранности. Установлено, что состав и сохранность памятника соответствуют данным последнего обследования экспедицией ИИМК РАН в 2017 г. Дополнительно отмечено, что на сохранившейся территории могильника строительные работы не проводятся, сигнальные ленты, огораживающие частную территорию, отсутствуют.

ТИХВИНСКИЙ Р-Н

Городище 4. Курганный могильник («Курганный группа, 27 насыпей»)

Согласно работам экспедиции ЦСА в 2022 г., проведенным в рамках инвентаризации ОКН Ленинградской области, памятник, расположенный к юго-востоку от д. Городище, в 0,12 км от автодороги Тихвин–Иссад на песчаной гряде, состоит из 23 насыпей диаметром 5–22 м и высотой 0,8–3,7 м, вытянутых по обеим сторонам лесной дороги. Все курганы имеют ямы различной конфигурации. Итоги работ 2022 г. с историографической справкой опубликованы (Семенов и др., 2023. С. 128, 129). Инспекция 2023 г. проведена со специалистом Комитета Е.В. Рыбачек. Установлено, что состав и сохранность памятника соответствуют данным последнего обследования экспедицией ЦСА в 2022 г. (рис. 27).

Городище 3. Курганный-сопочный могильник («Курганный группа, 23 насыпи»)

Согласно работам экспедиции ЦСА в 2022 г., проведенным в рамках инвентаризации ОКН Ленинградской области, памятник расположен на правом берегу р. Сясь в 0,5 км к северо-западу от д. Городище. Могильник состоит из 13 насыпей диаметром 10,0–39,3 м и высотой 0,7–7,9 м, имеющих повреждения разного характера и масштабности. Итоги работ 2022 г. с историографической справкой опубликованы (Семенов и др., 2023. С. 129–132). Инспекция 2023 г. проведена со специалистом Комитета Е.В. Рыбачек. Установлено, что состав и сохранность памятника соответствуют данным последнего обследования экспедицией ЦСА в 2022 г. (рис. 28). Вдоль трассы газопровода, проходящего с северной стороны от могильника, отмечены следы раскопок С.В. Бельского.

Рис. 27. Насыпь 1 в курганном могильнике
Городище-4. Осень 2023 г.

Рис. 28. Курганный-сопочный могильник
Городище-3. Курганный № 1. Осень 2023 г.

Витуй. Курганный могильник («Курганный группа, 6 насыпей»)

Согласно работам экспедиции ЦСА в 2022 г., проведенным в рамках инвентаризации ОКН Ленинградской области, памятник расположен к югу от д. Лихачево, в 180 м к востоку от р. Капши, на вытянутой вдоль дороги гряде, в еловом лесу. Могильник состоит из шести сильно поврежденных курганов № 1–5, 7 диаметром 6,5–10,5 м и высотой 0,6–1,2 м. Курганный № 6 раскопан на снос. Итоги работ 2022 г. с историографической справкой опубликованы (Семенов др., 2023. С. 140, 141). Инспекция 2023 г. проведена со специалистом Комитета Е.В. Рыбачек. Установлено, что состав и сохранность памятника соответствуют данным последнего обследования экспедицией ЦСА в 2022 г. Особенно отмечено варварское разрушение двух курганов грабителями, уничтожившими до 2/3 объема насыпей (рис. 29).

Новинка. Курганный могильник («Курганный группа, 2 насыпи»)

Согласно работам экспедиции ЦСА в 2022 г., проведенным в рамках инвентаризации ОКН Ленинградской области, памятник расположен к северо-западу от д. Новинка, к востоку от навесного пешеходного моста через р. Пашу, на краю левого коренного берега р. Паши, в бору, по обе стороны от лесной дороги. Могильник состоит из двух насыпей диаметром 12 и 14 м, высотой 0,84 и 1,32 м, поврежденных ямами. Итоги работ 2022 г. с историографической справкой опубликованы (Семенов и др., 2023. С. 149). Инспекция 2023 г. проведена со специалистом Комитета Е.В. Рыбачек. Установлено, что сохранность памятника хорошая и соответствуют данным последнего обследования экспедицией ЦСА в 2022 г. (рис. 30).

Рис. 29. Курганный могильник Витуй. Разрушенные грабителями курганы № 4 и 5. Осень 2023 г.

Рис. 30. Курганный могильник Новинка. Курган № 1. Осень 2023 г.

Орехово 1, 3. Курганный могильник («Курганная группа»)

Согласно работам экспедиции ЦСА в 2022 г., проведенным в рамках инвентаризации ОКН Ленинградской области, памятник расположен на излучине правого берега р. Капши, к юго-юго-западу от д. Орехово, на песчаной гряде, в сосновом лесу. Могильник состоит из 11 курганов диаметром 8,5–16,0 м и высотой 0,4–1,7 м. Все они имеют следы масштабных грабительских раскопок. Итоги работ 2022 г. с историографической справкой опубликованы (Семенов и др., 2023. С. 142, 143). Инспекция 2023 г. проведена со специалистом Комитета Е.В. Рыбачек. Установлено, что состав и сохранность памятника соответствуют данным последнего обследования экспедицией ЦСА в 2022 г. (рис. 31). Дополнительно отмечено, что в кургане № 1 (по плану 2022 г.) появилась новая грабительская яма.

Рис. 31. Курганный могильник Орехово-1, 3. Курган № 2. Осень 2023 г.

Орехово-2. Курганный могильник

Согласно работам экспедиции ЦСА в 2022 г., памятник расположен на правом берегу р. Капши, напротив д. Орехово, к западу от автодороги Ганьково – Лодейное Поле, на краю второй надпойменной террасы, в сосновом лесу. Могильник состоит из двух сильно поврежденных курганов диаметром 5–6 м и высотой 0,6–0,9 м с ровиками. Третий курган раскопан на снос. Итоги работ 2022 г. с историографической справкой опубликованы (Семенов и др., 2023. С. 143, 144). Во время инспекции 2023 г. памятник осмотрен со специалистом Комитета Е.В. Рыбачек дополнительно для проверки сохранности. Установлено, что состав и сохранность памятника соответствуют данным последнего обследования экспедицией ЦСА в 2022 г.

Наволок-1. Курган («Курган»)

Согласно работам экспедиции ЦСА в 2022 г., проведенным в рамках инвентаризации ОКН Ленинградской области, памятник, расположенный в центральной части д. Наволок, представляет собой крупную насыпь из песка, подовальной формы по основанию размерами 18,5 × 21,0 м и высотой 1,25–2,30 м. В северной поле построен погреб и сарай, юго-юго-западная поля повреждена старым карьером, в южной поле видна современная яма размерами 2,5 × 1,5 м. На кургане растут две старые сосны и береза, у основания – ели и кустарник, дерновый покров слабый. Итоги работ 2022 г. с историографической справкой опубликованы (Семенов и др., 2023. С. 147, 148). Инспекция 2023 г. проведена со специалистом Комитета Е.В. Рыбачек. Установлено, что состав и сохранность памятника соответствуют данным последнего обследования экспедицией ЦСА в 2022 г. (рис. 32).

Наволок-2. Курганный могильник («Курганная группа, 3 насыпи»)

Согласно работам экспедиции ЦСА в 2022 г., проведенным в рамках инвентаризации ОКН Ленинградской области, памятник, расположенный

Рис. 32. Курган Наволок-1. Осень 2023 г.

на юго-западной окраине д. Наволок, состоит из двух поврежденных насыпей диаметром 13–16 м и высотой 1–2 м. Третий курган разрушен карьером. Итоги работ 2022 г. с историографической справкой опубликованы (Семенов и др., 2023. С. 148, 149). Инспекция 2023 г. проведена со специалистом Комитета Е.В. Рыбачек. Установлено, что состав и сохранность памятника соответствуют данным последнего обследования экспедицией ЦСА в 2022 г. (рис. 33). Собственник участка, на территории которого расположен курган № 3, проинформирован о наличии памятника и предупрежден об ответственности за его сохранность.

*Ганьково 1. Курганный могильник
(«Курганный группа Ганьково-1. 3 насыпи»)*

Согласно работам экспедиции ЦСА в 2022 г., проведенным в рамках инвентаризации ОКН Ленинградской области, памятник, расположенный с северо-восточной стороны асфальтовой дороги

Рис. 33. Наволок-2. Курган № 3. Осень 2023 г.

между деревнями Михалево и Ганьково, состоит из трех поврежденных насыпей диаметром 4,5–10,0 м и высотой 0,7–1,3 м. Итоги работ 2022 г. с историографической справкой опубликованы (Семенов и др., 2023. С. 150, 151). Инспекция 2023 г. проведена со специалистом Комитета Е.В. Рыбачек. Установлено, что состав и сохранность памятника соответствуют данным последнего обследования экспедицией ЦСА в 2022 г. (рис. 34).

Рис. 34. Ганьково-1. Курган № 2. Осень 2023 г.

*Ганьково-2. Курганный могильник
(«Курганный группа Ганьково-2. 2 насыпи»)*

Согласно работам экспедиции ЦСА в 2022 г., проведенным в рамках инвентаризации ОКН Ленинградской области, памятник, расположенный на северной окраине современной д. Ганьково в смешанном лесу, состоит из одного кургана с сильно поврежденной крупной насыпью диаметром около 14 м и высотой 0,76–1,61 м (со стороны склона берега) с, возможно, срытой вершиной. На кургане растут большие старые сосны и кустарник, поверхность насыпи задернована. Итоги работ 2022 г. с историографической справкой опубликованы (Семенов и др., 2023. С. 151, 152). Инспекция 2023 г. проведена со специалистом Комитета Е.В. Рыбачек. Установлено, что состав и сохранность памятника соответствуют данным последнего обследования экспедицией ЦСА в 2022 г.

Источники и литература

- Богуславский О.И., Городилов А.Ю., 2019а. Отчет о проведении инвентаризации с разработкой границ территорий и предметов охраны объектов археологического наследия Ленинградской области: Кингисеппский, Киришский, Кировский, Лодейнопольский и Ломоносовский районы. Т. II. Курганная группа, 3 насыпи. Ленинградская область, Кингисеппский район, Котельский с/с, д. Пиллово, у часовни // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Богуславский О.И., Городилов А.Ю., 2019б. Отчет о проведении инвентаризации с разработкой границ территорий и предметов охраны объектов археологического наследия Ленинградской области: Кингисеппский, Киришский, Кировский, Лодейнопольский и Ломоносовский районы. Т. II. Курганная группа, 3 насыпи. Ленинградская область, Кингисеппский район, Котельский с/с, д. Пиллово, у часовни // Архив ЦСА ИИМК РАН.
- Бранденбург Н.Е., 1895. Курганы Южного Приладожья // МАР. № 18.
- Бранденбург Н.Е., 1896. Старая Ладога. СПб.
- Васильев Ст.А., 2021. Отчет об археологической разведке в Выборгском и Кингисеппском районах Ленинградской области в 2015 г. // Архив ИА РАН.
- Васильев Ст.А., Семенов С.А., 2015а. Отчет о проведении работ по формированию единого государственного реестра и мониторингу объектов культурного наследия – памятников археологии в Волховском, Кингисеппском и Лужском районах Ленинградской области в 2015 г. // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Васильев Ст.А., Семенов С.А., 2015б. Отчет о проведении работ по формированию единого государственного реестра и мониторингу объектов культурного наследия – памятников археологии в Волховском, Кингисеппском и Лужском районах Ленинградской области в 2015 г. // Архив ЦСА ИИМК РАН.
- Гамченко С.С., 1913. Исследование курганов у д. Сытенки, на левом берегу р. Луги в 1908 г. // ЗОРСА. Т. 9.
- Гроздилов Г.П., Чернягин Н.Н., Шульц П.Н., 1931. Материалы по учету археологических памятников (сведения, чертежи и рисунки) в д. Заозерье, Заорешье, Затуленье, Зобенка, Касково, Калище и между Конезерье, и паровой мельницей Лужского р-на – обследования Г. Гроздилова Н. Черягина и П. Шульца в 1927 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 92.
- Гурина Н.Н., 1950. Отчет о работе Северо-Западной экспедиции в 1950 г. // Архив ИА. 1951. Ф. 1. Р-1. № 470.
- Гурина Н.Н., 1952. Невская археологическая экспедиция ЛОИА АН СССР. Отчет об археологических работах, произведенных в районе Юго-Восточного Приладожья (зона водохранилища ГЭС № 15) в 1952 г. // Архив ИА. 1953. Ф. 1. Р-1. № 721, 722 (альбом иллюстраций).
- Гурина Н.Н., 1961. Древняя история северо-запада европейской части СССР // МИА. № 87.
- Елачич А.Ф., 1874. Сведения о городищах и курганах С.-Петербургской Губернии // Памятная книжка С.-Петербургской губернии. СПб.
- Записки, 1886. Записки Императорского Русского археологического общества. СПб. Т. I. Новая серия.
- Ивановский Л.К., 1873. Рабочий журнал на раскопках курганов в окрестностях Гатчины, Красного и Ямбурга, 1873 г. (Вопша, Меньково, Ново-Сиверская, Старо-Сиверская, Большево, Межно, выра, Рождественно, Б. Тяглино, Б. Борницы, Лорвила) // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 3 (РАО). Д. 624.
- Ивановский Л.К., 1876. Журнал раскопок в Водской пятине в 1876 г. (Глумицы, Калитино, Черная, Б и М. Кикерино, Губаницы, Роговицы, Будино, Греблово, Сумино, Череповицы, Рогатино, Волосово, Ославье, Горье, Пожевицы (3 гр.), Рабитицы, Б. Вруда, Ямки, Введенская, Домашковичи) // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 3 (РАО). 1876. Д. 626.
- Историко-статистические сведения, 1885. Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. СПб. Вып. 10.
- Калачев Н.В., 1881. Отчет об осмотре летом и осенью 1880 г. слушателями Археологического института памятников древности и их работе в архивах // Сборник археологического института. СПб. Кн. 5. Вып. 1.

- Карты Водской пятины, 1905. Карты Водской пятины и ее погостов в 1500 г. СПб.
- Кириллов Е. Л., Городилов А. Ю., 2019. Отчет о проведении инвентаризации с разработкой границ территорий и предметов охраны объектов археологического наследия Ленинградской области: Кингисеппский, Киришский, Кировский, Лодейнопольский и Ломоносовский районы. СПб. Т. X: Городище, Ленинградская область, Кировский район (Волховский район), Путиловский с/с, у д. Городище, на берегу р. Лавы // Архив ЦСА ИИМК РАН.
- Коишевский Б. А., Генералова Л. С., 1927. Отчет по археологической рекогносцировке в Ленинградской губ. по маршруту Войсковицы–Веймарн сотрудников экспедиции по палеоэтнологическому обследованию Ленинградской губернии Б. А. Коишевского и Л. С. Генераловой в 1927 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2 (ГАИМК). Д. 105.
- Коишевский Б. А., Генералова Л. С., 1931. Материалы по учету археологических памятников (выписки из дневников и чертеж) в дд. Пежовицы, Полобицы, Прологи, Русские Плещевицы, Русковицы Молосковицкого р-на – обследования Б. Коишевского и Л. Генераловой в 1927 г. // НА ИИМК РАН. Ф. 2 (ГАИМК). 1931. Д. 74.
- Коишевский Б. А и др., 1929. Картотека по археологическому обследованию Ленинградской области составленная Б. А. Коишевским и др. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 253.
- Колпаков Е. М., 1989. Отчет об обследовании археологических памятников Ленинградской области в 1989 г. СЗИАЭ ЛГУ // Архив ИА. 1989. Д. 13890.
- Кольчатов В. А., Лебедев Г. С., Петренко В. П., 1972. Разведки в Южном Приладожье // АО 1971 г.
- Лапшин В. А., 1985. Отчет о разведке в западных районах Ленинградской области в 1985 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 61 (текст), 62 (альбом).
- Лапшин В. А., 1989а. Разведка в восточных районах Ленинградской области // Архив ИА РАН. Р-1. 1989. Д. 13709.
- Лапшин В. А., 1989б. Разведка в восточных районах Ленинградской области // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. 1989. Д. 42.
- Лапшин В. А., 1990. Археологическая карта Ленинградской области. Л. Ч. 1: Западные районы.
- Лапшин В. А., 1995. Археологическая карта Ленинградской области. Л. Ч. 2: Восточные и северные районы.
- Лебедев Г. С., Седых В. Н., 1985. Археологическая карта Старой Ладogi и ее ближайших окрестностей // Вестник ЛГУ. СПб. № 9.
- Михайлова Е. Р., Шмелев К. В., Соболев В. Ю., Мурзенков Д. Н., Федоров И. А., Тарасов И. И., 2018. Полевые исследования Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева СПбГУ в 2015–2016 гг. // Бюллетень ИИМК РАН. СПб. № 8.
- Михайловский погост, 1884. Церковь Архангела Михаила в Михайловском погосте // Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. СПб, Вып. 9.
- Новгородская, 1950. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.
- Орлов С. Н., 1968. Отчет Волховского отряда Ленинградской области института археологии АН СССР об археологическом обследовании долины реки Волхова по заданию Ленинградского областного управления культуры // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Охранное. Охранное обязательство по археологическому памятнику «Курганная группа у дер. Сосницы Изварского с/с». Инспекция охраны памятников Леноблсполкома. Зарегистрировано под № 79-408 // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Панченко В. Б., 1998. Отчет об исследованиях разведочной группы Тесовского отряда СПбФ РНИИ КПП в Кингисеппском районе // Архив ИА РАН.
- Панченко В. Б., 2000. Исследования в Кингисеппском районе // АО 1998 г.
- Панченко В. Б., Федоров И. А., 2017. Каменные кресты из д. Войносолово: новые исследования // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы XXXI научной конференции, посвященной 85-летию археологического изучения Новгорода (Великий Новгород, 25–27 января 2017 г.). Великий Новгород.
- Паспорт, 1949. Паспорт памятника археологии «Сопка волховского типа». Подготовлен экскурсоводом МАЭ Э. Е. Фрадкиным 04.09.1949 // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.

- Паспорт, 1978. Паспорт, подготовленный Государственной инспекцией по охране памятников Управления культуры Леноблисполкома на ОАН под названием «Курганный могильник у дер. Пиллово» XII–XIV вв. по адресу: «Ленинградская область, Кингисеппский р-он, на окраине села у часовни Пиллово». Составлен 1 сентября 1978 г. с.н.с. НИСа ЛГУ Ю.Н. Урбаном // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Переписная, 1851. Переписная окладная книга по Новгороду Вотьской пятины. 7008 года (2-я половина) // Временник Императорского московского общества истории и древностей Российских. М. Кн. 11.
- Петренко В.П., 1970–1971а. Отчет о работах археологической экспедиции Староладожского музея за 1970–1971 гг. // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 4694.
- Петренко В.П., 1970–1971б. Отчет о работах археологической экспедиции Староладожского музея за 1970–1971 гг. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35 (ЛОИА). Д. 127.
- Петренко В.П., 1977а. Отчет о работах Княщинского отряда Староладожской экспедиции в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1. 1976. Д. 6489, 6489а.
- Петренко В.П., 1977б. Отчет о работах Княщинского отряда Староладожской экспедиции в 1976 г. // НА ИИМК РАН. РО. 1976. Д. 46.
- Петренко В.П., 1982. Городище на реке Лаве // КСИА. Вып. 171.
- Петренко В.П., 1994. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв. Сопки Северного Поволховья. СПб.
- Петренко В.П., Смирнов В.Н., Кучер А.Н., 1977. Разведки и раскопки в Южном Приладожье // АО 1976 г.
- Полное, 1898. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1898. Т. 8: Царствование государыни императрицы Анны Иоанновны.
- Приказ, 2019. Приказ Комитета по культуре администрации Ленинградской области за № 01-03/19-428 от 28 октября 2019 г. об установлении границ территорий и предмета охраны объекта культурного наследия (объекта археологического наследия) федерального значения «Городище», расположенного в Кировском районе Ленинградской области. Подписан председателем комитета В.О. Цоем. Три приложения.
- Прусакова З.В., 1972–1973а. Отчет Волосовского отряда Северо-Западной археологической экспедиции ЛГУ о разведке 1973 г. на Ижорском плато // Архив ИА РАН. 1972. Д. 6287, 6287а.
- Прусакова З.В., 1972–1973б. Отчет Волосовского отряда Северо-Западной археологической экспедиции ЛГУ о разведке 1973 г. на Ижорском плато // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области. Д. 79–41.
- Раппопорт П.А., 1956. Отчет о работе отряда по изучению крепостей. Среднерусская археологическая экспедиция ИИМК // НА ИИМК РАН РО. Ф. 35 (ЛОИА). 1956. Д. 94.
- Раппопорт П.А., 1961. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. // МИА. № 105.
- Репников Н.И., 1911. Предварительный отчет по регистрации памятников старины в Ново-Ладожском уезде С.-Петербургской губ. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1 (ИАК). Оп. 2. Д. 5.
- Рерих Н.К., 1894. О раскопках студента Н. Рериха в Изварской казенной даче Царскосельского лесничества // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1 (ИАК). 1894. Д. 74.
- Рерих Н.К., 1896. Отчет о раскопках 1896 г. в Ямбургском и Петергофском уездах С.Петербургской губернии, произведенные Н. К. Рерихом // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1 (ИАК). Д. 56.
- Рерих Н.К., 1899. Отчет по раскопке, произведенной 16 мая 1899 г. членами и слушателями Археологического Института, под руководством профессора Н. И. Веселовского и художника Н.К. Рериха в пределах Петергофского у. СПб. Губ. Близь дер. Пежовщины // НА ИИМК РАН РО. Ф. 1. 1899. Д. 109. О раскопках Археологического института в Царскосельском и Петергофском уезде.
- Рерих Н.К., 1900. Экскурсия археологического института 1899 г. в связи с вопросом о финских погребениях в С.-Петербургской губернии // Вестник Императорского Петербургского археологического института. СПб. Вып. XIII.
- Рерих Н.К., 1914. На кургане. В Водской Пятине (СПб. губ.) // Собрание сочинений. М. Кн. 1.

- Решение, 1978. Решение Исполнительного Комитета Ленинградского областного совета народных депутатов «Об утверждении списка памятников археологии Ленинградской области» № 271 от 10.07.1978 // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Рябини Е. А., 1973. Отчет о полевых исследованиях Ижорского отряда в 1973 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 5228 (текст), 5228а (альбом).
- Рябинин Е. А., 1974. Отчет о полевых исследованиях Ижорского отряда Северо-Западной археологической экспедиции в 1973 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 5228.
- Рябинин Е. А., 1976. Археологические памятники Водской земли // СА. № 1.
- Рябинин Е. А., 1984а. Городища Водской земли // КСИА. Вып. 179.
- Рябинин Е. А., 1984б. Отчет о работе Ижорской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1983 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 35 (ЛОИА). Д. 37.
- Рябинин Е. А., Рябинина Т. В., 1981. Отчет о работе Ижорской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в 1980 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 7701.
- Самоквасов Д. Я., 1873. Древние города России: историко-юридическое исследование. СПб.
- Сведения, 1900–1901. Сведения о памятниках Ладужского у. Петерб. губ. для археологической карты губернии. Составлены слушателем Археологического института Г. Г. Швитгау // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 37 (Н. К. Рериха). Д. 5.
- Седов В. В., 1970. Новгородские сопки. М. (САИ. Вып. Е1 8/1).
- Селин А. А., 2002а. Городок на Лаве: итоги исследований 2001 г. // Староладужский сборник. СПб.; Старая Ладога. Вып. 5.
- Селин А. А., 2002б. Городок на Лаве: первые итоги новых исследований // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша. Связующие пути и организующие центры. СПб.
- Семенов С. А., 2008. Отчет о проведении Лужским отрядом Ленинградской областной экспедиции ИИМК РАН археологического обследования (инвентаризации памятников) территории Лужского района Ленинградской области в 2008 г. // Архив ИА РАН.
- Семенов С. А., Васильев Ст. А., 2021. Новые материалы к археологической карте Ленинградской области (по результатам полевых работ 2020 г.) // Бюллетень ИИМК РАН. СПб. № 11.
- Семенов С. А., Васильев Ст. А., Григорьева Н. В., Павлова М. С., 2022. Новые материалы к археологической карте Ленинградской области (по результатам полевых работ 2021 г.) // Бюллетень ИИМК РАН. СПб. № 12.
- Семенов С. А., Васильев Ст. А., Григорьева Н. В., Павлова М. С., 2023. Новые материалы к археологической карте Ленинградской области (по результатам исследований 2022 г.) // Бюллетень ИИМК РАН СПб. № 14.
- Семенов С. А., Васильев Ст. А., Соловьева Н. Ф., 2017. Отчет о проведении работ по историко-культурной экспертизе объектов археологического наследия Ленинградской области в 2017 г. Затуленье 2. Курганно-жальничный могильник. Т. 104 // Архив ЦСА ИИМК РАН.
- Спицын А. А., 1896. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского // МАР. № 20.
- Тыниссон Э. Ю., 1963. Отчет о разведке ижорских и водских археологических памятников в северо-западной части Ленинградской области, проведенной сотрудниками Института истории АН Эстонской ССР // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 2661.
- Успенская А. В., Фехнер М. В., 1956. Указатель к карте «Поселения и курганные могильники Северо-Западной и Северо-Восточной Руси X–XIII вв.» // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М. (Труды ГИМ. Вып. 32).
- Учетная, 1977. Учетная карточка, подготовленная Государственной инспекцией охраны памятников Управления культуры Леноблисполкома на ОАН под названием «Городище» по адресу: Ленинградская область, Кингисеппский р-н, Конновский с/с, д. Кайболово. Составлена 21 марта 1977 г. В. Г. Шкода // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Учетная, 1978. Учетная карточка, подготовленная Государственной инспекцией по охране памятников Управления культуры Леноблисполкома на ОАН под названием «Курганный могильник у дер. Пиллово» XII–XIV вв. по адресу: «Ленинградская область, Кингисеппский р-н, д. Пиллово». Составлена 1 сентября 1978 г. с.н.с. Ю. Н. Урбаном // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.

- Учетный, 1931. Учетный каталог археологических памятников Ленинградской области. Лужский округ. Д – И. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 707.
- Федоров И. А., 2012. Отчет о разведках в Гатчинском и Кингисеппском районе Ленинградской области в 2010–2011 гг. СПб.
- Ходаковский З. Д., 1822. Указание Славянского Городства в северо-западной части России в первом опыте 1822 г. // РНБ-ОР-ф 588-2019.
- Ходаковский З. Д., 1839. Отрывок из путешествия Ходаковского по России. Ладога. Новгород // Русский исторический сборник. М. Т. 3. Кн. 2.
- Ходаковский З. Д., 1844а. Донесение о первых успехах путешествия в России Зориана Долуга-Ходаковского // Русский исторический сборник. М. Т. 7.
- Ходаковский З. Д., 1844б. Сопки // Русский исторический сборник. М. Т. 7.
- Чернягин Н. Н., 1929. Отчет по маршрутной рекогносцировке по Волхову, произведенной Н. Н. Чернягиным в 1929 г. с приложением карты и чертежей // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 122.
- Чернягин Н. Н., 1931. Материалы по учету археологических памятников (сведения, чертежи и рисунки) в д. Симонково, Ст. Ладога, Чернавинский выселок, Шкурина Гора Волховского р-на. Обследование Н. Н. Черягина в 1929 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Д. 65.
- Чернягин Н. Н., 1941. Длинные курганы и сопки // МИА. № 6.
- Шмелев К. В., 2004. Заставы и гарнизоны «Свейского рубежа» XVII в. // Новый часовой. СПб. №. 15.
- Шульц П. Н., Гроздилов Г. П., 1927. Дневник палеоэтнологических исследований в Лужском уезде произведенных сотрудниками Северо-Западной экспедиции КИПС Академии Наук Шульцем П. Н. и Гроздиловым Г. П. 1927 г. Археологические разведки в Лужском уезде // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Д. 106.
- Юшкова М. А., 2005. Отчет об археологической разведке на территории Волховского и Лодейнопольского районов Ленинградской области в 2004 г. СПб.
- Magiste J., 1959. Woten erzahlen: wotische Sprachproben. Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia. Helsinki. Vol. 118.

Каменная стена на Кольском полуострове: описание, аналоги и возможные интерпретации

В.Г. Мизин¹

DOI: 10.31600/978-5-6052467-2-5.114–116

Описание объекта

В ходе разведки в 2010 г. в окрестностях пос. Рында (Кольский полуостров), на побережье Баренцева моря было зафиксировано рукотворное сооружение в виде протяженной каменной стены, выложенной на валунном поле. Координаты объекта: N 68.890409, E 36.934699. Сооружение представляет собой невысокую каменную стену, вытянутую вдоль линии берега моря (восточная часть губы Красной, район мыса Красный), примерно с востока на запад, и располагающуюся в северной части крупного валунного поля (рис. 1). Максимальной высоты стена достигает 1,5 м в западной части (рис. 2), менее 1 м в восточной. Протяженность стены в границах валунного поля достигает 270 м (рис. 3), таким образом, стена практически полностью перекрывает данное поле по максимальной его длине. Стена возведена в 5–10 м от края валунного поля, при этом не следует строго этому расстоянию на всем протяжении, «срезая» выступ в северо-восточной части валунного поля. Ширина стены у основания 1–2 м. Для возведения стены использовались камни с валунного поля, что указывает на достаточно оптимальный выбор места для сооружения с позиций оценки трудозатрат. Удаленность сооружения от берега моря в западной части стены составляет 430 м, в восточной – 650 м. Между стеной и морем располагается небольшое озеро. Интересной особенностью стены является то, что западная ее часть практически примыкает к крутому склону холма, восточная оставляет открытый проход в сторону моря вдоль небольшого ручья. Ширина прохода около 50 м. К особенностям данного сооружения также можно отнести несколько ям разной степени сохранности, вырытых в валунном поле южнее восточной части стены, в 30 и 60 м от ее окончания (рис. 4). Рассматриваемую стену на данный момент можно назвать самым масштабным рукотворным древним сооружением, известным на территории Кольского полуострова.

Аналогии и возможные интерпретации

Проведенные спустя несколько лет исследования позволили выяснить, что данное сооружение является лишь частью системы подобных стен у мыса Красный (Зензеров и др., 2014. С. 30–37). Вторая подобная стена зафиксирована примерно в 430 м юго-восточнее и имеет протяженность около 140 м. (рис. 5). Авторы данной публикации склонны рассматривать комплекс каменных стен у мыса Красный как систему загонов для охоты на северных оленей. При этом на данный момент нет сведений о подобных сооружениях в других частях Кольского полуострова.

В 2024 г. вышла публикация о находке подобного сооружения на дне Мекленбургской бухты в Германии. Стена длиной около километра по уровню моря была датирована эпохой мезолита (Geersen et al., 2024). Эта находка стала крупнейшим и древнейшим сооружением Северной Европы. Само расположение стены, найденной на дне южной части Балтийского моря, практически идентично стене на Кольском полуострове: оба сооружения имеют направление вдоль берега моря, близкие по высоте и ширине. Рассматривая находку, авторы обращаются к определению «охотничьей архитектуры», трактуя ее следующим образом: «Охотничья архитектура определяется как антропогенная модификация природного ландшафта или любая построенная стационарная структура с основной целью добычи животных ресурсов». Немецкие исследователи также предлагают рассматривать свою находку в рамках уже известных в северном полушарии сооружений для загонной охоты, в Северной Америке, у оз. Гурон, и в западной Гренландии. Все подобные сооружения, вероятно, имеет смысл рассматривать в общем контексте развития промысла и освоения человеком северных территории после отступления ледника. В этой связи, стена, расположенная у мыса Красный, может быть названа самым северным сооружением подобного типа, известным в Европе. Относительно времени возведения данного комплекса стен на современный момент

¹ Независимый исследователь. E-mail: vyacheslavmizinspb@gmail.com.

Рис. 1. Общий вид сооружения в ландшафте, фото 2010 г.

Рис. 4. Одна из ям в валунном поле южнее стены, фото 2010 г.

Рис. 2. Высота стены в западной части, фото 2010 г.

Рис. 5. Второй фрагмент стены на аэрофотоснимке сервиса Google-maps

Рис. 3. Вид стены на аэрофотоснимке сервиса Google-maps

нет ясных указаний. В публикации, посвященной охотничьим ямам-ловушкам Фенноскандии, М.М. Шахнович отмечает, что подобные способы промысла не менялись от мезолита до XVI в. (Шахнович, 2023. С. 26–37). При этом расположение рассматриваемого комплекса стен всего в 400–600 м от современной береговой линии Баренцева моря вполне позволяет определить по уровню

подъема суши в этом районе в послеледниковую эпоху наиболее вероятные временные рамки возведения и использования данного сооружения. С другой стороны, открытие подобных сооружений в Арктике позволяет допустить более сложную социальную организацию древних северных сообществ, позволявшую мобилизовать население на масштабные строительные работы, чего не прослеживается, например, у более поздних, средневековых саами. До последнего времени рассуждения о загонной охоте в Фенноскандии носили скорее теоретический характер, обнаружение же подобных масштабных охотничьих сооружений позволяет перевести их в практическую плоскость, рассматривая особенности на конкретных примерах – близость воды, направления стен, расположение сопутствующих сооружений (например, ям возле входа в огороженную стеной территорию). Вполне вероятно, что дальнейшее изучение каменной стены у мыса Красный, а также возможное обнаружение подобных сооружений в других, удаленных частях Кольского полуострова, позволят существенно дополнить представление как об истории освоения края, так и о древнем культурном ландшафте, сохранившемся до наших дней.

Источники и литература

Зензеров В. С., Терехов А. Э., Никитин Н. В., 2014.
Новые данные о способах охоты поселенцев
Восточного Мурмана на северных оленей //
Вестник Кольского Научного Центра РАН.
Вып. 3.

Шахнович М. М. 2023. Охотничьи ямы Восточной
Фенноскандии: археология и этнография //
Известия Коми научного центра УРО РАН.
Сыктывкар. № 1 (59).

Geersen J., Bradtmöller M., Schneider von Deimling J., 2024.
A submerged Stone Age hunting architecture from
the Western Baltic Sea // PNAS. Vol. 121. N 8 /
<https://www.pnas.org/doi/10.1073/pnas.2312008121>

Подводные археологические исследования линейного корабля «Портсмут» в 2024 г.¹

В.В. Вахонеев², В.М. Петровский³

DOI: 10.31600/978-5-6052467-2-5.117–124

Заложенный в июне 1714 г. «Портсмут» был спущен на воду 11 (22) ноября 1714 г. 24 мая (4 июня) 1719 г. «Портсмут» в качестве флагманского корабля отряда под командованием капитана 2-го ранга Н.А. Сенявина участвовал в знаменитом бою со шведами у о. Эзель. В ходе самого сражения «Портсмут» вместе с линкором «Девоншир» оторвался от остальной русской эскадры, в результате чего первые три часа боя в одиночку вел бой со всей шведской эскадрой. На линкоре была сбита часть такелажа, в результате чего «Портсмут» потерял ход, однако, несмотря на это, смог поддержать активный огонь, итогом которого стала сдача всех трех кораблей шведской эскадры. Сражение у о. Эзель стало первым морским боем русского регулярного флота, в котором победа была одержана за счет использования артиллерии.

К окончанию кампании 1719 г. «Портсмут» и еще один линейный корабль «Лондон» находились в строю уже по пять лет, из которых два года провели в активных кампаниях и боях. Это, естественно, привело к тому, что техническое состояние обоих линкоров ухудшилось – особенно «Портсмута», который был сильно поврежден в бою у о. Эзель. В сентябре 1719 г. корабли ревельской эскадры начали поотрядно уходить на зимовку в Кроншлот. В их числе к о. Котлин уходил и отряд, состоявший из линкоров «Портсмут», «Лондон» и «Девоншир», которые в полдень 26 сентября покинули Ревель (Материалы, 1865. С. 431). 30 сентября (11 октября) 1719 г. на подходе к о. Котлин линейные корабли «Лондон» и «Портсмут» выскочили на песчаную мель у южного берега Финского залива.

На следующий день начался сильный шторм. «Портсмут», который до этого стоял не на самой мели, а близ нее, перетащило через песок вместе с якорем, после чего он затонул. «Лондон» был полон воды по нижний дек, но при этом плотно сидел на песке. Мачты на линкорах были срублены. Экипаж при этом оставался на местах, кроме 41 пленного шведа, которых пересадили на бот и отправили на о. Котлин. С Котлина же пришли боты на помощь терпящим бедствие (Материалы, 1865. С. 437).

Капитан-командор Н.А. Сенявин, который возглавил спасение севших на мель кораблей, принял решение разгрузить их, сняв орудия. 9 октября (20 октября) в Кроншлот доставили все пушки с «Лондона». С «Портсмута» удалось снять все верхние орудия, тогда как с нижнего дека удалось достать лишь четыре пушки. Воду пробовали откачать 20 помпами, но мощностей их не хватало (Материалы, 1865. С. 437). Сообщается, что Петр I лично присутствовал при попытке спасения кораблей, прибыв к месту крушения на шлюпке из Красной горки 5 (16) октября (Волков, Скок, 2023. С. 27). Однако все попытки снять полузатонувшие корабли с мели не увенчались успехом. Наступившая зима и последовавший за ней ледоход полностью разрушили корпуса полузатопленных кораблей. В дальнейшем стоящее на относительно небольшой глубине днище «Лондона» использовалось в качестве маяка.

Чертежей «Лондона» и «Портсмута» обнаружить не удалось. Известно лишь, что первый был типичным «ост-индским» кораблем, который был перестроен в линкор, а «Портсмут» был близок по типу к 52-пушечному линкору «Девоншир», который имел следующие размеры: длина 39,0 м, ширина 11,5 м, высота борта 4,4 м. Не сохранилось и изображений (в виде гравюр или картин) обоих линкоров, за исключением того, что «Портсмут» был отражен на ряде полотен мариниста А.Н. Боголюбова. Однако все эти картины написаны в XIX в., и достоверных изображений «Портсмута» на них нет.

В конце октября 2007 г. при производстве работ по очистке дна от взрывоопасных предметов

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № FMZF-2022-0016 «Совершенствование методики проведения охранно-спасательных археологических мероприятий и внедрение цифровых технологий в археологии».

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: vvvkerch@mail.ru.

³ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: petrovskiyvm@yandex.ru.

на Лондонской отмели на глубине около 8 м был обнаружен подводный объект, который представлял собой часть корпуса деревянного судна размерами 6 × 13 м. Объект получил название «Кронштадт-1». В последующие годы он был исследован экспедициями проекта «Подводное наследие России» (руководитель А.В. Лукошков) и общества «Память Балтики» (руководитель К.А. Шопотов). Объект представлял собой разделенную на несколько частей днищевую часть корпуса, которая покоится на россыпи гранитных камней судового балласта и частично занесена песком. Длина отдельных досок внешней обшивки и деталей набора достигала 9 м при ширине 0,50 м и толщине 0,10 м, также найдены доски внутренней обшивки, толщина которых 0,08 м, и детали набора, в частности флортимберсы с сечением 0,35 × 0,30 м при ширине кильсона 0,60 м. Помимо деревянных частей были обнаружены более 300 ядер и кннпелей трех калибров (3-фунтовые, 4-фунтовые, 8-фунтовые), а также две пушки с длиной ствола 2,15 м (Огороков, 2020. С. 10). В результате этих исследований было выдвинуто предположение, что объект «Кронштадт-1» – это корпус линейного корабля «Лондон» или линейного корабля «Портсмут», которые погибли на отмели в 1719 г. Объект был внесен в список выявленных объектов культурного наследия Ленинградской области (акт № 77Д от 30 декабря 2008 г. Приложение 1. П. 24), где он значится как «Деревянное судно (линейный корабль «Портсмут?»), которое расположено у южного берега Финского залива, напротив мыса Старая Красная Горка. В 2008 г. к востоку от объекта «Кронштадт-1» специалистами проекта «Подводное наследие России» на глубине 8 м были обнаружены детали корпуса деревянного корабля, объект получил название «Кронштадт-2».

В 2011 г. отдельные фрагменты деревянного корпуса, предварительно опознанного как линейный корабль «Портсмут», были подняты силами ФКП «Северо-западная дирекция Росстроя», ООО «Мортехника» и ООО «Балтспецфлот» с целью их дальнейшей реставрации. В ходе ее выполнения было установлено, что основная часть набора изготовлена из дуба и имеет очень хорошую сохранность (Копейкин, 2015. С. 52).

В 2015–2016 гг. было произведено повторное исследование объекта, в результате чего было установлено, что указанные детали относились к центральной и кормовой частям судна длиной 24 м и шириной 10 м, а также килю длиной 36 м. Рядом расположены многочисленные отдельные детали корпуса. Частично сохранилась внутренняя

и внешняя обшивка, возвышающаяся над грунтом на 2,5–2,6 м. К юго-западу от основной части корпуса находилась часть днища шириной до 3 м. Отдельные обломки разбросаны на юго-восток на удаление до 200 м. На самом корпусе и рядом с ним расположено 19 пушек длиной ствола 2,75 м, а также многочисленные отдельные предметы, в том числе ядра и кннпели. Одна из пушек была поднята на поверхность. Исследование, проведенное в 2016 г. при помощи параметрического профилографа, показало наличие отдельных частей затонувшего судна, которые погребены под слоем донных наносов (Лукошков, 2019. С. 49). Дальнейшие камеральные работы позволили А.В. Лукошкову идентифицировать объект «Кронштадт-1» с линейным кораблем «Лондон», а «Кронштадт-2» – с «Портсмутом» (Лукошков, 2017. С. 224).

В августе–сентябре 2024 г. Ленинградской подводной археологической экспедицией Института истории материальной культуры РАН при поддержке АНО «Остров Форгов» и Экспедиционного центра Министерства обороны РФ были произведены спасательные археологические раскопки линейного корабля «Портсмут» в акватории Финского залива на Лондонской отмели в Ломоносовском районе Ленинградской области. Целью археологического исследования объекта являлось изучение его состояния, определение точного местоположения и уточнения границ, которые оказались недостаточно изучены предыдущими исследователями. В частности, в Акте о постановке данного объекта на учет, была указана всего одна географическая точка, что говорит об отсутствии понимания пределов границ памятника. Координаты этой географической точки оказались указаны неверно. Изучение исторических источников показало, что остатки деревянного судна, расположенные в координатах, согласно учетной документации, не могут быть линейным кораблем «Портсмут». Состояние памятника и степень опасности угроз природного и антропогенного воздействия также оказались изучены недостаточно.

Кораблекрушение расположено в 3,5 км к северу от южного берега Финского залива, в 5,8 км к югу от Толбухина маяка, в 8,3 км от створа судопропускного сооружения Комплекса защитных сооружений Санкт-Петербурга. Донная поверхность представлена рыхлым, крупнозернистым песком мощностью до 0,10 м. Ниже песок приобретает характер более плотного отложения, в нем повсеместно встречаются не крупные, размерами до 0,05 × 0,05 м камни (гранит рапакиви).

Для уточнения координат границ объекта сначала визуальными методами были определены границы

оставшейся днищевой части затонувшего судна и местоположение отдельных крупных предметов, которые расположены за пределами остова. Затем на четыре точки, наиболее удаленные от центра объекта, был выставлен якорь несвального буя, конструкция такого буя исключает снос его поплавок течением в сторону от якоря. Далее позиция поплавок фиксировалась навигатором Garmin Montana 700.

Для работ было задействовано спасательное буксирное судно «Нина Соколова» (порт приписки Ломоносов). Перед началом работ в стороне от кораблекрушения было выставлено четыре мертвых якоря. Судно имело крановую установку на 12 т. По правому борту судна был также размещен водолазный трап. Для удобства водолазных работ, а также для размещения сетки для промывки пульпы из гидроэжектора был задействован штатный водолазный плот. Кормовая часть судна была использована для камеральной работы экспедиции. На судне расположилась водолазная партия, задачей которой было проведение водолазного осмотра с фотофиксацией отдельных частей объекта и предметов. При этом фотофиксация была затруднена плохой видимостью под водой, характерной для Финского залива, которая была ограничена 0,3 м при условии использования осветительных приборов. В силу такой слабой видимости получение ортофотоплана объекта или его частей методами создания 3D-облака точек оказалось малоэффективным. Глубины при этом фиксировались электронными глубиномерами, которые имеют точность до 0,1 м на глубинах свыше 1,4 м.

Над подводным раскопом была размещена заранее сконструированная сетка квадратов 1 × 1 м (рис. 1). Расчистка слоя проводилась с помощью шанцевого инструмента вручную. Замеры осуществлялись с помощью гибкой рулетки на катушке. Определение размеров объекта, расположения его

Рис. 1. Портсмут 2024. Раскопки кораблекрушения

отдельных деталей и фиксация отдельных предметов осуществлялись преимущественно вычерчиванием плана на пластиковых планшетах под водой, с переносом его на бумагу при камеральной обработке чертежа. Для работы в условиях плохой видимости заранее были подготовлены комплекты подводного освещения, которые также использовались для подводного фотографирования (рис. 2). Для фиксации и последующего подъема обнаруженных при раскопках предметов был сконструирован специальный металлический короб. Все находки маркировались специально подготовленными пластиковыми бирками.

Подводный осмотр показал, что пушки, лежащие на дне и не перекрытые наносами песка, отложениями илов или другими предметами, имеют значительную степень повреждения от коррозии вплоть до полной утраты отдельных частей (рис. 3). В результате оценки их состояния в целях их сохранения было принято решение поднять орудия на поверхность для проведения консервации в лабораторных условиях и для предотвращения дальнейшего разрушения чугуна.

Рис. 2. Портсмут 2024. Фотографирование объектов

Рис. 3. Портсмут 2024. Казенная часть с вингардом пушки № 24. Вид с востока

Для решения задачи подъема пушек, каждая из которых весила более 2 тонн, необходимо было убрать отдельные предметы, которые заполняли пространство как между орудиями, так и вокруг них. Эта подзадача была решена путем выборки предметов водолазом после предварительной фиксации местоположения предметов на плане. Для того, чтобы исключить повреждения предметов, лежащих в слое конгломерата, была применена система смещения пушки перед ее острожкой. После прокладки двух каналов под орудием в них заводились стропы. Подъем осуществлялся 7-тонным краном-манипулятором, который размещался на палубе спасательно-буксирного судна «Нина Соколова» (рис. 4). Полевая очистка пушек не производилась в силу того, что корка окисленного железа, а также конгломерат, покрывающие орудия, служат дополнительной защитой от проникновения кислорода к чугуну пушечного ствола, что замедляет процесс окисления после подъема из воды. Предметы, изъятые перед подъемом пушек, хранились в емкостях с водой (древесина), герметичной пленке и мешках (чугун и железо) после обязательной процедуры маркировки каждого предмета.

После подъема 18 орудий, которые лежали поверх остова, было решено произвести локальные раскопки площадью 3×3 м на месте, где эти орудия были расположены, но со смещением к западу. В этой части при извлечении со дна пушки № 9 удалось на ощупь определить наличие пушек, залегающих под слоем конгломерата. Эти локальные раскопки решали задачи определения степени сохранности орудий, а также изучения судна с целью его идентификации. Раскопки внутри квадратов осуществлялись гидроэжектором после предварительной фиксации отдельно лежащих предметов. Разбор слоя плотного конгломерата велся путем расчистки отдельных его частей.

Рис. 4. Портсмут 2024. Подъем пушки на поверхность

Завершением исследований считалась расчистка его до досок обшивки днищевой (трюмной) части затонувшего судна. После окончания раскопок, расчищенные доски обшивки были накрыты слоем геотекстиля.

Кораблекрушение включало часть днища деревянного линейного корабля, лежавшего на ровном песчаном дне на глубине 8,2–8,4 м (рис. 5). Нос, корма и борта судна не сохранились, осталась лишь днищевая часть, представленная нижними частями шпангоутов (флортимберсами), которые возвышались над дном на 2,0–2,1 м. Центральной и самой нижней частью объекта являлся киль, который располагался непосредственно на дне, частично углубленный в песок. Киль представлял собой брус сечением $0,7 \times 0,7$ м и длиной 32 м, ориентированный по линии запад–восток. По всей его длине с обеих сторон конструкции имелись две прямоугольные выемки, в которые входила самая нижняя доска внешней обшивки. В верхней части киля видны следы крепления к нему иных деталей. На протяжении трехметрового участка киля с запада и десятиметрового участка с востока какие-либо иные элементы конструкции на самом киле отсутствуют. Лишь в центральной части длиной 19 м прикреплено 14 флортимберсов, представлявшие собой брусы прямоугольного сечения размерами $0,4 \times 0,5$, $0,4 \times 0,4$ и $0,3 \times 0,3$ м изогнутой формы. Все сохранившиеся флортимберсы в ходе работ были условно пронумерованы от 1 до 14, включая сдвоенные. Сдвоенные шпангоуты скорее всего являются парой флортимберс-полушпангоут. К флортимберсам прикреплены снизу доски внешней обшивки, сверху доски внутренней (трюмной) обшивки (сохранились лишь частично), которые достигают ширины 0,40 м и толщины 0,10 м.

Таким образом, полный набор днищевой части судна в виде киля и прикрепленных к нему флортимберсов с доскам обшивки (внешней и внутренней) сохранился лишь на протяжении 19 м. Возможно, сохранились фрагменты стрингеров (брусы, идущие параллельно килю и также крепящиеся к обшивке), но без полной расчистки корпуса этого нельзя утверждать окончательно. Верхние части всех флортимберсов обломаны. Доски внешней обшивки частично выпали и лежат на песчаном дне. Флортимберсы обращенного к югу борта сохранились на длину до 3,9 м от киля, тогда как их части на противоположном борту сохранились на длину не более 2,9 м. Таким образом, ширина сохранившейся части корабля составляет не более 6,8 м. В целом судно имеет явно выраженный крен на борт, обращенный к северу. Определить, где именно находился

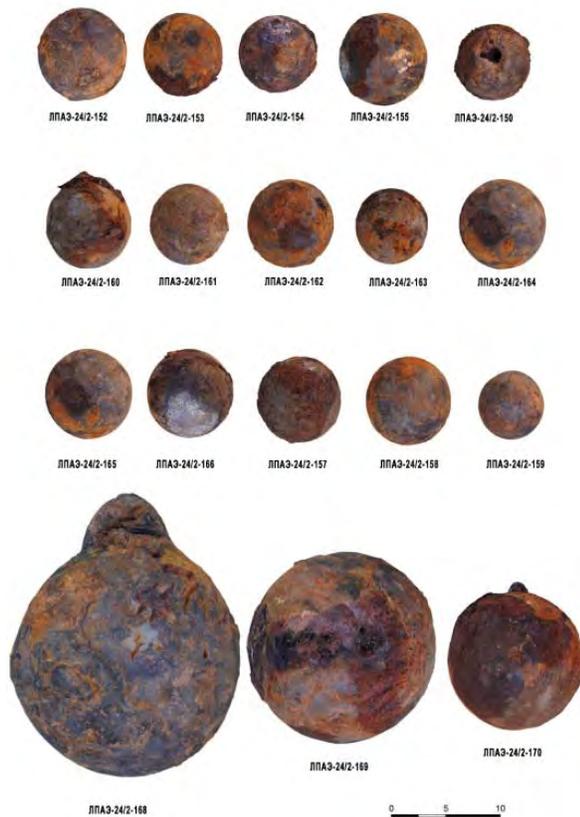

Рис. 7. Портсмут 2024. Чугунные ядра

предметы, оббитые медью. Промежутки между этими предметами спрессованы в плотный конгломерат, состоящий из окисленного металла, ила и песка. Толщина такого конгломерата колеблется от 0,02 до 0,15 м, под ним залегает слой жидкого, текучего ила, который заполняет пространство между отдельными предметами до самого днища судна.

В центральной части судна поверх конгломерата, между шпангоутами 7 и 10, на участке размерами 5,0 × 5,8 м располагались 14 целых стволов артиллерийских орудий (пушек) длиной 287 см (пушки № 1, 2, 3, 5, 8, 15–18), 266 см (пушки № 10 и 13) и 215 см (пушки № 9, 11, 12, 14). Все они, кроме пушек № 1, 2 и 8, лежали в одной укладке, друг на дружке, дулами поочередно на север (к киллю) и на юг (к борту). Пушки № 1, 2 и 8 находились вне укладки: № 1 вдоль южного борта, дулом на запад; № 2 под углом к укладке, дулом на юго-восток; № 8 южнее прочих, в удалении 0,7 м от укладки, дулом на северо-запад. Кроме того, под пушкой № 2, параллельно друг другу, дулами на юг лежали еще две пушки: № 4 (оказавшаяся дульной частью сломанного орудия длиной 137 см) и № 9

(длиной 215 см). Кроме того, вне затонувшего судна, к северу от него на песке лежали еще два орудия: пушка № 7 (на удалении 3 м от шпангоута 11), которая была расположена под углом 45° к донной поверхности, дулом вниз; пушка № 6, которая расположена в 2 м от пушки № 7 и в 3 м от борта, дулом на восток. Обе длиной 287 см.

В силу того, что днище затонувшего судна имеет наклон на север, то и пушки, уложенные поверх, имеют наклон в ту же сторону. Наиболее высоко, на глубине 6,1 м лежала пушка № 1, на самой большой глубине в 7,2 м находилась пушка № 8. Пространство между плотно уложенными пушками представляет собой тот же конгломерат из плотно спрессованного песка, ила, обломков кирпича, фрагментов древесины и целых предметов в виде ядер и такелажных блоков.

Пушки, лежащие поверх остальных, а также части пушек, не скрытые под донными отложениями и другими предметами, сильно корродированы и покрыты 0,5–3,0 см слоем окисленного железа, перемешанного с песком. Некоторые части пушек подверглись значительному разрушению. Так, «раструб» дульной части пушки № 9 практически полностью уничтожен коррозией, цапфы на многих пушках также либо корродированы, либо отломаны. Вместе с тем орудия, лежащие ниже, доступ кислорода к которым был меньше, сохранили все свои конструктивные элементы полностью, включая клейма на цапфах.

После подъема пушек на участке площадью 9 кв. м были проведены археологические раскопки, в результате которых было расчищено днище корабля (рис. 8), а также составлены стратиграфические разрезы (рис. 9). В остальной части кораблекрушения, помимо пушек № 6 и 7, на дне расположены многочисленные предметы, выпавшие из корпуса. В частности, вдоль северного борта найдены скатившиеся сюда ядра (рис. 10), фрагменты деревянных частей корпуса. Под южным бортом обнаружены доски обшивки, упавшие с мест, ядра (в частности, скопление ядер под самым бортом между шпангоутами 3 и 6), отдельные предметы (рис. 11). Также прослежены в виде отдельных скоплений конгломераты, которые, возможно, упали с корпуса и оказались на песке. Значительная часть покоящихся здесь предметов скрыта под песчаными наносами, возвышаются лишь отдельные, наиболее крупные из них: мортирные бомбы, доски, фрагменты набора корпуса.

По результатам археологических исследований 2024 г. был составлен актуальный план

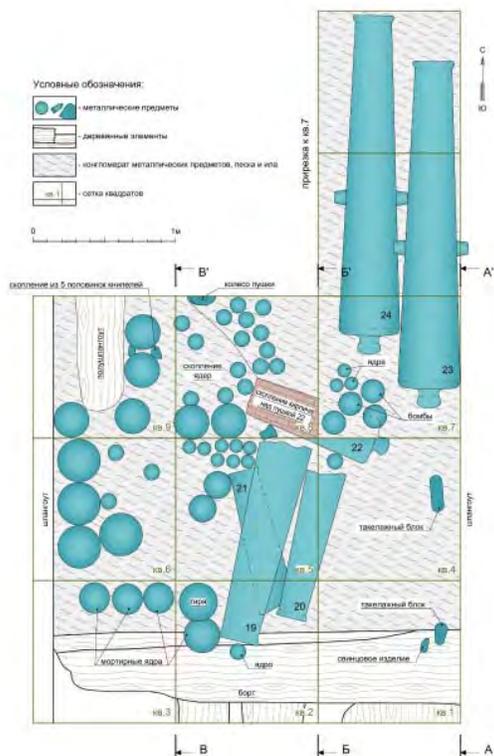

Рис. 8. Портсмут 2024. План раскопа 2024 г.

Рис. 10. Портсмут 2024. Скопление ядер. Вид с юга

Рис. 11. Портсмут 2024. Осмотр деревянного колеса

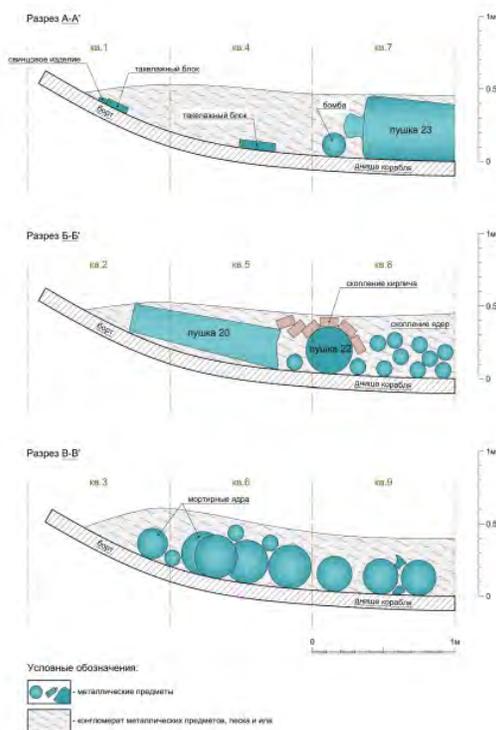

Рис. 9. Портсмут 2024. Стратиграфические разрезы раскопа 2024 г.

кораблекрушения, уточнены его границы. На поверхность подняты 24 археологических предмета, которые в первую очередь нуждались в консервации и реставрации.

Источники и литература

Волков А.Б., Скок Ю.М., 2023. Суровый Синус Финикус. Очерки аварий и катастроф в восточной части Финского залива и акватории Невы. СПб.

Копейкин М.Л., 2015. История подъема, консервации и подготовки к экспонированию артефактов корабля «Портсмут» // Вопросы подводной археологии. М. № 6.

Лукошков А.В., 2017. Подводные исследования останков линейных кораблей «Лондон» и «Портсмут» (1719 г.) // Меншиковские чтения. СПб. № 8 (18).

Лукошков А.В., 2019. Реестр кораблей и других объектов подводного историко-культурного наследия Российской Федерации. СПб. Т. 1: Финский залив. Кн. 1: Корабли и суда XVIII в. (Ч. 1).

Материалы для истории русского флота, 1865. СПб. Т. 2:
Балтийский флот 1702–1725.

Окороков А. В., 2020. Свод объектов подводного культурного наследия России. М. Ч. IV: Балтийское море; озера Онежское, Ладожское, Чудское; реки Нева, Волхов, Ижора.

Археологические исследования в регионах России и странах ближнего зарубежья

Археологические разведки в Донецкой Народной Республике и Запорожской области в 2024 г.¹

Л.Г. Шепко², С.Л. Соловьев³, В.В. Вахонеев⁴, А.Ю. Касимов⁵

DOI: 10.31600/978-5-6052467-2-5.125–135

В июне–июле 2024 г. сотрудниками ИИМК РАН были проведены археологические разведки с осуществлением локальных земляных работ в зоне проекта «Строительство ВЛ 330 кВ Южнодонецкая (Мирная) – Мелитопольская ориентировочно 210 км с расширением ПС 330 кВ Мелитопольская, ПС 750 кВ Южнодонецкая или ПС 330 кВ Мирная для подключения новой ВЛ 330 кВ» в рамках Программы социально-экономического развития Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 21.04.2023 №1019-р.

Целью работ являлось определение наличия или отсутствия культурного слоя и выявление (при наличии) объектов археологического наследия. Полевые исследования территории осуществлялись в границах землеотвода трассы будущего строительства (рис. 1). С учетом специального режима использования указанной территории (участок расположен в зоне действия СВО), а также наличия на участке инженерных сетей, зданий, насаждений, земляных сооружений, шурфы закладывались на свободных от них участках непосредственно после проведения разминирования мест шурфовки приданной группой саперов

(рис. 2; 3). Работы включали визуальный осмотр территории, учет особенностей рельефа, фотофиксацию локаций, выбранных для закладки разведочных шурфов, раскопки шурфов, топографические работы, фото- и графическую фиксацию, сбор подъемного материала (рис. 4; 5). Фотографическую фиксацию отдельных участков полевых работ не удалось провести из-за особого режима на территории ДНР и Запорожской области.

На территории ДНР были заложены 63 шурфа общей площадью 63 кв. м. Археологических объектов и культурного слоя в шурфах не обнаружено. В 1 км к юго-западу от с. Камышеватое в створе трассы проектируемой ВЛ обнаружена курганная группа из трех курганов, получившая название «Курганная группа Камышеватое» (рис. 6). Меры по обеспечению сохранности выявленных ОАН рекомендованы. На территории Запорожской области заложены 174 шурфа общей площадью 174 кв. м. Археологических объектов и культурного слоя в шурфах не обнаружено. В створе трассы проектируемой ВЛ обнаружены: фрагменты строительной, столовой красноглиняной керамики, амфор, стеклянной посуды, а также ОАН «Группа из двух курганов у пос. Осипенко» (рис. 7), ОАН «Группа из девяти курганов у пос. Приазовское» (рис. 8), ОАН «Курган у пос. Владимировка» (рис. 9), ОАН «Курган у пос. Константиновка» (рис. 10), ОАН «Курган у пос. Орловка» (рис. 11). Меры по обеспечению сохранности выявленных ОАН рекомендованы. Собранный подъемный археологический материал относился к эпохе бронзы, античному периоду и Новейшему времени. Общее количество предметов составило 19 единиц (рис. 12).

Курганы составляли и составляют неотъемлемый атрибут историко-культурного ландшафта южной зоны Восточно-Европейской равнины. Они в основном и являются объектом исследования в Приазовье. Изучение курганов степного Приазовья и Донецкого кряжа началось уже в XVIII в. Первые документально засвидетельствованные исследования в пределах современной Запорожской области проводились в Приазовье выходцами из Германии

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № FMZF-2022-0016 «Совершенствование методики проведения охранно-спасательных археологических мероприятий и внедрение цифровых технологий в археологии».

² 283001, ДНР, Донецк, Университетская ул., 24. Донецкий государственный университет. E-mail: rprakra@mail.ru.

³ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: ssl2610@yandex.ru.

⁴ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: vvkerch@mail.ru.

⁵ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: kospunk666@gmail.com.

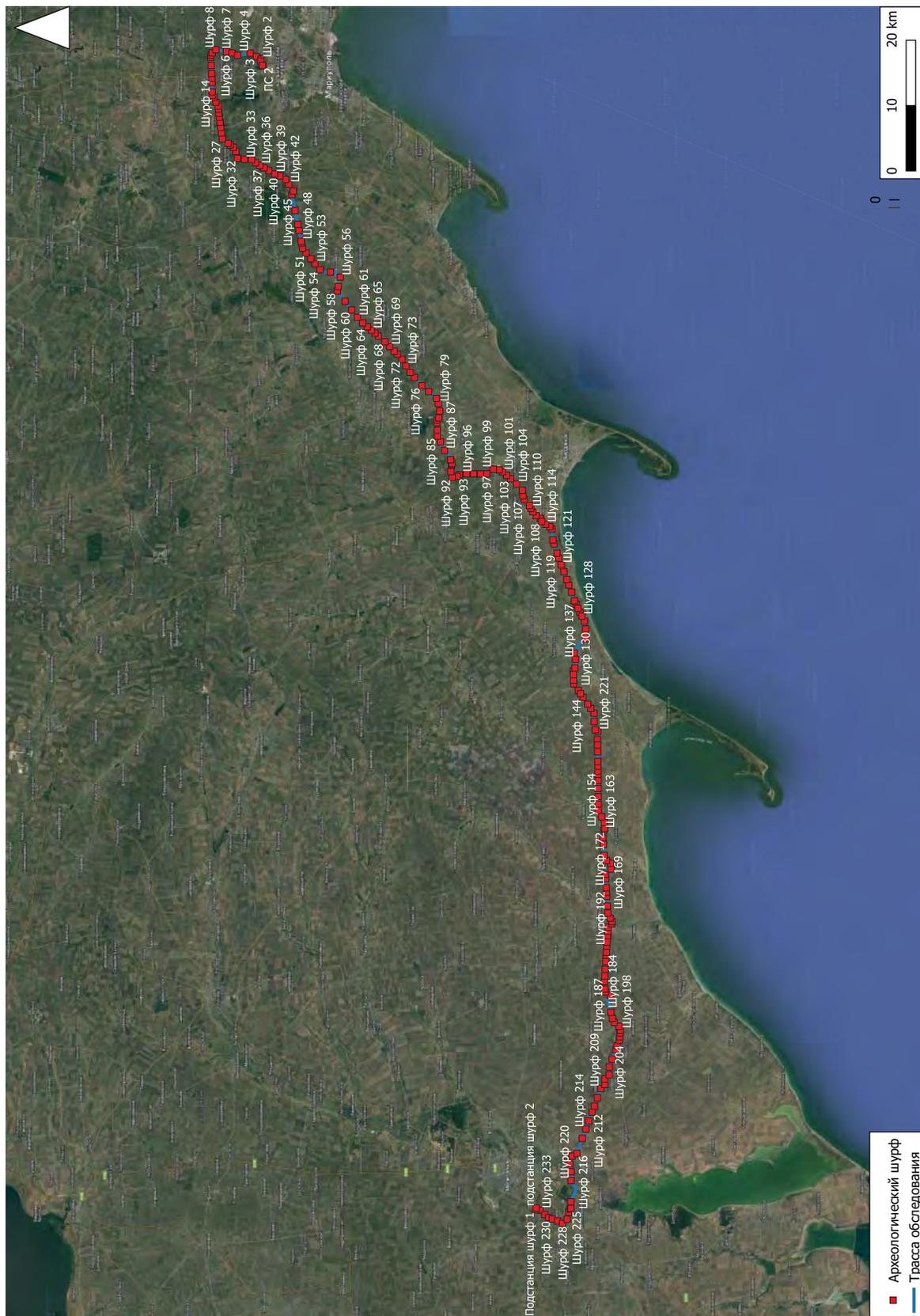

Рис. 1. Северное Приозовье 2024. Трасса археологических разведок. Google Map

Рис. 2. Северное Приазовье 2024. Обследование участка разведок саперами

Рис. 5. Северное Приазовье 2024. Рабочий момент археологической разведки

Рис. 3. Северное Приазовье 2024. Обследование участка разведок саперами

Рис. 4. Северное Приазовье 2024. Разметка мест шурфовки

П.И. Кепшеном (1793–1864) и И. Корнисом (1789–1848) (Тощев, 1997. С. 5). П. Кеппен сделал первое описание ставшей известной впоследствии Каменной Могилы, ряда курганов, способствовал организации финансирования раскопок И. Корнисом, который в течение трех лет (1842–1844) вблизи р. Молочной раскопал 13 курганов, содержащих в основном материалы эпохи Средневековья (Тощев и др., 2003).

Н.И. Веселовский – профессор Петербургского университета в 1888 г. провел раскопки девяти курганов под Ногайском (совр. г. Приморск) и одного кургана у с. Владимировка Приазовского района. Были обнаружены скифские захоронения V–IV вв. до н.э. В 1889 г. он исследовал там же в группе «Рясные могилы» три кургана, под Преславом – один курган с двумя погребениями эпохи бронзы. В том же году были начаты раскопки под Мелитополем, которые длились до 1891 г. В большом «Первом кургане» найдено потревоженное скифское захоронение, а в расположенном рядом маленьком кургане – четыре захоронения эпохи бронзы. В 1892 г. под Большим Токмаком Н.И. Веселовский докопал потревоженную грабительскими раскопками местных крестьян насыпь кургана с тремя могилами и кургана с погребением эпохи бронзы. Обследовав местность под Токмаком, Н. И. Веселовский отметил наличие значительного количества каменных изваяний (ОАК за 1892. С. 2, 3).

В 1888–1902 гг. Н.Е. Бранденбург, интересовавшийся полями древних битв, осмотрел в Мариупольском уезде Екатеринославской губернии окрестности р. Калки, а в 1892 г. раскопал девять курганов на берегах рек Кальчик и Каратыш (вблизи немецкой колонии Кишвальд, совр. с. Вишневатое

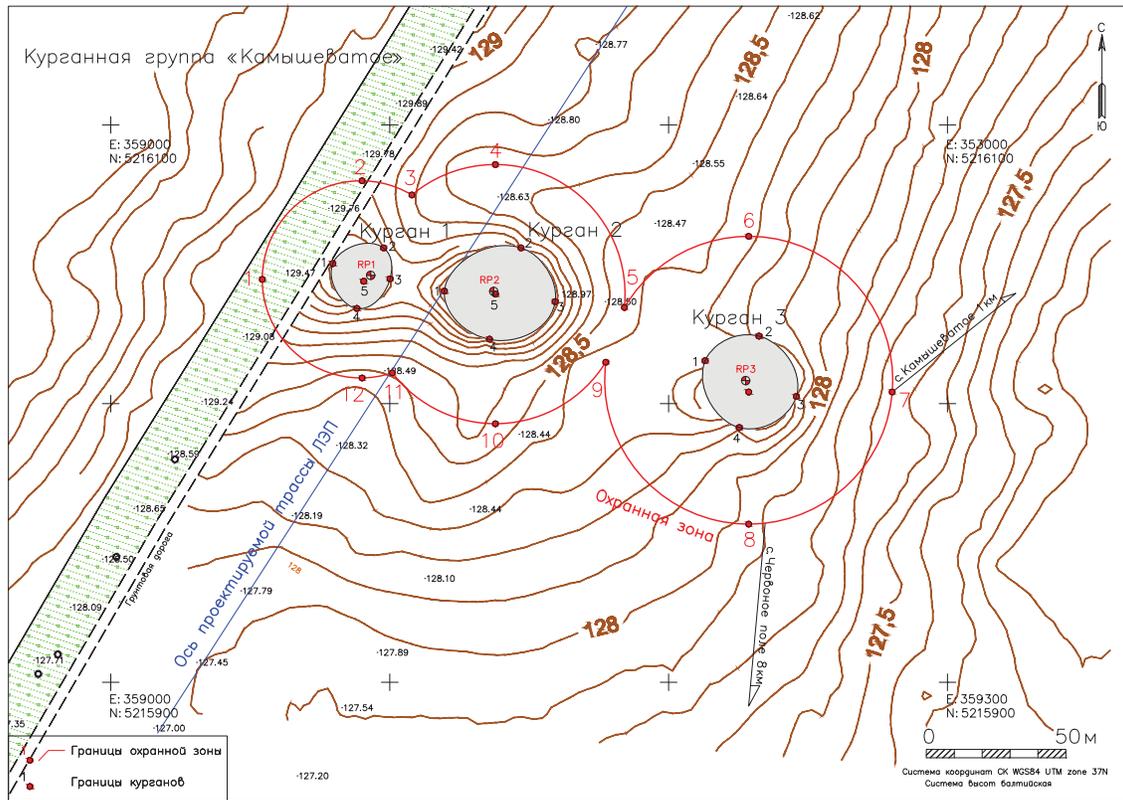

Рис. 6. Северное Приазовье 2024. ВОАН «Курганная группа Камышеватое». План

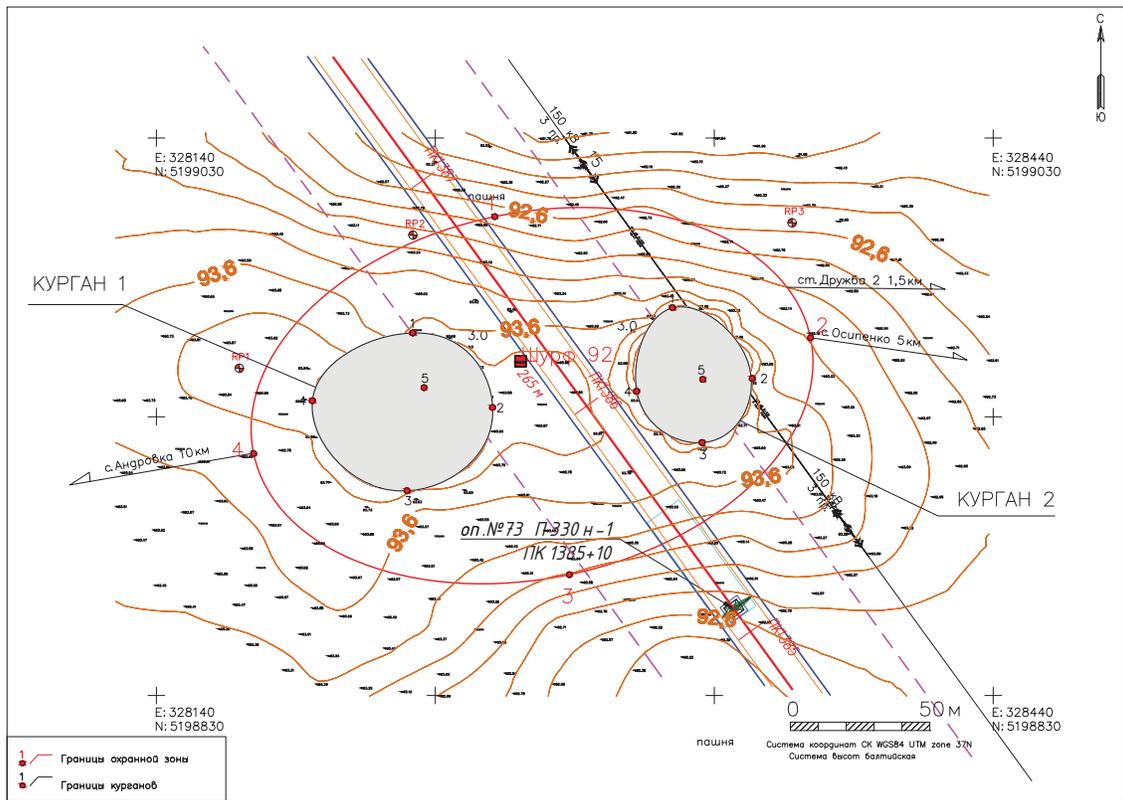

Рис. 7. Северное Приазовье 2024. ВОАН «Группа из двух курганов у пос. Осипенко». План

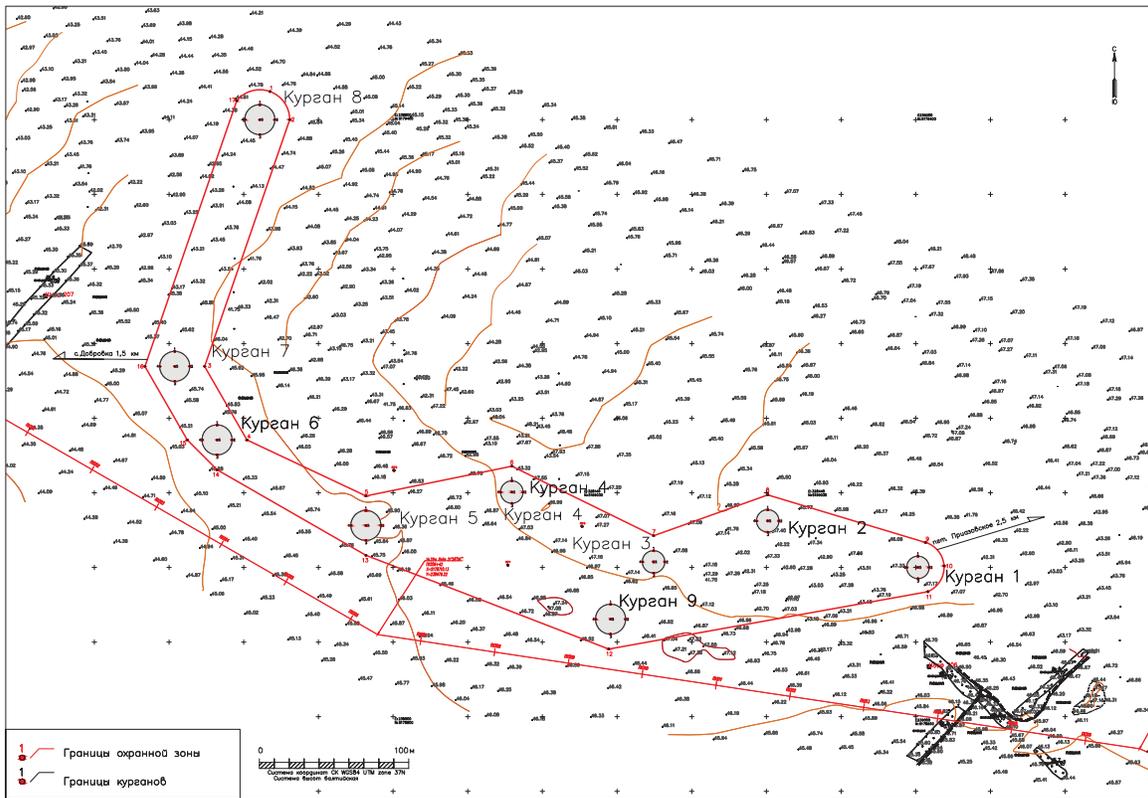

Рис. 8. Северное Припозовье 2024. ВОАН «Группа из девяти курганов у пос. Припозовское». План

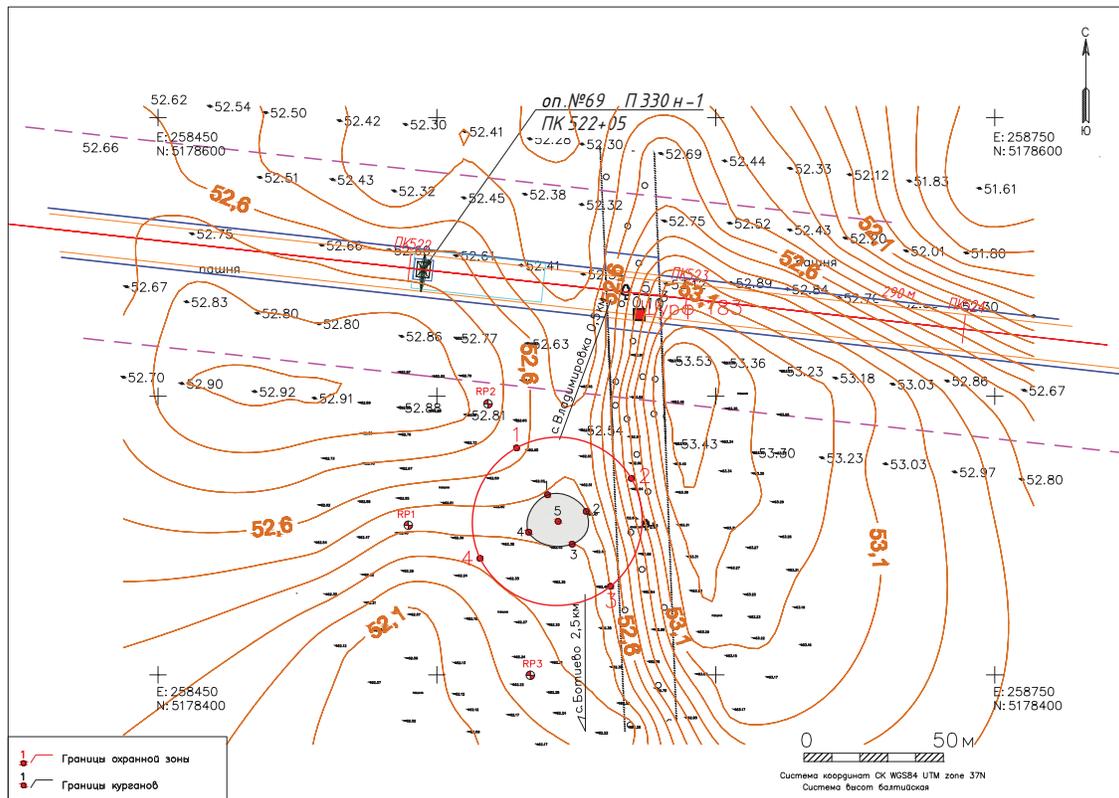

Рис. 9. Северное Припозовье 2024. ВОАН «Курган у пос. Владимировка». План

Рис. 12. Северное Приазовье 2024.
Подъемный материал

Запорожской области) (Журнал, 1908. С. 178–190). Вблизи немецкой колонии Кишвальд (совр. с. Вишневатое Пологовского района) он исследовал два кургана с погребениями эпохи бронзы (Тощев и др., 2003). В 1901 и 1903 гг. В. А. Городцов провел раскопки курганов на территории Изюмского уезда Харьковской губернии и Бахмутского уезда, а также в верховьях р. Кальмиус (Городцов, 1907. С. 211–213) (ныне городского округа Донецка), где в 80 курганах было открыто 212 погребений. На основе анализа комплексов были установлены этапы создания курганов и выделены несколько культур эпохи бронзы. В верховьях р. Кальмиус (ныне городского округа Донецка) было раскопано 33 кургана (Городцов, 1907. С. 325–351). В 1904 г. в преддверии XIII Археологического съезда А. А. Иванчик-Писаревым и Е. П. Трифильевым были совершены экскурсии по р. Кальмиус и Кальчик в пределах Мариупольского уезда и зарегистрированы встреченные курганы. В пяти пунктах уезда было вскрыто 34 кургана (Трифилев, 1907. С. 215, 235, 366). В 1903–1904 гг. В. А. Харламов на берегах Кальмиуса и в области Войска Донского за два года раскопал более 30 курганов, обнаружив 62 погребения, а также собрал сведения о 350 каменных изваяниях, учтенных в Таганрогском уезде (Труды, 1907. С. 215, 235, 366).

История археологического изучения Северного Приазовья в XX в. раскрывается благодаря историкам и археологам, работавшим над подготовкой Свода памятников истории и культуры. На протяжении XX в. в Донецкой области было раскопано не менее 860 курганов. Освещению результатов раскопок посвящены сотни публикаций. Данные, полученные в результате исследований курганов на территории Донецкой области в XX в., достаточно полно отражены в работе «Свод данных

об исследованиях курганов на территории Донецкой области в XX в.», которая представляет собой каталог раскопанных насыпей. В общей базе памятников археологии, созданной в начале XXI в. Отделом охраны памятников археологии, имеется информация о почти 8 тыс. курганов (Свод, 2003. С. 65–109, рис. 2; 5). Анализ данных каталога показывает, что исследования территории в районе Мариуполя и к западу от него, включая побережье, проводились более активно в 1925–1941 гг. и 1970-е гг. История археологического изучения Запорожской области и перечень исследованных памятников, открытых к началу XXI в., приведены в работе Г. Н. Тощева, М. В. Ельникова, О. В. Дровосекова (Тощев и др., 2003).

В 1920 г. был основан Мариупольский музей краеведения, заведующий Историко-археологическим отделом П. М. Пиневиц занимался изучением памятников Мариупольского округа и в 1925–1929 гг. раскопал курганы на территории Мариуполя (Черненко, 1970. С. 176–181), с. Старого Крыма, с. М. Янисоль Володарского района (Свод, 2003. С. 68, 69). В 30-е гг. XX в. проводились работы в зонах строительства промышленных и гидротехнических объектов. На месте строительства завода «Азовсталь» открыт и исследован Н. Е. Макаренко грунтовой нео- и энеолитический могильник (Макаренко, 1933), в других районах Мариуполя раскопан ряд курганов (1930–1933). В послевоенные годы археологические исследования в Северном Приазовье осуществлялись экспедициями ИА АН УССР, ИА АН СССР и МГУ.

В Запорожской области в связи с планом создания водохранилища на р. Молочной в зоне предстоящего затопления сотрудниками Института археологии АН УССР проводились предварительные разведки. Они показали наличие большого количества курганов, концентрация которых наблюдалась к западу от г. Токмак, между селами Терпенье и Ново-Филипповка. В начале 50-х гг. сотрудниками ИА АН УССР и Скифской степной экспедицией там было исследовано 83 различных по величине насыпи, содержащих 369 разновременных захоронений. Большинство из них датировалось эпохой бронзы – 285 (ямная, катакомбная, многоваликовой керамики и срубная культуры), всего восемь могил принадлежали скифам, еще меньше погребений – сарматам, а 16 – эпохе Средневековья (Археологічні пам'ятки, 1960). Одновременно комплексная Мелитопольско-Терпеньевская экспедиция ИА АН УССР проводила исследование Каменной Могилы (1951–1955), где М. Я. Рудинский продолжал работы В. Н. Даниленко и О. Н. Бадера 40-х гг. XX в.

К началу широкомасштабных новостроечных работ на территории области изучались разновременные памятники, приоритет среди которых принадлежал курганам. В 1951 г. Молочанской экспедицией ИА АН УССР на северной окраине с. Новофилипповка (Запорожская область, Мелитопольский район) на берегу р. Молочная обнаружено поселение и раскопаны курганы эпохи меди и бронзы (IV–II тыс. до н. э.), исследованы два сарматских курганных могильника (I–II вв.) и курган IV в. (Вязьмитина, 1954. С. 220–243). В 1954 г. исследован курган, получивший в научной литературе название Мелитопольский. Он находился в черте города, содержал погребения скифской аристократии (Тереножкин, Мозолевский, 1988).

В Северном Приазовье разведочные работы вел сотрудник Бердянского музея (организован в 1929 г.) А. Я. Огульчанский. Еще в предвоенные годы он исследовал частично разрушенный местными жителями курган у с. Орловка Приморского района. В это же время обнаружено несколько стоянок эпохи неолита и бронзового века (Косолапова балка, Греческая балка Бердянского района), доисследовались также и полуразрушенные курганы (у с. Дмитровка в 1969 г., с. Старопетровка, с. Осипенко Бердянского района). А. Я. Огульчанский предпринял попытку начать раскопки кургана у с. Нововасильевка, ставшего широко известным под названием Бердянский, исследования которого проведены в 1977–1978 гг. под руководством Н. Н. Чередниченко (Болтрик и др., 1994. С. 140–156).

Значительные по объему исследования курганов провела в области Скифская степная экспедиция ИА АН СССР и МГУ. В 1965–1966 гг. в Приморском и Бердянском районах исследованы шесть насыпей с разновременными захоронениями (Граков, 1977). В 1969 г. Бердянский краеведческий музей инициировал проведение поисковых работ по сбору археологических материалов по рекам Обиточная, Лозоватка, Воловой и Петровой балкам. Продолжались исследования Каменной Могилы и расположенных вблизи многослойных стоянок. В 1961–1963 гг. здесь вели раскопки В. Н. Гладилин и Б. Д. Михайлов, в 1969–1973 гг. – В. Н. Даниленко. В 1971 и 1973 гг. Приазовской экспедицией ИА АН УССР выявлена новая серия гротов с изображениями (грот Чуриг, пещера Колдуна и др.). В 1983–1996 гг. активную работу по изучению этого уникального памятника вел директор созданного в 1986 г. историко-археологического музея-заповедника Б. Д. Михайлов. Продолжились работы по выявлению новых гротов, периодизации изображений, их синхронизации с расположенными рядом многочисленными памятниками.

В результате многолетних раскопок установлено, что изображения свыше 50 гротов Каменной Могилы разновременные – самые древние датируются эпохой позднего палеолита, а самые молодые – периодом Средневековья (Даниленко, 1986; Михайлов, 1994).

Новостройки на Украине (сооружение оросительных систем, строительство атомных станций, прокладка газопроводов, дорог и др.) вызвали необходимость проведения срочных охранных исследований. Поэтому в начале 60-х гг. XX в. создаются новостроечные экспедиции, задачей которых являлось оперативное изучение попадавших в зоны строительства памятников, преимущественно таковыми являлись курганы. На протяжении многих лет (1968–1991) Запорожская постоянная экспедиция вела раскопки, в том числе в районах Акимовский, Васильевский, Токмакский, Михайловский, Мелитопольский. Сотрудниками экспедиции раскопано свыше 500 курганов (около 2200 разновременных погребений). Открыты серия древнейших энеолитических погребений (Токмакский район), памятники катакомбной культуры в бассейне р. Молочная, белозерский могильник (с. Заповитне), киммерийские, скифские могилы в Васильевском и Каменско-Днепровском районах, захоронения эпохи Средневековья в Токмакском районе. Из памятников каменного века на территории области раскопаны многослойные стоянки эпохи позднего палеолита – энеолита Юрьевка 1 (Бердянский район) и Ореховая Роща. В 1981 г. около р. Чингул (приток Молочной) в примерно в 70 км к северу от Мелитополя открыт Чингульский курган, содержащий одно из интереснейших половецких (кыпчакских) погребений знати (Отрощенко, Рассамакін, 1986. С. 14–36). В 1984 г. в зоне мелиоративного строительства Приазовская экспедиция ИА АН Украины исследовала группу курганов в 6 км к юго-западу от районного центра Акимовка Запорожской области. Она состояла из 15 насыпей (исследовано 13), протянулась на 3 км по гребню водораздела, образованного пересыхающими речками Большой и Малый Утлюк (Утлюг) (Болтрик, Фиалко, 2010. С. 104–130). В 1986–1987 гг. сотрудниками археологической экспедиции Запорожского государственного университета произведены разведки на территории области (Бердянский, Веселовский, Куйбышевский, Новониколаевский, Приморский, Черниговский районы), в ходе которых обнаружено и поставлено на учет около 1000 курганов, поселений и стоянок.

В 1994 г. экспедиция под руководством В. А. Самара, созданная при Запорожской областной инспекции по охране памятников истории и культуры, исследовала

районы, долгое время остававшиеся белым пятном на археологической карте области – Куйбышевском и Розовском (реорганизованы в 2020 г.). Это пограничная территория с Волновахским районом ДНР. Здесь изучены поселения и курганы (более 20 памятников) у сел Черешневое, Белоцерковка, Благовещенка, Новоукраинка, вблизи известных Каменных Могил. Древнейшие памятники датировались эпохой энеолита, а позднейшие – периодом Средневековья (Самар, 1997).

В 1978 г. в Донецком государственном университете была организована постоянно действующая новостроечная археологическая экспедиция. Направлением ее деятельности были археологические работы в зонах строительства мелиоративных систем Донецкой области. В 1978–1991 гг. активные исследования курганных могильников велись в Славянском, Новоазовском, Тельмановском, Старобешевском районах. За годы ее работы раскопано около 300 курганов. Территории к западу от Мариуполя и р. Кальчик не были в числе приоритетных (Свод, 2003. С. 80–87, рис. 5). Вместе с тем в донецком Приазовье был открыт ряд интересных памятников раннего железного века, в том числе и киммерийских. Это захоронения возле сел Орловское Тельмановского района и Куйбышево Володарского района, у с. Безыменное Новоазовского района, южнее с. Розовка в окрестностях Мариуполя, у сел Огородное и Раздольное, ряд погребений раскопан у пос. Сартана, с. Кременевки (Чердаклы), а в черте самого Мариуполя – в пос. Первомайский. Недалеко от пос. Мангуш, севернее пос. Юрьевка исследовано стойбище предскифского периода, получившее название «Камышеваха», которое, скорее всего, относится к киммерийцам. Остатки керамики обнаружены на поселении более раннего времени возле с. Безыменное Новоазовского района. Перечисленные памятники относятся к VIII – началу VII вв. до н.э.

На прибрежных участках Першотравневого района Донецкой области (ныне Мангушский муниципальный округ ДНР) разведками 70-х гг. XX в. вдоль морского побережья в районе сел Юрьевки и Ялты выявлено до полутора десятков разновременных памятников (Михлин, 1972. С. 321). В 1988 г. обнаружен погребальный памятник эпохи бронзы – Средневековья, представлявший собой курганный насыпь из трех насыпей. Она расположена на территории Першотравневого района, в 2 км к западу от с. Камышеватое, в 250 м к северу от шоссе Камышеватое–Стародубовка (Паспорт, 1988) (рис. 6).

В 1984–2009 гг. исследования курганов в Северном Приазовье проводились археологическими

экспедициями под руководством В.К. Кульбаки, в последующие годы их продолжила археологическая экспедиция Мариупольского госуниверситета (МАЭ МГУ). Раскопки велись в основном в зонах новостроек и оросительных систем, в том числе и на территории Мариуполя, Новоазовского и Першотравневого районов. Был исследован ряд курганных могильников эпохи энеолита – позднего Средневековья (Небрат, 2012. С. 102–111). В западных районах Донецкой области работы проводилось эпизодически.

С конца 1980-х до 2013 г. сотрудниками Донецкого областного краеведческого музея проводились археологические разведки в Першотравневом, Володарском и Новоазовском районах Донецкой области. В 1989, 1991 гг. в Першотравневом районе в ходе разведки по р. Камышеватой выявлены скопления поселений бронзового века и Средневековья. Исследованиями также была охвачена сеть незначительных балок к западу от Мариуполя. Изучены все отроги балочной системы р. Буйловатой, балки между Буйловатой и Мариуполем, участки морского побережья, р. Зеленая балка, Бабах Тарама. Было выявлено 43 ранее не учтенных поселения, кочевий и местонахождений, четыре новых кургана, два отдельных одиночных грунтовых погребения (грунтовые могильники?), одно каменное изваяние (Колесник и др., 1992).

В 2010–2015 гг. исследования проводились в черте Мариуполя на территории бывшей крепости запорожских казаков Кальмиус, которая находится на мысу высокого правого берега реки. Памятник многослойный и включает культурные остатки Нового времени, Средних веков и бронзового века. Общая мощность слоя в центральной части памятника достигала 1,9 м. В ходе исследований в 2010 г. выявлены слои конца неолитической эпохи. Комплекс интерпретирован как стоянка Кальмиус, отмечены его связи с Мариупольским энеолитическим могильником (Горбов, Колесник, 2016. С. 16–31).

В октябре 2013 г. в районе с. Мелекино сотрудниками ДОКМ был обследован участок, который отводился Службе автомобильных дорог в Донецкой области для строительства участка автомобильной дороги Мариуполь–Урзуф, рядом с которым отмечены два кургана (Полідович и др., 2014. С. 31).

Из последних работ следует отметить исследованный АЭ МГУ в 2019 г. курган № 2 в курганный группе из трех насыпей, расположенный в 6 км к северу от побережья Азовского моря между долинами р. Камышеватка и Мокрая Белосарайка,

в 1,85 км к северу от пгт. Ялта (ныне территория Мангушского муниципального округа). Погребение из Ялты определяется как комплекс черноговской группы киммерийского времени (Забавін, Небрат, 2021. С. 74–81).

Археологические разведки ИИМК РАН стали продолжением исследований археологических памятников Северного Приазовья в настоящее время.

Источники и литература

- Археологічні пам'ятки УРСР, 1960. Київ. Т. VIII.
- Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е., 2010. Скифский курган с ранней уздой из Северо-Западного Приазовья // Боспорские исследования. М. Вып. XXIII.
- Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е., Чередниченко Н.Н., 1994. Бердянский курган // РА. 1994. № 3.
- Вязьмитина М.И., 1954. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка // Вопросы скифо-сарматской археологии. М.
- Горбов В.Н., Колесник А.В., 2016. Новое неолитическое поселение в Мариуполе и его место в системе синхронных памятников // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. Волгоград. Т. 21. № 4.
- Городцов В.А., 1907. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии // Труды XIII Археологического съезда. М. Т. 1.
- Граков Б.Н., 1977. Ранний железный век. М.
- Даниленко В.М., 1986. Камяна Могила. Киев.
- Журнал раскопок Николая Ефимовича Бранденбурга, 1888–1902 гг. // ОАК за 1892 г. СПб., 1908.
- Забавін В.О., Небрат С.Г., 2017. Неординарне поховання зрубного часу з кургану біля смт. Ялта (Північно-Східне Приазов'я) // Вісник Маріупольського державного університету. Серія: Історія. Політологія. Маріуполь. Вип. 18.
- Забавін В.О., Небрат С.Г., 2021. Нові поховання передскіфського часу з Північно-Східного Приазов'я // Археологія. Київ. № 1.
- Колесник А.В., Горбов В.Н., Усачук А.Н., Подобед В.А., 1992. Отчет о разведках в Першотравневом районе Донецкой области в 1991 г. // Архив ДРКМ. Оп. 1992/6.
- Макаренко М., 1933. Маріупільський могильник. Київ.
- Михайлов Б.Д., 1994. Петроглифы Каменной Могилы на Украине. Киев.
- Михлин Б.Ю., 1972. Раскопки в Донецкой области // АО 1971 г. М.
- Небрат С.Г., 2012. Археологическая экспедиция МГУ: история и современность // Вестник Мариупольского государственного университета. Серия: История. Политология. Мариуполь. Вып. 4–5.
- Отрощенко В.В., Рассамакін Ю.Я., 1986. Половецкий комплекс Чингульского кургану // Археологія. Київ. Вип. 53.
- Паспорт памятника, 1988. Учетная карточка 1 З. 2340-2-5-14 // Архив ДРКМ.
- Полідович Ю.Б., Кравченко Е.Є., Дегерменджи С.М., Коваль Ю.Г., Підобід В.А., Усачук А.М., Циміданов В.В., 2014. Звіт про проведення археологічних робіт на території Донецької області у 2013 році. Донецьк.
- Самар В.А., 1997. Работы Восточного отряда археологической экспедиции ЗКМ // Археологічні дослідження в Україні 1993 р. Київ.
- Свод данных об исследованиях курганов на территории Донецкой области в XX в., 2003 / авторы-составители Усачук А.Н., Полидович Ю.Б., Цимиданов В.В., Литвиненко Р.А. // Археологический альманах. Донецк. № 14.
- Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н., 1988. Мелитопольский курган. Киев.
- Трифилев Е.П., 1907. Археологическая экскурсия по течению рек Калмиуса и Кальчика, в пределах Мариупольского уезда Екатеринославской губернии, летом 1904 г. // Труды XIII Археологического съезда. М. Т. 1.
- Тоцев Г.Н., 1997. Развитие археологии в Запорожском крае (XVIII – первая треть XX вв.). Запорожье.
- Тоцев Г.Н., Ельников М.В., Дровосекова О.В., 2003. Древности Запорожского края (материалы

к Своду памятников истории и культуры). Запорожье. Ч. 1. История изучения археологических памятников в Запорожской области.

Труды XIII Археологического съезда, 1907. М. Т. 1.

Черненко С.В. Скіфські кургани V ст. до н.е. поблизу м. Жданова // Археологія. 1970. Т. XXIII.

Археологические разведки на Маячном полуострове в Севастополе в 2024 г.¹

В. В. Вахонев², Ю. А. Виноградов³, В. М. Петровский⁴

DOI: 10.31600/978-5-6052467-2-5.136–141

В марте–апреле 2024 г. сотрудниками Античной новостроечной экспедиции Института истории материальной культуры РАН были проведены археологические разведки с осуществлением локальных земляных работ в г. Севастополь на территории земельного участка в границах кадастрового квартала 91:02:004001 по Эпронской ул., д. 7 на площади 31,6 га (рис. 1). Территория исследования расположена на Маячном полуострове и входит в сельскохозяйственную округу древнего города Херсонес Таврический. Маячный полуостров занимает крайнюю западную точку Гераклеяского полуострова, в античное время здесь располагалась обширная сельская местность площадью до 480 га. Полуостров пронизан сквозными продольными и поперечными дорогами, которые разделяют территорию на 24–26 земельных участков площадью в среднем 17,6 га. В древности она могла быть разделена на 110 участков по 4,4 га (Щеглов, 1997. С. 10–38). В настоящее время на хоре Маячного полуострова известно по меньшей мере 25 строений. В основном это усадьбы, за исключением построек на участках 53а и 60, которые являются сакральными сооружениями (Николаенко, 2018. С. 67).

История изучения Маячного полуострова начинается в конце XVIII в., когда в 1786 г. при составлении карты Гераклеяского полуострова, по поручению академика К. И. Габлица, на эту карту были занесены остатки античных усадеб, в том

числе была картографирована размежевка полей на Маячном полуострове. В 1793–1794 гг. академик П. С. Паллас, изучая «Страбонов Херсонес», отметил наличие «маленькой древней крепости» в северной части Казачьей бухты, у выхода в море. В 1825 г. подполковник Л. Серристория снял подробную карту Маячного полуострова, нанеся на нее и видимую часть плантажных стен (Николаенко, 2018. С. 119, рис. 5). В 1833 г. подпоручик К. Крузе провел раскопки описанной П. С. Палласом «маленькой крепости» у Херсонесского маяка, но ничего значимого, с его точки зрения, не нашел (Тункина, 2002. С. 513). В 1834 г. территорию Маячного полуострова обследовал Ф. Дюбуа де Монпере и отметил плохое состояние древних сооружений, которые подвергались разрушению при разбивке здесь виноградников (Николаенко, 2018. С. 8). Тогда же Ф. Дюбуа де Монпере высказал предположение, разделяемое некоторыми современными учеными (см., например, Николаенко, 2018. С. 6), что у мыса Фиолент существовал храм главной богини Херсонеса. В 1844 г. К. Крузе в основании плантажной стены 51 надела обнаружил клад из 300 медных и 4 серебряных монет IV в. до н. э.

В 1910–1911 гг. под руководством Н. М. Печенкина к северо-западу от «Страбонова Херсонеса» было проведено первое подробное исследование и составлена карта античных строений, дорог и межевых стенок Маячного полуострова. Н. М. Печенкин отмечал, что все пространство от «Страбонова Херсонеса» до маяка представляет собой сплошное нагромождение стен и всевозможных развалин (Печенкин, 1911. С. 108). Во многих местах полуострова встречаются каменные параллельные стенки. Идут они на расстоянии 5 шагов друг от друга, имеют толщину от 0,70 до 1,07 м, а длина стенок 20, 32 и 53 м. Н. М. Печенкин предполагал, что эти стены были сложены в процессе выемки камня из грунта (Печенкин, 1911. С. 110). Всего им было раскопано четыре усадьбы, исследованы плантажные стены и дороги между наделами (Печенкин, 1911. С. 126). В целом Н. М. Печенкин отмечал, что в том случае, если раскопки производятся вне видимых развалин усадеб, то они не содержат «абсолютно никаких культурных остатков, если не считать

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № FMZF-2022-0016 «Совершенствование методики проведения охранно-спасательных археологических мероприятий и внедрение цифровых технологий в археологии».

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: vvkerch@mail.ru.

³ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: vincat2008@yandex.ru.

⁴ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: petrovskiyvm@yandex.ru.

Рис. 1. Маячный-2024. Схема участка с указанием мест расположения ближайших объектов археологии:

- 1 – «Античная усадьба участка 69-восточная»;
- 2 – «Античная усадьба участка 68»;
- 3 – «Комплекс античных объектов на древних участках 59 и 62»;
- 4 – «Античная усадьба участка 59-восточный»;
- 5 – «Античная усадьба участка 55»;
- 6 – «Комплекс усадеб» (усадьба надела 57)

двух-трех сильно потертых, почти бесформенных черепков амфор» (Печенкин, 1911. Табл. III). При обследовании склона Соленого озера южнее хутора Вяземской, над виноградниками хутора Михаила, был обнаружен тарапан и фрагменты чернолаковой посуды. На участке вдоль Соленой бухты размерами 213 × 533 м было заложено 110 шурфов размерами в квадратную сажень. Мощность грунта под ними от 1,0 до 3,2 м. Вместе с тем на плане Маячного полуострова Печенкина указано, что к северу от хутора Михаила найдены два здания (Печенкин, 1911. С. 120, рис. 6). В частности, над Соленым озером отмечены развалины очень большого здания, датирующегося III в. до н.э., которое хищнически разграблялось. К северу от этого здания Н.М. Печенкин раскопал усадьбу с колодезем-цистерной глубиной 6,4 м, несколькими помещениями, остатками лестницы. Было найдено большое количество фрагментов керамики III–II вв. до н.э. К заданию примыкала дорога шириной около 5 м с ограничивающими

ее стенами (Печенкин, 1911. С. 111–115). Вероятнее всего, это была усадьба надела 64. Раскопки на вершине, над хутором Вяземской показали наличие рыхлой темной земли, под которой прослежена «темная смесь, как зола», идущая вглубь на 0,36 м, ниже залегала прослойка тонкого песка. В этом месте было заложено 20 шурфов, в верхних слоях которых встречались обломки амфор, в нижних – кости животных, астрагалы, грубая керамика и черепица.

В 1914 г. раскопки на перешейке провел Р.Х. Лепер. К.Э. Гриневиц в 1927 г. отмечал, что на острове в Казачьей бухте, а также на Маячном полуострове сохранились следы оборонительных сооружений и остатки 17 башен. В 1930–1931 гг. К.Э. Гриневиц провел работы на Маячном полуострове, где обнаружил возле маяка усадьбу IV–II вв. до н.э. (усадьба № 5). Был составлен план расположения участков в районе маяка (Гриневиц, 1931. С. 17).

С конца 1920-х гг. территория полуострова была занята военными сооружениями, в частности на месте трех западных башен была сооружена батарея № 35, а в 1930 г. на плато Маячного полуострова построен военный аэродром. При постройке взлетной полосы часть каменной межевой стены и частично усадьбы № 1 и 3, обнаруженные Н.М. Печенкиным, были снесены, а частично закопаны в ходе нивелировки плато (Николаенко, 2018. С. 11). В годы Великой Отечественной войны на полуострове шли тяжелые бои, которые нанесли значительный урон древним памятникам. После войны территория оказалась закрыта для исследователей.

В 1961 г. С.Ф. Стржелецкий, основываясь на материалах изучения хоры, высказал предположение, что количество усадеб на Маячном полуострове соответствует количеству клеров (Стржелецкий, 1961. С. 41). В 1967 г. А.Н. Щеглов произвел небольшие раскопки к северу от городища «Страбонов Херсонес», где обнаружил строительные остатки с материалом IV–III вв. до н.э. (Щеглов, 2001. С. 53–77). В 1969–1983 гг. Е.Н. Жеребцов проводил на Маячном полуострове обмеры земельных участков, а в 1977–1979 гг. А.Н. Щеглов и К.В. Шишкин провели аэрофотосъемку. Однако вышеуказанным исследователям не удалось сопоставить данные разведки с шурфовкой. Полевые работы ограничились визуальным осмотром без земляных работ. В 1972 г. С.Г. Рыжов проводил раскопки на западном берегу Казачьей бухты, где обнаружил остатки жилой постройки с пифоссарием (Николаенко, 2018. С. 12). В 1977–1979 гг. А.Н. Щеглов выполнил археологическую дешифровку аэрофотосъемки 1961 г., в результате

чего проследил остатки межевых стен и дорог на Маячном полуострове (Щеглов, 1997. С. 18, 19).

В 1985–1989 гг. отряд Гераклеийской экспедиции под руководством Е.К. Кичмар в северной части Маячного полуострова изучал усадьбу участка 66 (Николаенко, 2018. С. 13). В 1990 г. экспедиция С.Ю. Сапрыкина исследовала усадьбу надела 49. В 1990–1993 гг. были исследованы усадьбы на участках 68, 69 и 53а (Николаенко, 2018. С. 14). Наконец, в 2019 г. Т.Н. Смекаловой и Э.А. Терехиным было проведено уточнение археологической карты хоры Херсонеса, в том числе и на Маячном полуострове. Для этой работы авторы привлекли данные всех предыдущих исследований, а также аэрофотоснимки 1941–1944 гг. В результате они пришли к выводу, что расположение участков имеет незначительные отличия от вариантов, предложенных Н.М. Печенкиным и Г.М. Николаенко (Смекалова, Терехин, 2019). В современности на Маячном полуострове проводились локальные археологические разведки, связанные с хозяйственным освоением ряда территорий.

Участок разведок 2024 г. располагался в верховье и на западном склоне Соленой бухты. Он имеет неправильную форму, вытянутую по линии север–юг, длиной 1210 м, шириной 348 м. Участок условно разделен на две части: плато (высотные отметки 14–15 м БС) и прилегающий с юго-востока склон в сторону Соленой бухты. Берег имеет невысокий клиф. С северо-восточной части к участку примыкает огороженная территория военного дельфинария, с юго-запада – участок аэродрома. Согласно плану Г. М. Николаенко, участок занимает площади наделов 56, 57а, 57б, 58 и 59.

Надел 56 расположен на склоне балки, которая выходит в Соленую бухту, граничит с наделом 57а. Участок разделен на четыре стандартных надела площадью по 4,4 га. Район исследований 2024 г. захватывает крайний северный угол участка 56, на котором прежними исследователями не отмечено никаких сооружений (Николаенко, 2018. С. 73).

Надел 57а–б расположен на западном берегу Соленой бухты. Вдоль берега, параллельно ему, проходит дорога, которая делит этот надел на 57а и 57б. Часть участка 57а затоплена. Участок 57а–б имеет форму трапеции размерами 420 × 650 м, площадью 24,5 га, и он в свою очередь разделен на четыре надела площадью по 4,4 га. Эти наделы размежеваны на поля с использованием модуля 52,5 × 52,5 м (гектарюг). Поля покрыты остатками плантажных стен виноградников. Участки 3 и 4 расположены на склоне, опускающемся к берегу.

На участке 3 находится усадьба этого надела. В этом месте Н.М. Печенкин исследовал развалины «очень большого здания», которое грабительски раскапывали в 1905 г. Керамика, собранная исследователем на месте предполагаемой усадьбы, относилась к III в. до н.э. Что касается самого участка 57а–б, то шурфы, заложенные Н.М. Печенкиным, показали наличие кизил-кобинского поселения, которое занимало участки 55, 56, 60 и 61.

Надел 58 расположен на западном берегу Соленой бухты и граничит с наделами 57а–б и 59 (Николаенко, 2018. С. 163, рис. 7). Восточная часть участка 58 затоплена, сохранившаяся площадь составляет 19 га. Участок поделен на четыре надела площадью по 4,4 га, кроме восточных, которые примыкают к берегу и террасированы. Роль подпорных стен террас выполняют плантажные стены виноградников. Надел 58а, также расположенный на западном берегу бухты Соленой, граничит с участком 58. Северная и восточная части разрушены морем, площадь сохранившейся части составляет 8,5 га. На ней заметна размежевка с плантажными стенками. Сооружений на участке 58а не известно.

Надел 59 расположен на плато Маячного полуострова и граничит на востоке с участком 57а–б. Участок поделен на четыре стандартных надела площадью по 4,4 га. Частично сохранились плантажные стенки виноградников. Район исследований 2024 г. захватывает крайний северо-восточный угол участка 59.

В настоящее время на Маячном полуострове наблюдается значительное истощение почвенного слоя, которое произошло из-за неправильного ведения хозяйства в XVI–XIX вв., когда при разведении овец травянистый покров, а также кустарниковая поросль были в значительной степени уничтожены. По этой причине почвы, открытые ветрам, были снесены в море (Бабенчиков и др., 2019. С. 61). Современная дневная поверхность на исследуемом участке представлена грунтом, который состоит преимущественно из каштановых и коричневатых, щелчеватых почв. Местами напластования грунта подрезаны до уровня скальной породы. Наблюдаются следы локального антропогенного воздействия (траншеи, ямы, переотложенный грунт). Поверхность почв по своей структуре дерновая, рыхлая или зернисто-комковатая, зачастую с корнями травянистой растительности. В ходе выполнения пеших маршрутов на остальной территории были выявлены участки, на дневной поверхности которых прослежены сохранившиеся остатки плантажных стен.

Первый участок располагался к северу от памятника погибшим авиаторам. На нем прослежены как минимум две плантажные стены, а также серия плантажных полос (рис. 2). Второй участок располагался к югу от военного дельфинария. На нем прослежены остатки как минимум трех мощных стен шириной до 0,80 м, ориентированных по линии северо-запад–юго-восток, сложенных из крупных известняковых блоков. Расстояние между стенами составляет около 5 м. Третий участок располагался к востоку от здания штаба военной части. На нем прослежены остатки трех мощных стен шириной до 0,80 м, ориентированных по линии северо-запад–юго-восток, сложенных из крупных известняковых блоков. Расстояние между стенами составляет около 5 м (рис. 3). Все выявленные на современной дневной поверхности кладки являются остатками плантажных стен земельных наделов античного Херсонеса.

В ходе разведок на указанной территории, площадь которой составила 31,6 га, было заложено 36 разведочных шурфов размерами 2 × 2 м. В ряде шурфов был найден археологический материал, относящийся к трем объектам археологического наследия. Так, при сопоставлении

Рис. 2. Маячный-2024. Остатки плантажных стен в западной части участка исследований. Вид с востока

Рис. 3. Маячный-2024. Остатки плантажных стен на склоне в прибрежной зоне. Вид с юга

полученных результатов с данными дешифровки аэрофотосъемки, выполненной в 1941–1944 гг., был выявлен объект культурного (археологического) наследия «Культурный слой, межевые и плантажные стены участка 57» площадью 96 081 кв. м. Объект представляет собой частично сохранившуюся территорию древнего земельного сельскохозяйственного участка 57 (предварительная датировка IV в. до н.э. – II в., то есть эллинистическое и римское время) с сохранившимися и в некоторых местах визуально различимыми на дневной поверхности межевыми и (или) плантажными стенками и слабонасыщенным культурным слоем. В шурфах 3, 4, 5, 18, 19, 32, 33 и 34, заложенных в пределах объекта, найдены фрагменты керамической посуды античного времени. В шурфах 2, 19 и 23 открыты остатки плантажных стен, а в шурфе 33 – остатки дороги между наделами участка. Немецкая аэрофотосъемка 1941–1942 гг. также показывает на этой территории хорошо сохранившуюся внутриблочную планировку с наделами, плантажными стенками и плантажными рядами, что подтверждается и данными космоснимков. При этом вся юго-западная часть участка 57 оказалась полностью уничтожена современными строительными котлованами.

Участок 57 имел форму трапеции. Ширина участка составила 420 м, длина юго-западной стороны – 650 м, северо-восточной – 520 м. На поверхности заметны следы четырех наделов, размежеванных с использованием стандартного модуля. Большая часть полей покрыта плантажными стенками виноградников. По нумерации Г.М. Николаенко, в этом месте находились два блока: 57а и 57б (Николаенко, 2018. С. 162, рис. 84: а). В настоящее время территория объекта по большей части свободна от застройки, представляет собой пустырь, покрытый луговой растительностью и частично кустарником, по которому проходят несколько крупных асфальтированных и грунтовых дорог. На участке расположено также несколько зданий военной части. На пустыре отчетливо прослеживаются древние античные межевые и (или) плантажные стены. Полученные в ходе разведок материалы позволяют утверждать о наличии на территории земельного участка в границах кадастрового квартала 91:02:004001 слабо насыщенного археологического культурного слоя и элементов хоры античного Херсонеса (дороги, плантажные стенки, плантажные ряды).

Два других объекта представляют собой остатки усадеб, одна из которых – это античная усадьба участка 57, впервые обнаруженная Н.М. Печенкиным в 1911 г., который отмечал «развалины очень

большого здания над соляным озером, здания, которое хищники начали было раскапывать еще в 1905 г. (черепки чернолаковой посуды, собранные мною из выкинутой земли, датируются III в. до Р.Х.)» (Печенкин, 1911. С. 112). В ходе разведок 2024 г. был собран многочисленный подъемный материал, а также заложены четыре разведочных шурфа (9, 15, 32, 34). Объект представлял собой античную усадьбу, то есть античный загородный сельскохозяйственный комплекс, типичный для округа Херсонеса. Согласно данным расшифрованных аэрофотоснимков, планировка наделов, а также выявленная в шурфе 15 кладка стены позволяют предположить ориентацию усадьбы по линии северо-запад–юго-восток (рис. 4). Западная часть усадьбы оказалась под асфальтовой дорогой. Судя по наличию культурного слоя в шурфах и распространению подъемного материала на незадернованных участках, площадь выявленного ОАН «Античная усадьба участка 57» составила 1152 кв. м. Его территория по форме приближается к квадрату размерами 36 × 32 м, вытянутому длинной осью по линии северо-запад–юго-восток. Периметр границ памятника составил 136 м (рис. 5).

Последний объект, обнаруженный в ходе разведок 2024 г., – «Античная усадьба участка 58 с прилегающими плантажными стенами». Усадьба обнаружена впервые в ходе проводимой шурфовки. Подъемный материал на участке отсутствовал. В шурфе 7 открыты остатки кладки стены и фрагменты красноглиняной керамики античного периода (рис. 6). Для уточнения границ объекта были дополнительно заложены шурфы 35 и 36. Территория к северу и северо-западу от кладки стены подверглась сильному антропогенному воздействию (обустроена дорога, погреб, капитальные строения столовой и склада), в связи с чем культурный слой на этом месте не сохранился. В 28 м к юго-западу от шурфа 7 на современной дневной поверхности

Рис. 4. Маячный-2024. Шурф 15 на уровне выявленных строительных остатков античного периода. Вид с запада

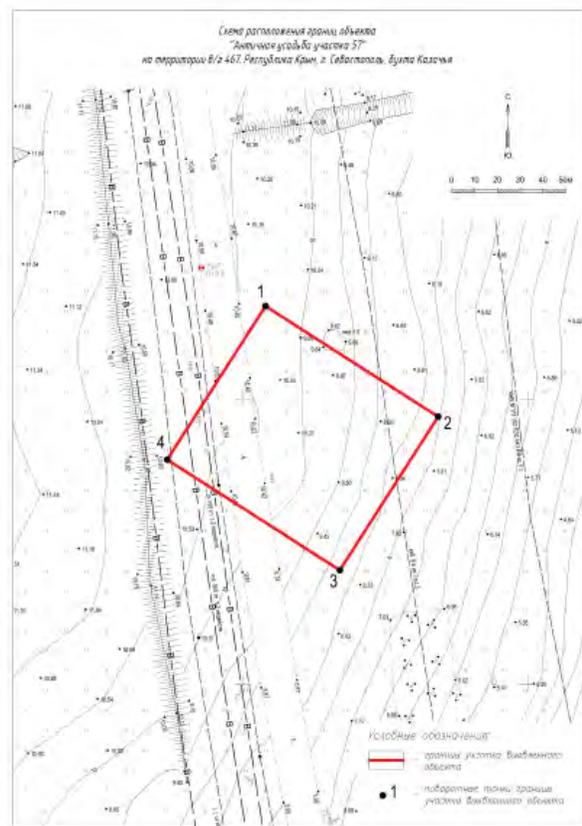

Рис. 5. Маячный-2024. Границы ВОАН «Античная усадьба участка 57». План

Рис. 6. Маячный-2024. Шурф 7 на уровне материка. Вид с востока

прослежены три параллельные кладки, вытянутые по линии северо-запад–юго-восток, длиной 8, 13 и 28 м каждая. Расстояние между кладками составило 6,8 и 11,6 м. Кладки, очевидно, представляют собой плантажные стены античного периода. Площадь выявленного ОАН «Античная усадьба участка 58 с примыкающими плантажными стенами» составила 1960 кв. м. Его территория имеет форму неправильного прямоугольника размерами 83 × 31 м, вытянутого по оси север–юг. Периметр границ памятника составляет 209 м (рис. 7). Остатки

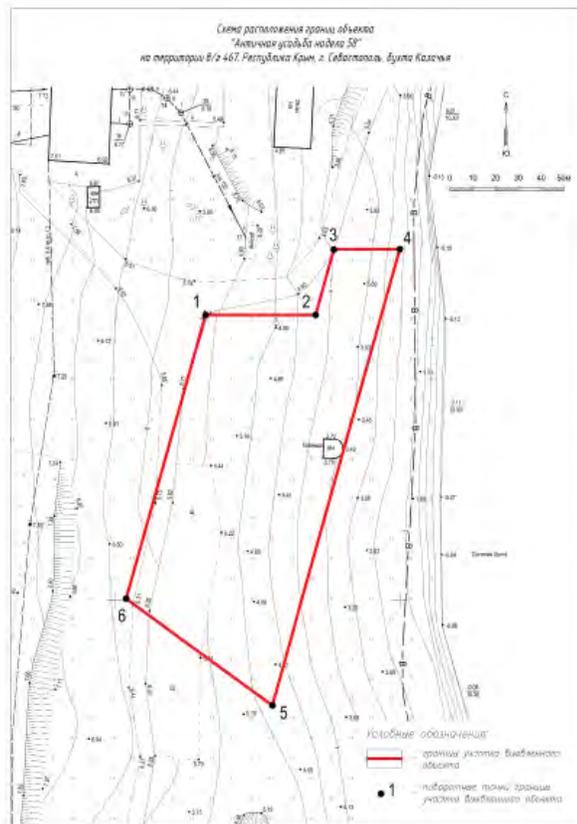

Рис. 7. Маячный-2024. Границы ВОАН «Античная усадьба участка 58 с прилегающими плантажными стенками». План

культурного слоя и археологических объектов на участке 58, кроме указанной усадьбы и трех плантажных стен, не удалось проследить. На сохранность археологических объектов на участке 58 негативно повлияло более позднее строительство: обустройство немецкого артиллерийского двора с прилегающими железобетонными заглубленными сооружениями, а также создание вспомогательных военных сооружений во второй половине XX в.

Таким образом, в ходе разведок ИИМК РАН на территории Маячного полуострова в 2024 г. была обследована площадь 31,5 га, на которой обнаружены три археологических объекта, поставленные впоследствии на государственный учет в качестве выявленных объектов культурного наследия.

Источники и литература

- Бабенчиков В. П., Бабенчиков П. П., Репников Н. И., Веймарн Е. Н., 2019. Материалы к археологической карте Гераклеяского полуострова. Описание памятников. «Гераклеяский сборник» 1936 г. // Гераклеяский сборник. СПб. Вып. 1.
- Гриневич К. Э., 1931. Исследования подводного города близ Херсонесского маяка в 1930–1931 гг. М.
- Николаенко Г. М., 2018. Древности Маячного полуострова. Археологическая характеристика памятников. Севастополь.
- Печенкин Н. М., 1911. Археологические разведки в местности Страбоновского старого Херсонеса // ИАК. Вып. 42.
- Смекалова Т. Н., Терехин Э. А., 2019. Архивные аэрофотоснимки 1941–1944 гг. – документальный источник по изучению хоры Херсонеса Таврического // Гераклеяский сборник. СПб. Вып. II. Ч. I.
- Стржеleckий С. Ф., 1961. Клery Херсонеса Таврического // ХСб. Вып. VI.
- Тункина И. В., 2002. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб.
- Щеглов А. Н., 1997. «Старый» Херсонес Страбона. Укрепление на перешейке Маячного полуострова: III. Следы архаического поселения на вершине Казачьей бухты // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь. Вып. 1.
- Щеглов А. Н., 2001. «Старый» Херсонес Страбона. Укрепление на перешейке Маячного полуострова: IV. Траншея 1967 г. на вершине Казачьей бухты // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь. Вып. 2.

Краткие итоги археологических раскопок в Крымском и Абинском районах Краснодарского края в 2024 г.¹

С. Л. Соловьев², М. А. Топоривская³, П. А. Украинский⁴, А. Ю. Касимов⁵, А. С. Гарипов⁶,
П. А. Бараненко⁷, Н. С. Черткова⁸, А. С. Цинько⁹

DOI: 10.31600/978-5-6052467-2-5.142–158

С марта по октябрь 2024 г. Краснодарская археологическая экспедиция ИИМК РАН провела археологические раскопки в зоне проектируемого строительства АО «Черномортранснефть» на ряде выявленных объектов археологического наследия в Крымском и Абинском районах Краснодарского края (рис. 1). В Крымском районе на поселении Сады-1 исследованы 6656 кв. м памятника и его культурные напластования мощностью 1,9 м, обнаружены 17 археологических объектов, датирующихся эпохами бронзы (IV–III тыс. до н. э.), Средневековья (VI–X вв.), Нового и Новейшего времени (XVI–XX вв.), найден 1241 предмет; на поселении Сады-2 исследованы 9815 кв. м памятника и его культурные напластования мощностью 1,9 м,

обнаружены четыре археологических объекта, датирующихся эпохой Средневековья (VI–XVI вв.), Нового и Новейшего времени (XVIII–XX вв.), найдены 607 предметов; на поселении Шептальское-Левобережное исследованы 4379 кв. м памятника и его культурные напластования мощностью 2,1 м, обнаружены 162 археологических объекта, датирующихся эпохой ранней бронзы (второй половины IV – начала III тыс. до н. э.) и раннего железного века (VIII–VII вв. до н. э.), в том числе 17 захоронений, найдено 19 529 предметов. В Абинском районе на поселении Арматурный завод-1 исследованы 13 317 кв. м памятника и его культурные напластования мощностью 1,82 м, открыты 15 археологических объектов, датирующихся концом VI – IV вв. до н. э., найдены 2929 предметов; на поселении Мингрельское-2 исследованы 1246 кв. м памятника и его культурные напластования мощностью 1,20 м, открыты два археологических объекта, датирующихся ранним Средневековьем (VI–X вв.), найдены 1314 предметов; на поселении Хабль-Мингрельское-1 исследованы 11 915 кв. м памятника и его культурные напластования мощностью 3,20 м, открыты 28 археологических объектов, датирующихся периодом раннего Средневековья (VI–X вв.), а также эпохой поздней бронзы, найден 50059 предмет; на поселении Хабль-Мингрельское-2 исследованы 1030 кв. м памятника и его культурные напластования мощностью 4,50 м, открыты пять археологических объектов, датирующихся IV–III вв. до н. э., а также эпохой поздней бронзы, в том числе три погребения, найдены 1710 предметов; на поселении Ястребовское-Бережное-1 исследованы 33 873 кв. м памятника и его культурные напластования мощностью 1,92 м, открыты 730 археологических объектов, датирующихся V–III вв. до н. э., I–IV вв. и VIII–X вв., в том числе 512 захоронений, найдены 49 932 предмета.

ОАН «Сады-1»

Охранно-спасательные археологические работы (раскопки) на территории ОАН «Поселение Сады-1» были проведены в мае–июле 2024 г. «Поселение Сады-1» расположено в Крымском районе Краснодарского края, в 2,7 км к юго-западу от пересечения ул. Южная и Зеленая г. Крымска (рис. 2).

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № FMZF-2022-0016 «Совершенствование методики проведения охранно-спасательных археологических мероприятий и внедрение цифровых технологий в археологии».

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: ssl2610@yandex.ru.

³ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: toporivskayamarina@gmail.com.

⁴ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: ukrajinsky@gmail.com.

⁵ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: kospunk666@gmail.com.

⁶ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: alexanderga86@mail.ru.

⁷ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: pavelnichey@yandex.ru.

⁸ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: natalitchertkova@yandex.ru.

⁹ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: a.tsinko-arheo@yandex.ru.

Рис. 1. КАЭ-2024. Исследованные объекты археологического наследия в Крымском и Абинском районах Краснодарского края

Рис. 2. КАЭ-2024. Поселение Сады-1. Вид с запада

ОАН «Поселение Сады-1» был обнаружен в ходе археологической разведки 2023 г., проводимой ООО «Южархеология». Объект располагается на склоне холма, на отметках 82–109 м БС. По его территории проходит ряд объектов инфраструктуры: магистральный нефтепровод, кабели и водоснабжение оросительной системы. На севере территория поселения граничит с грунтовой автодорогой, пролегающей вдоль нефтепровода, на юго-востоке с руслом западного рукава

безымянного ручья (правый приток р. Адагум). Большая часть территории памятника занята садом фруктовых деревьев. Как было установлено, культурный слой достигал толщины 0,5 м, включал обломки античных амфор, гончарной и лепной керамики эпохи Средневековья. По результатам археологической разведки 2023 г., площадь памятника составила 43 637,724 кв. м. В ноябре 2023 г. поселение Сады-1 было повторно обследовано экспедицией ИА РАН. Согласно результатам археологических разведок, площадь ОАН «Поселение Сады-1» составила 38 131,41 кв. м.

При проведении охранно-спасательных раскопок на поселении Сады-1 весной 2024 г. было исследовано 6656 кв. м памятника и культурные напластования общей мощностью 1,9 м (рис. 3), были открыты 17 археологических объектов, большей частью хозяйственные ямы. Также обнаружены несколько военных сооружений времен Великой Отечественной войны. Основной массив найденного археологического материала датируется эпохами бронзы (IV–III тыс. до н.э.), Средневековья (VI–X вв.), Новым и Новейшим временем (XVI–XX вв.)

Рис. 3. КАЭ-2024. Поселение Сады-1.
Линия квадратов П. Вид с запада

Общее количество предметов составило 1241 единицу, 14 из которых было отобрано в коллекцию.

ОАН «Сады-2»

Охранно-спасательные археологические работы (раскопки) на территории ОАН «Поселение Сады-2» были проведены в марте–апреле 2024 г. «Поселение Сады-2» расположено в Крымском районе Краснодарского края, в 1,8 км к юго-юго-востоку от автомобильной развязки федеральной автодороги А-146 Краснодар–Верхнебаканский и дороги регионального значения Крымск–Джигинка (рис. 4).

ОАН «Поселение Сады-2» был обнаружен в ходе археологической разведки 2023 г., проводимой ООО «Южархеология». Объект располагается на склоне холма, на отметках 78–83 м БС. На севере территория поселения граничит с грунтовой автодорогой, пролегающей вдоль нефтепровода, на северо-западе с руслом западного рукава безымянного ручья (правый приток р. Адагум), на востоке с руслом восточного рукава безымянного ручья (правый приток р. Адагум). Территория памятника занята пастбищем. Как было установлено, культурный

Рис. 4. КАЭ-2024. Поселение Сады-2. Вид с севера

слой достигал толщины 0,4 м, включал обломки амфор и гончарной керамики эпохи Средневековья. По результатам археологической разведки 2023 г., площадь памятника составила 17 617,6 кв. м.

При проведении охранно-спасательных раскопок на поселении Сады-2 весной 2024 г. было исследовано 9815 кв. м памятника и культурные напластования общей мощностью 1,9 м, были открыты 17 археологических объектов, большей частью хозяйственных ям (рис. 5). Также обнаружены несколько военных сооружений времен Великой Отечественной войны. Основной массив найденного археологического материала датируется эпохой Средневековья (VI–XVI вв.), Новым и Новейшим временем (XVI–XX вв.). Общее количество предметов составило 607 единиц, 11 из которых было отобрано в коллекцию.

ОАН «Поселение Шептальское-Левобережное»

Охранно-спасательные археологические работы (раскопки) на территории ОАН «Поселение Шептальское-Левобережное» были проведены весной 2024 года. «Поселение Шептальское-Левобережное» расположено в Крымском районе Краснодарского края, близ хут. Шептальский (рис. 6). Впервые оно было найдено и обследовано

Рис. 5. КАЭ-2024. Поселение Сады-2.
Линия квадратов Н. Вид с юго-востока

Рис. 6. КАЭ-2024. Поселение
Шептальское-Левобережное. Вид с запада

в 2017 г. во время охранно-спасательных мероприятий под руководством А.В. Орленко. В 2019 г. археологическая экспедиция Л.И. Красильниковой провела на памятнике спасательные археологические раскопки на площади 4900 кв. м. В 2021 г. силами экспедиции ООО «Археологическое общество Кубани» на памятнике была осуществлена археологическая разведка. В 2022 г. проводились раскопки под руководством Д.Г. Барина. В 2023 г. в ходе археологических разведок А.А. Иосько была уточнена северо-восточная граница памятника. В том же году, осенью экспедиция ИА РАН под руководством А.Н. Гея провела повторную разведку, в результате которой площадь памятника составила 64925,41 кв. м.

В ходе охранно-спасательных раскопок на поселении «Шептальское-Левобережное» весной 2024 г. было исследовано 4066 кв. м. Раскоп располагался в северной части памятника. Как было установлено, культурные напластования достигали толщины 2,1 м и относились к трем периодам: эпохе ранней бронзы (поселение майкопской культуры второй половины IV – первой половины III тыс. до н.э.), раннему железному веку (грунтовый протомеотский могильник VIII–VII вв. до н.э.), эпохе Средневековья. Всего было открыто 162 археологических объекта, в составе которых 117 хозяйственных ям, семь столбовых ям, возможно связанных с наземным домостроительством. Найдены четыре развала керамических сосудов, 13 захоронений животных, три скопления камней и керамических фрагментов посуды, 17 захоронений по обряду ингумации: 13 одиночных и четыре групповых, обнаружены около 20 тысяч артефактов, из числа которых выделено 254 находки музейного значения.

Самые ранние свидетельства жизни на поселении оставлены носителями майкопской культуры, сыгравшей исключительную роль в культурогенезе Северного Кавказа, памятники которой, однако, в крайне малом количестве известны в Прикубанье. Подвижно-оседлый образ жизни племен майкопской культуры в значительной мере обусловил сезонный (осенне-зимний) характер поселения Шептальское-Левобережное и состав обнаруженных на нем археологических объектов, в основном представленных хозяйственными ямами и очагами (рис. 7), содержащими большое количество обломков столовой и кухонной посуды (рис. 8) (Корневский, Юдин, 2023. С. 45, рис. 115), каменных зернотерок (рис. 9), каменных и бронзовых орудий труда. Нередки были и так называемые очажные приставки-конусы (рис. 10) (Корневский, 2004; Корневский, Юдин, 2023. С. 49, рис. 131). В одной из ям найдена костяная булава с резным навершием (рис. 11).

Рис. 7. КАЭ-2024. Поселение Шептальское-Левобережное. Хозяйственная яма (объект 32) с обломками керамических сосудов майкопской культуры. Вид с запада

Рис. 8. КАЭ-2024. Поселение Шептальское-Левобережное. Красноглиняный сосуд. Майкопская культура

Рис. 9. КАЭ-2024. Поселение Шептальское-Левобережное. Каменная зернотерка. Майкопская культура

Рис. 10. КАЭ-2024. Поселение Шептальское-Левобережное. Керамический конус. Майкопская культура

Рис. 11. КАЭ-2024. Поселение Шептальское-Левобережное. Костяная булавка. Майкопская культура

В более позднее время – в VIII–VII вв. до н.э. – на этом же месте появился грунтовой могильник носителей протомеотской культуры – кочевников, в раннем железном веке обитавших на обширных территориях Прикубанья. Археологические памятники этой культуры все еще малочисленны и недостаточно изучены, поэтому каждое открытие новых свидетельств той эпохи представляет большой научный интерес. Более того, могильник на поселении Шептальское-Левобережное занимает исключительное место в ряду большинства протомеотских погребений, как правило, совершенных в курганах. Все вновь открытые 17 захоронений, как одиночные, так и групповые, совершены в простых грунтовых ямах по обряду ингумации. Для всех погребенных характерна ориентировка по оси запад–восток,

головой как в одну, так и в другую сторону, вытянутое труположение с руками вдоль туловища. Все захоронения принадлежали взрослым людям. Соотношение мужских и женских погребений примерно одинаковое. Большинство из них сопровождалось останками жертвенных животных (определяются головы и ноги лошадей), а также разнообразным погребальным инвентарем, включавшем железное и бронзовое оружие (рис. 12), бронзовые уздечные наборы (рис. 13; 14) (Эрлих, 2007. Рис. 187: 11; 198: 9), бронзовые украшения (рис. 15; 16) (Эрлих, 2007), столовую и кухонную посуду (рис. 17). По всем этим признакам исследованный грунтовой могильник входит в круг памятников приморско-абинского варианта протомеотской культуры.

Рис. 12. КАЭ-2024. Поселение Шептальское-Левобережное. Погребение (объект 87). Вид с севера

Рис. 13. КАЭ-2024. Поселение Шептальское-Левобережное. Погребение (объект 122), вид с запада. Погребальный инвентарь

Рис. 14. КАЗ-2024. Поселение Шептальское-Левобережное. Погребение (объект 130), вид с севера. Погребальный инвентарь

Рис. 15. КАЗ-2024. Поселение Шептальское-Левобережное. Бронзовая булавка типа Сукко. Протомеотская культура

Рис. 16. КАЗ-2024. Поселение Шептальское-Левобережное. Бронзовый браслет. Протомеотская культура

Рис. 17. КАЗ-2024. Поселение Шептальское-Левобережное. Глиняный черпак. Протомеотская культура

ОАН «Поселение Арматурный завод-1»

Охранно-спасательные археологические работы (раскопки) на территории ОАН «Арматурный завод-1» были проведены в марте–августе 2024 г. Поселение Арматурный завод-1 расположено в Абинском районе Краснодарского края, в 3173 м к западу-северо-западу от ж/д станции Абинская (рис. 18; 19).

ОАН «Поселение Арматурный завод-1» был обнаружен в ходе археологической разведки 2023 г., проводимой ООО «Южархеология». Объект расположен к северо-западу от Абинского электрометаллургического завода, разделен железной дорогой Крымск–Абинск на северную и южную части (рис. 18; 19). Железнодорожное полотно было исключено из границ памятника, поскольку при его строительстве культурные напластования были уничтожены. Кроме того, через территорию памятника проходят нефтепровод, два газопровода и кабель связи. В границу поселения входят территории, занятые лесонасаждениями и пашней. Как было установлено, культурный слой достигал толщины 1,1 м, включал обломки керамики эпохи поздней бронзы, раннего железного века и Нового времени. По результатам археологической разведки 2023 г., площадь памятника составила 58499,08 кв. м.

При проведении охранно-спасательных раскопок на поселении Арматурный завод-1 в 2024 г. было исследовано 13 317 кв. м памятника и культурные напластования общей мощностью 1,82 м, были открыты 15 археологических объектов, большей

Рис. 18. КАЭ-2024. Поселение Арматурный завод-1. Северный участок. Вид с севера

Рис. 19. КАЭ-2024. Поселение Арматурный завод-1. Южный участок. Вид с юга

частью хозяйственные ямы, в числе которых была одна заглубленная постройка. Основной массив найденного археологического материала датируется концом VI – IV вв. до н. э., также встречаются предметы Нового времени. Общее количество находок составило 2929 единиц, 31 из которых отобрана в коллекцию.

ОАН «Поселение Мингрельское-2»,
ОАН «Поселение Хабль-Мингрельское-1»,
ОАН «Поселение Хабль-Мингрельское-2»

Охранно-спасательные археологические работы (раскопки) на территории ОАН «Поселение Мингрельское-2», «Поселение Хабль-Мингрельское-1» и ОАН «Поселение Хабль-Мингрельское-2» были проведены в марте–июле и октябре 2024 г. Поселения расположены в Абинском районе Краснодарского края, 2,5 км к северо-северо-востоку от северной окраины хут. Хабль (рис. 20–22).

Рис. 20. КАЭ-2024. Поселение Мингрельское-2. Вид с юга

Рис. 21. КАЭ-2024. Поселение Хабль-Мингрельское-1. Вид с запада

Рис. 22. КАЭ-2024. Поселение Хабль-Мингрельское-2. Вид с севера

Поселение Мингрельское-2 обнаружено в 2016 г. А. Л. Исаковым. В 2018 г. специалистами ООО «Георесурс-КБ» на нем проведены спасательные археологические полевые работы (археологическое наблюдение). Поселения «Хабль-Мингрельское-1» и «Хабль-Мингрельское-2» выявлены в ходе археологической разведки 2023 г., проводимой ООО «Южархеология». Как было установлено,

культурный слой памятника достигал толщины 1 м и был представлен слоями темно-серого и серовато-коричневого суглинка. В октябре 2023 г. ОАН «Поселение «Хабль-Мингрельское-1» и «Поселение Хабль-Мингрельское-2» были повторно обследованы экспедицией ИА РАН под руководством А.Н. Гея.

При проведении охранно-спасательных раскопок в 2024 г. на раскопах площадью 1246 кв. м (Мингрельское-2), 11915 кв. м (Хабль-Мингрельское-1) и 1020 кв. м (Хабль-Мингрельское-2) были изучены культурные напластования мощностью от 1,2 м до 4 м и археологические объекты, отнесенные к разным периодам. На поселении Мингрельское-2 открыты две хозяйственные ямы раннего Средневековья (VI–X вв.) (рис. 23), мощность культурного слоя не превышала 1,5 м. Культурные напластования мощностью 3–4 м и 33 археологических объекта, отнесенные в основном к IV–II вв. до н.э., I–II вв., а также эпохе бронзы, открыты на поселениях Хабль-Мингрельское-1 и Хабль-Мингрельское-2.

На поселении Хабль-Мингрельское-1 обнаружен специализированный производственный комплекс позднеантичного времени, представленный тремя гончарными печами с площадками для бракованной продукции (рис. 24; 25). Печи купольные, однокамерные, две из них имели массивный под для обжига в центре камеры и широкие воздуховоды, идущие через камеру печи (рис. 26). Куполы печей не сохранились, вероятно они были глинобитными на каркасе из переплетенных прутьев. Изделиями, производимыми в этих печах, судя по фрагментам брака, были преимущественно толстостенные широкогорлые красноглиняные пифоидные сосуды на плоском дне объемом до 50 л (рис. 27),

Рис. 23. КАЭ-2024. Поселение Мингрельское-2. Хозяйственная яма. Вид с севера

Рис. 24. КАЭ-2024. Поселение Хабль-Мингрельское-1. Печь № 3 с отходами производства. Вид с юга

Рис. 25. КАЭ-2024. Поселение Хабль-Мингрельское-1. Площадка для бракованной продукции. Вид с юга

Рис. 26. КАЭ-2024. Поселение Хабль-Мингрельское-1. Печь № 2. Вид с запада

Рис. 27. КАЭ-2024. Поселение Хабль-Мингрельское-1. Фрагмент сосуда для хранения

ойнохоевидные крупные сосуды с широким горлом (рис. 28), а также красно- и сероглиняные миски.

Два погребения относились к IV–III вв. до н.э. Погребенные лежали на спине, головой на восток, руки вытянуты вдоль тел. Инвентарь погребений скромный, включал лепную миску и керамическую бусину, наконечник копья, каменный оселок, короткий железный нож и чернолаковую аттическую солонку (рис. 29; 30). У ног одного погребенного найдены остатки тризны: лепной горшок и баранья голова.

На глубине около 3 м от уровня современной дневной поверхности прослежен слой эпохи бронзы толщиной 0,6 м, отделенный от более поздних культурных отложений слоем стерильного материкового суглинка толщиной 1,5–2,0 м (рис. 31). В составе находок из этого слоя следует отметить фрагмент каменного топора (рис. 32), а также захоронение человека в скорченном положении на левом боку, головою на восток (рис. 33). Рядом найден фрагментированный лепной сосуд и кремневый отщеп.

В ходе раскопок на вышеописанных поселениях найдено более 60 000 фрагментов керамики и лишь одно изделие из бронзы – фибула I–II вв. (рис. 34), обнаруженная в одной из хозяйственных ям. В коллекцию отобрано с трех раскопов в общей сложности более 100 находок.

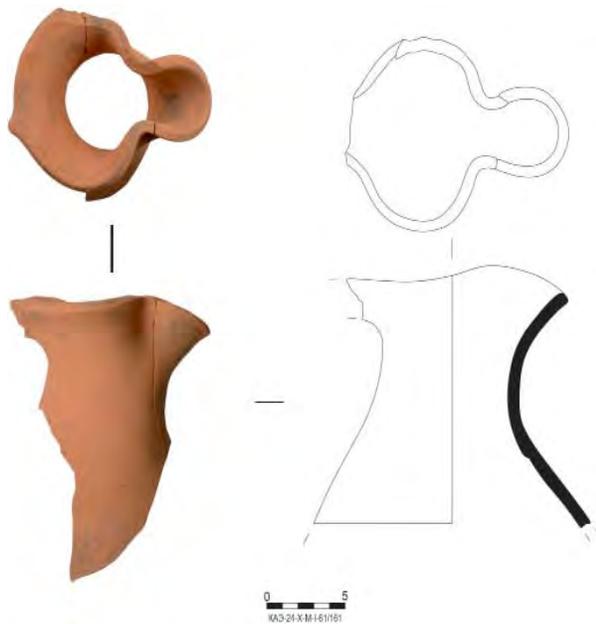

Рис. 28. КАЭ-2024. Поселение Хабль-Мингрельское-1. Горло ойнохои

Рис. 29. КАЭ-2024. Поселение Хабль-Мингрельское-2. Погребение № 1. Вид с юго-запада

Рис. 30. КАЭ-2024. Поселение Хабль-Мингрельское-2. Погребение № 1. Чернолаковая аттическая солонка

Рис. 31. КАЭ-2024. Поселение Хабль-Мингрельское-2. Стратиграфия культурных напластований

Рис. 32. КАЭ-2024. Поселение Хабль-Мингрельское-2. Каменный топор

Рис. 33. КАЭ-2024. Поселение Хабль-Мингрельское-2. Погребение № 3. Вид с северо-запада

Рис. 34. КАЭ-2024. Поселение Хабль-Мингрельское-1. Бронзовая фибула I–II вв.

ОАН поселение «Ястребовско-Бережное-1»

В период с апреля по октябрь 2024 г. проведены охранно-спасательные археологические работы (раскопки) на поселении Ястребовско-Бережное-1 (рис. 35). Памятник расположен в Абинском районе Краснодарского края, близ п. Ястребовский. Поселение Ястребовско-Бережное-1 обнаружено впервые при проведении археологической разведки ООО «Южархеология» в 2023 г. В октябре того же года оно было повторно обследовано сотрудниками ИА РАН, в результате чего были уточнены его границы в сторону уменьшения. Параллельно с работами Краснодарской экспедиции ИИМК РАН летом 2024 г. ИА РАН провел дополнительное обследование, в результате чего площадь памятника была увеличена до 94 101,05 кв. м.

Рис. 35. КАЭ-2024. Поселение Ястребовско-Бережное-1. Вид с юга

Археологические раскопки на поселении Ястребовско-Бережное-1 в 2024 г. проводились впервые. Общая исследованная площадь составила 33873 кв. м, обнаружено 770 археологических объектов, в составе которых 139 хозяйственных ям, 12 столбовых ям, 11 глиниц, 12 очагов, 15 развалов керамических сосудов, 14 скопления керамики, камней и костей животных, 32 захоронения домашних животных, 529 грунтовых захоронений.

В ходе раскопок было установлено, что памятник является многослойным и относится к разным категориям археологических объектов: поселению и двум разновременным грунтовым могильникам. Мощность обнаруженных культурных напластований достигала 1,9 м. Наиболее ранний слой относился к поселению V–III вв. до н. э., представленному в основном заглубленными сооружениями, большей частью хозяйственными ямами. В южной части раскопа открыт ряд больших ям-глиниц – мест добычи глины для хозяйственных нужд. Обнаружено небольшое число столбовых ям, очевидно, оставшихся от наземных построек. Также прослежены небольшие, бессистемно расположенные очаги, развалы керамических сосудов, скопления керамики и костей животных. Основную массу находок составила керамика, главным образом представленная обломками амфорной тары Протофасоса, Самоса, Хиоса, Фасоса, Гераклеи, Книда и Синопы. Также были встречены многочисленные фрагменты сероглиняных и красноглиняных столовых сосудов, толстостенной керамики, фрагменты лепной посуды, кости животных. Обнаружены были и предметы из металла, камня, керамики.

Следующий хронологический горизонт на памятнике представлен грунтовым могильником сарматской эпохи – I–IV вв., который занимал практически весь участок раскопок размерами

170 × 200 м и был вытянут по оси северо-запад–юго-восток. К нему относились 520 захоронений из числа всех, обнаруженных на памятнике. Концентрация погребений различалась на участке раскопок. Центральный участок могильника характеризовался наибольшей плотностью захоронений. Здесь на несколько квадратных метров приходилось в среднем по одному погребальному комплексу. Предположительно, эта часть могильника могла функционировать ограниченное время, но весьма интенсивно. Более слабая концентрация погребальных комплексов отмечена в северо-западной, южной и северо-восточной частях раскопа, что указывает на их периферийный характер. В среднем плотность погребений в южной части составила один объект на 20–30 кв. м.

Основная часть захоронений залегала на отметках 17,17–15,54 м БС, 0,33–1,35 м относительно современной дневной поверхности. Погребения, вероятно, совершалась в ямах глубиной до 1 м. Могильные пятна из-за специфики грунта прослежены не более чем в трети случаев. Форма ям обычно была подпрямоугольной. Преобладали одиночные захоронения, известны лишь несколько комплексов, где встречено два и более индивида (рис. 36; 37). Для большинства погребенных характерна ориентировка головой на запад и восток, иногда с отклонением к северо-западу и юго-востоку. Совсем небольшое число погребений было ориентировано головами на север или юг. Погребенные лежали вытянуто на спине, руки, как правило, уложены вдоль туловища, ноги вытянуты. Следует отметить ряд захоронений (не более десятка), когда умерший очевидно намеренно помещался на живот, возможно с целью ритуальных действий. К нетипичным позам также можно отнести ряд комплексов, как правило, безинвентарных, где умерший укладывался на бок в полускорченном положении или на спину с поднятыми коленями (рис. 38–41).

Рис. 36. КАЭ-2024. Поселение Ястребовско-Бережное-1. Объект 180. Вид с юга

Рис. 37. КАЭ-2024. Поселение Ястребовско-Бережное-1. Объект 244. Вид с запада

Рис. 38. КАЭ-2024. Поселение Ястребовско-Бережное-1. Объект 43, вид с северо-востока. Погребальный инвентарь

Рис. 39. КАЭ-2024. Поселение Ястребовско-Бережное-1. Объект 148. Вид с юга

Рис. 40. КАЭ-2024. Поселение Ястребовско-Бережное-1. Объект 447. Вид с юго-запада

Рис. 42. КАЭ-2024. Поселение Ястребовско-Бережное-1. Объект 135. Вид с севера

Рис. 41. КАЭ-2024. Поселение Ястребовско-Бережное-1. Объект 448. Вид с юга

Рис. 43. КАЭ-2024. Поселение Ястребовско-Бережное-1. Объект 239. Вид с севера

Ряд признаков свидетельствует об обычае туго пеленать умершего (рис. 42). Встречены погребения, где наблюдались плотно прижатые к телу руки и ноги, своеобразное расположение ключичных костей под прямым или острым углом и неестественно поднятые плечевые кости. В большинстве случаев при таких погребенных находились одна и более фибул, которыми, по всей видимости, на умерших скреплялась ткань.

Возрастной состав погребенных различается. Преобладают захоронения взрослых людей, детские же составили по предварительным данным не более 10 % от всех погребений. Самых маленьких детей обычно хоронили в скорченном положении, либо в обычной для взрослых позе – вытянуто на спине (рис. 43–45). Соотношение мужских и женских захоронений примерно одинаковое. Сохранность комплексов различается. Не менее 15 % могил были разграблены, по всей видимости, еще в древности, в основном в области головы или верхней части тела погребенного (рис. 46; 47). К объектам погребального ритуального характера

Рис. 44. КАЭ-2024. Поселение Ястребовско-Бережное-1. Объект 265. Вид с севера

следует отнести группу захоронений жертвенных животных без останков человека. Как правило, животные укладывались на бок с подогнутыми ногами (рис. 48).

Отдельно отметим группу захоронений так называемого всаднического сословия, как мужских,

Рис. 45. КАЭ-2024. Поселение Ястребовско-Бережное-1. Объект 381. Вид с юга

Рис. 48. КАЭ-2024. Поселение Ястребовско-Бережное-1. Объект 65, вид с северо-востока. Погребальный инвентарь

Рис. 46. КАЭ-2024. Поселение Ястребовско-Бережное-1. Объект 74, вид с севера. Погребальный инвентарь

так и женских, в которых вместе с погребенным помещалась одна или несколько лошадей (рис. 49–60). Погребальный инвентарь представлен следующими категориями: одежда и предметы быта (украшения, пряжки, фибулы, зеркала, астрагалы), орудия труда (пряслица, ножи, оселки, челноки для вязания сетей), оружие (мечи, копья, ножи, кинжалы), уздечные наборы (псалии, удила, пряжки, кольца), керамическая и стеклянная посуда (миски, стаканы, кувшины, корчаги, бальзамарии). Во всех захоронениях найдены остатки заупокойной пищи.

Чаще всего встречались керамические и стеклянные сосуды. Как правило, в одном захоронении присутствовал один, реже два сосуда. Среди них отмечена лишь одна столовая амфора. Наиболее многочисленной была сероглиняная столовая посуда,

Рис. 47. КАЭ-2024. Поселение Ястребовско-Бережное-1. Объект 221. Вид с востока

Рис. 49. КАЭ-2024. Поселение Ястребовско-Бережное-1. Объект 70, вид с востока. Железный меч

Рис. 50. КАЭ-2024. Поселение Ястребовско-Бережное-1. Объект 86, вид с востока. Железный меч

Рис. 53. КАЭ-2024. Поселение Ястребовско-Бережное-1. Объект 339, находки: 1, 2 – шарнирные бронзовые фибулы с полихромной эмалью; 3 – серебряный кубок; 4 – бронзовое составное зеркало; 5 – бронзовая пронизь в золотой обмотке

Рис. 51. КАЭ-2024. Поселение Ястребовско-Бережное-1. Объект 111, вид с севера. Бронзовое зеркало с сарматской тамгой; бронзовый перстень с вставкой-геммой

Рис. 54. КАЭ-2024. Поселение Ястребовско-Бережное-1. Объект 480. Вид с севера

Рис. 52. КАЭ-2024. Поселение Ястребовско-Бережное-1. Объект 195, вид с юго-востока. Боспорские золотые статеры II в.; бусина из золотой фольги

Рис. 55. КАЭ-2024. Поселение Ястребовско-Бережное-1. Объект 578, вид с юга. Стеклоанная бусина

Рис. 56. КАЭ-2024. Поселение Ястребовско-Бережное-1. Объект 614. Детали

Рис. 57. КАЭ-2024. Поселение Ястребовско-Бережное-1. Объект 614, находки:
1 – золотая гривна; 2–5 – бронзовые пронизи в золотой обмотке; 6 – бронзовая фибула;
7, 8 – бронзовые браслеты; 9 – бронзовая пряжка

Рис. 58. КАЭ-2024. Поселение Ястребовско-Бережное-1. Объект 633. Вид с востока

Рис. 59. КАЭ-2024. Поселение Ястребовско-Бережное-1. Объект 633. Детали

Рис. 60. КАЭ-2024. Поселение Ястребовско-Бережное-1. Объекты 406, 592. Вид с севера

меньше красноглиняной и красолаковой, и совсем небольшое количество лепных сосудов. Чаще всего они располагались в изголовье, реже в ногах. В их составе были представлены трехручные канфары, чашки, миски, кувшины, стаканы, курильницы. Лепная керамика включала горшки и миски. Керамика местного производства получила распространение у земледельческого меотского населения Северного Кавказа (Прикубанья) еще в эллинистическую эпоху и широко использовалась в быту в первые века нашей эры. Многочисленные стеклянные сосуды (балзамарии, кувшины, стаканы и прочее) III–IV вв. обнаружены в четверти погребальных комплексов.

В ряде случаев обнаружены элементы костюма, предметы быта или туалета, к которым относились бронзовые зеркала-подвески с боковой ручкой-петелькой I–III вв., поясные наборы, каменные оселки, костяные челноки для вязания рыбацких

сетей, керамические пряслица, железные ножи, астрагалы. Нередко встречались украшения в виде перстней, серег, браслетов, колец, подвесок, чаще всего бронзовых и стеклянных, а также стеклянные, пастовые, фаянсовые, меловые, каменные бусы и элементы декора костюма: фибулы, пряжки, амулетницы и другое. Большинство фибул относилось к группе лучковых подвязных I–II вв. Также найдены лучковые фибулы с плоской спинкой III–IV вв.

Оружие обнаружено в погребениях, расположенных преимущественно по центральной оси некрополя, и представлено 24 мечами, а также многочисленными наконечниками копий, ножами, кинжалами. Мечи относились к категории длинных всаднических, с рукоятью без навершия и перекрестия, которые могут быть датированы III–IV вв. Изредка встречались плохо сохранившиеся элементы защитного доспеха – железные шлемы, кольчуги (?).

Жертвенные лошади в захоронениях, как правило, сопровождалась уздечными наборами. Чаще всего это были удила с колесовидными псалиями III в. Также встречены отдельные фрагменты конской упряжи: различные кольца, накладки на ремни, пряжки и прочее. Реже попадались дополнительные элементы украшения узды: крупные меловые, пустотелые золотые бусы, бронзовые пронизитрубочки с фольговой оберткой, которые могли влетаться в гриву лошади или нанизываться на кожаные ремни узды.

Наиболее богатые погребальные комплексы содержали стеклянную посуду, украшения, монеты, вооружение. В некоторых из них найдены золотые и серебряные изделия, к которым относились витая гривна, литой браслет, многочисленные крупные пустотелые бусы из золотой фольги, две спиралевидные подвески, лепестки погребального венка, монеты, серебряный кубок и бронзовое составное позолоченное зеркало с рельефным изображением на оборотной стороне. Особо следует отметить находки фибул-брошей с полихромной эмалью, которые относятся к разновидности шарнирных, имевших широкое распространение в I–III вв. (Амброз, 1966. Табл. 33).

Обнаруженные в погребении монеты (рис. 52) очень хорошей сохранности, что свидетельствует о том, что до момента тезаврации они находились в обращении не больше двух–трех лет¹⁰. Они указывают на тесные связи населения Прикубанья с

Боспорским царством и проливают свет на военнополитическую историю этого региона и в целом Северного Причерноморья.

После гибели в 63 г. до н.э. понтийского царя Митридата VI Евпатора Боспорское царство оказалось вовлечено в орбиту римской геополитики, и на рубеже эр превратилось в государство-клиента, причем, не без выгоды для себя. В середине I в. до н.э. в римско-боспорских отношениях окончательно сложилась практика, согласно которой новый царь, утверждавшийся в Риме, получал титул «друг цезаря и друг римлян», а также инсигнии, символизировавшие признание царского титула. Монетное дело Боспора также претерпело определенные изменения, так чеканка римского времени состояла главным образом из царских монет, выпускавшихся в золоте и меди. Внешний вид боспорских статеров I в. определялся исключительным правом Рима на выпуск золота, поэтому на лицевой стороне изображались римские императоры, а имена и титул собственно боспорских правителей скрыты в монограммах на реверсе. При Тите (79–81) боспорские цари получили право размещать свои портреты с развернутой титулатурой на аверсе. Таким образом, сформировавшийся при Рискупориде I (69–91/92) в 80-х гг. внешний вид золотых монет сохранился до конца существования боспорской чеканки. С конца первой половины III в. происходит постепенное уменьшение золотого содержания в металле статеров, завершающееся превращением их в чисто медную монету. Найденные на поселении Ястребовское-Бережное-1 статеры Евпатора и Савромата II относятся к «классике» золотой чеканки Боспора римского времени, когда внешний облик монеты – тщательность и гармоничность изображений – вполне коррелировались с ее металлическим содержанием.

Небольшой участок средневекового могильника обнаружен в южной части раскопа, его основная территория, скорее всего, располагается дальше к югу. Предварительно его можно датировать VII–X вв. Разрозненные одиночные захоронения этого времени расположены на большом удалении друг от друга. Они устроены в материковом суглинке в узких подпрямоугольных могильных ямах, ориентированных по линии запад–восток (рис. 61). Погребенные лежали головой на запад или восток, вытянуто на спине, руки уложены вдоль туловища, ноги вытянуты. Преобладали захоронения взрослых, в юго-западной части раскопа также открыты погребения детей. Сохранность могил довольно хорошая, разграблению они не подвергались. Во всех захоронениях присутствовала погребальная

¹⁰ Выражаем глубокую признательность А.Е. Терещенко за атрибуцию найденных монет.

Рис. 61. КАЭ-2024. Поселение Ястребовско-Бережное-1. Объект 30. Вид с юга

пища, рядом с которой, как правило, стоял керамический сосуд. В составе погребального инвентаря также отметим немногочисленные украшения (серебряная подвеска, сделанная из византийской монеты гексаграммы 615–638 гг. Ираклия I, различные стеклянные бусы) и орудия труда (железные ножи).

Археологический надзор

Археологический надзор осуществлялся на выявленных объектах археологического наследия (ОАН): поселения «Мингрельское-2», «Хабль-Мингрельское-1 и 2», «Березки-1 и 2», «Ястребовско-Бережное-1», «Арматурный Завод-1», «Куафо-6», «Сады-1 и 2», «Шептальское Правобережное», курган «Новый Сад-1», а также в пределах их охранных зон (рис. 1). Общая площадь территории надзора, где заказчиком проводятся земляные работы, составляет 469785 кв. м. Методы ведения надзорных работ: визуальное наблюдение за земляными работами, осмотр отведенной территории, сбор подъемного материала, фотофиксация проводимых работ, зачистка и фиксация стенок траншей, канав, ям, образованных в ходе проведения земляных работ, для определения стратиграфической ситуации. В ходе этих работ в охранной зоне поселений Березки-1 и Ястребовско-Бережное-1 выявлен культурный слой с археологическим материалом, в результате чего строительные работы были приостановлены и составлены акты обнаружения культурного слоя, переданные в органы охраны.

Источники и литература

- Амброз А.К., 1966. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н. э. – IV в. н. э. М.
- Корневский С.Н., 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободневская общность, проблемы внутренней типологии. М.
- Корневский С.Н., Юдин А.И., 2023. Чекон – поселение раннего бронзового века Западного Предкавказья (по раскопкам 2018 г.). М., Саратов.
- Эрлих В.Р., 2007. Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников. М.

О работах Каракумской экспедиции в осеннем сезоне 2024 г.¹

Н. Ф. Соловьева², Е. К. Блохин³

DOI: 10.31600/978-5-6052467-2-5.159–166

С 30 сентября по 24 октября 2024 г. совместная российско-туркменская археологическая комплексная экспедиция продолжила исследования на стратиграфическом раскопе 3 раннеземледельческого поселения Йылгылы-депе на юге Туркменистана⁴. Необходимость продолжения археологических исследований осенью 2024 г. была обусловлена тем, что в ходе полевых сезонов 2014 и 2015 гг. на участке стратиграфического раскопа 3 был обнаружен и исследован уникальный комплекс строительного горизонта VII – специализированная мастерская по изготовлению мелкой глиняной пластики эпохи раннего энеолита (рубеж V–IV – начало IV тыс. до н.э.) (Соловьева, 2015. С. 76–89).

В 2018 и 2019 гг. было открыто и изучено еще одно помещение строительного горизонта VII с массивной двухкамерной печью, аналогичной печи в мастерской (Соловьева, Блохин, 2022). Обе комнаты с печами (помещения 100/VII-3 и 113/VII-3) характеризуются тщательностью отделки и удивительной однотипностью планировки. Наиболее яркий элемент интерьера помещений – большая массивная двухкамерная печь, изящно украшенная наклепным глиняным декором, близко напоминающим устройство тумб в парадных комнатах более позднего времени. Печи всегда располагаются слева от входа⁵, справа устраивается

некая сырцовая конструкция («тумба» или столик), в правом дальнем углу от входа часто находится сосуд для хранения золы (либо просто складывается зола), а в левом дальнем углу устраивается сооружение из сырца, дошедшее до нас, как правило, лишь в виде развалов сырцовой забутовки. Противоположная от входа стена тщательно украшается различными пластическими элементами (налепами, пилястрами или вдавленными кружочками) (Соловьева, Блохин, 2022).

Короткий по продолжительности полевой сезон 2024 г. был посвящен исследованию домохозяйства строительного горизонта VIII⁶ (рис. 1), в котором нам удалось изучить домохозяйство, включавшее аналогичное вышеописанному помещению 139/VIII-3⁷ с печью (на плане помещение 139). Это небольшое трапецевидное, тщательно отделанное помещение с ровными оштукатуренными стенами хорошей сохранности (рис. 2). Стены сохранились на высоту от 0,40 м (у противоположной входу стены)

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № FMZF-2022-0016 «Совершенствование методики проведения охранно-спасательных археологических мероприятий и внедрение цифровых технологий в археологии».

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: nfs56@mail.ru.

³ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: jegor.blochin@gmail.com.

⁴ Исследования проводятся в рамках Соглашения о сотрудничестве между Министерством культуры Туркменистана и ИИМК РАН.

⁵ Обозначения «правый» – «левый», «ближний» – «дальний» соответствуют позиции наблюдателя, стоящего перед входом в здание/помещение, лицом к нему.

⁶ Термины домохозяйство и комплекс тождественны. Помещения объединяются в одно домохозяйство/комплекс только в том случае, если методом раскопок доказана их связь между собой: например, слой промазки и/или покраски пола в одном помещении, не прерываясь, продолжается через порог в соседнем помещении. Если два (или более) домохозяйства находились одно над другим на одном и том же месте, критерием нового самостоятельного домохозяйства считается возведение всего блока строений с нулевого цикла, а именно: выравнивание площадки на месте слома предыдущего строения и возведение новых стен. В случаях, когда перестройки не связаны с полным сносом старых стен, домохозяйство рассматривается как одно, но перенесшее капитальный (если частично перестроены стены) или косметический (если проведены оштукатуривание и/или покраска стен и пола) ремонт.

⁷ Обозначение комплекса состоит из указанного арабскими цифрами номера помещения (если помещение имеет двойную нумерацию, указываются оба номера через запятую), римскими цифрами – номера строительного горизонта (если комплекс существовал на протяжении двух горизонтов, указываются оба через запятую) и номера раскопа в конце комбинации (например: 100/VII-3).

Рис. 1. Ыылгынлы-депе. План строительного горизонта VIII после завершения работ осенью 2024 г.

Рис. 2. Ыылгынлы-депе. Помещение 139. Вид с запада

до 0,65 м (у порога). Помещение ориентировано стенами по сторонам света. Площадь 14,5 кв. м, размеры по центральным осям 4,6 × 3,3 м. Полы помещения и по меньшей мере часть его стен были выкрашены черной краской. Пол был сильно нарушен – краска на всей площади помещения видна очень слабо, фиксируются следы повреждения пола водой. Вход из двора (помещение 140 на плане) оформлен сложным многосоставным порогом (рис. 3). Справа от входа установлен каменный подпятник – ступка вторичного использования (?), имеющая, кроме основной рабочей чаши, еще одну небольшую чашу на боку. Подпятник смонтирован на подпорке из сырцового кирпича, что,

Рис. 3. Ыылгынлы-депе. Порог, оформляющий проход из помещения 139 в помещение 140. Вид с запада

вероятно, явилось результатом ремонта, вызванного подъемом уровня полов до нынешнего уровня и соответствующим поднятием порога и двери. Непосредственно слева от входа в тщательно промазанном полу прослежено подокруглое углубление – след от стоявшей здесь в древности конструкции, вокруг которого на стенах видны следы слабого огня. В 0,83 м от порога в пол вмазан небольшой камень (рис. 4). По аналогии с подобными камнями в исследованных ранее помещениях и, опираясь на исследования парадных помещений эпохи развитого энеолита, можно предположить, что на этом месте в пол вкапывали каменную статую (Березкин, Соловьева, 1998. С. 86–123).

Слева от входа, занимая весь угол, расположена массивная двухкамерная печь, сохранившаяся на высоту 0,6 м, чуть выше уровня подов топочных камер (рис. 5). Внутреннее пространство печи разделено на две неравные части невысокой перегородкой из глины, тщательно заглаженной сверху (нивелировочная отметка по верху -8,44 м) и сильно обожженной. Левая часть – вероятная топочная камера – расположена глубже (нивелировочная отметка -8,64 м), шириной 0,33 м,

Рис. 4. Ыылгынлы-депе. Камень, вмазанный в пол помещения 139. Вид с запада

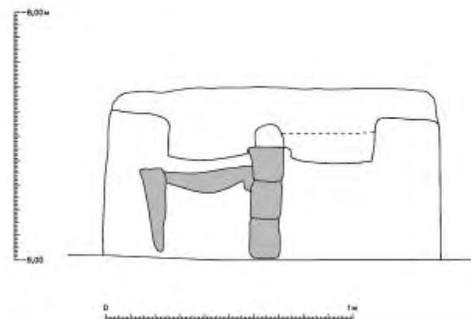

Рис. 5. Ыылгынлы-депе. Печь в помещении 139

имеет более мощные следы огня, в ее дно вмонтированы фрагменты керамики и небольшое количество гальки. Правая часть (рабочая камера) расположена выше (нивелировочная отметка -8,52 м), шире топочной камеры (0,43 м), дно вымощено слоем мелкой гальки. Фасад печки украшен двумя пилястрами из необожженной глины. У левого угла печки от топочной камеры и почти до пола налеплен длинный конусообразный, обращенный острием вниз пилястр высотой 0,35 м. Посредине фасада налеплен трехчастный массивный пилястр высотой 0,45 м, образованный тремя поставленными друг на друга полуцилиндрами разного объема, вылепленными и заглаженными таким образом, что визуально создается впечатление антропоморфной фигуры. Между левым и центральным пилястром, ниже отверстия топочной камеры устроен горизонтальный ладьевидный налест-валик, узкими краями примыкающий к пилястрам и слегка провисающий в центральной части. На боковой стенке фиксируются следы черной краски, на пилястрах – отдельные следы белой краски. Можно с уверенностью утверждать, что налепной декор этой печи аналогичен налепным декорам на двух ранее исследованных печах в помещениях 100/VII-3 и 113/VII-3 (Соловьева, Блохин, 2022).

Справа от входа расположена сложная конструкция (рис. 6), состоявшая из двух параллельных

Рис. 6. Йылгынлы-депе. Конструкция («тумба») справа от входа в помещение 139. Вид с юго-запада

Рис. 8. Йылгынлы-депе. Следы разрушения в западной части помещения 139. Вид с востока

тонких стенок, пространство между которыми (шириной от 0,16 до 0,26 м) заполнено золой с большим количеством обломков керамики, костью животного и крупным фрагментом каменного терочника. Конструкция условно названа «тумбой». Высота «тумбы» 0,33 м. К ее левой стенке пристроена тонкая стенка длиной 0,5 м, выгораживающая прямоугольное пространство размерами 0,5 × 0,7 м с чистым, хорошо заглаженным участком пола. Это пространство было заполнено тем же слоем, что и остальное помещение. На поверхности пола в углу зафиксирован большой рог крупного копытного животного (рис. 7). Угол между «тумбой» и восточной стеной помещения 139/VIII-3 заполнен золистыми прослойками, насыщенными обломками тарной керамики, костями животных и фрагментами крупных бракованных сырцовых изделий.

В юго-западном углу помещения на полу зафиксировались следы разрушения какого-то сырцового сооружения, сильно повредившего пол черного цвета (рис. 8). Форму сооружения установить не удалось, от него остались лишь отдельные фрагменты сырца

Рис. 7. Йылгынлы-депе. Рог копытного животного в углу у «тумбы». Вид с юго-запада

(следы в слоях заполнения показывают, что в более позднее время сюда активно попадала вода), но, судя по нарушениям на полу, оно занимало пространство вдоль противоположной от входа стены на участке размерами 1,3 × 0,6 м. Противоположная от входа стена сохранилась хуже других стен помещения, на ней также фиксируются многочисленные подтеки воды. Рядом со стеной встречены отдельные, плохо сохранившиеся фрагменты сырцовых валиков или налепов, окрашенные в черный цвет, – возможно, рухнувшие со стены элементы пластической орнаментации (рис. 9).

Пространство двора 140/VIII-3 (на плане помещения 140), связанного проходом с помещением 139/VIII-3, лишь частично открыто в 2024 г. (рис. 1). На исследованном участке обнаружены южная, западная и северная стены помещения, с восточной стороны участок работ ограничен мощными стенами соседнего домохозяйства строительного горизонта VI. Нижний слой заполнения помещения золистый, насыщенный угольками и отдельными скоплениями керамики. В центральной и юго-восточной частях исследованной площади, в прослойке над полом зафиксированы развалы хумов и кости крупного копытного животного (позвонки, фрагментированный череп, рог, лопатка). Проход, соединяющий помещения 140/VIII-3 и 139/VIII-3, оформлен фигурным порогом: из мягкой желтой глины сформирован прямоугольный выступ, прилегающий к дверному проему (рис. 10). С севера помещение ограничено стеной и массивной сырцовой конструкцией подпрямоугольной формы – своеобразной тумбой с фигурным оформлением углов (рис. 11). В 2024 г. открыта лишь верхняя часть этого сооружения. Состояние полов и характер заполнения позволяют интерпретировать это помещение как двор перед жилым помещением 139/VIII-3 одного домохозяйства.

Рис. 9. Ёылгылы-депе. Остатки рельефного убранства на полу помещения 139. Вид с севера

Рис. 10. Ёылгылы-депе. Порог из помещения 140. Вид с юго-востока

Рис. 11. Ёылгылы-депе. Сырцовая конструкция в северной части помещения 140. Вид с востока

Помещение 142/VIII-3 (на плане помещение 142), примыкающее с севера к описанному выше двору, исследовано лишь частично (рис. 1). Открыты южная и западная стены помещения, с севера и востока оставлены стратиграфические разрезы. Заполнение на полу насыщено угольками, золой, фрагментами керамики и костями животных. В западном углу

помещения, на полу и в заполнении зафиксированы две ножки столика из обожженной глины (рис. 12). Столик был сломан в древности, ножки лежали одна на другой. Рядом с ним зафиксированы позвонки крупного копытного животного и фрагменты тарных сосудов.

В какой-то момент бытования описываемого домохозяйства в северо-восточном углу исследуемого участка, на восточной площади помещения 142/VIII-3 были возведены мощные стены и устроено помещение 141/VIII-3 (на плане помещение 141) с прочным полом черного цвета (рис. 13), вероятно, уже не связанное с домохозяйством. В юго-западном углу помещения зафиксирован небольшой заклад из камней и позвонков животного (рис. 14). Одновременно с возведением новых стен на территории всего комплекса начинаются работы по укреплению существующих стен и кладки новых подпорных стен. После сооружения нового помещения 141 площадь помещения 142 сокращается, а на оставшейся территории устраиваются разнообразные конструкции из сырцовых кирпичей. В западном углу сооружается выгородка из трех кирпичей, весь западный угол отгораживается небольшой тонкой стенкой (рис. 15). Сразу после этого к западной

Рис. 12. Ёылгылы-депе. Ножки столика in situ. Вид с северо-востока

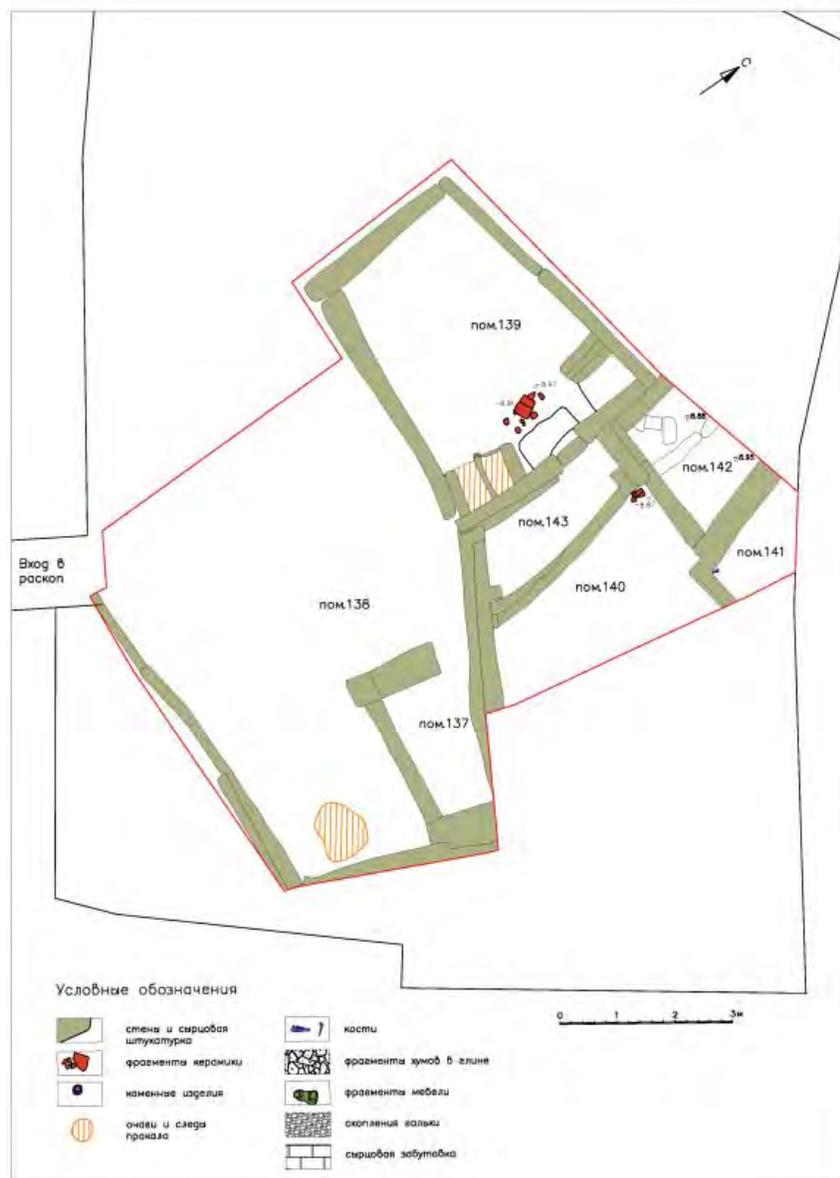

Рис. 13. Ыылгылы-депе. План строительного горизонта VIII-поздний

Рис. 14. Ыылгылы-депе. Заклад в углу помещения 141. Вид с востока

стене помещения 142/VIII-3 пристраивается мощная подпорная стенка из кирпичей.

Во дворе (помещение 140/VIII-3) также происходят некоторые перестройки: сохраняя общее направление, но немного меняя ориентацию. Перестраивается южная стена. Проход заложен, оштукатурен и со стороны помещения 139/VIII-3 выкрашен в черный цвет (рис. 16). Выяснить, как на этом позднем этапе бытования комплекса попадали из двора в комнату при сохранившейся высоте стен, не представляется возможным. Судя по крыльцу со стороны помещения 139/VIII-3, проход располагался там же, но был оформлен более

Рис. 15. Йылгынлы-депе. Помещения 141 и 142.
Вид с севера

Рис. 17. Йылгынлы-депе. Помещение 143.
Вид с востока

Рис. 16. Йылгынлы-депе. Заклад порога со стороны
помещения 139. Вид с запада

Рис. 18. Йылгынлы-депе. Зольник над «тумбой» на позднем
этапе бытования помещения 139. Вид с юго-запада

высоким порогом. Пространство перед порогом при этом отгораживается стеной и выделяется в отдельное помещение 143 (рис. 17). Новая стена снабжается с восточной стороны дополнительными контрфорсами. Вдоль западной стены в помещении 139/VIII-3, в районе печки сооружается дополнительная подпорная стенка. На более ранних этапах здесь фиксируются следы подтеков воды, повредивших стены, что, в свою очередь, потребовало ремонта и укрепления.

В помещении 139/VIII-3 на финальном этапе его существования значительно поднимается уровень пола. В углу за «тумбой» устраивается зольник (рис. 18), сама «тумба» прекращает существование. К порогу было приставлено несколько сырцовых кирпичей, образовавших крыльцо, позволявшее перешагивать через окрашенный в черный цвет заклад прохода (рис. 19). Печка сохраняет свое убранство, но нижняя часть декора скрыта слоями

Рис. 19. Йылгынлы-депе. Помещение 139 на позднем
этапе бытования. Вид с запада

заполнения. В западной, дальней от входа части фиксируется забутовка сырцовыми кирпичами.

В следующем строительном горизонте (VII-B-ранний) вся планировочная структура меняется, центральное помещение комплекса (139/VIII-3) прекращает свое существование. Все его стены, кроме восточной, сносятся и на его месте возникает помещение 133. Структура поселения строительного горизонта VII-B на этом участке в основном была изучена в предшествующие годы.

Исследованное осенью 2024 г. домохозяйство позволяет сделать вывод о существовании неких «канонов» в оформлении интерьеров помещений уже в раннем энеолите. Так, обнаруженная в помещении 139/VIII-3 печь сложена и декоративно оформлена аналогично оформлению двух печей, обнаруженных ранее в помещениях 100/VII-3 и 113/VII-3, а все три помещения с печами имеют одинаковое цветовое решение, схожее расположение и оформление дверного проема и порога, одинаковое насыщение комнат другими деталями интерьера. Проведенные исследования свидетельствуют и о длительной преемственности сакрального значения печей в помещениях. Как уже указывалось, обнаруженные во всех святилищах Йылгынлы-депе периода развитого энеолита тумбы «заместили» печи, утратив полностью их функциональное значение, но, вероятнее всего, сохранив семантическое, чем объясняется наличие нефункционального пространства внутри и сложный рельефно-цветовой декор на фасадах, аналогичный декору на печах (Соловьева, Блохин, 2022).

Источники и литература

Березкин Ю.Е., Соловьева Н.Ф., 1998. Парадные помещения Йылгынлы-депе (предварительная типология). // АВ. Вып. 5.

Соловьева Н.Ф., 2015. Специализированная мастерская эпохи раннего энеолита в Каракумах. // Записки ИИМК РАН. СПб., Вып. 12.

Соловьева Н.Ф., Блохин Е.К., 2022. «Тумбы» и печи Йылгынлы-депе // Türkmenistanyň gadymyýeti. Ýlmy barlaglar we ýadygarlykleriň rejelenilişi. Aşgabat.

Работы Античной комплексной археологической экспедиции на городище Акра в 2024 г.¹

С. Л. Соловьев², В. В. Вахонеев³

DOI: 10.31600/978-5-6052467-2-5.167–170

В августе 2024 г. Античная комплексная археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа и Института истории материальной культуры РАН продолжила планомерные исследования античного городища Акра, расположенного на берегу Керченского пролива у с. Набережное Заветненского сельского совета Ленинского района Республики Крым. В связи с временным запретом на проведение подводных работ в акватории Керченского пролива, основными задачами экспедиции в полевом сезоне 2024 г. стало продолжение раскопок наземной северо-западной части памятника. В составе экспедиции также работала группа добровольцев Русского географического общества.

Основные работы экспедиции были сосредоточены на раскопе «Западный», который был заложен на песчаной пересыпи между соленым озером Яныш и Керченским проливом в северо-западной части Акры в 2020 г. Первоначально планировалось проследить в этом месте продолжение городской оборонительной стены, однако в ходе раскопок был открыт участок застройки Акры римского времени. В центре раскопа открыт хорошо сохранившийся полуподвал, ориентированный длинной осью по линии северо-запад–юго-восток. Такая ориентировка соответствовала общей планировке Акры, существовавшей как минимум с IV в. до н. э. В слое обнаружено несколько монет, в том числе два позднебоспорских статера середины III в., в том числе Рескупорида V 247/248 г., которые могут служить *terminus post quem* для этого сооружения (Вахонеев, Соловьев, 2023. С. 188, 189).

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № FMZF-2022-0016 «Совершенствование методики проведения охранно-спасательных археологических мероприятий и внедрение цифровых технологий в археологии».

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: ssl2610@yandex.ru.

³ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: vvvkerch@mail.ru.

С юго-востока от полуподвала располагался мощный двор. Сохранились как минимум два слоя мощения. С юго-западной стороны от полуподвала открыта мощеная галькой улица шириной около 1 м, которая под прямым углом примыкает к участку другой улицы шириной до 1,6 м, обнаруженной в 2020 г. (Соловьев и др., 2021. С. 115). Таким образом, две улицы ограничивали полуподвал с двух сторон – с северо-запада и юго-запада. По другую сторону улицы обнаружены остатки еще одного мощеного двора и плохо сохранившиеся кладки стен другого домовладения, которые и планировалось исследовать в 2024 г. Для этих целей вдоль западной границы раскопа была заложена прирезка из четырех квадратов (кв. Г–Ж18) общей площадью 100 кв. м (рис. 1).

Верхний слой состоял из коричневого и серого плотного суглинка мощностью до 0,25 м, который сформировался в последнее время в ходе хозяйственного использования территории рыболовной артели, и отчасти раньше – во время Великой Отечественной войны, материальными свидетельствами которой служили военный окоп и огневая точка, обнаруженные в кв. Г18 и Д18 (рис. 2). Этот же окоп был открыт в южной части кв. Д19 в 2023 г. Ниже залегал слой светло-коричневого суглинка, образовавшийся на месте разрушения домовладения римского времени (рис. 3). Его мощность достигала 1 м. Верхняя часть слоя содержала большое количество фрагментов кувшинов таманского типа IX–X вв., когда на этой территории или поблизости существовало небольшое поселение, жители которого активно разбирали руины античного городища с целью добычи строительного камня (Вахонеев, Соловьев, 2023. С. 187). В результате значительная часть раскопа 2024 г. оказалась поврежденной поздними перекопами, как средневековыми, так и более поздними. В остальном слое светло-коричневого суглинка содержал находки II–III вв., включая стандартный для этого времени амфорный комплекс, а также обломки краснолаковой керамики и терракотовых марионеток (рис. 4).

В юго-западной части кв. Д18 в слое светло-коричневого суглинка был обнаружен мощный

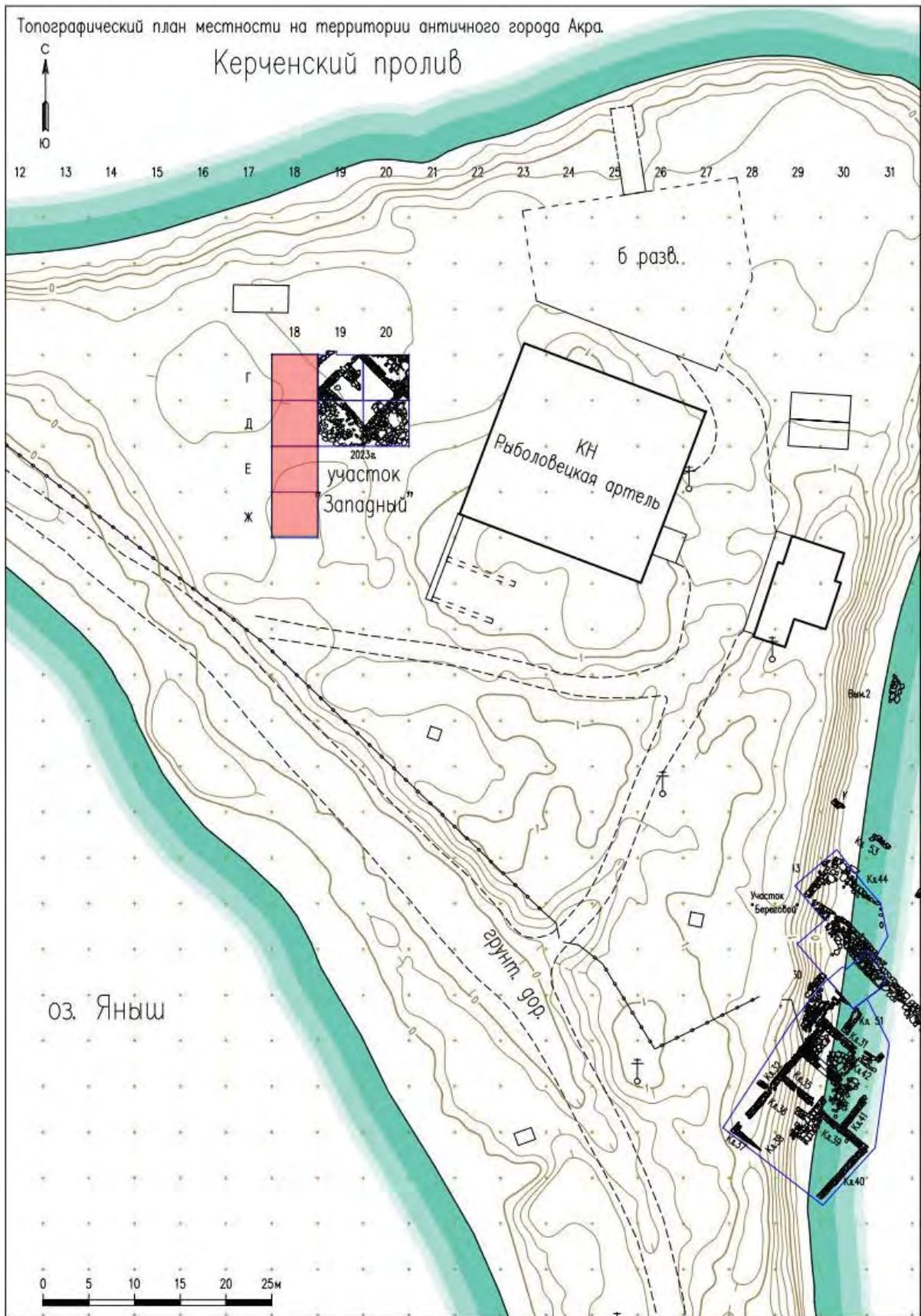

Рис. 1. Акра 2024. План наземной части городища

Рис. 2. Акра 2024. Военная траншея и огневая позиция в кв. Д18. Вид с северо-востока

Рис. 3. Акра 2024. Стратиграфия культурных напластований южного борта кв. Д18

Рис. 4. Акра 2024. Находки римского времени из слоя светло-коричневого суглинка: 1 – фрагмент сосуда с граффито; 2 – зооморфная статуэтка; 3, 4 – подвесные ноги от терракотовых статуэток; 5–7 – обломки краснолаковых сосудов

завал из камней мелких и средних размеров. Под завалом практически на уровне грунтовых вод открыт участок каменной вымостки (рис. 5). В самом же завале обнаружен человеческий скелет – остатки погребения (рис. 6). Контуры могильной ямы не прослеживались. Костяк лежал на спине, ориентированный головой на север, руки вытянуты вдоль туловища, ноги прямые. Верхняя часть скелета оказалась повреждена поздними перекопами. У левой руки на уровне бедра найден железный нож. На позвонке в районе живота обнаружена медная пряжка, другая пряжка находилась в районе таза (рис. 7). Из-за высокой влажности сохранность найденных предметов была очень плохой. Они могут быть датированы первой половиной III в. Отсюда можно сделать вывод, что захоронение было совершено во время разрушения Акры в третьей четверти III в.

Под слоем светло-коричневого суглинка прослежены строительные остатки II–III вв., как уже

Рис. 5. Акра 2024. Каменная вымостка в кв. Д18. Вид с запада

Рис. 6. Акра 2024. Погребение. Вид с востока

Рис. 7. Акра 2024. Погребальный инвентарь:
1, 2 – медные пряжки; 3 – железный нож

указывалось, сильно поврежденные в более позднее время. В северной части прирезки открыты участок каменной вымостки, остатки кладок и часть вымощенной галькой дороги, обнаруженной в 2020 г., большая часть которой в этом месте оказалась нарушена поздними перекопами. В южной части прирезки также открыты остатки кладок стен дома и каменной вымостки двора, а также нижняя часть пифоса, вкопанного в его древнюю дневную поверхность (рис. 8). Сосуд имел следы ремонта с помощью свинцовых скоб, часть его стенок провалилась внутрь.

Работы на раскопе были остановлены на уровне грунтовых вод. По завершении раскопок все открытые строительные остатки были перекрыты слоем геотекстиля и законсервированы отработанным грунтом до уровня современной дневной поверхности. Таким образом, работы Античной комплексной экспедиции Государственного Эрмитажа и ИИМК РАН в 2024 г. продолжили систематические археологические исследования на античном городище Акра. Несмотря на отмеченные значительные разрушения строений римского времени в средневековый период, а также во время Великой Отечественной войны полученные результаты исследований дополнили наши представления о характере застройки городища в римское время в северо-западной части памятника.

Рис. 8. Акра 2024. Пифос в кв. Ж18. Вид с севера

Наземные археологические раскопки наметили перспективы исследований Акры римского времени. Открытые в последние годы участки жилой застройки городища той эпохи служат веским и достоверным основанием для подтверждения ранее высказанного предположения о том, что домостроительство Акры в первые века нашей эры велось по планировочным принципам, заложенным еще в раннеэллинистическую эпоху (Соловьев и др., 2021. С. 29).

Источники и литература

- Вахонеев В.В., Соловьев С.Л., 2023. Археологические исследования античного города Акра в 2023 г. // Бюллетень ИИМК РАН. СПб. № 14.
- Соловьев С.Л., Вахонеев В.В., Шепко Л.Г., 2021. Акра – античный город на европейском Боспоре (итоги археологических исследований). СПб.

Усадьбы СК-II, СК-III, СК-IV и СК-V второй половины IX – первой половины X вв. поселения Вышестеблиевская-16 (по материалам раскопок в 2016 г. на Таманском полуострове)¹

Л.Ю. Пономарев², С.Л. Соловьев³

DOI: 10.31600/978-5-6052467-2-5.171–201

Поселение Вышестеблиевское-16, расположенное в 3,50–3,75 км к северо-северо-западу от ст. Вышестеблиевская Темрюкского района Краснодарского края (рис. 1: 1), обнаружено в 1984 г. работами разведочного отряда Таманской экспедиции ИА АН СССР под руководством Я.М. Паромова. Подъемным материалом он изначально датировал его IV в. до н. э. – III в. и X–XIII вв. (Паромов, 1989. С. 77, № 68; 1992. С. 144, № 168), позднее изменил для средневекового периода хронологические рамки и включил в отдельную группу из трех поселений VIII – начала X вв. (Вышестеблиевское-10, 14 и 16), «центром» для которой являлось наиболее крупное из них – поселение Вышестеблиевское-10 (Паромов, 2003. С. 162, 166, рис. 9: 181, 186, 188). По итогам проведенных на поселении в 2008, 2011 и 2013–2015 гг. охранных раскопок, его площадь была увеличена с 3,7 га до 15,3 га.

В 2016 г. охранно-спасательные работы на поселении Вышестеблиевская-16 провела Античная новостроечная экспедиция ИИМК РАН совместно с ООО «Артефакт». Работы велись на участке площадью 21 025 кв. м, попавшем в зону строительства автомобильной дороги (рис. 2: 1). В процессе раскопок были выявлены комплексы IV–III вв. до н.э., I–III вв. и VIII–X вв., в том числе пять усадеб с каменными постройками, 71 хозяйственная яма, два очага и девять грунтовых погребений. Площадь поселения 16 га, определена в границах распространения подъемного материала (Соловьев, 2017. С. 185–200; Мыц, Соловьев, 2018).

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № FMZF-2022-0016 «Совершенствование методики проведения охранно-спасательных археологических мероприятий и внедрение цифровых технологий в археологии».

² Россия, 295007, Симферополь, Институт археологии Крыма РАН, пр. Академика Вернадского, 2. E-mail: l_ponomarev@mail.ru.

³ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: ssl2610@yandex.ru.

С. 97–122). Мощность напластований в пределах раскопа достигала 1,40 м. Стратиграфическая колонка выглядит следующим образом: под пахотным гумусным слоем толщиной 0,30–0,40 м (слой 1) залегал культурный слой поселения, представленный темно-коричневым суглинком (слой 2), толщиной 0,60 м. Он, в свою очередь, перекрывал слой светло-коричневого суглинка (слой 3), сформировавшийся на материковом суглинке с включениями частиц известняка, зафиксированном на глубине 1,20–1,40 м. Уровень материка понижался в западном направлении.

Керамика VIII–X вв. из слоев 1 и 2 представлена фрагментами красноглиняных пифосов, «причерноморских» гладкостенных (с мелким зональным рифлением) и бороздчатых амфор, высокогорлых кувшинов с плоской ручкой, вьючных фляг, ойнохой «скалистинского» («баклинского») типа, тарных и кухонных салтово-маяцких горшков (в том числе с клеймами на дне), крышек к ним, котлов с внутренними ручками-ушками, мисок и сероглиняных лощеных сосудов. Остальные находки этого периода представлены бронзовыми украшениями и деталями ременной гарнитуры, обломками стеклянных рюмок, ротационными жерновами и другими бытовыми предметами.

Усадьбы обнаружены в западной и северной части раскопа. Три из них – СК-I⁴, СК-II и СК-III – составляли западную группу (рис. 1: 2), СК-IV и СК-V – восточную группу (рис. 2: 2). Расстояние между плохо сохранившейся усадьбой СК-III (крайней с запада) и СК-II составляло около 30 м. Между хорошо сохранившимися усадьбами СК-II и СК-I – 14 м. Между крайними усадьбами западной и восточной группы СК-I и СК-IV расстояние составляло около 65 м, между усадьбами СК-IV и СК-V – 32 м. Четыре из них, наиболее хорошо сохранившиеся, имеют одинаковую планировку. В северной их части располагался двухкамерный дом, к югу от него – прямоугольный

⁴ Усадьба СК-I будет опубликована в отдельной статье.

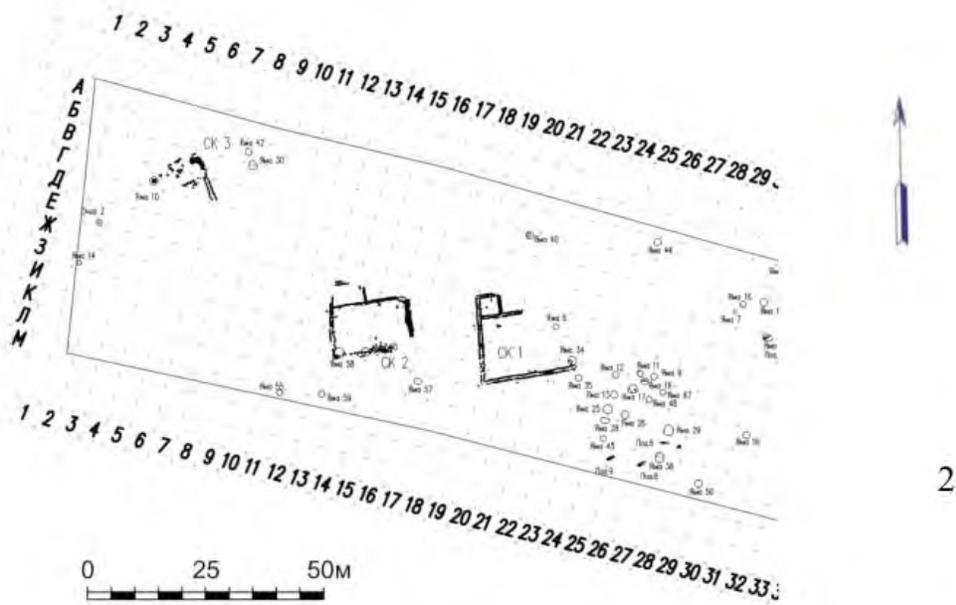
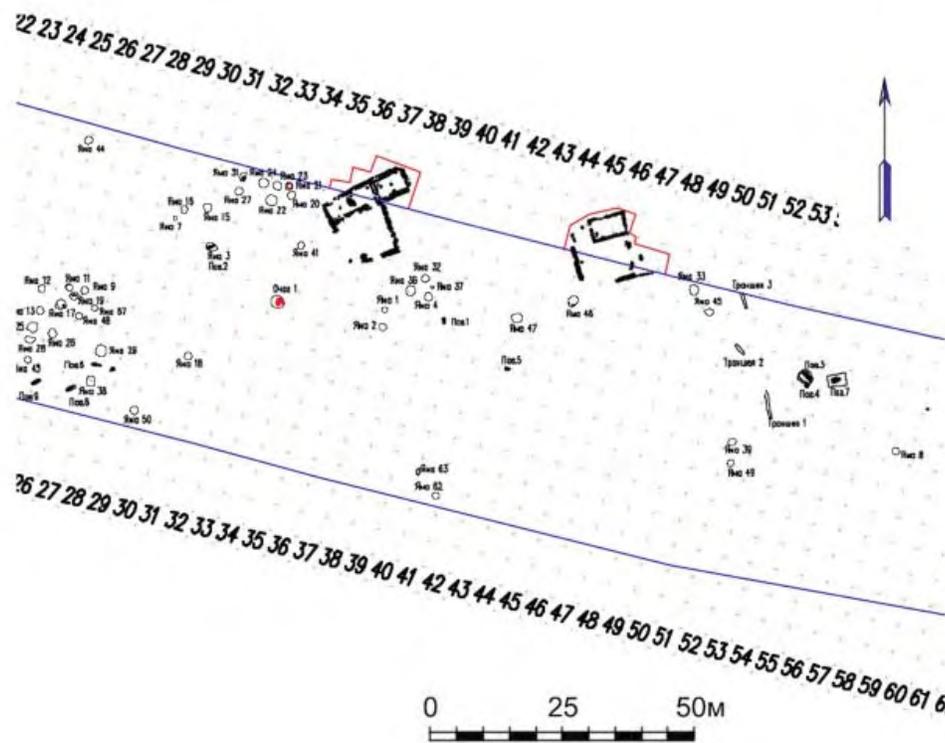

Рис. 1. Вышестеблевская-16: 1 – юго-западная часть Таманского полуострова (буквами обозначены: А – поселение Вышестеблевская-16; Б – Фанагория; В – Таматарха); 2 – западная часть раскопа 2016 г. с усадьбами СК-I, СК-II, СК-III, план

1

2

Рис. 2. Вышестеблиевская-16: 1 – аэрофотосъемка исследованного в 2016 г. участка поселения, вид с запада; 2 – центральный участок раскопа 2016 г. с усадьбами СК-IV и СК-V, план

или трапециевидный в плане, огражденный стеной двор. Усадьба СК-III, от которой уцелела только ее северо-восточная часть, скорее всего, имела такую же планировку.

Усадьба СК-II, открытая в кв. Ж-К13-16, состояла из трапециевидного в плане, огороженного стеной, двора, к северо-западному углу которого примыкал прямоугольный в плане двухкамерный дом (рис. 3: 1, 2; 4: 1). В направлении северо-запад-юго-восток внешние размеры усадьбы составляли около 16,7 м (по оси двора и дома) и 12 м (по оси двора), а в направлении юго-запад-северо-восток (по оси двора) – 17 м.

Внутренние размеры двора в направлении северо-запад-юго-восток составляли 10 м, а в направлении юго-запад-северо-восток – 14,30–15,00 м. Ограждавшие его стены – кладки 1–4 толщиной 0,90–1,10 м – сохранились на высоту одного ряда камней до 0,20–0,35 м. На отдельных участках они частично или полностью выбраны, включая юго-восточный угол двора. Цоколи стен уложены на культурном слое более раннего периода трехслойной, двухпанцирной кладкой с забутовкой из суглинка и небольших камней. Фасы сложены из необработанных небольших камней, большей частью установленных под углом до 45 градусов. Входной проем во двор обустроен в южной стене (кладке 1) и оформлен в виде порога шириной 1,6 м, вымощенного плоскими камнями. Поверхность двора представляла собой нивелированную поверхность с небольшим уклоном в западном направлении. Внутри него не было обнаружено следов каких-либо капитальных сооружений или временных облегченных построек (навесов и загоронок из древесно-растительных материалов), включая ямки для опорных столбовых конструкций. В северо-восточном углу двора обнаружены две верхние плиты ротационных известняковых жерновов (рис. 4: 2–3). В южной его части, в 2,2 и 1,5 м к западу и северо-западу от входа в него, расчищены компактные развалы стенок двух «причерноморских» бороздчатых амфор.

Дом, примыкавший к двору с северо-запада, вытянут по длинной оси в направлении юго-запад-северо-восток и состоял из двух помещений, разделенных кладкой 5. Полностью сохранилось лишь его юго-западное помещение, поэтому размеры постройки в направлении юго-запад-северо-восток установить не удалось, а в направлении северо-запад-юго-восток они составляли около 6,6 м. Стены дома толщиной 0,90–1,10 м сохранились частично, на высоту одного ряда камней от 0,20 до 0,35 м. Сложены они, как и стены двора, из необработанных небольших камней, большей частью установленных под углом до 45 градусов,

трехслойной, двухпанцирной кладкой с забутовкой из суглинка и небольших камней. Юго-западное помещение 1 имело в плане трапециевидную форму, его внутренние размеры составляли 6,60 × 4,60 м. Северо-восточное помещение 2 имело в плане, скорее всего, прямоугольную форму. Его размеры в направлении северо-запад-юго-восток составляли 4,60 м, а в направлении юго-запад-северо-восток, вероятно, превышали размеры помещения 1. Дверные проемы помещений находились в южной стене, но на уровне сохранившегося нижнего ряда цоколя кладки 4 они ничем не выделялись. К сожалению, в обоих помещениях не было обнаружено отопительных сооружений (печей-«каменок» и очагов), а также других хозяйственно-бытовых приспособлений и сооружений (загоронок из плит, зерновых ям и ям для установки пифосов). «Жилая» поверхность в них прослежена в виде однородного по структуре и плотности утрамбованного суглинистого грунта, поэтому установить какое из помещений было жилым, а какое хозяйственным, не удалось.

Среди находок из заполнения дома и двора усадьбы, помимо античной керамики (в основном амфор IV–III вв. до н. э.), попавшей в комплекс как примесь «снизу», преобладали фрагменты тарной и кухонной керамики VIII – первой половины X вв. Археозоологический материал представлен немногочисленными костями крупного и мелкого рогатого скота (определение А.К. Каспарова).

В заполнении помещения 1 дома усадьбы СК-II обнаружены: 19 фрагментов «причерноморских» бороздчатых амфор (включая ручку и обломок дна) (рис. 5: 1), компактный развал фрагментов нижней части столового лощеного одноручного сосуда (глина на изломе темно-красного оттенка, на поверхности темно-серого) (рис. 5: 2), бронзовый перстень с ромбообразным щитком и четырьмя «лапками»-зажимами (стеклянная вставка утрачена) (рис. 5: 3) и одна кость коровы.

В помещении 2 найдены: 257 фрагментов «причерноморских» бороздчатых амфор (включая пять венчиков и пять ручек) (рис. 5: 4–6), горло и венчик двух красноглиняных высокогорлых кувшинов с плоской ручкой (рис. 5: 7, 8), 20 фрагментов салтово-маяцких кухонных горшков (рис. 5: 9–10), три венчика салтово-маяцких тарных горшков, украшенных пальцевыми вдавлениями (рис. 5: 11–12), кусок печины и две кости коровы.

На территории двора собрано 415 фрагментов «причерноморских» бороздчатых амфор (включая два венчика и четыре ручки) (рис. 4: 4–5) и шесть костей животных, в том числе две кости овцы или козы.

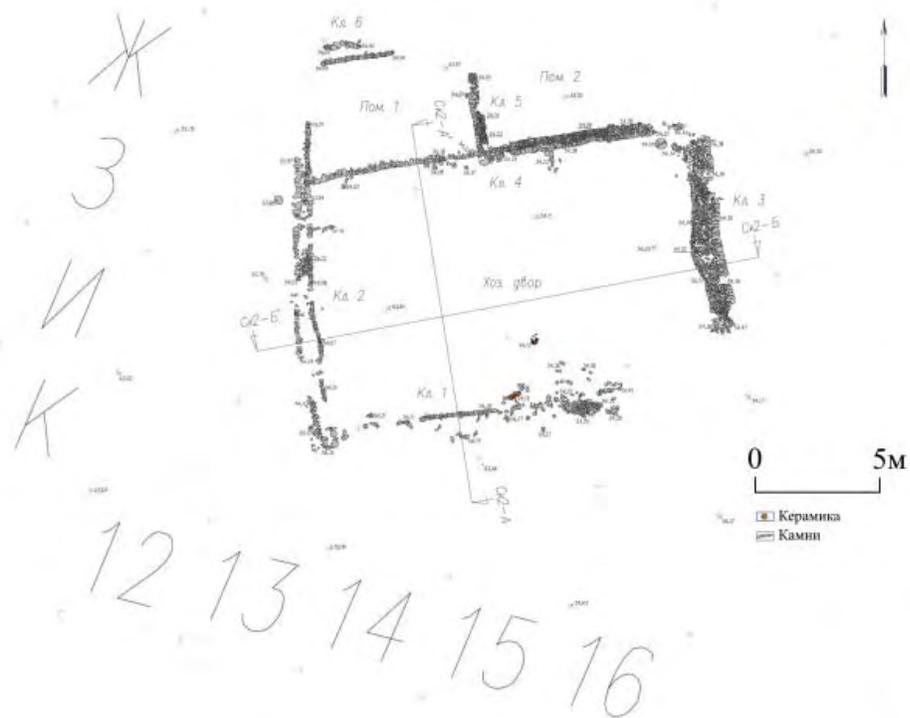

Рис. 3. Вышестеблиевская-16. Усадьба СК-II: 1 – план; 2 – вид с юга

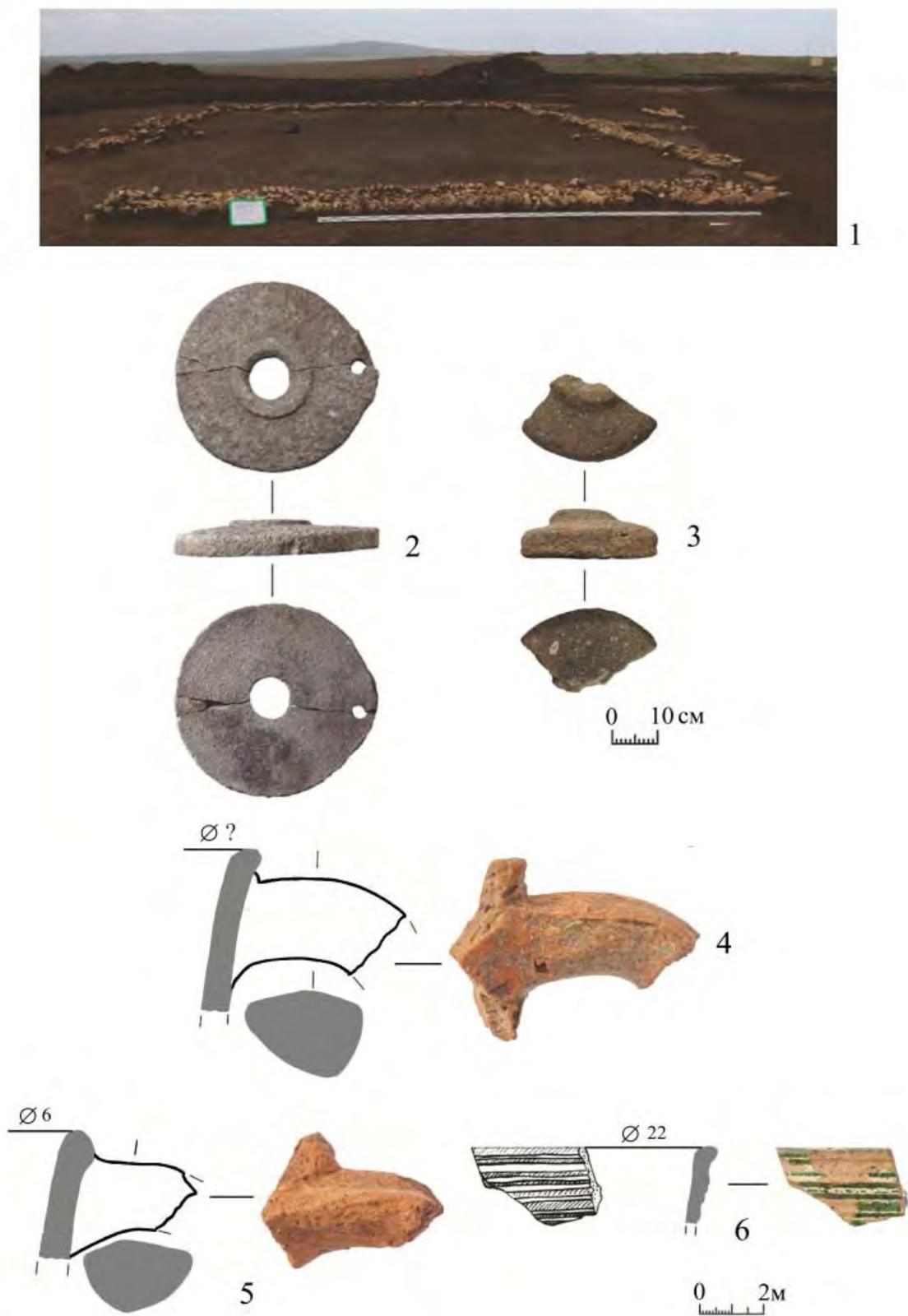

Рис. 4. Вышестеблиевская-16. Усадьба СК-II: 1 – вид с востока; 2, 3 – жернова из северо-восточного угла двора; 4, 5 – «причерноморские» амфоры из заполнения двора; 6 – миска поливная из заполнения двора

Отметим также край красноглиняной миски, покрытой зеленой поливой (рис. 4: 6). Датируется она не ранее XV в., а в комплекс попала как примесь «сверху».

Усадьба СК-III, выявленная в 30 м к северо-западу от усадьбы СК-II (в кв. В5–6, Г5–7), сохранилась хуже четырех остальных, однако, уцелевшие кладки позволили реконструировать ее планировку. Она была вытянута по длинной оси в направлении юго-запад–северо-восток. В юго-восточной части комплекса находился огороженный двор, но дом к нему, в отличие от остальных усадеб, был пристроен не с северо-западной, а с северо-восточной стороны (рис. 6: 1, 2). Поскольку уцелела лишь северо-восточная часть усадьбы (11,70 × 8,00 м), размеры ее дома и двора установить не удалось⁵.

Северо-восточная стена усадьбы (кладка 1), общая для дома и двора, толщиной 0,90–1,0 м, сохранилась на длину 11,70 м, из которых на двор приходится отрезок длиной 5,70 м. Камни ее цоколя установлены на культурный слой, успевший отложиться к этому времени. Сложена она из необработанных небольших камней, большей частью уложенных под углом до 45 градусов, трехслойной, двухпанцирной кладкой с забутовкой из суглинка и небольших камней. От северо-западной и юго-восточной стен дома (кладок 2 и 3) сохранились лишь камни внутренних фасов, уложенные большей частью под углом до 45 градусов. В направлении юго-запад–северо-восток внутренние размеры помещения составляли не менее 6,5 м, а в направлении северо-запад–юго-восток около 5 м.

В 4 м к юго-западу от кладки 1 на полу помещения зафиксирован компактный развал обломков оранжевоглиняного высокогорлого кувшина с плоской ручкой (рис. 6: 2, 3; 7: 1), а к юго-западу от него – две фрагментированные верхние плиты ротационных жерновов (рис. 7: 2, 3). На нижней плоскости одного из жерновов, рядом с прямоугольным пазом для деревянного или железного подпятника – порхлицы, вырезан знак «птичья лапа» (рис. 7: 2), широко известный на салтово-маяцких памятниках (Флерова, 1997. С. 30, табл. I: 132). Подобные знаки наносились на «причерноморские» амфоры, пифосы и черепицу крымского производства VIII–X вв. (Рудаков, 1979. С. 109, рис. 3: 2; Романчук, Омелькова, 1979. С. 98, рис. 2: 2, 4; Майко, 2012. С. 75, рис. 1: 3, 6).

⁵ Хозяйственные ямы № 14, 30, 42 и очаг № 2, обнаруженные к северо-востоку и юго-западу от усадьбы СК-III, будут опубликованы в отдельной статье.

В заполнении помещения, помимо немногочисленных обломков античной керамики, были найдены 107 фрагментов «причерноморских» бороздчатых амфор (в том числе пять венчиков и пять ручек) (рис. 7: 4–7, 10), венчик красноглиняного высокогорлого кувшина (рис. 7: 11), 10 фрагментов салтово-маяцких кухонных горшков (рис. 7: 8), край красноглиняной крышки (рис. 7: 9), лоцило из сланца или песчаника (рис. 7: 12) (ср.: Пономарев, 2016. С. 242, 263, рис. 5: 1–6), фрагментированные нижние плиты двух жерновов (рис. 7: 13, 14) и две кости коровы.

Вероятно, в пределах дома находилась хозяйственная яма № 10, обнаруженная в кв. Г4 на уровне слоя 2 (рис. 1: 2; 8: 1–2). В плане она имела округлую форму, в разрезе – трапециевидную, диаметром 1,80 м, сохранилась на глубину 0,48 м, заполнена темно-серым гумусированным суглинком. В яму были сброшены 15 бороздчатых круглодонных амфор высотой 35, 39, 40, 41, 43 и 45 см, сохранившихся в виде археологически целых форм. Из них 14 атрибутируются «причерноморским» амфорам крымского производства (рис. 8: 3–6; 9: 1–10). На стенку одной из них до обжига нанесено нечитаемое граффити (рис. 9: 2), на ручке другой – до обжига прочерчены горизонтальные линии (рис. 9: 8). На верхнем прилепе ручки еще одной амфоры оттиснуто рельефно-выдавленное клеймо, напоминающее многолепестковую розетку (рис. 9: 9). До этого оттиски на ручках «причерноморских» бороздчатых амфорах, которые можно было атрибутировать как клейма, не встречались. Последняя амфора, высотой 41 см, со слабо выраженным рифлением на тулове, по мнению В.Л. Мыца, изготовлена в Константинополе. Она отличалась от остальных плотной формовочной массой с примесью карбонатов и кварцевого песка, получившей при обжиге светло-красный (кремовый) оттенок. Поверхность покрыта жидким ангобом более светлого оттенка (рис. 9: 11) (Мыц, Соловьев, 2018. С. 116, рис. 45). Помимо амфор в засыпь ямы попали 30 фрагментов салтово-маяцких горшков (стенки и обломок дна), венчик амфоры IV в. до н.э., бронзовая боспорская монета Савромата I и обломок железной пластины с отверстием. На территории двора найдены 100 фрагментов «причерноморских» бороздчатых амфор (в том числе венчик и четыре ручки) и стенка салтово-маяцкого горшка.

Усадьба СК-IV, открытая в северной части раскопа (в кв. Б–Г35–38) и прирезке к нему⁶, состояла из двухкамерного, ориентированного по длинной

⁶ С запада, юго-запада и юго-востока к усадьбе примыкают 15 хозяйственных ям. Они будут рассмотрены в отдельной публикации.

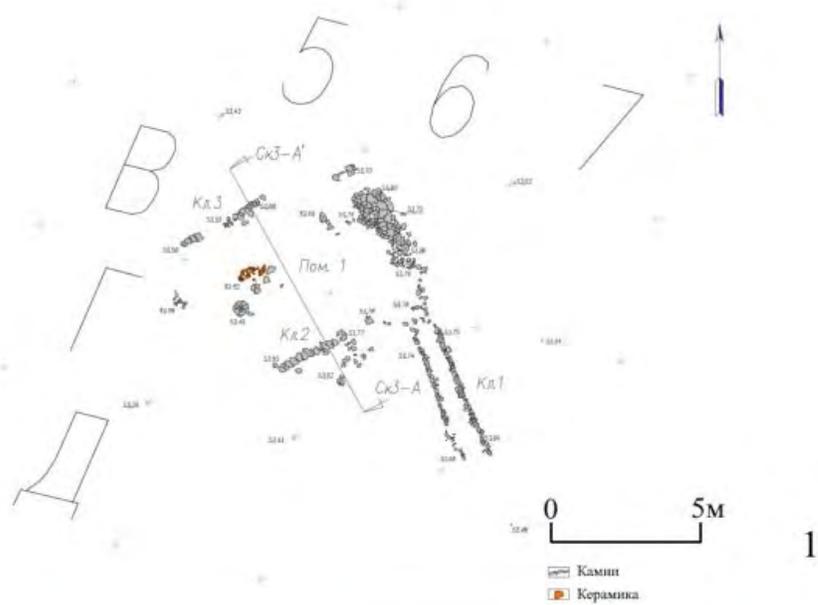

Рис. 6. Вышестеблевская-16. Усадьба СК-III: 1 – план; 2 – вид с северо-запада; 3 – развал высокогорлого кувшина и жернов в помещении дома усадьбы, вид с севера

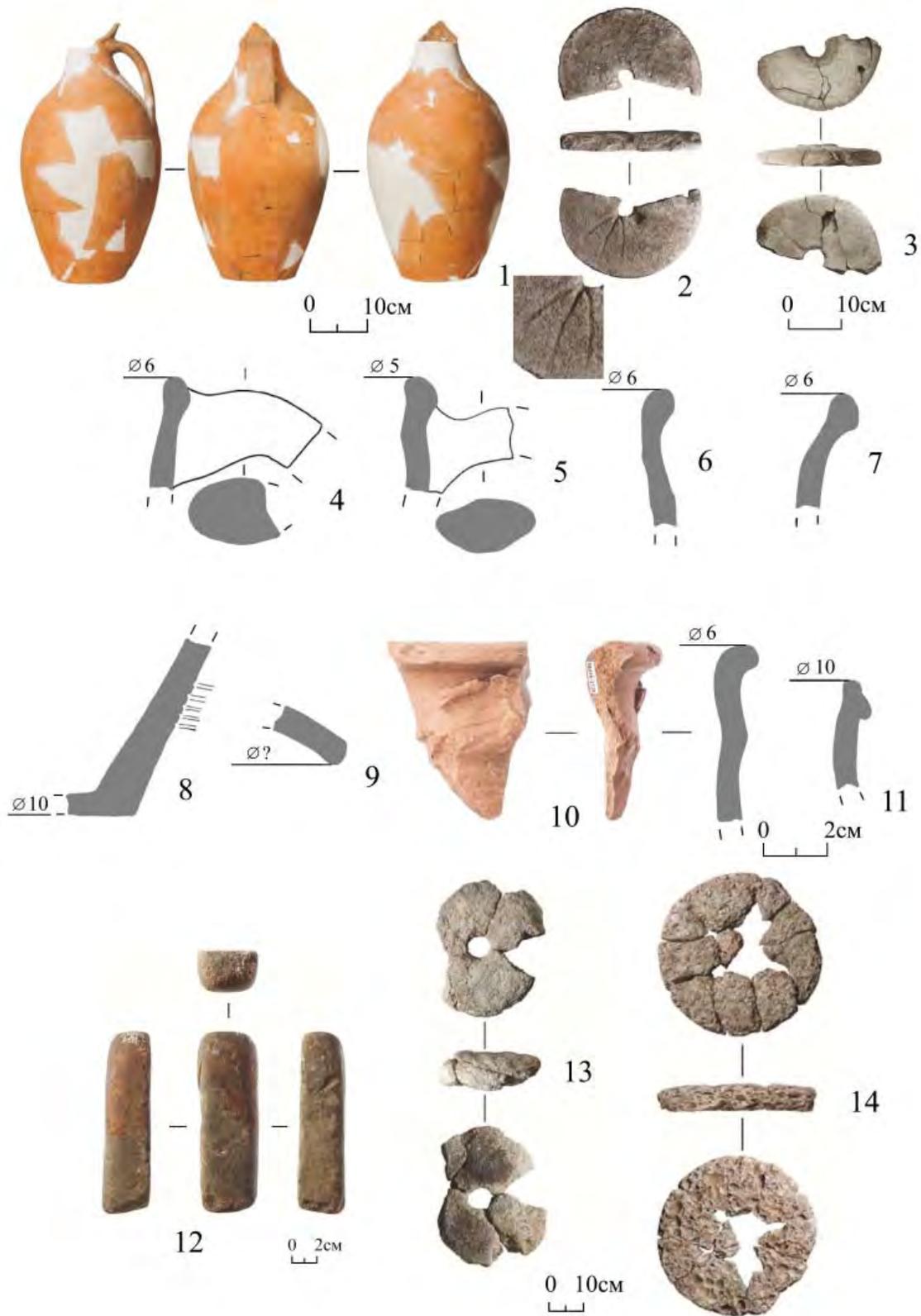

Рис. 7. Вышестеблевская-16. Усадьба СК-III. Находки из северо-восточного помещения дома: 1 – высокогорлый кувшин; 2, 3, 13, 14 – жернова; 4–7, 10 – «причерноморские» амфоры; 8 – салтово-маяцкий горшок; 9 – крышка; 11 – высокогорлый кувшин; 12 – лоцило из сланца или песчаника

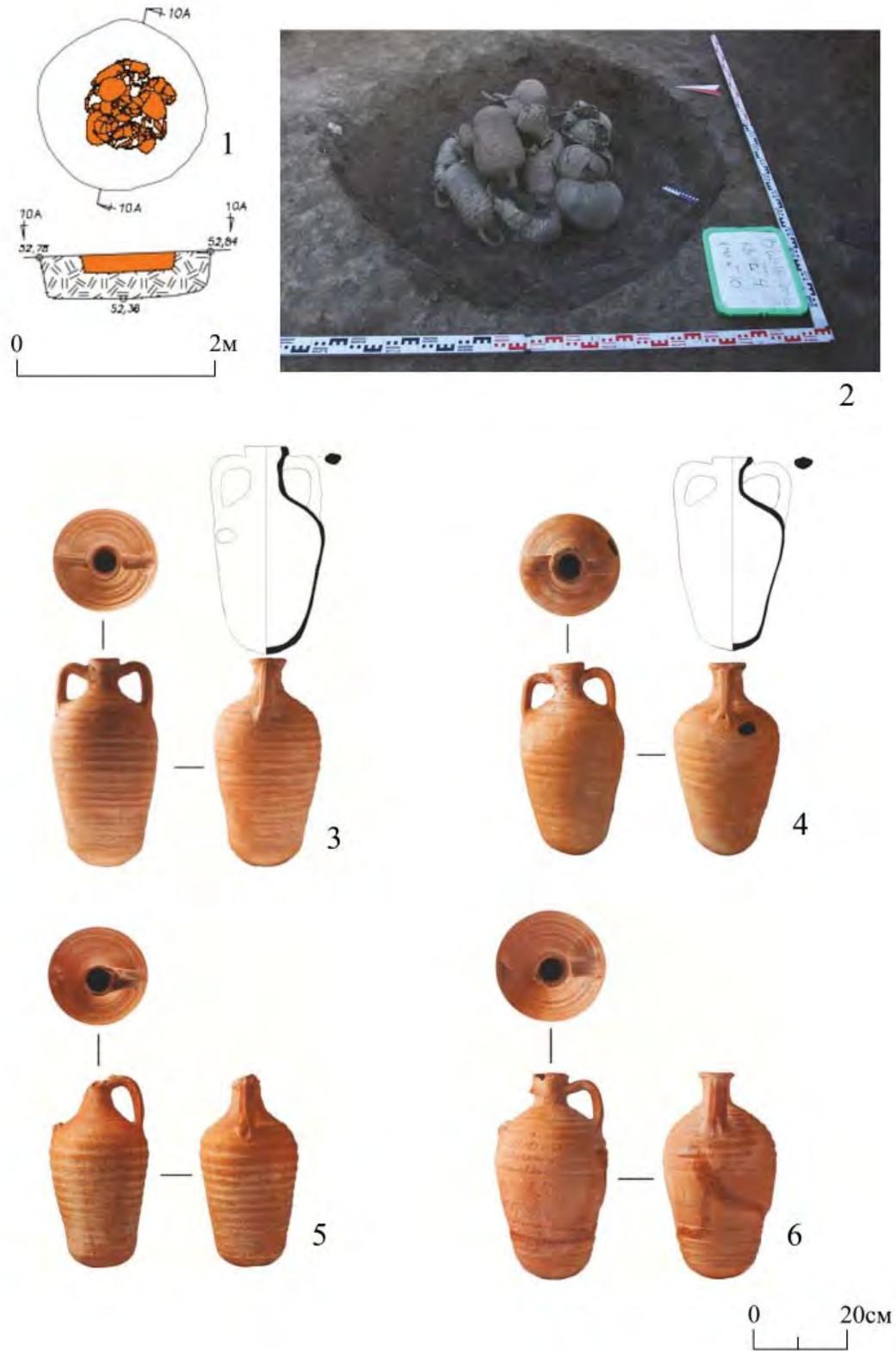

Рис. 8. Вышестеблиевская-16. Усадьба СК-III. Хозяйственная яма № 10 и амфоры из ее заполнения:
1 – план и разрез; 2 – вид с запада; 3–6 – «причерноморские» амфоры

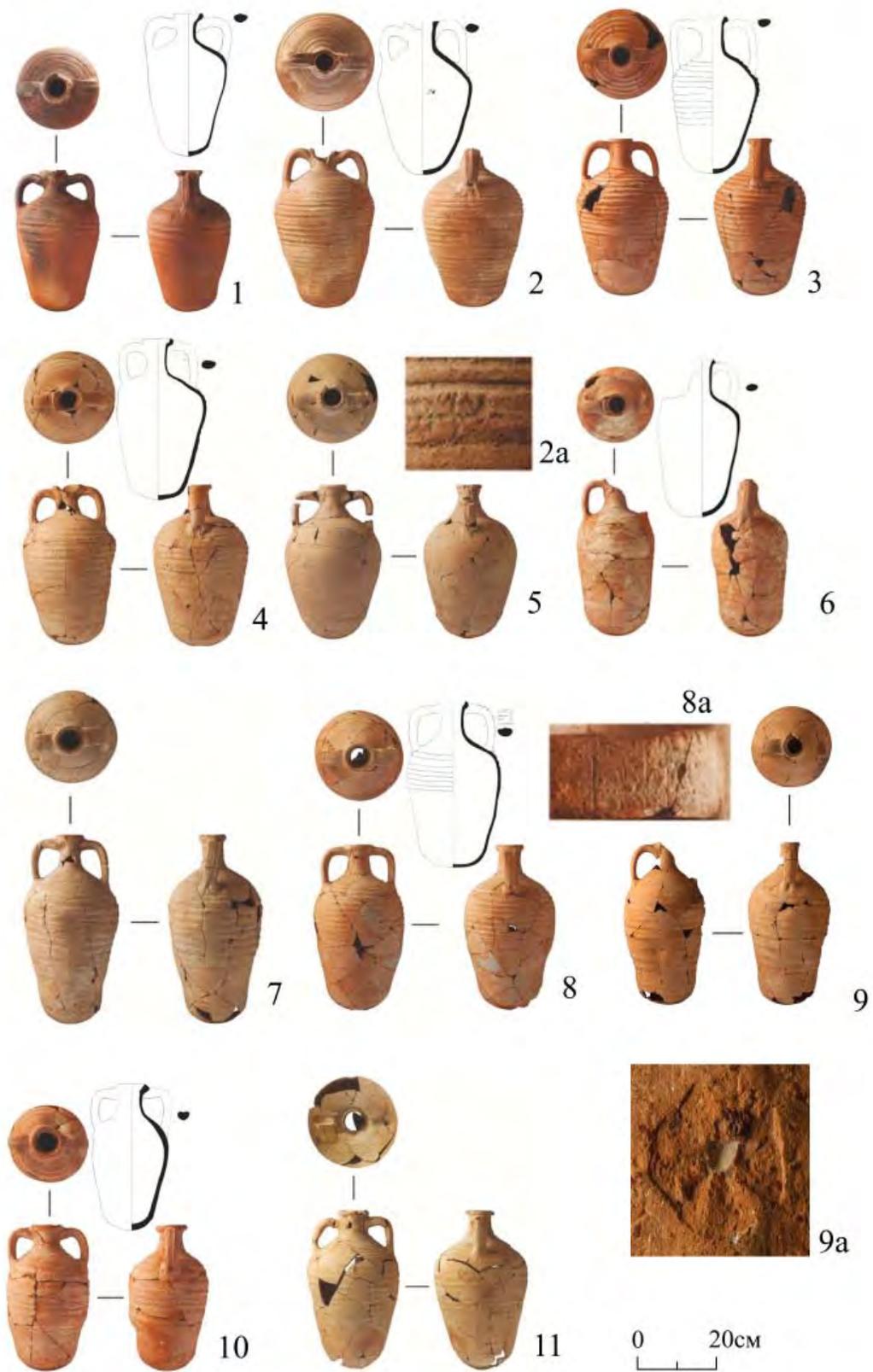

Рис. 9. Вышестеблиевская-16. Усадьба СК-III. Хозяйственная яма № 10: 1–10 – «причерноморские» амфоры; 11 – амфора неизвестного центра производства

оси в направлении юго-запад-северо-восток, дома и пристроенного к его юго-западному помещению, огороженного стеной двора, в плане близкого к квадрату (рис. 2: 2; 10; 11: 1).

Внутренние размеры двора $9,20 \times 8,40$ м (более 77 кв. м). Его северо-восточная и юго-восточная стены (кладки 1 и 2) толщиной 0,80–0,90 м сохранились на высоту одного ряда камней до 0,20–0,35 м. Цоколи стен уложены на культурном слое более раннего периода трехслойной, двухпанцирной кладкой с забутовкой из суглинка и небольших камней. Фасы сложены из небольших необработанных камней, большей частью установленных под углом до 45 градусов. Стена, ограждавшая двор с юго-запада, выбрана полностью и прослежена в виде небольшого развала, примыкающего к дому усадьбы. Частично выбрана и стена, ограждавшая двор с юго-востока (кладка 1). Входной проем шириной 1,90 м обустроен в юго-восточной стене и ведет во двор, на его участке кладка прерывалась. Поверхность двора представляла собой нивелированную поверхность с небольшим уклоном в западном направлении. Внутри него не было обнаружено следов каких-либо капитальных сооружений или временных облегченных построек (навесов и загоронок из древесно-растительных материалов), включая ямки для опорных столбовых конструкций (рис. 10).

Среди находок с территории двора, помимо немногочисленных фрагментов античной керамики, отметим 214 фрагментов «причерноморских» гладкостенных и бороздчатых амфор (в том числе семь венчиков, 26 ручек, два днища, 54 стенки с мелким зональным рифлением, 125 бороздчатых стенок) (рис. 12: 1–8), красноглиняную миску, по тесту идентичную «причерноморским» амфорам (рис. 12: 9), фрагменты двух днищ кувшинов или ойнохой «скалестинского» типа (рис. 12: 10–11), 20 фрагментов тарных и кухонных салтово-маяцких горшков (рис. 12: 12–14). Здесь же найдено 68 костей животных, в том числе лошадей (6 ед.), коров (17 ед.), овец или коз (4 ед.), собак (2 ед.).

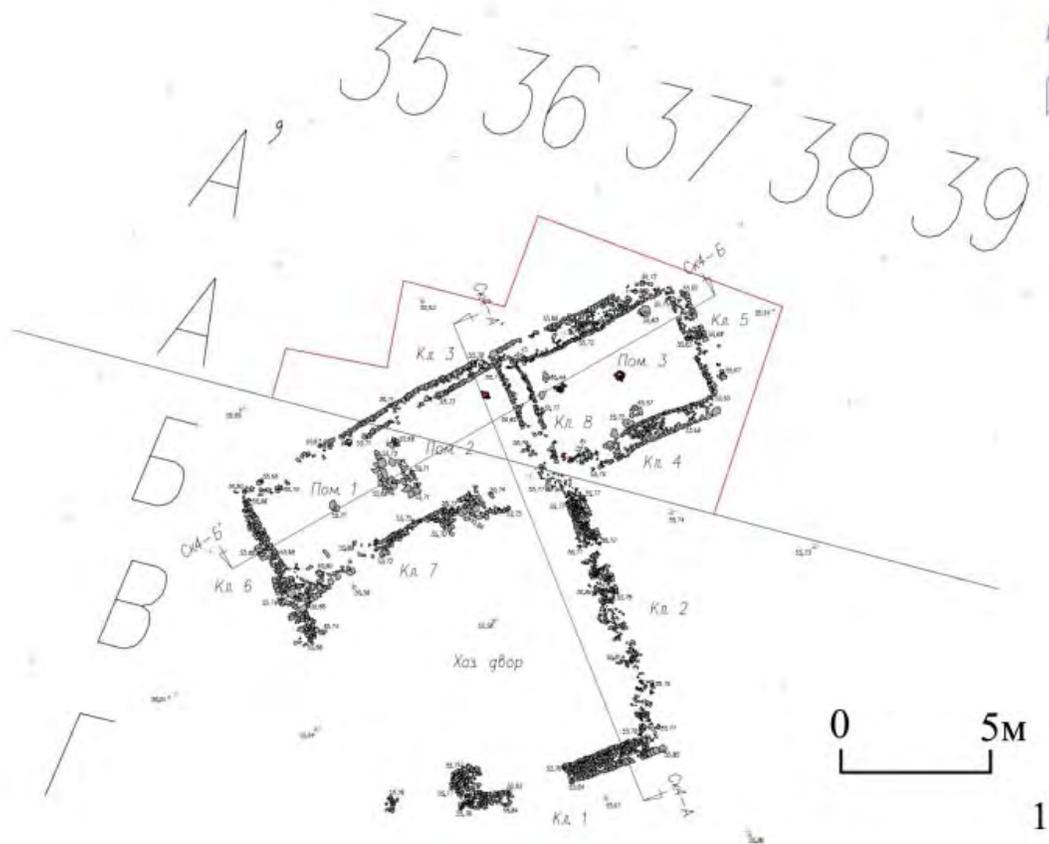
Дом, примыкавший к двору с северо-запада, вытянут по длинной оси в направлении юго-запад–северо-восток и состоял из двух помещений, разделенных кладкой 8. Длина дома по оси юго-запад–северо-восток составила 18,2 м, по оси северо-запад–юго-восток – 5,1 м. Он состоял из двух помещений: юго-западного (помещения 1) и северо-восточного (помещения 2). Стены сохранились на высоту одного ряда камней до 0,20–0,35 м. Цоколи уложены на культурном слое более раннего периода трехслойной, двухпанцирной кладкой с забутовкой

из суглинка и небольших камней. Фасы сложены из необработанных небольших камней, большей частью установленных под углом до 45 градусов (рис. 10; 11: 1).

Внутренние размеры помещения 1 составили $9,40 \times 3,40$ м. Стены, обрамлявшие его с северо-запада, юго-запада и юго-востока (кладки 3, 6, 7), и стена, отделявшая от помещения 2 (кладка 8), на отдельных участках выбраны. В помещении вел вход шириной 0,90 м, находился с южной стороны в кладке 7. В центральной части помещения расчищен бесформенный завал размерами $2,2 \times 1,3$ м, состоявший из небольших необработанных камней, среди которых найдены фрагменты плит двух ротационных зернотерок (верхняя плита сделана из известняка, нижняя – из привозной плотной породы камня серого оттенка) (рис. 10: 2; 11: 2). В 1,8 м к западу от каменного развала обнаружен еще один фрагмент верхней плиты известняковой ротационной зернотерки с двумя боковыми углублениями для рычага или махового штока (рис. 11: 3). В северо-восточном углу помещения прослежен развал фрагментов (стенки и ручки) «причерноморской» бороздчатой амфоры.

Внутренние размеры помещения 2 составили $5,40 \times 3,40$ м. Стены, обрамлявшие его с северо-запада, юго-запада и юго-востока (кладки 3, 4, 5), на отдельных участках выбраны, кладки 3 и 4 деформированы в горизонтальной плоскости. Дверной проем на уровне цоколя стен проследить не удалось (рис. 10; 11: 1). В северо-восточном углу помещения обнаружен фрагмент ротационного жернова диаметром не менее 45 см (рис. 11: 4). В центральной части прослежен развал красноглиняной амфоры с неглубокими, местами едва заметными, хорошо выраженными лишь в придонной части бороздками, высоким коническим горлом и округлым венчиком⁷ (рис. 13: 1), в юго-западной части – развал нижней части салтово-маяцкого горшка, украшенного зональным горизонтальным рифлением, нанесенным семизубчатой гребенкой (рис. 14: 1), и фрагменты железных орудий для обработки почвы (рис. 13: 5). Кроме того, в помещении 2 найдены: верхняя часть тарного салтово-маяцкого горшка с ложновитым венчиком и туловом, орнаментированным зональным горизонтальным рифлением (рис. 14: 2), лепной светильник с рельефно-выпуклым клеймом

⁷ Высота амфоры 56 см, диаметр венчика 6,5–7,0 см. Тесто плотное, на изломе и поверхности светло-красного оттенка, с включением карбонатов и частиц темно-бурого оттенка (возможно, железистых). На поверхности следы белого жидкого ангоба. Ручка профилирована по верхней плоскости валиком и двумя желобками.

2

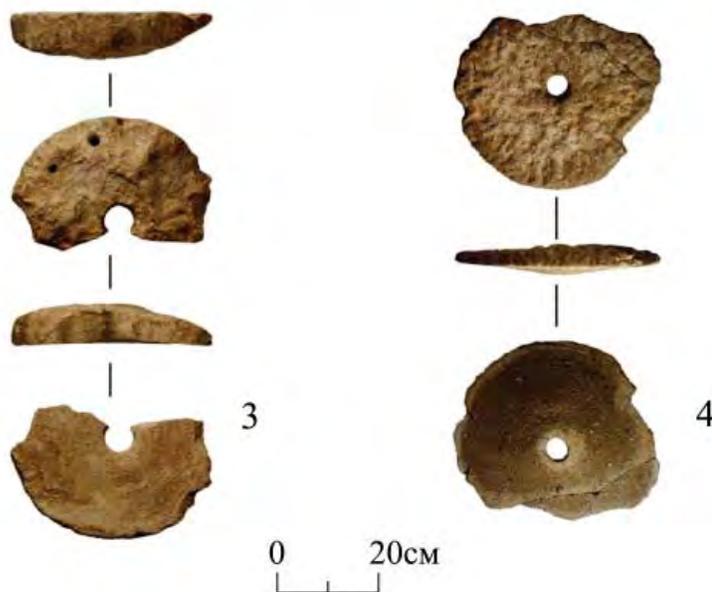
Рис. 10. Вышестеблиевская-16. Усадьба СК-IV: 1 – план; 2 – вид с северо-востока

1

2

3

4

0 20см

Рис. 11. Вышестеблиевская-16. Усадьба СК-IV. Дом: 1 – вид с северо-востока; 2 – развал камней в помещении 1. Вид с юга; 3 – жернов в западной части помещения 1; 4 – жернов из помещения 2

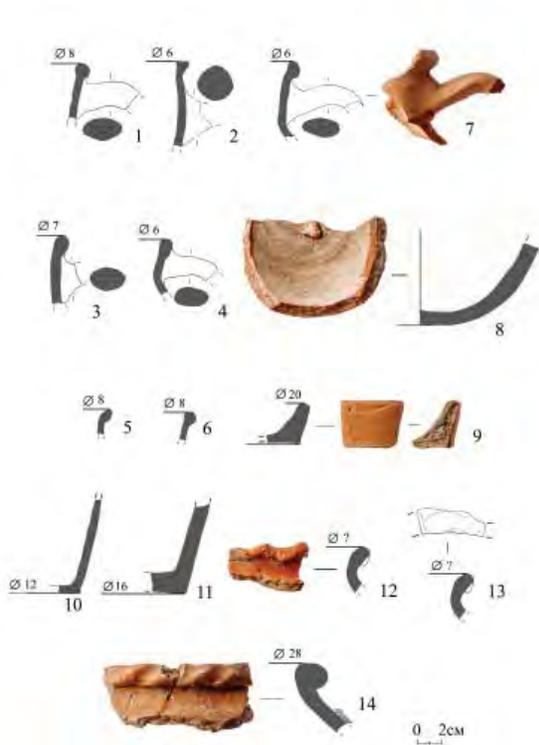

Рис. 12. Вышестеблиевская-16. Усадьба СК-IV. Находки с территории двора: 1–8 – амфоры; 9 – красноглиняная миска; 10, 11 – кувшин и ойнохой «скалистинского» типа; 12–14 – салтово-маяцкие горшки

на дне⁸ (рис. 13: 2), расплющенный бронзовый «колесовидный» ременной распределитель (рис. 13: 3) и обломок поддона стеклянной рюмки (рис. 13: 4).

Усадьба СК-V, открытая в северной части раскопа и прирезке к нему, состояла из двухкамерного дома, ориентированного длинной осью по линии юго-запад–северо-восток, и пристроенного к нему с юго-востока огороженного двора. С северо-востока к двору, возможно, примыкал еще один небольшой огороженный двор (рис. 15). Основной двор размерами 9,00 × 7,40 м (66 кв. м) имел в плане прямоугольную форму, длинной осью вытянут по линии юго-запад–северо-восток. С юго-запада, юго-востока и северо-востока он ограничен кладками 1, 2 и 3. Сохранились они фрагментарно на уровне нижнего ряда камней на высоту от 0,20 до 0,35 м. Кладки толщиной 0,80 м трехслойные, двухпанцирные с забутовкой из суглинка и мелких камней, фасы сложены из необработанных

⁸ Светильник изготовлен из теста с примесью дробленых раковин морских моллюсков, на изломе и поверхности светло-коричневого оттенка.

Рис. 13. Вышестеблиевская-16. Находки из помещения 2 дома усадьбы СК-IV: 1 – амфора; 2 – лепной светильник с рельефно-вытуклым клеймом на дне; 3 – фрагмент бронзового ременного распределителя; 4 – поддон стеклянной рюмки; 5 – фрагменты железных орудий для обработки почвы

камней, часть которых уложена под углом 45 градусов. До того, как они были возведены, на этом участке уже успел отложиться культурный слой. В заполнении двора найдено 248 фрагментов керамики, в том числе 112 фрагментов (28 профильных и 84 стенки) «причерноморских» борозчатых амфор (рис. 16: 1–4), 41 стенка и фрагмент горла гладкостенных «причерноморских» амфор с мелким зональным рифлением на тулове (рис. 16: 5), дно высокогорлого кувшина с плоской ручкой (рис. 16: 6), фрагмент вьючной фляги (рис. 17: 1), три фрагмента ойнохой «баклинского» («скалистинского») типа (рис. 17: 2), 30 фрагментов (в том числе восемь профильных) салтово-маяцких кухонных горшков (рис. рис. 17: 3–8), две стенки салтово-маяцкого тарного горшка (рис. 17: 9), фрагмент нелощеной корчаги (рис. 17: 10) и лепная дисковидная крышка диаметром 11,6 см (рис. 17: 11). Немногочисленные находки античной керамики представлены в основном фрагментами амфор Хиоса и Фасоса. Здесь же были найдены 10 кусков печины и 38 костей животных, в том числе

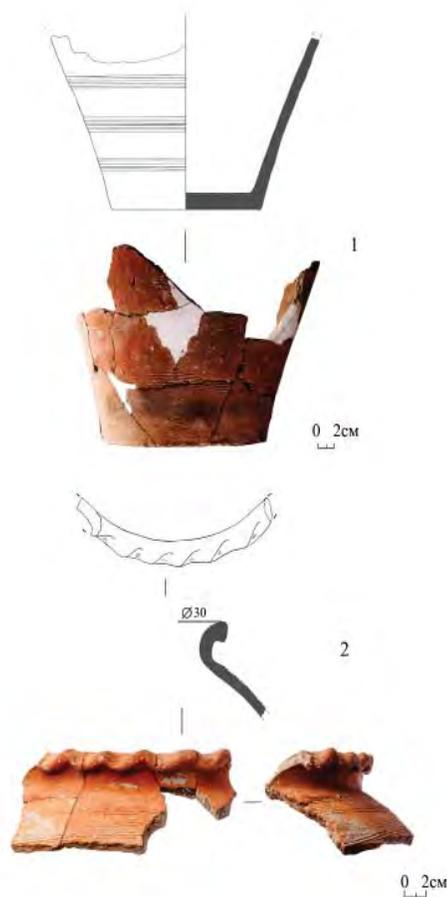

Рис. 14. Вышестеблиевская-16. Находки из помещения 2 дома усадьбы СК-IV: 1, 2 – салтово-маяцкие горшки

лошади (4 ед.), коровы (14 ед.), овцы (1 ед.), овцы или козы (6 ед.) (определение А.К. Каспарова).

С северо-востока к двору, возможно, примыкал еще один небольшой огороженный стенами двор. Его размеры и планировку установить не удалось, поскольку эта часть усадьбы сохранилась в виде фрагмента одной стены, пристроенной с востока к кладке 2. Стенка однослойная, сложена из необработанных камней, уцелела на высоту одного ряда камней от 0,17 до 0,22 м. Ее толщина варьируется в пределах 0,25–0,32 м, длина составляла не менее 3,60 м. Внутри дворика или пристройки, в 2,40 м к северо-западу от его сохранившейся стенки и 1,20 м к северо-востоку от кладки 3, обнаружена хозяйственная яма (рис. 15: 1; 18: 1). Яма округлой в плане формы, в разрезе прямоугольной, диаметр 1,00 м, сохранилась на глубину 0,40 м. Заполнена она была плотным темно-коричневым суглинистым грунтом. На дне ямы обнаружены

пять фрагментированных «причерноморских» бороздчатых амфор⁹ (рис. 18: 2–6), а в заполнении найдены фрагментированная красноглиняная миска (рис. 18: 7), ручка красноглиняного кувшина или «баклинской» ойнохои, семь стенок лепных горшков, семь фрагментов (включая край и дно) салтово-маяцких горшков, изготовленных на ручном гончарном круге и 50 костей, в том числе лошади (1 ед.), коровы (1 ед.) и рыб (48 ед.).

Двухкамерный дом усадьбы имел в плане прямоугольную форму и был вытянут по длинной оси в направлении юго-запад–северо-восток. Стены его юго-западного помещения 1, за исключением смежной стены с помещением 2, были полностью выбраны в древности, но утрамбованная поверхность пола позволила реконструировать его как квадратное в плане сооружение с внутренними размерами 3,60 × 3,60 м (12,96 кв. м). В центральной части помещения на уровне пола зафиксирован развал «причерноморской» бороздчатой амфоры¹⁰ (рис. 18: 8), рядом с которым найден фрагмент ножа (рис. 18: 9). В юго-западной части помещения прослежен развал небольших необработанных камней длиной 1,72 м, вытянутый по линии северо-запад–юго-восток. Стены северо-восточного помещения 2 (кладки 4–7) сохранились практически полностью на уровне нижнего ряда камней на высоту от 0,20 м до 0,35 м. Северо-западная стена 4 и юго-восточная стена 6 деформированы в горизонтальной плоскости – выгнуты навстречу друг другу в сторону помещения. Кладки стен помещения 2 толщиной 0,80 м, трехслойные, двухпанцирные с забутовкой из суглинка и мелких камней, фасы сложены из необработанных камней, часть которых уложена под углом 45 градусов. Внутренние размеры помещения составили 6,60 × 3,60 м (23,76 кв. м). Вход в него, шириной 0,60 м, скорее всего, был устроен в стене 7, смежной с помещением 1, которое, в свою очередь, вероятно, сообщалось дверным проемом с двором.

⁹ Первая амфора: диаметр венчика 6 см, высота 40 см; вторая амфора: диаметр венчика 6 см, сохранилась на высоту 30 см; третья амфора: диаметр венчика 6,5 см, высота 44 см; четвертая амфора: диаметр венчика 6 см, высота 37 см; пятая амфора сохранилась на высоту 34,5 см. Тесто амфор плотное, обжиг равномерный, на изломе и поверхности светло-красного оттенка, с примесью карбонатов, кварцевого песка и частиц черного цвета. Амфоры 1, 3–5 частично покрыты жидким белесым ангобом.

¹⁰ Диаметр венчика 6,5 см, высота 38,5 см. Тесто плотное, на изломе и поверхности красно-оранжевого оттенка, с примесью карбонатов, частиц бурого оттенка и черного цвета.

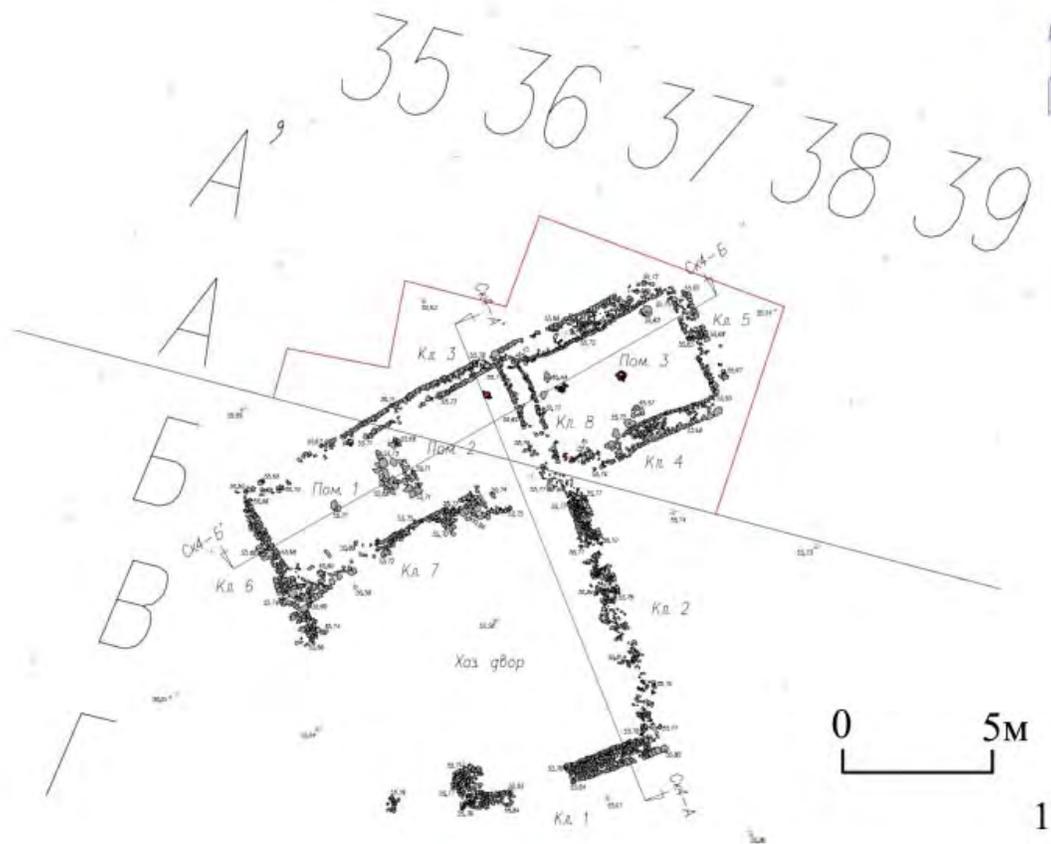

Рис. 15. Вышестеблиевская-16. Усадьба СК-V: 1 – план; 2 – вид с северо-востока; 3 – вид с северо-запада

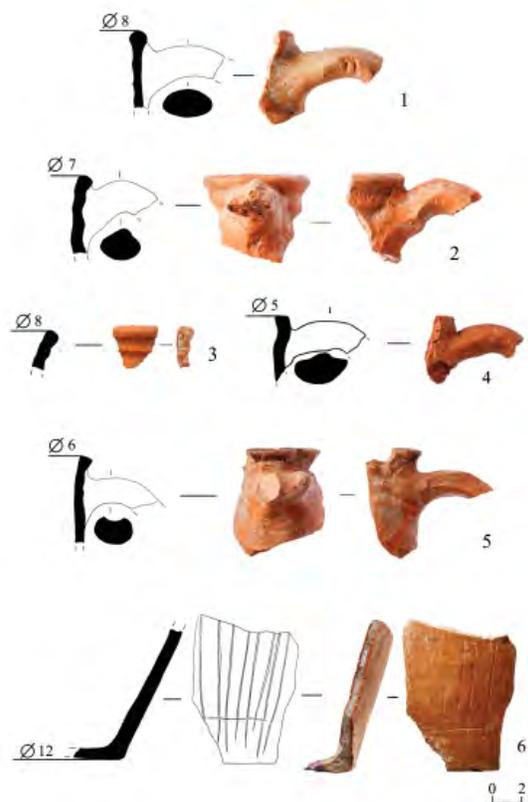

Рис. 16. Вышестеблиевская-16. Усадьба СК-V. Находки с территории двора: 1–4 – «причерноморские» бороздчатые амфоры; 5 – «причерноморская» амфора с МЗР; 6 – высокогорлый кувшин с плоской ручкой

В обоих помещениях дома усадьбы СК-V, как и во всех других, раскопанных в 2016 г. домах усадеб, не было обнаружено отопительных сооружений (печей-«каменок» и очагов), а также других хозяйственно-бытовых приспособлений и сооружений (загородок из плит, зерновых ям и ям для установки пифосов), а «жилая» поверхность прослежена в виде одинакового по структуре и плотности утрамбованного суглинка, поэтому установить какое из них было жилым, а какое хозяйственным не удалось. Можно лишь сослаться на опыт раскопок двухкамерных построек в Крыму, в которых для хозяйственных нужд обычно использовалось помещение больших размеров. Усадьбы поселения Вышестеблиевская-16 по планировке, двухкамерной конструкции дома и использованным при их сооружении строительным приемам имеют многочисленные аналогии в городской и сельской архитектуре Крыма VIII–X вв., а также крупнейших приморских городских центров Таманского полуострова (Таматархи и Фанагории) (Баранов, 1990. С. 48–53; Майко, 2004б. С. 59–84; Чхаидзе, 2008. С. 43–120; 2012. С. 13–127; 2018а. С. 297, 298, 307, рис. 2; Пономарев, 2013. С. 440–461).

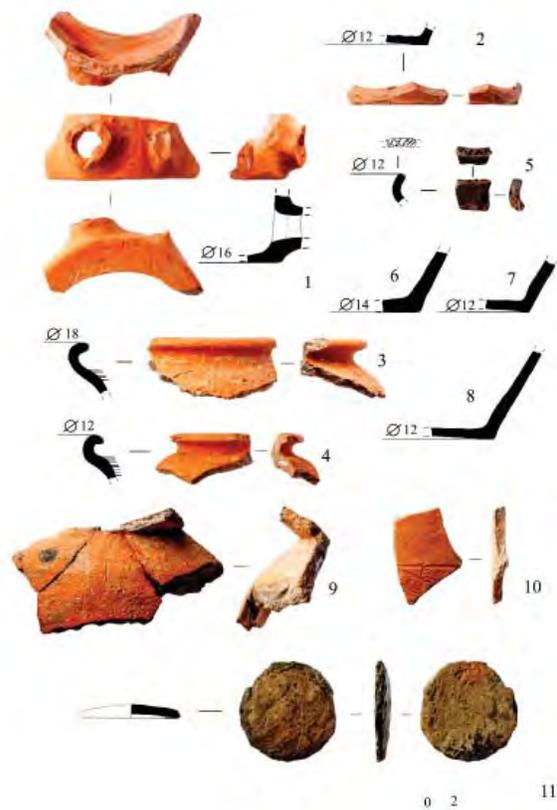

Рис. 17. Вышестеблиевская-16. Усадьба СК-V. Находки с территории двора: 1 – фляга; 2 – ойнохоя «скалистинского» типа; 3–9 – салтово-маяцкие горшки; 10 – пифос-корчага; 11 – лепная крышка

Обнаруженная в усадьбах керамика позволяет обозначить время их функционирования в пределах второй половины IX – первой половины/середины X вв. При определении нижней хронологической границы важнейшим индикатором служат фрагментированные экземпляры и обломки нескольких красноглиняных и оранжевоглиняных высокогорлых кувшинов с плоской ручкой (рис. 5: 7–8; 7: 11; 16: 6), датирующихся не ранее второй половины (третьей четверти) IX в. (Науменко, 2009а. С. 54–57). На Таманском полуострове они найдены при раскопках Таматархи и Фанагории (Плетнева, 1963. С. 133; Кузнецов, Голофаст, 2010. Рис. 31: 1; Чхаидзе, 2012. С. 162–166, рис. 95, 96), на поселении Гора Чиркова-1 (Свиридов и др., 2017. С. 176; Супренков и др., 2017. С. 245, рис. 5: 1, 2), на поселении Ильич (Чхаидзе, 2018б. С. 84, 86, 88–90, рис. 12: 4–7), поселениях Веселовка-2 и Солёный-II (Горлов, Чхаидзе, 2008. С. 190, рис. 3: 1, 2; Зиливинская, 2018. С. 213). На поселении Балка Лисовицкого-1 высокогорлый кувшин обнаружен в хозяйственной яме вместе с «причерноморскими» бороздчатыми амфорами (Шишлов и др., 2016.

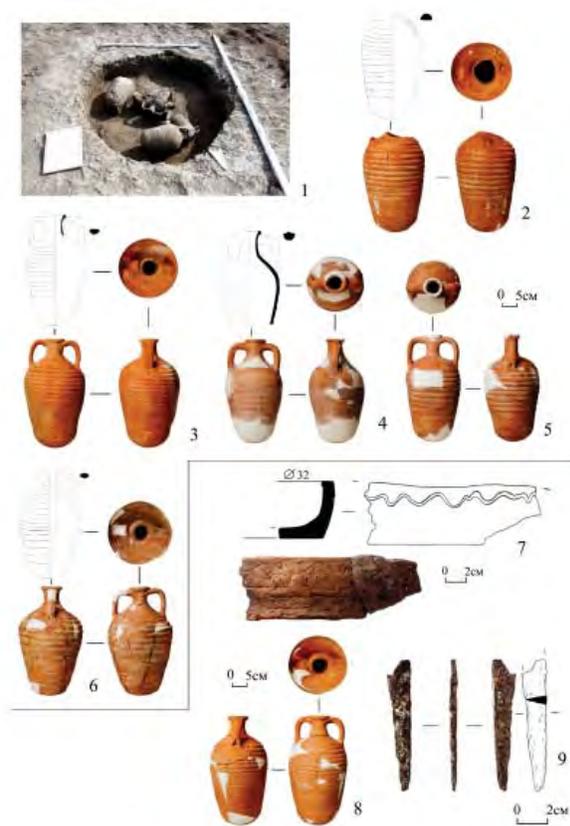

Рис. 18. Вышестеблиевская-16. Усадьба СК-V:
1 – развал амфор из ямы в северо-восточном дворике или пристройке, вид с север;
2–6 – «причерноморские» амфоры из ямы;
7 – миска из ямы; 8 – «причерноморская» амфора из помещения 1 дома усадьбы; 9 – нож из помещения 1 дома усадьбы

С. 131, рис. 1: 5). Обнаружены они также в Прикубанье, Закубанье, Карачаево-Черкесии, на Черноморском побережье Кавказа и во внутренних районах Абхазии, но в этих регионах, насколько можно судить по опубликованным экземплярам, они представлены немногочисленными находками (Бгажба, 1977. С. 15, табл. XIII: 1–5, 7; Биджиев, 1979. С. 39; Новичихин, 1993. С. 140, рис. 2: 1; Шишлов, 2007. С. 17, рис. 4; 2013. С. 16; Бонин, 2015. С. 323; Успенский, 2015. Рис. 23: 3; Аргун, 2016. С. 249; Голубев, Долгополова, 2022. С. 169, 181, 182, рис. 8: 2; 9: 2).

Наиболее многочисленную категорию находок (до 87 %) в усадьбах составляли «причерноморские» бороздчатые амфоры крымского производства (рис. 4: 4, 5; 5: 1, 4–6; 7: 4–7, 10; 8: 3–6; 9; 12: 1, 3–8; 16: 1–4; 18: 2–6, 8), датирующиеся второй половиной VIII – первой половиной X вв. и преобладающие в слоях и комплексах, начиная со второй

половины IX в. (Науменко, 2009б. С. 43–47, тип II; Голофаст, Евдокимов, 2019. С. 190). На Таманском полуострове они найдены на всех без исключения памятниках хазарского периода (см. лит.: Супренков и др., 2019. С. 220; Иванов, 2023. С. 75, 77, рис. 1: 4). Особый интерес представляет амфора с клеймом на ручке в виде многолепестковой розетки (рис. 9: 9, 9а). До этого клейма на «причерноморских» бороздчатых амфор известны не были.

Помимо них были найдены менее многочисленные фрагменты гладкостенных, красноглиняных и оранжевоглиняных амфор с мелким зональным рифлением на плечиках (рис. 12: 2; 16: 5). В последнее время амфоры этого типа относят к так называемым «глобулярным» амфорам. Производились они в средиземноморских центрах в первых десятилетиях VII – конце VIII / середине IX вв. Крымские их вариации датируются второй половиной VIII – первой половиной X вв. Однако, скорее всего, когда в массовый оборот вошли «причерноморские» бороздчатые амфоры и высокогорлы кувшины с плоской ручкой этот более ранний тип амфор постепенно вышел из употребления (Якобсон, 1979. С. 29, 30, 32, варианты 1 и 3; Науменко, 2009б. С. 39–43; Голофаст, 2019а. С. 39, 40; Голофаст, Евдокимов, 2019. С. 187–189; Сазанов, 2016. С. 178; 2020а. С. 266–268; 2020б. С. 172–174; Науменко, 2020. С. 399–401; 2024. С. 223–229).

Кроме того, в помещении 2 дома усадьбы СК-IV была найдена амфора более редкой разновидности (рис. 13: 1). На Таманском полуострове похожие амфоры обнаружены на поселениях Балка Лисовицкого-1 (Иванов, 2021. С. 67–71, рис. 1) и Гора Чиркова-1 (Супренков и др., 2017. С. 245, рис. 4: 4). Особый интерес представляет целый экземпляр с поселения Балка Лисовицкого-1 высотой 70,2 см. Ее тесто с примесями карбонатов, шамота и железистых частиц имеет на изломе оранжево-коричневый оттенок. На поверхности амфора имеет розово-коричневый оттенок и дополнительно покрыта белесым жидким ангобом (Иванов, 2021. С. 67, рис. 1: 1). Причисление их А. А. Ивановым к амфорам типа III по В. Е. Науменко, с учетом нынешнего состояния источниковедческой базы, представляется вполне обоснованным, но следует учесть, что в этот тип были объединены амфоры городища Тиритака, обнаруженные исключительно в виде фрагментов и имевшие существенные различия в цвете формовочной массы и составе отощителей (Науменко, 2009б. С. 47, 48). Как их варианты, предварительно можно рассматривать амфору из северного нефа храма на поселении Пташкино (Гадло, 1980. С. 141, 142, рис. 7: В), амфору со слабо выражен-

ным рифлением, высотой 60,2 см, из ямы 120 на городище Артезиан (Винокуров, 2004. С. 70, 71, 76, рис. 14: 2; Винокуров, Пономарев, 2016. С. 211–213, рис. 12: 2), амфору со слабо выраженным рифлением, высотой 57,1 см, из слоя конца IX – начала X вв. Фанагории (Голофаст, 2019б. С. 95–100; 2020. С. 159–172), амфору из раскопа «К» 1998 г. на Тепсеньском городище (Майко, 2004б. С. 183, рис. 103: 4), амфоры из Партенита типа II (Паршина, Созник, 2012. С. 8, рис. 2) и две амфоры, найденные на полу жилого помещения ремесленной постройки Сугдеи в составе керамического комплекса, время формирования которого отнесено к первой половине X в.¹¹ (Баранов, Майко, 1996. С. 86, рис. 2, 8, 10; Майко, 2020. С. 45, 221, рис. 53: 9, 11). Что касается места производства этой редкой группы амфор, оно пока остается неизвестным. Учитывая их вариабельность, предварительно можно допускать, что изготавливались они в разных регионах, в том числе в Крыму, Южном Причерноморье и Средиземноморье. Не «крымское» происхождение, в частности, демонстрирует амфора, найденная в Фанагории, причем, не только формовочной массой, но и свинцовой plombой на ручке с древнееврейской надписью (Голофаст, 2020. С. 159). К продукции южнопонтийских или эгейских центров А. В. Гадло отнес и упомянутую выше амфору из храма на поселении Пташкино (1980. С. 141). Однако, пока не будут открыты гончарные печи, где изготавливались такие амфоры, а найденный в них производственный брак не будет опубликован (в том числе в виде цветных фотографий), любые рассуждения о месте их производства будут носить предварительный и субъективный характер.

К категории тарных сосудов, помимо уже упоминавшихся выше высокогорных кувшинов, относится фрагментированная вьючная фляга, найденная во дворе усадьбы СК-V (рис. 17: 1). Производились они в Крыму во второй половине VIII – первой половине X вв. (Науменко, 2009в. С. 58–60). На Таманском полуострове находки фляг зафиксированы в Таматархе, Фанагории, на поселении и могильнике Балка Лисовицкого-1, поселении Гора Чиркова-1, а также в грунтовом и подкурганном погребениях могильника Виноградный-7 (Марченко и др., 2007. С. 178, 309, рис. 38: 2; Чхаидзе, 2008. С. 206, рис. 119; 2012.

¹¹ Морфологически им близка красноглиняная, покрытая светло-желтым ангобом амфора, найденная в Фанагории в яме «О» на раскопе «Береговой-Стратиграфический». Однако яма датируется более ранним временем, не позднее первой трети VI в. (Чхаидзе, 2012. С. 147, 464, рис. 74, тип VII).

С. 167, 168, рис. 100; Супренков и др., 2019. С. 212, 239, рис. 8: 5; Свиридов и др., 2019. С. 259, 288, рис. 13: 5; Жупанин и др., 2020. С. 298, рис. 7: 3; Жупанин, Иванов, 2022. С. 51, 52, рис. 2: 1, 2).

Столовая посуда крымского производства представлена немногочисленными находками в усадьбах фрагментов ойнохой «скалистинского» («баклинского») типа (преимущественно стенками и днищами) (рис. 17: 2) (Науменко, 2009г. С. 60–63), днищем тонкостенного красноглиняного кувшина или ойнохой «скалистинского» типа из двора усадьбы СК-IV (рис. 12: 10), обломком красноглиняной массивной миски диаметром 20 см по краю из двора усадьбы СК-IV, тесто которой по окраске и непластичным включениям (карбонатам, шамоту и частицам бурого оттенка) идентично «причерноморским» бороздчатым амфорам (рис. 12: 9). Ареал распространения ойнохой в VIII – первой половине X вв. охватил Крым, Приазовье, Нижнее и Среднее Подонье, бассейн Северского Донца, Таманский полуостров, Прикубанье, Закубанье, Западное Предкавказье и Черноморское побережье Кавказа (см. лит.: Науменко, 2009г. С. 60–63; Овчинникова, 2011. С. 125, табл. 1: 4; Мокрушин и др., 2021, Рис. 8: 1; 12; Могильник, 2021). На Таманском полуострове они найдены как в крупных приморских центрах, так и на поселениях, а также в погребальных комплексах (Сорокина, 1969. Рис. 1: 7; Марченко и др., 2007. С. 268, рис. 120: 3–5; Кузнецов, Голофаст, 2010. С. 416, 418, рис. 33: 1, 2; Чхаидзе, 2008. С. 194, рис. 108; 2011. С. 124, 125, рис. 10: 1; 2012. С. 173, 174; Шишлов и др., 2016. С. 131, рис. 1: 7; Свиридов и др., 2019. С. 258, рис. 3).

Столовая посуда местного производства представлена фрагментированным экземпляром лощеного сосуда (кувшина, кубышки или кружки) из усадьбы СК-II (рис. 5: 2). Ближайшие гончарные мастерские конца VII – первой половины VIII вв., VIII–IX вв., где производилась лощеная посуда, обнаружены в Прикубанье, Закубанье и в районе Анапы (Кононов, Пономарев, 2023а. С. 102–126; 2023б. С. 178–241; 2024. С. 84–107).

Вторую по численности категорию керамических находок составляют кухонные салтово-маяцкие горшки, изготовленные на ручном гончарном круге из формовочной массы с примесью песка, шамота и толченых раковин морских моллюсков. Обожжены они в восстановительной и окислительно-восстановительной среде, после чего приобрели темно-серый оттенок, а также различного рода оттенки коричневого, оранжевого и красного цветов. Тулово некоторых из них украшено сплошным

или зональным горизонтальным и волнообразным рифлением, нанесенным многозубчатым штампом, а венчики – наколами и вдавлениями (рис. 5: 9, 10; 7: 8; 14: 1; 17: 3–8). Толстостенные горшки с массивным ложновитым (деформированным пальцевыми вдавлениями) венчиком использовались в качестве тарных сосудов (рис. 5: 11, 12; 12: 12–14; 14: 2; 17: 9). Диаметр горла двух из них составлял 28 и 30 см. Они найдены в пределах всего ареала салтово-маяцкой культуры, в Крыму, на Таманском полуострове, Закубанье, Прикубанье, в степном Предкавказье и на Северном Кавказе (Ляпушкин, 1941. С. 207, 208, табл. III: 1; Плетнева, 1963. С. 59, рис. 36: 1–5; Гадло, 1975. С. 65; Биджиев, Соволайнен, 1982. С. 114, рис. 1; Тарабанов, 1993. С. 121, рис. 6: а–г; 1997. Рис. 2: 5, 8, 11; Зинько, Пономарев, 2009. С. 67; Кузнецов, Голофаст, 2010. Рис. 33: 4; Пономарев, 2014. Рис. 1: 1, 2; Сударев, Майко, 2015. С. 366, рис. 4: 6). Ближайшие гончарные печи, в которых их обжигали, раскопаны на поселении Плетнева балка (Новокубанский район Краснодарского края у хут. Красная звезда на правом берегу р. Кубань) (Голубев, Попик, 2015. Рис. 2: 2, 7, 9, 15), в кургане № 5 курганной группы Холмский-25 на окраине ст. Холмская в Абинском районе Краснодарского края (Нечипорук, 2015. С. 190, рис. 9), на территории курганного могильника Общественный-I в окрестностях станицы Мингрельская Абинского района Краснодарского края (Гей и др., 1988), в кургане у станицы Рязанской Белореченского района Краснодарского края (Ловпаче, 1995. С. 164, табл. LVI) и на территории могильника Ахтырский лиман-I в Абинском районе Краснодарского края (Гей и др., 1988. С. 118, 119). На Таманском полуострове гончарные печи, где обжигалась салтово-маяцкая посуда, выявлены на поселениях Гора Чиркова-1 (Свиридов и др., 2017. С. 175, 176, рис. 8), Балка Лисовицкого-2 (Кияшко и др., 2016. С. 172) и Балка Лисовицкого-1 (раскопки 2015 г. Ю.К. Гугуева), но материалы их раскопок не опубликованы. По мнению В.Н. Чхаидзе, еще одна печь могла находиться на поселении Веселовка-2 (северо-западный берег Кизилташского лимана), где был обнаружен штамп-гребенка из камня, использовавшийся для нанесения на горшки рифленого орнамента (Горлов, Чхаидзе, 2008. С. 190).

Нелощеные пифосы-корчаги из усадьбы СК-V представлены единственным фрагментом стенки. Эти крупные толстостенные сосуды с двумя петлевидными ручками также относятся к категории тарной салтово-маяцкой керамики. Тулово сосуда украшено горизонтальной бороздкой и многорядной «волной», нанесенной многозубчатым штампом (рис. 17: 10). Такие сосуды имитировали лощеные

корчаги с петлевидными ручками, ближайшие центры производства которых обнаружены в Закубанье и Северо-Восточном Причерноморье – у ст. Марьянской Красноармейского района Краснодарского края (Кононов, Пономарев 2023а. С. 102–126), в районе селища Казазово-2 на южном берегу Краснодарского водохранилища (Тарабанов, 1987. С. 57, 58; 1999. С. 25) и на поселении Усатова Балка-4 в 7 км к востоку от Анапы (Кононов, Пономарев, 2024. С. 84–107). Однотипный двуручный пифос-корчага, имитирующий по форме лощеный прототип, обнаружен на Керченском полуострове (поселение Героевка-3) (Зинько, Пономарев, 2001. С. 153, 154, рис. 4: 3). К продукции местных гончарных центров можно причислить нелощеный пифос без ручек высотой 63 см, обнаруженный в южной части Керченского полуострова на поселении «над источником» (г. Опук) (Голенко, 2007. С. 234, 240, рис. 111: 1).

К числу редких находок относится фрагментированная толстостенная миска из усадьбы СК-V высотой 5 см и диаметром края 32 см. Ее тулово украшено одиночной горизонтальной ассиметричной «волной» (рис. 18: 7). Тесто красно-оранжевого оттенка, неравномерного обжига, с включением дробленных раковин морских моллюсков и шамота. Миски конической формы, изготовленные из такой же формовочной массы, что и салтово-маяцкие горшки, обнаружены при раскопках Таматархи и салтово-маяцких поселений Керченского полуострова (Плетнева, 1963. Рис. 26: 5; Зинько, Пономарев, 2009. С. 67, рис. 197: 1; Пономарев, 2003. Рис. 8: 9).

К категории салтово-маяцкой керамики относится также открытый округло-конусовидный светильник (диаметр по верхнему краю 10 см, высота 4,5 см) с ручкой-выступом, найденный в усадьбе СК-IV. Изготовлен он из формовочной массы с примесью дробленных раковин морских моллюсков, принявшей после обжига коричневый оттенок (рис. 13: 2). На дне светильника отсиснуто рельефно-выпуклое клеймо в виде прямого креста в круге. Светильники такой же формы найдены в одной из построек салтово-маяцкого поселения Героевка-6 на Керченском полуострове (Зинько, Пономарев, 2008. С. 428, рис. 7: 5; Пономарев, 2016. С. 244, рис. 7: 1), в Саркеле (Плетнева, 1959. С. 252, 253, рис. 38: 1–3; 1967. С. 126, рис. 132: 7), на городищах и поселениях Таманского полуострова (Чхаидзе, 2012. С. 188, рис. 127: 6–12).

Что касается клейма, то В.С. Флеров выделил их в группу I, подгруппу тип 2 (Флеров, 1979. С. 94, 95, 97), а К.И. Красильников – в тип I вариант 2 или тип I, подтип Г, один из самых распространенных

вариантов клейм салтово-маяцкой керамики (Красильников, 1999. С. 175, 176, рис. 9; 2009. С. 123, 124, рис. 6: 2; 21: 8). Такие же ремесленные знаки зафиксированы на кирпичках из крепостных стен Саркела (930-е) (Флерова, 1997. С. 45, 112, табл. VI: 1; Флеров, 2009. С. 532, рис. 17: 150). Круг аналогий этому «солнечному» («огненному») символу очень широк и охватывает всю территорию распространения салтово-маяцкой культуры, сопредельные с ней районы проживания славян, Предкавказско-Кавказский и Днестро-Дунайский регионы, Крым и Болгарию. Наносились такие знаки на лощеную столовую посуду и кухонные горшки (Макаревич, 1957. Табл. I: II; Плетнева, 1959. Рис. 44: 21; Красильников, 1976. Рис. 5: 6; 1979. Рис. 5; Козлов, 1988. Рис. 2: 5; 4: 1, 2; Баранов, 1990. Рис. 36; Тарабанов, 1993. Рис. 3; Винников, Плетнева, 1998. С. 156, рис. 63: 10; Аксенов, 1999. Рис. 8: 17; Майко, 2000. Рис. 10: 3–7; Флерова, 2001. С. 35–37; Винников, Сарапулкин, 2008. С. 71, 96, 99, 101, рис. 12: 7; 37: 4; 40: 16, 18; 42: 2; Зинько, Пономарев, 2009. С. 47; Кравченко, 2020. Рис. 178: 20; 179: 7; 183: 15–22; Скирда, Нестеренко, 2017. Рис. 1: 2; 2: 1; 3: 3; Флеров, 2017. Рис. 6: 6; Рашев, 2008. Табл. СХ).

Среди других находок выделяется бронзовый перстень с четырьмя «лапками»-зажимами для стеклянной вставки – жуковины, найденный в помещении 1 дома усадьбы СК-II (рис. 5: 3). На ранне-средневековых памятниках Таманского полуострова они встречаются нечасто (Чхаидзе, 2008. С. 220, 221, рис. 125: 6, 7; Марченко и др., 2007. Рис. 7: 5–6; Свиридов и др., 2019. Рис. 11). Найдены они в кремационных погребениях могильника Дюрсо, датированных серединой – второй половиной IX в. (Могильник, 2021. С. 20, 21, 42, 115, 262, рис. 13: 2, 3; 27: 21; 79: 2; 192: 2), одновременных им кремационных погребениях могильника у хутора К. Маркса на правой берегу р. Кубань, могильниках Цемдолина и Южная Озерейка в Новороссийске (Рукавишникова и др., 2018. С. 363, рис. 1: 9, 10; Шишлов и др., 2023. С. 216, 217, рис. 4: 18; Гавритухин, Пьянков, 2003. Табл. 73: 15), погребениях IX в. могильника Натухаевский 1 (Шишлов и др., 2014. Рис. 2: 21; 5: 5, 6; 7: 11–14), могильниках Северной Осетии (Кантемиров, Дзаттиаты, 1995. С. 265, табл. XII: 3; XXX: 2–7; Хайнрих, 1995. Табл. XIX: 5, 6; XXV: 8, 9; XXIX: 1, 2; XLIX: 1, 2; Дзаттиаты, 2014. Табл. XVI: 11, 12; XVII: 10; XXIa: 1; XXX: 11, 12; LXVII: 46, 47, 49; Дзаттиаты, Успенский, 2016. С. 153, 154, рис. 3: 4, 5; Гончаров, Кадиева, 2019. Рис. 2: 3), в Чечне (Виноградов, Мамаев, 1985. С. 7, 8, рис. 2: 55; 9: 32; Багаев, Мамаев, 2009. С. 125, рис. 2А: 4) и Дагестане (Смирнов, 1951. С. 114, рис. 50: 13). В Крыму их

находки фиксируются повсеместно, в том числе на поселениях и могильниках VIII – первой половины X вв. Керченского полуострова (Марти, 1941. С. 32, 33, 35, рис. 42; 46: 4; Гадло, 1969. С. 165, рис. 66; Ольховский, Петерс, 1991. Рис. 1: 9; Масленников, 1992. Рис. 17: 13), в Юго-Восточном и Юго-Западном Крыму (Тахтай, 1948. С. 34; Кадеев, 1973. С. 22; Романчук, 1983. С. 119; Баранов, 1989. Рис. 4: 35, 40; 2003. Рис. 7: 14; 13: 14; Айбабин, 1993. Рис. 2: 21; 5: 22; 2010. С. 222, рис. 12: 8; Майко, 2004а. Рис. 2: 4; 2004б. Рис. 87: 13). За пределами Крыма перстни с «лапками»-зажимами чаще всего встречаются в салтово-маяцких могильниках Нижнего и Среднего Подонья, Северского Донца и гораздо реже на Днепровском Левобережье, Закубанье, Прикубанье, Западном и Центральном Кавказе, в курганных погребениях и грунтовых могильниках IX–X вв. на территории Башкирии и Татарстана, на памятниках VIII–IX вв. Камско-Вятского междуречья и Поволжья (Макаревич, 1957. С. 149, табл. I: 3; Мажитов, 1964. С. 154, рис. 3: 4; Амброз, 1971а. Рис. 8: 46; Халикова, 1976. С. 167, рис. 3: 13; 5: 9; 6: 29; 7: 26; Плетнева, 1981. Рис. 37; Михеев, 1982. Рис. 6: 12–14; 1986. Рис. 6: 2, 3; Березовец, Пархоменко, 1986. Рис. 51; Сарачева, 1994. С. 92, рис. 6: 18; Перепелкин, Сташенков, 1996. С. 200, 202, 203, рис. 2: 4–6; Иванов, 1997. С. 113, 114, рис. 48: 2–4, 8–10, 13). Форма для отливки таких перстней найдена при раскопках Маяцкого селища на Северском Донце (Михеев, 1985. С. 94, 147, рис. 38: 3). Датируются они обычно второй половиной (концом) VIII – первой половиной IX вв. или VIII–IX вв. (Амброз, 1971б. С. 30; Плетнева, 1981. С. 64; 1989. С. 158; 1996. С. 137; Михеев, 1982. С. 163; 1986. С. 169; Баранов, 1990. Рис. 7: 25; Айбабин, 1993. С. 124; Аксенов, 1998. С. 7). В то же время их находки известны в слоях и комплексах второй половины – конца IX в. (Сарачева, 1994. С. 92, рис. 6: 18; Плетнева, 1996. С. 137, рис. 50; Красильников, Красильникова, 2005. С. 212; Красильников и др., 2009. С. 270, рис. 1: 2). В Саркеле они чаще всего встречаются в «ямном» (хазарском) слое и нижнем пласте, формирование которого, по мнению С.А. Плетневой, относится в основном ко времени гибели крепости в 965 г. (Плетнева, 1996. С. 137–140, рис. 50). Типология и дробная хронология перстней с «лапками»-зажимами, включая поздние их варианты с более крупной вставкой и небольшими лапками (Боккий, Плетнева, 1988. С. 112, Рис. 2: 2; Сташенков, Турецкий, 1999. С. 296; Майко, 2007. С. 124, рис. 68: 2), еще не разработаны.

Изделия из стекла представлены фрагментом стеклянной рюмки VIII–X вв. из усадьбы СК-IV, рюмка изумрудно-зеленого оттенка с трапециевидный корпусом, утолщенным венчиком и невысокой

полой ножкой на массивной дисковидной подставке (рис. 13: 4). Ближайшие центры производства таких изделий находились в Крыму, возможно и в крупных городских центрах Таманского полуострова (Репников, 1932. С. 169, рис. 36; Фронджуло, 1968. С. 151, рис. 16: 7, 8; Айбабин, 1976. С. 28, 29, рис. 1: 10–18, тип II; Веймарн, Айбабин, 1993. С. 194, 195, тип II; Белый, 1993. С. 56, рис. 12: 4–6; Айбабин, Юрочкин, 1995. С. 133; Голофаст, 1998. С. 234; 2001. С. 158, 159, рис. 92: 12, 13; Майко, 2004б. С. 242, рис. 137: 1–5, 12, 13; Герцен и др., 2006. С. 425, рис. 52: 11; 53: 13; Аксёнов, 2007. С. 13–14; Пономарев, 2016. С. 243, рис. 6: 3–15, 27–29, 31–33). На Таманском полуострове их фрагменты найдены в основном в Фанагории и Таматархе (Чхаидзе, 2008. С. 215, рис. 123: 27–34; 2012. С. 193, рис. 130: 18–37).

Последние две группы находок представлены орудиями для рыхления почвы и переработки урожая зерновых культур. Изделия из железа первой группы, к сожалению, сохранились в виде небольших обломков, найденных в усадьбе СК-IV, один из которых напоминает наконечник рала (рис. 13: 5).

Переработка урожая осуществлялась на поселении в каждой усадьбе с помощью ручных ротационных жерновов, изготовленных из плотного известняка-ракушечника и других каменных пород (рис. 4: 2–3; 7: 13–14; 11: 3–4). По классификации Р.С. Минасяна, жернова, найденные в усадьбах СК-II и СК-III, относятся к группам I и III (Минасян, 1978. С. 103, 104, 108), а по классификации В.К. Михеева – к типам ПБ1 и ПБ2 (Михеев, 1985. С. 50, рис. 27: 1–7; 28: 8–11). Верхние (бегунок) и нижние (постав или лежак) их плиты диаметром 49,0–50,5 см достигали толщины 5–8 см. Рабочая поверхность имела плоскую или полусферическую форму. По центру верхней плоскости бегунка высверлено круглое отверстие для загрузки зерна. Сбоку, на самом камне или небольшом полукруглом выступе имелось еще одно сквозное отверстие или углубление для махового штока или ручки-рычага, при помощи которых жернову придавалось вращательное движение. Иногда на нижней плоскости бегунка вырубались два симметричных прямоугольных паза для деревянного или железного подпятника – порхлицы. Однако чаще всего порхлица крепилась внутри отверстия для засыпки зерна. Нижний камень имел только одно отверстие для опорного веретена. На Таманском полуострове находки таких жерновов зафиксированы на городищах Таматарха и Фанагория (Чхаидзе, 2008. С. 227, рис. 128: 1; 2012. С. 202, рис. 136: 17–22). На Керченском полуострове они найдены на

всех раскопанных салтово-маяцких поселениях (Пономарев, 2016. С. 259, рис. 1: 3).

Находки в культурном слое и усадьбах поселения Вышестеблиевское-16 ротационных жерновов, костей крупного и мелкого рогатого скота свидетельствуют о том, что основными занятиями его жителей были пашенное земледелие и прирелищное животноводство. Речное рыболовство, по-видимому, носило вспомогательный характер, поскольку кости рыб были зафиксированы лишь при раскопках усадьбы СК-V. Занимались они также домашними промыслами и ремеслами, базировавшимися на присвоении готовых к использованию биоресурсов или связанных с переработкой сельскохозяйственной продукции, нерудного и минерального сырья. К их числу пока что можно отнести охоту, прядение, ткачество и косторезное дело. В торговых взаимоотношениях с соседними регионами основным вектором для жителей поселения, судя по находкам на поселении «причерноморских» амфор, фляг и ойнохой, являлись прибрежные городские центры Таврики, товарооборот с которыми поддерживался по морским коммуникациям посредничеством таких крупных портовых городов на Таманском полуострове, как Таматарха и Фанагория. Откуда привозилось содержимое высокогорлых кувшинов с плоской ручкой установить невозможно. Сами же кувшины, возможно, изготавливались в гончарных центрах на территории современной Абхазии. Лощеная керамика поступала из гончарных центров Прикубанья, Закубанья, возможно, и Черноморского побережья Северо-Западного Предкавказья. На Таманском полуострове гончарные печи, в которых она обжигалась, пока еще не выявлены.

Что касается основной этнической составляющей поселения, на болгарский племенной массив указывают присутствовавшие в его керамическом комплексе салтово-маяцкие горшки и грунтовые могилы № 8 и 9 с юго-западной ориентировкой погребенных в овально-вытянутых ямах, обнаруженные в 18 м к юго-востоку от усадьбы СК-I.

Источники и литература

- Айбабин А.И., 1976. Стеклопосуды из ранне-средневековых могильников Юго-Западного Крыма // СГЭ. Вып. ХLI.
- Айбабин А.И., 1993. Могильники VIII – начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. Вып. III.

- Айбабин А.И., 2010. Городище на плато Эски-Кермен в период господства хазар в Крыму // МАИЭТ. Вып. XVI.
- Айбабин А.И., Юрочкин В.Ю., 1995. Могильник «Баклинский овраг» (по материалам раскопок 1992–1993 гг.) // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь.
- Аксенов В.С., 1998. Новые находки коньковых подвесок в салтовских захоронениях на Харьковщине // *Finno-Ugrica*. Казань. № 1.
- Аксенов В.С., 1999. Старосалтовский катакомбный могильник // *Vita Antiqua*. Київ. № 2.
- Аксёнов В.С., 2007. Скляний посуд з алано-болгарських поховань хозарського часу басейну Сіверського Дінця // Хазарський альманах. Харьков; Киев. Т. 6.
- Амброз А.К., 1971а. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. № 2.
- Амброз А.К., 1971б. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы (окончание) // СА. № 3.
- Аргун А.В., 2016. Архитектурный анализ воротного узла Анакопийской крепости (в свете новых данных) // Абхазия в мировой истории и международных отношениях. К 70-летию В.Г. Ардзинба. Материалы международной научной конференции (Сухум, 14–17 мая 2015 г.). Сухум.
- Багаев М.Х., Мамаев Х.М., 2009. Сельментаузенский раннесредневековый могильник в Чечне // РА. № 1.
- Баранов И.А., 1989. Грунтовые могильники второй половины VIII – X вв. в Крыму // Проблемы на прабългарската история и култура: Втора международна среща по прабългарска археология, Шумен, 1986. София. Т. 1.
- Баранов И.А., 1990. Таврика в эпоху раннего Средневековья (салтово-маяцкая культура). Киев.
- Баранов В.И., 2003. Судакские склепы // Историческое наследие Крыма. Симферополь. № 2.
- Баранов И.А., Майко В.В., 1996. Комплексът салтовски съоръжения в Судакската крепост // Българите в Северното Причерноморие. В. Търново. Т. V.
- Бгажба О.Х., 1977. Очерки по ремеслу средневековой Абхазии (VIII–XIV вв.). Сухуми.
- Белый А.В., 1993. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Постройка № 2 // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь.
- Березовец Д.Т., Пархоменко О.В., 1986. Салтовская культура // Археология Украинской ССР. Т. 3: Раннеславянский и древнерусский периоды. Киев.
- Биджиев Х.Х., 1979. Раскопки городища Хумара в 1977 г. (предварительная публикация) // Вопросы средневековой истории народов Карачаево-Черкесии. Черкесск.
- Биджиев Х.Х., Сиволайнен Н.П., 1982. Керамика Хумаринского городища VIII–X вв. // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии (Материальная и духовная культура). Черкесск.
- Бокий Н.М., Плетнева С.А., 1988. Захоронение семьи воина-кочевника X в. в бассейне Ингула // СА. № 2.
- Бонин А.В., 2015. Охранно-спасательные работы 2010–2013 гг. в Анапе, Новороссийске и Крымском районе Краснодарского края // АО 2010–2013 гг.
- Веймарн Е.В., Айбабин А.И., 1993. Скалистинский могильник. Киев.
- Винников А.З., Плетнева С.А., 1998. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж.
- Винников А.З., Сарапулкин В.А., 2008. Болгары в Посколье (Мандровский могильник). Воронеж.
- Виноградов В.Б., Мамаев Х.М., 1985. Мартан-Чуйский 1-й могильник в Чечне (материалы раскопок 1977–1978 гг.) // Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии. Грозный.
- Винокуров Н.И., 2004. Практика человеческих жертвоприношений в античное и средневековое время (по материалам ритуальных захоронений Крымского Приазовья) // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. М. Вып. 3.
- Винокуров Н.И., Пономарев Л.Ю., 2016. Центральный участок салтово-маяцкого поселения на городище Артезиан (по итогам исследований на раскопе I в 1989–2001 гг.) // ПИФК. № 1 (51).
- Гавритухин И.О., Пьянков А.В., 2003. Древности и памятники VIII–IX вв. Раннесредневековые древности побережья (IV–IX вв.) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья: IV–XIII вв. М.

- Гадло А.В., 1969. Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевка // СА. № 1.
- Гадло А.В., 1975. Городище Казар-Кала (к вопросу о хазарской культуре в Северном Дагестане) // КСИА. Вып. 144.
- Гадло А.В., 1980. К истории Восточной Таврики VIII–X вв. // АДСВ. Вып. 17: Античные традиции и византийские реалии.
- Гей А.Н., Мельник В.И., Орловская Л.Б., Сатеев О.И., Сорокина И.А., 1988. О работе Северо-Кавказской экспедиции // АО 1986 г.
- Герцен А.Г., Землякова А.Ю., Науменко В.Е., Смокотина А.В., 2006. Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун (Мангуп) // МАИЭТ. Вып. XII. Ч. 2.
- Голенко В.К., 2007. Древний Киммерик и его округа. Симферополь.
- Голофаст Л.А., 1998. Рюмки из раскопок ранневизантийского Херсонеса // АДСВ. Вып. 29.
- Голофаст Л.А., 2001. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. Вып. VIII.
- Голофаст Л.А., 2019а. Комплекс амфор причерноморского типа из Фанагории // Проблемы истории и археологии средневекового Крыма: материалы международной научной конференции. Симферополь.
- Голофаст Л.А., 2019б. Уникальная находка из Фанагории // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: ΙΜΠΕΡΙΑ ΚΑΙ ΠΟΛΙΣ. XI Международный Византийский Семинар (Севастополь–Балаклава, 3–7 июля 2019 г.). Материалы научной конференции. Симферополь.
- Голофаст Л.А., 2020. Раннесредневековая амфора с древнееврейской надписью на свинцовой пломбе из Фанагории // РА. № 3.
- Голофаст Л.А., Евдокимов П.А., 2019. К вопросу о времени бытования амфор с мелким зональным рифлением (по материалам раскопок в Фанагории) // МАИЭТ. Вып. XXIV.
- Голубев Л.Э., Долгополова М.С., 2022. Раскопки ритуального грунтового могильника «Афипс-5» в Северском районе Краснодарского края в 2020 г. // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.
- Голубев Л.Э., Попик Е.В., 2005. Гончарные печи VIII–IX вв. у хут. Красная Зоря (Новокубанский район Краснодарского края) // МИАСК. Вып. 5.
- Гончаров С.А., Кадиева А.А., 2019. Катакомбные погребения могильника Балта на Верхнем Терек. По материалам раскопок В.И. Долбежева в 1897 г. // Кавказология. № 1.
- Горлов Ю.В., Чхаидзе В.Н., 2008. Средневековое поселение Веселовка-2 на Таманском полуострове // ДБ. Т. 12. Ч. 1.
- Дзаттиаты Р.Г., 2014. Аланские древности Даргавса. Владикавказ.
- Дзаттиаты Р.Г., Успенский П.С., 2016. Катакомба хазарского времени из Даргавского могильника в Северной Осетии // РА. № 2.
- Жупанин О.Ф., Иванов А.А., 2022. Погребения хазарского времени из раскопок поселения Балка Лисовицкого-1 на Тамани // ДБ. Т. 27.
- Жупанин О.Ф., Иванов А.А., Кутуков Д.В., 2020. Исследования поселения «Балка Лисовицкого-1» и «усадьба (хут. Воскресенский, ЮЗ окраина)» в 2018–2019 гг. // МИАСК. Вып. 18.
- Зиливинская Э.Д., 2018. Спасательные работы на поселении Солёный II на Таманском полуострове // АО 2016 г.
- Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю., 2001. Исследование раннесредневековых памятников в окрестностях поселка Героевское // БИ. Вып. I.
- Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю., 2008. Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-6 на Керченском полуострове // Древности Юга России: памяти А.Г. Атавина. М.
- Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю., 2009. Тиритака. Раскоп XXVI. Том I. Археологические комплексы VIII–X вв. Симферополь ; Керчь (БИ. Supplementum 5).
- Иванов А.А., 2021. Находки причерноморских амфор редкого типа из раскопок поселения «Балка Лисовицкого-1» на Тамани в 2018 г. // МИАСК. Вып. 19.
- Иванов А.А., 2023. О результатах работ экспедиции НАО «Наследие Кубани» на поселении «Балка Лисовицкого-1» на Тамани в 2018 г. // Сборник материалов VII Всероссийской Нижневолжской археологической конференции (Астрахань, 2–4 октября 2023 г.). Астрахань.
- Иванов А.Г., 1997. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху

- Средневековья (конец V – первая половина XIII вв.). Ижевск.
- Кадеев В. И., 1973. Раскопки в «центре участка» // АДСВ. Вып. 9.
- Кантемиров Э. С., Дзаттиаты Р. Г., 1995. Тарский катакомбный могильник VIII–IX вв. // Аланы: история и культура. Владикавказ (Alania III).
- Кияшко А. В., Гугуев Ю. К., Ильяшенко С. М., Петров П. А., Коробков П. А., 2016. Предварительные сведения о раскопках поселений балки Лисовицкого на Тамани в 2015–2016 гг. // Проблемы археологии Восточной Европы. Материалы XI Международной археологической конференции (Ростов-на-Дону, 7–9 ноября 2016 г.). Ростов-на-Дону.
- Козлов В. И., 1988. Гончарная керамика поселения балкано-дунайской культуры VIII–X вв. в приморской части Днестровско-Дунайского междуречья // Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев.
- Кононов В. Ю., Пономарев Л. Ю., 2023а. Гончарный комплекс VIII–IX вв. поселения Марьянское-1 в Нижнем Прикубанье (по результатам работ 2013 г.) // Древности Кубани. Вып. 26.
- Кононов В. Ю., Пономарев Л. Ю., 2023б. Гончарные комплексы раннесредневекового поселения Варнавинское-3 на левобережье Кубани (по итогам работ на раскопе I в 2010–2011 гг.) // БИ. Вып. XLVII.
- Кононов В. Ю., Пономарев Л. Ю., 2024. Гончарная печь VIII–IX вв. на поселении Усатова Балка-4 (по материалам раскопок А. А. Крайневой в 2011 г.) // ПИФК. № 1.
- Кравченко Э. Е., 2020. Сидоровский археологический комплекс на р. Северский Донец. Казань (Археология евразийских степей. № 4).
- Красильников К. И., 1976. Гончарная мастерская салтовомаяцкой культуры // СА. № 3.
- Красильников К. И., 1979. Новые данные о гончарном производстве в салтовское время на Северском Донце // КСИА. Вып. 160.
- Красильников К. И., 2009. Лощеная керамика из степного массива салтово-маяцкой культуры (типология, технология, орнаментика, клейма) // Степи Европы в эпоху Средневековья. Донецк. Т. 7.
- Красильников К. И., 1999. Кухонна керамика та керамічні виробы спеціального призначення салтово-маяцкої культури Середньодонеччя // Vita Antiqua. Київ. № 2.
- Красильников К. И., Красильникова Л. И., 2005. Могильник у села Лысогоровка – новый источник по этноистории степей Подонцовья раннего Средневековья // Степи Европы в эпоху Средневековья. Донецк. Т. 4.
- Красильников К. И., Красильникова Л. И., Терехина В. В., 2009. Аксессуары и гарнитура из погребений Лысогоровского могильника // Материалы та дослідження з археології східної України. Луганськ. № 10.
- Кузнецов В. Д., Голофаст Л. А., 2010. Дома хазарского времени в Фанагории // ПИФК. № 1 (27).
- Ловпаче Н. Г., 1995. Художественная керамика средневековой Адыгеи. Майкоп.
- Ляпушкин И. И., 1941. Славяно-русские поселения IX–XII ст. на Дону и Тамани по археологическим памятникам // МИА. № 6: Этногенез восточных славян. Т. 1.
- Мажитов Н. Д., 1964. Новые материалы о ранней истории башкир (предварительное сообщение) // Археология и этнография Башкирии. Уфа. Т. II.
- Майко В. В., 2000. Керамический комплекс VIII–X вв. праболгарского городища Тепсень в Юго-Восточном Крыму (предварительная типология) // Българите в Северното Причерноморие. В. Търново. Т. VII.
- Майко В. В., 2004а. Средневековый плитовый могильник в с. Дачное Судакского района // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международной научной конференции (Судак, 12–16 сентября 2004 г.). Киев ; Судак.
- Майко В. В., 2004б. Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму. Киев.
- Майко В. В., 2007. Средневековые некрополи Судакской долины. Киев.
- Майко В. В., 2012. Граффити на амфорах Юго-Восточного Крыма VIII – начала XI вв. // 1000 років візантійської торгівлі (V–XV століття). Київ.
- Майко В. В., 2020. Сугдея в конце VII – первой половине X в. Симферополь (Археологические памятники Северного Причерноморья. Вып. 2).

- Макаревич М. Л., 1957. Похоронения сарматского та салтівського типів на Сіверському Дінці // Археологія. Т. X.
- Марти Ю. Ю., 1941. Разведочные работы вне городских стен Тиритаки // МИА. № 4: Археологические памятники Боспора и Херсонеса.
- Марченко И. И., Бочковой В. В., Кононов В. Ю., 2007. Раскопки могильника «Виноградный-7» на Тамани в 2005–2006 гг. // МИАСК. Вып. 7.
- Масленников А. А., 1992. Зенонов Херсонес – городок на Меотиде // Очерки археологии и истории Боспора. М.
- Минасян Р. С., 1978. Классификация ручного жернового постава (по материалам Восточной Европы I тысячелетия н. э.) // СА. № 3.
- Михеев В. К., 1982. Коньковые подвески из могильника Сухая Гомольша // СА. № 2.
- Михеев В. К., 1985. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков.
- Михеев В. К., 1986. Сухогомольшанский могильник // СА. № 3.
- Могильник Дюрсо: каталог. Ч. I, 2021 (Некрополи Черноморья. VI).
- Мокрушин В. П., Соков П. В., Успенский П. С., 2021. Археологические исследования могильника Южная Озеревка в Северо-Восточном Причерноморье // Вопросы археологии Адыгем (2021). Майкоп.
- Мыц В. Л., Соловьев С. Л., 2018. Население Таманского полуострова в средние века (по материалам раскопок 2016 г.) // Бюллетень ИИМК РАН. СПб. № 8.
- Науменко В. Е., 2009а. Высокогорные кувшины с широкими плоскими ручками // Тиритака. Раскоп XXVI. Т. I. Археологические комплексы VIII–X вв. Симферополь; Керчь (БИ. Supplementum 5).
- Науменко В. Е., 2009б. Амфоры // Тиритака. Раскоп XXVI. Т. I. Археологические комплексы VIII–X вв. Симферополь; Керчь (БИ. Supplementum 5).
- Науменко В. Е., 2009в. Фляги // Тиритака. Раскоп XXVI. Т. I. Археологические комплексы VIII–X вв. Симферополь; Керчь (БИ. Supplementum 5).
- Науменко В. Е., 2009г. Столовая посуда // Тиритака. Раскоп XXVI. Т. I. Археологические комплексы VIII–X вв. Симферополь; Керчь (БИ. Supplementum 5).
- Науменко В. Е., 2020. Амфоры «причерноморского» типа на территории средневековой Таврики и Кавказа: проблемы современной атрибуции и хронологии // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы и изучения. XXXI Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции, посвященной 50-летию Дербентской археологической экспедиции (Махачкала, 20–25 апреля 2020 г.). Махачкала.
- Науменко В. Е., 2024. Актуальные проблемы изучения керамической хронологии средневизантийского Крыма: «причерноморские» и «глобулярные» амфоры // XXV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы исследований древностей юга России. Материалы научной археологической конференции. Керчь.
- Нечипорук А. А., 2015. Материалы хазарского времени кургана 5 курганной группы Холмский 25 // V «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Культурные взаимодействия народов Западного Кавказа в древности и Средневековье. Материалы международной научной конференции (Краснодар, 26–28 мая 2015 г.). Краснодар.
- Новичихин А. М., 1993. Новые данные о средневековых археологических памятниках в окрестностях станицы Гостагаевской // Древности Кубани и Черноморья. Краснодар (Понтийско Кавказские исследования. I).
- Овчинникова Б. Б., 2011. Сокровища древнего города Сочи (случайные находки и поступления) // Археологические записки. Ростов-на-Дону. Вып. 7.
- Ольховский В. С., Петерс Б. Г., 1991. Раннесредневековые материалы Михайловского археологического комплекса // Проблемы археологии Северного Причерноморья (материалы юбилейной конференции, посвященной 110-летию основания Херсонского музея древностей). Херсон.
- Паромов Я. М., 1989. Обследование археологических памятников Таманского полуострова в 1984–1985 гг. // КСИА. Вып. 196.
- Паромов Я. М., 1992. Очерк истории археологического топографического исследования Таманского полуострова // БС. Вып. 1.

- Паромов Я. М., 2003. Поселения и дороги на Таманском полуострове в VIII–XIII вв. Хазарский период (VIII – начало X в.) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья. IV–XIII вв. М.
- Паршина Е. А., Созник В. В., 2012. Амфорная тара Партенита (по материалам раскопок 1985–1988 гг.) // 1000 років візантійської торгівлі (V–XV століття). Київ.
- Перепелкин С. Б., Сташенков Д. А., 1996. Палимовское погребение // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. Самара.
- Плетнева С. А., 1959. Керамика Саркела – Белой Вежи // МИА. № 75: Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 2.
- Плетнева С. А., 1963. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмуракани. М.
- Плетнева С. А., 1967. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М. (МИА. № 142).
- Плетнева С. А., 1981. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху Средневековья. М. (Археология СССР).
- Плетнева С. А., 1989. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.
- Плетнева С. А., 1996. Саркел и «шелковый» путь. Воронеж.
- Пономарев Л. Ю., 2003. Салтовское укрепление и святилище у с. Заветное // БИ. Вып. III.
- Пономарев Л. Ю., 2013. Двухкамерные жилища (домашние) салтово-маяцких поселений Керченского полуострова // Ρομαϊος: сборник статей к 60-летию проф. С. Б. Сорочана. Харьков (Нартекс. Byzantine Ukrainensis; Т. 2).
- Пономарев Л. Ю., 2014. Салтово-маяцкие горшки из поселений Керченского полуострова // Степи Европы в эпоху Средневековья. Донецк. Т. 12.
- Пономарев Л. Ю., 2016. Хозяйственно-бытовой и культовый комплекс находок из салтово-маяцких поселений и могильников Керченского полуострова // История и археология Крыма. Симферополь. Вып. III.
- Рашев Р., 2008. Българската езическа култура VII–IX в. София.
- Репников Н. И., 1932. Раскопки Эски-Керменского могильника в 1928 и 1929 гг. // ИГАИМК. Т. XII. Вып. 1–8: Готский сборник.
- Романчук А. И., 1983. Салтово-маяцкие памятники в Крыму // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону.
- Романчук А. И., Омелькова Л. А., 1979. Средневековое поселение на левом берегу реки Бельбек // АДСВ. Свердловск. Вып. 16: Социальное развитие Византии.
- Рудаков В. Е., 1979. Элементы салтово-маяцкой культуры на посаде Баклинского городища // АДСВ. Свердловск. Вып. 16: Социальное развитие Византии.
- Рукавишников И. В., Меньшиков М. Ю., Воробьев И. И., 2018. Исследования нового биритуального могильника хазарского времени на Северо-Западном Кавказе // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и Средневековье. XXX «Крупновские чтения». Материалы международной научной конференции (Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г.). Карачаевск.
- Сазанов А. В., 2016. Ранневизантийская керамика Северного Причерноморья: итоги и новые проблемы // Империя ромеев во времени и пространстве: центр и периферия. Тезисы докладов XXI Всероссийской научной сессии византинистов (Белгород, 20–23 апреля 2016 г.). Москва; Белгород.
- Сазанов А. В., 2020а. Глобулярные амфоры причерноморского типа (Crimean Globular Amphorae) и проблемы хронологии комплексов VIII–IX вв. // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Самара. Т. II.
- Сазанов А. В., 2020б. Крымские глобулярные амфоры VIII–IX вв.: типология и хронология // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: материалы IV Международной научной конференции (Севастополь, 6–10 октября 2020 г.). М. Т. 1.
- Сарачева Т. Г., 1994. Металлические перстни Днепровского Левобережья (конец IX – первая половина XIII вв.) // История и эволюция древних вещей. М.
- Свиридов А. Н., Язиков С. В., Суханов Е. В., 2019. Новые средневековые погребения с Таманского полуострова // БИ. Вып. XXXVIII.

- Свиридов А. Н., Язиков С. А., Топоривская М. А., 2017. Поселение Гора Чиркова-1 (Краснодарский край, Таманский полуостров) // Города, поселения, некрополи. Раскопки 2016. М. (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 19).
- Скирда В. В., Нестеренко М. С., 2017. Глиняные кружки салтовского могильника Красная Горка // История. Общество. Политика. Брянск. № 2 (2).
- Смирнов А. П., 1951. Агачкалинский могильник – памятник хазарской культуры Дагестана // КСИИМК. Вып. XXXVIII.
- Соловьев С. Л., 2017. Охранная археология в зоне мостового перехода через Керченский пролив (из опыта работы Античной новостроечной экспедиции ИИМК РАН) // Бюллетень ИИМК РАН. СПб. № 6.
- Сорокина Н. П., 1969. Средневековые погребения из некрополя города Кепы на Таманском полуострове // Экспедиции Государственного Исторического музея. Доклады на сессии ученого совета ГИМ 5–7 февраля 1969 г. М.
- Сташенков Д. А., Турецкий М. А., 1999. Погребение эпохи раннего Средневековья у хутора Лебяжинка (к вопросу об этнокультурной ситуации в сарматском Поволжье в IX в.) // Вопросы археологии Поволжья. Самара. Вып. 1.
- Сударев Н. И., Майко В. В., 2015. Археологические исследования Таматархи-Гмутаракани 2012 г. Стратиграфия и хронология комплексов // История и археология Крыма. Симферополь. Вып. II.
- Супренков А. А., Науменко В. Е., Пономарев Л. Ю., 2017. Поселение VIII–X вв. Гора Чиркова 1 на Таманском полуострове (краткий обзор по результатам раскопок 2015 г.) // Хазарский альманах. М. Т. 15.
- Супренков А. А., Науменко В. Е., Пономарев Л. Ю., 2019. Поселение VIII–X вв. Гора Чиркова 1 на Таманском полуострове: хозяйственные комплексы группы 4 (по итогам раскопок 2015 г.) // История и археология Крыма. Симферополь.
- Тарабанов В. А., 1987. Гончарный комплекс селища-II аула Казазово // Древности Кубани (Материалы семинара). Краснодар.
- Тарабанов В. А., 1993. Поселения болгар на правом берегу Кубани // Древности Кубани и Черноморья. Краснодар (Studia Pontocaucaica. I).
- Тарабанов В. А., 1997. Поселение салтово-маяцкой культуры на правом берегу Кубани близ станции Васюринской // Историко-археологический альманах. Армавир ; Москва. Вып. 3.
- Тарабанов В. А., 1999. Исследование раннесредневековых памятников в Адыгее в 1986 г. // Древности Кубани. Вып. 14.
- Тахтай А. К., 1948. Раскопки Херсонесского некрополя в 1937 г. // ХСб. Вып. IV.
- Успенский П. С., 2015. Кремационные погребения Северо-Западного Кавказа VIII–XIII вв. как исторический источник. Дис. ... канд. ист. наук. М.
- Флеров В. С., 1979. О клеймах салтово-маяцкой лощеной керамики // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный.
- Флеров В. С., 2009. Обожженные кирпичи Семикаракорской крепости и Саркела (опыт статистики размеров) // Степи Европы в эпоху Средневековья. Донецк. Т. 7.
- Флеров В. С., 2017. Местная керамика Семикаракорской крепости // Археология Евразийских степей. Казань. № 1.
- Флерова В. Е., 1997. Граффити Хазарии. М.
- Флерова В. Е., 2001. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. Москва; Иерусалим.
- Фронджуло М. А., 1968. О раннесредневековом ремесленном производстве в юго-восточном Крыму // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев.
- Хайнрих А., 1995. Раннесредневековые катакомбные могильники у селений Чми и Кобан // Аланы: история и культура. Владикавказ (Alanica III).
- Халикова Е. А., 1976. Больше-Тиганский могильник // СА. № 2.
- Чхаидзе В. Н., 2008. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М.
- Чхаидзе В. Н., 2011. Раннесредневековые кочевнические погребения из Восточного Приазовья // МИАСК. Вып. 12.
- Чхаидзе В. Н., 2012. Фанагория в VI–X вв. М.
- Чхаидзе В. Н., 2018а. Фанагория: дома и планировка провинциального византийского города //

Археология античного и средневекового города. Сборник статей в честь С.Г. Рыжова. Севастополь; Калининград.

Чаидзе В.Н., 2018б Средневековое поселение на городище Ильич // МИАСК. Вып. 16.

Шишлов А.В., 2007. Поселение у балки Лисовицкого // Археологические открытия на Кубани в 2005–2006 гг. Сборник памяти П.А. Дитлера. Краснодар.

Шишлов А.В., 2013. Археологические исследования Новороссийского исторического музея-заповедника с 1997 по 2012 гг. // Исторические записки. Исследования и материалы. Новороссийск. Вып. 8.

Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В., 2014. Грунтовый могильник «Натухаевский 1» (вторая хронологическая группа, погребения IX в.) // IV «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Западный Кавказ в контексте международных отношений в древности и Средневековье. Материалы международной археологической конференции (Краснодар, 28–30 мая 2014 г.). Краснодар.

Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В., 2016. Исследования поселения у балки Лисовицкого в Темрюкском районе Краснодарского края // Охрана и сохранение археологического наследия Тамани при реализации строительства Таманского терминала СУГ и нефтепродуктов: материалы археологической научной конференции. Краснодар.

Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В., 2023. Новые памятники с кремационными погребениями VIII–IX вв. в районе г. Новороссийска (Цемдолина–ул. Спортивная и Верхнебаканский–ул. Титан) // Западный Кавказ в контексте контактов культур, народов и цивилизаций: Материалы научно-практической конференции XI Анфимовские чтения (Анапа, 25–28 сентября 2023 г.). Краснодар.

Якобсон А.Л., 1979. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.

Междисциплинарные исследования

Комплекс кожаных предметов из раскопок в Калининграде в 2022–2023 гг.¹

Н. А. Боковенко², А. В. Курбатов³

DOI: 10.31600/978-5-6052467-2-5.202–212

В 2022–2023 гг. Калининградская городская археологическая экспедиция ИИМК РАН проводила охранные раскопки в городской черте, в зоне реконструкции двухъярусного моста (автомобильного и железнодорожного) через р. Преголя, на правом и левом берегах реки. Общая информация об этих работах опубликована ранее (Субботин и др., 2023. С. 204–208). Раскоп 1 площадью 1863 кв. м расположен на правом берегу р. Преголя. Кожаные предметы сосредоточены в нижней части антропогенных отложений, в слое черной гумусированной супеси. Можно предполагать, что эти слои с органическими остатками сформировались в ограниченный период времени в рамках XVIII – начала XIX вв.

Изученные кожаные находки с раскопа 1 составляют две группы: комплекс вещей, включенных в опись индивидуальных предметов, принимаемых на последующее хранение с возможной реставрацией, и комплекс массового материала, не вносимый в опись индивидуальных находок. В первую группу входят обрезки от раскроя (5 ед.) и обрезки деталей (1 ед.). Вторая группа – это детали обуви: головки (13 ед.), задники (3 ед.), подошвы (28 ед.), подметки (4 ед.), берца (1 ед.),

детали верха (1 ед.). Третья группа – это кожаные предметы и изделия разного назначения. Среди находок имеется один относительно полный комплект деталей обувной модели. Всего в описи учтено 76 единиц таких находок.

Более обширен комплекс вещей, представляющих массовый материал, не внесенный в опись находок (298 ед.). Их также можно разделить на несколько групп: обрезки, детали обуви, другие кожаные изделия, предметы из других материалов, сопутствующие кожаным.

Обрезки составляют 76 единиц, среди которых выделяется 16 предметов из толстой и жесткой кожи (2–4 мм, кожа особой выделки), определенно использованные для раскроя подошв. Все толстые кожи выделаны из шкур крупного рогатого скота, а один предмет (по фактуре мерей) – из бычьей кожи – бычины (рис. 1: 12). Форма фигурных краев этого негатива предполагает выкраивание необычной детали. Обрезки от раскроя подошв имели вытянутую форму, угловатую, треугольную или с характерными изгибами и скруглениями, которые остаются от выкраивания подошв. Большинство обрезков имеют черный цвет с обеих сторон, и только два обрезка имеют серый цвет внутри и снаружи. Такой окрас коже могло придать избыточное содержание извести.

Тонкие обрезки (0,8–2 мм) в большинстве имеют частичное расслоение, что может быть следствием слабого продуба внутренних слоев кожи. Почти все остальные тонкие обрезки имеют черный цвет с обеих сторон, судя по их ограниченной эластичности, можно считать, что кожа выделана таннидным дублением с последующей окраской чернильными орешками. Один тонкий обрезок (0,8 мм толщиной) имеет зеленоватый отлив поверхности, что является признаком дубления в настое шакши – разведенных в воде собачьих экскрементов. Еще один тонкий обрезок отличает повышенная эластичность, что указывает на замшевое дубление. Обе стороны его имеют черный цвет. Среди обрезков от раскроя можно выделить

¹ Н. А. Боковенко работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № FMZF-2022-0016 «Совершенствование методики проведения охранно-спасательных археологических мероприятий и внедрение цифровых технологий в археологию». А. В. Курбатовым работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № FMZF-2022-0015 «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению».

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа. E-mail: nibo25@yandex.ru.

³ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел славяно-финской археологии. E-mail: alkurba@rambler.ru.

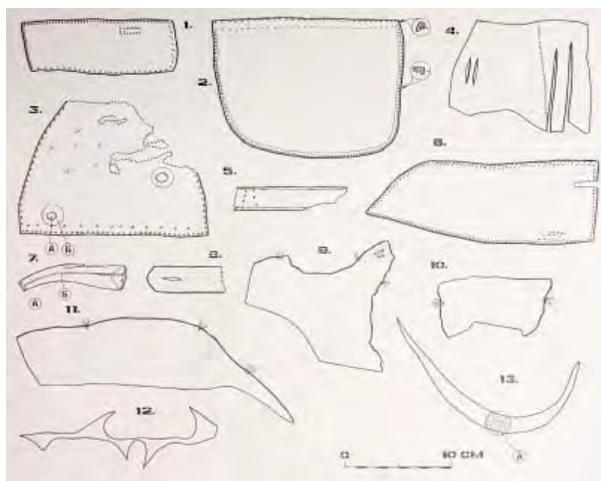

Рис. 1. КДМ-22. Раскоп 1. Кожаные предметы:
 1 – деталь, № 1506; 2 – деталь, № 1522;
 3 – деталь обшивки, № 1479, А – бронзовая заклепка,
 Б – бронзовая шайба с бахтармы; 4 – деталь,
 № 1464; 5 – фрагмент ремня, № 1525;
 6 – деталь, № 1505; 7 – чехол для мелкого предмета,
 копоушки (?), № 877, А – перетяжка,
 Б – надрез мереи; 8 – фрагмент ремня, № 1496;
 9–11 – обрезки с края кожевого листа, № 1477,
 № 1515, № 1507; 12 – обрезок от раскроя, № 1535;
 13 – обрезок от раскроя, № 1504,
 А – тиснение мереи – наколы

пять тонких нитевидных предметов, остальные были более широкими и вытянутыми. Нитевидные обрезки служат признаком отделочной операции при пошиве обуви – подрезки краев обуви после соединения (сшивания вместе) верха и низа. В целом небольшая выборка обрезков от раскроя не позволяет проследить сколько-нибудь выразительную систему раскроя деталей для разных изделий. Можно только указать, что все обрезки остались от первичного раскроя (из кожевого листа), а не вторичного (из ранее использованных деталей). При этом наблюдается относительно малое число обрезков с края шкуры – всего 3 ед. (рис. 1: 9, 10, 11).

Декоративная отделка поверхности кожи обрезков повторяет таковую и на раскроенных деталях и изделиях. На большинстве обрезков мерея гладкая, естественная. Единичными примерами можно назвать лощение мереи, тиснение «под овсянку» (рис. 2) и ряды точечных наколов (рис. 1: 13; 3). Тиснение «под овсянку» на одном обрезке, вместе с темно-коричневым цветом кожи, может служить характерным признаком для кожи, выделанной в традиции русского средневекового кожевенного ремесла, сохраняющейся и в Новое время. Для данной коллекции такая выделка не характерна.

Рис. 2. КДМ-22. Раскоп 1. Обрезок кожи русской выделки с тиснением «под овсянку».
 Фото А.В. Курбатова

Рис. 3. КДМ-22. Раскоп 1. Обрезок кожи с тиснением рядами мелких наколов. № 1504.
 Фото А.В. Курбатова

Детали обуви составляют основную часть собрания кожаных предметов с раскопа 1 (214 ед.) (рис. 4–6). Среди них представлены группы подошв, подметки, детали задника, рант и головки. В конструкцию обуви входили внешняя и внутренняя подошвы, что наглядно показывает группа из 26 частичных конструкций пяточной части обуви в сшитом виде. По следам на подошвах видно, что вся обувь имела каблуки, хотя реальные наборы каблуков в собрании единичны (рис. 5: 9, 10; 6: 1). Такие конструкции показывают и черты своеобразия разных моделей. Например, одна деталь имеет в составе внешнюю подошву из жесткой кожи с забитыми в пятку деревянными шпеньками

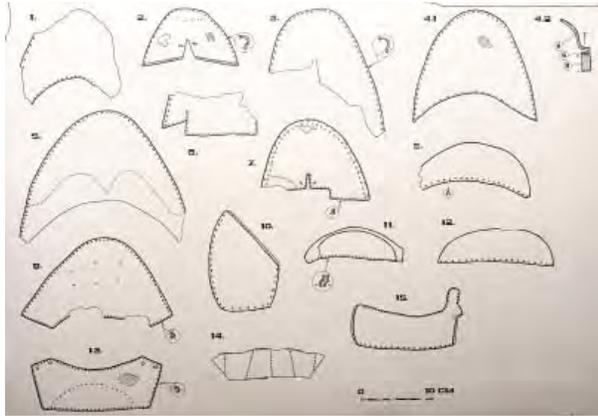

Рис. 4. КДМ-22. Раскоп 1. Детали обуви: 1 – головка «мюли», № 1492; 2 – головка башмака, № 1491; 3 – головка башмака, № 1530; 4 – набор деталей «мюли», № 1516: 1 – головка, 2 – схема поперечного разреза: А – головка, Б – кожаная прокладка, В – деревянная подошва (платформа), железный гвоздь; 5 – головки «мюли», № 1529; 6 – головка башмака, № 1465; 7 – головка башмака, № 1510; 8 – кожаная вставка в задник, № 1533: А – серая льняная нить; 9 – головка башмака, № 1513; 10 – подметка, № 1489; 11 – две кожаные вставки в задник, № 1503; 12 – кожаная вставка в задник, № 1519; 13 – задник башмака, № 1502; 14 – обрезок задника сапога (?), № 1482; 15 – берца башмака, № 1468

и железными гвоздями со шляпками диаметром 4–5 мм, а также в комплекте пяточный рант, обрезки задника и внутренней подошвы. На другой модели отдельная пяточная часть внешней подошвы из очень жесткой кожи показывает прибавление низкого каблука (0,5 см) железными гвоздями (рис. 5: 10). Внешняя подошва третьей модели кроена из очень жесткой и толстой кожи с выраженной наклонной обрезкой края под пяткой. В этой подрезке проходит шов, соединяющий внешнюю подошву с задником и внутренней подошвой (рис. 5: 9).

Выделено 27 целых и фрагментов отдельных внутренних подошв. Для них использовалась более эластичная и относительно тонкая (1–2 мм) кожа, чем для внешних подошв. При этом кожа многих экземпляров расслаивается, что предполагает неглубокое дубление. Большинство предметов окрашено в черный цвет. Основным признаком детали – потайной шов на нижней стороне, с бахтармы (рис. 6: 4–7). Для деталей с хорошей сохранностью мереи определяется порода животного – это крупный рогатый скот. Часто на бахтарме сохраняется след узкой полосы кожи и лубяной прокладки (рис. 6: 11).

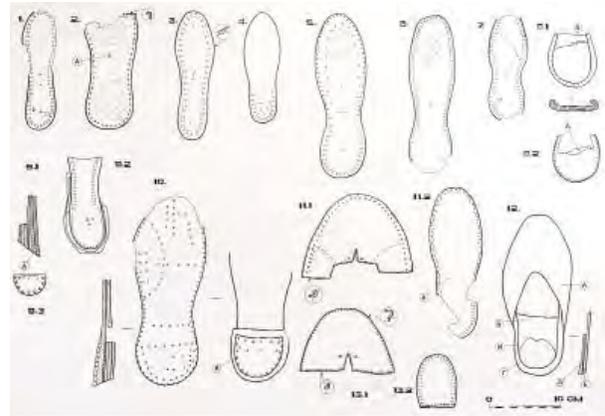

Рис. 5. КДМ-22. Раскоп 1. Детали башмаков: 1 – внешняя подошва, № 1500; 2 – внешняя подошва, № 1483: А – клеймо на мерее; 3 – внутренняя подошва, № 1486; 4 – стелька, № 1499; 5 – внутренняя подошва, № 1514; 6 – внешняя подошва, № 1488; 7 – внутренняя подошва, № 1490; 8.1, 8.2 – промежуточная подошва из двух слоев с прокладкой, № 1512: А – береста; 9.1, 9.2 – пяточная часть подошвы в сборке с каблуком, № 1531: А – два слоя ранта; 10 – два слоя подошвы в сборке с каблуком, № 1497: А – ряд деревянных шпильков и железных гвоздей; 11.1, 11.2 – набор деталей башмака, № 1509: 1 – головка, 2 – внутренняя подошва, А – кожаная и лубяная прокладки с бахтармы; 12 – башмак в сборке, № 1542: А – головка башмака, Б – две части внутренней подошвы, В – рант, Г – лубяная прокладка, Д – узкий рант, второй, Е – внешняя подошва; 13 – набор деталей детского башмака, № 1498: 1 – головка, 2 – передняя половина внутренней подошвы

Внешняя подошва представлена 65 экземплярами, среди которых в равной мере имеются детали из жесткой и эластичной кожи (последние расслаиваются). Внешнюю подошву нередко кроили из нескольких кусков кожи, о чем свидетельствуют форма раскроек и швы. Для жестких подошв характерно наклонное подрезание пятки и следы низкого каблука в 1–2 слоя кожи. На трех экземплярах эластичных подошв встречены клейма: на двух – по одному мелкому кружку диаметром 2,5–3,0 мм (рис. 5: 2; 6: 13), а на третьей подошве – две тисненые звездочки в круге диаметром 5 мм (рис. 6: 3).

Подметок в коллекции мало, всего четыре экземпляра, хотя и они могли быть обрезками подошв из очень жесткой кожи (рис. 4: 10; 6: 16–18).

Детали задника составляют 25 единиц, куда входят и несколько задников, собранных из

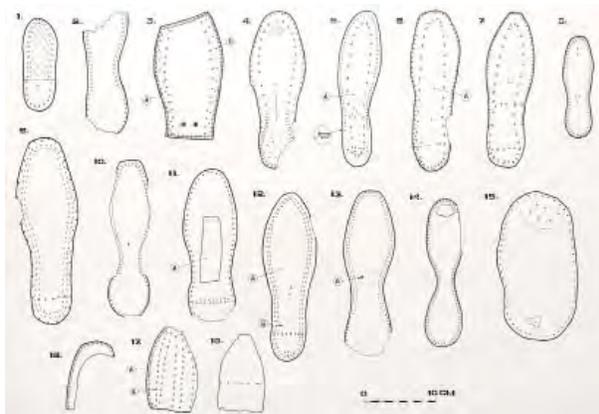

Рис. 6. КДМ-22. Раскоп 1. Подошвы и подметки обуви: 1 – внешняя подошва, № 1472; 2 – внешняя подошва, № 1466; 3 – внешняя подошва, № 1469: А – деревянные шпеньки, Б – железный гвоздь; 4 – внутренняя подошва, № 1517; 5 – внутренняя подошва, № 1511: А – кожаная и лубяная прокладки; 6 – внутренняя подошва, № 1478: А – промежуточная подошва и лубяная прокладка с бахтармы; 7 – внутренняя подошва, № 1470; 8 – внешняя подошва, № 1527; 9 – внешняя подошва, № 1532; 10 – внешняя подошва, № 1526; 11 – внешняя подошва, № 1480: А – берестяная прокладка; 12 – внешняя подошва, № 1467: А – лубяная прокладка с бахтармы, Б – деревянный шпенок; 13 – внешняя подошва, № 1523: А – клеймо на мерее; 14 – внешняя подошва, № 1524; 15 – подметка, № 1501; 16 – подметка, № 1534; 17 – подметка, № 1518; 18 – подметка, № 1495

двух-трех предметов. Все они имеют единые конструктивные признаки – изгибы нижнего края со швами, показывая одинаковую манеру сшивания с подошвой, в которой предполагается использование ранта. Детали могли складываться вместе (друг к другу) и мереей, и бахтармой, в том числе с выведением бахтармы наружу, о чем говорит характерное скругление деталей. Кожа задников преимущественно полностью черная, толщиной 1,0–1,5 мм, но имеются и исключения: 1) задник башмака из кожи темно-коричневого цвета (русской выделки?), у которого наружная сторона (мерея) имеет характерное тиснение в мелкую квадратную сеточку; обшивка мелкими стежками по верхнему краю предполагает использование кожаной или тканой обшивки; задник усилен двумя сегментовидными вставками (рис. 4: 13); 2) обрывок расслоившейся наружной детали задника с частым линейным тиснением и залощенной поверхностью черного цвета, тогда как внутренняя сторона кожи (с бахтармы) имеет коричневый цвет; в этом случае также можно говорить

о коже, выделанной в русских городах; 3) жесткий экземпляр вставки в задник, толщиной 2 мм, без следов расслоения; поверхность кожи черного цвета, а на стертых участках коричневого цвета, что может быть признаком недостаточного продуба.

В целом для многих деталей задника характерно частичное расслоение, что может быть следствием некачественного продуба. С другой стороны, расслоение кожи могло быть следствием воздействия химических элементов в культурном слое, где кожаные предметы находились долгое время.

К ранту отнесена 21 деталь, что представляется недостаточным на фоне большого числа подошв (рис. 5: 9.1А). Это можно объяснить появлением новых конструкций обуви, в которых рант уже не использовался. В то же время часть выделенных деталей ранта могла быть обрезанной узкой полосой головки, что не всегда можно установить, рассматривая линии двойной прошивки, при начальном пришивании головки к внутренней подошве и вторичной прошивке при соединении с внешней подошвой.

Детали верха обуви – головки – составляют 42 ед. Среди них целых деталей немного (рис. 4: 1–9; 5: 11–13), тогда как большинство находок – это узкие обрезки с характерными швами и следами сильного износа. В их число включены одна или две детали поднаряда с характерным выгибанием бахтармы наружу и швом «через край» по верхнему обрезу. Многие обрезки головок имеют стертости, открывающие коричневый цвет внутренних слоев кожи. Можно выделить единичные экземпляры головок по отделке поверхности и особенностям конструкции: с тиснением мерей в мелкую сеточку; с тиснением мерей мелкими точками, расположенными частыми рядами; с глянцево-черной поверхностью. Также можно отметить единственную сегментовидную вставку в носок и три головки с оттиском ткани полотняного плетения на внутренней поверхности деталей.

Интересными единичными находками на раскопе можно считать модель комнатной туфли в собранном виде (рис. 5: 12), головку комнатной туфли, набитую на деревянную платформу (рис. 4: 4) и головку башмака с растрескавшейся поверхностью (рис. 4: 9). Последнее указывает на долгое ношение обуви в зимнее время при сильном морозе.

В целом остатки обуви в коллекции свидетельствуют о бытовании двух основных форм: низких башмаков и полуоткрытых домашних тапок без пятки. К высокой закрытой обуви типа сапог можно

отнести только одну деталь задника (рис. 4: 14). Встреченная в собрании единственная деревянная платформа для обуви не дает возможности оценить их широкое использование в западноевропейском быту, что археологически зафиксировано в частности в Вильнюсе (Puškorius, Kalėjienė, 2005). Сегодня можно говорить об использовании деревянных платформ в трех видах обуви: открытых патинах и мюлях, а также в закрытых низких башмаках. В качестве примера, кроме Вильнюса, можно указать находки в Гданьске (Сеунова, 2009). Такая обувь показана на многих западноевропейских картинах и гравюрах.

Кроме обуви, кожаных предметов различного назначения немного. Выделен чехол для мелкого предмета типа копоушки (?) или подобного (рис. 1: 7). Необычной выглядит деталь из жесткой кожи длиной 26 см до места обрыва, сшитая по длинным сторонам в трубку (рис. 7: 1). При набивании внутрь такой трубки волоса или войлока предмет могли использовать в качестве подхомутника. Также определяются разного назначения пять ремней (рис. 1: 5, 8; 7: 2, 3, 9) и завязки (рис. 7: 11), но конкретное их применение в сложных изделиях остается не определено.

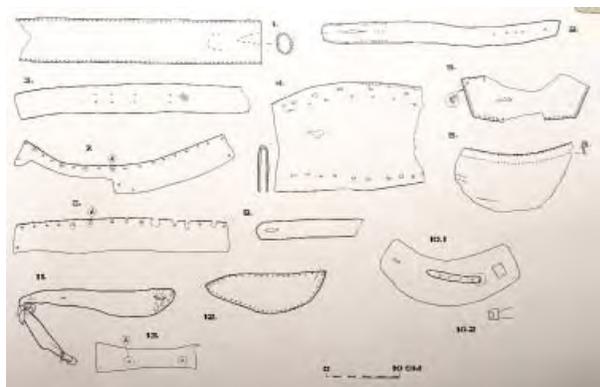

Рис. 7. КДМ-22. Раскоп 1. Кожаные изделия: 1 – подхомутник, № 1521; 2 – соединительный ремень, № 1528; 3 – ремень, № 1536; 4 – неопределенная деталь, № 1474; 5 – деталь неопределенного изделия, № 1493; 6 – неопределенная деталь, № 1476; 7 – фрагмент покрытия сундука (?), № 1520: А – след шляпок от железных (?) гвоздей с бахтармы, диаметр 7 мм; 8 – фрагмент покрытия сундука, № 1471: А – след шляпок от железных (?) гвоздей с бахтармы, диаметр 9 мм; 9 – фрагмент ремня, № 1494; 10.1 – фрагмент покрытия, № 1481, 10.2 – оформление конца ремешка с бахтармы; 11 – завязки, № 1484; 12 – неопределенная деталь, № 1475; 13 – фрагмент покрытия, № 1508: А – след шляпки гвоздя с бахтармы

Кроме того, четыре фрагмента кожаных деталей могли служить покрытием больших деревянных вместилищ – сундуков или коробов. Они скроены из относительно толстой и плотной кожи (2,0–2,5 мм) и несут следы набивания железных гвоздей с широкими шляпками или подложенными шайбами (рис. 7: 7, 8, 13). Одна находка сохраняет пару крупных бронзовых шайб диаметром 20 мм на внутренней стороне кожи и бронзовых же заклепок диаметром 10 мм на лицевой стороне кожи – мерее (рис. 1: 3). Мерее этой детали потрескалась от мороза, что усиливает предположение об использовании ее как обшивки дорожного сундука. Еще одна обрезанная деталь с пришитым к ней ремнем также могла быть фрагментом подобной обшивки (рис. 7: 10). Ремнем для крепления дорожных вещей мог быть и фрагмент с несколькими парами отверстий в средней части. Эти парные отверстия могли служить для фиксации пряжки с парным язычком (рис. 7: 3). В то же время нельзя исключать и того, что отдельные находки, выделенные в третью группу, могли быть деталями верха обуви (рис. 7: 5, 6, 12). Назначение других пяти предметов также неясно, но сохранившиеся швы свидетельствуют об их использовании в составе больших сшивных изделий (рис. 1: 1, 2, 4–6).

Раскоп 2 площадью 1997 кв. м был заложен на левом берегу р. Преголя, напротив раскопа 1, в границах крепости Фридрихсбург. Различные органические включения, в том числе и кожевенные материалы были встречены в нижней части антропогенных отложений, в слое темно-серой супеси мощностью 0,6–1,5 м, который сохранился повсеместно. Фиксация кожаных предметов на раскопе выполнена по секторам и траншеям, а внутри них по пластикам и квадратам. Описание вещей, взятых на хранение, составляет 19 единиц, среди них есть детали обуви и различные завязки, а также шерстяная ткань полотняного переплетения с обметанным краем – вероятная обшивка обуви. Визуальное изучение находок, а также полевые наблюдения за распределением вещей на раскопе и глубине их залегания позволяют считать, что все кожаные предметы происходят из одного стратиграфического слоя, период накопления которого мог быть достаточно ограниченным по времени. Наиболее информативным приемом для характеристики кожевенного материала данного раскопа надо считать проведенный сбор всех обрезков и обрывков кожи, встреченных на всех участках.

Среди обрезков выделены 1449 единиц, относящихся к раскрою, и 50 обрезков деталей. Первые являются отходами первичного раскроя деталей с кожевого листа, а вторые – от раскроя уже

использованных предметов, со швами и без них. Определение выполнено по визуальным признакам стертости и эксплуатационной деформации поверхности кожи. При наличии швов большинство вторично раскроенных предметов были отнесены к группам определяемых деталей.

Большинство обрезков от первичного раскроя – тонкие и нитевидные, сильно вытянутые, но среди них имеются группы подтреугольных вытянутых и двояковыпуклых вытянутых. Имеется также небольшая группа обрезков в виде сильно вытянутого треугольника с полукруглым выступом на поперечном основании равнобедренного треугольника (рис. 8: 17). Несмотря на серийность таких обрезков, сегодня не представляется возможным определить форму и назначение выкроенной детали, после которой остались такие обрезки. Интересными и ранее не фиксированными в археологических коллекциях можно назвать два мелких обрезка кожи (рис. 8: 16, 19) с воткнутыми в них булавками (рис. 9). Возможно, здесь имели место особые технические приемы в раскрое.

Среди обрезков от раскроя новых кож выделено 94 экземпляра с края шкуры. Они выделяются

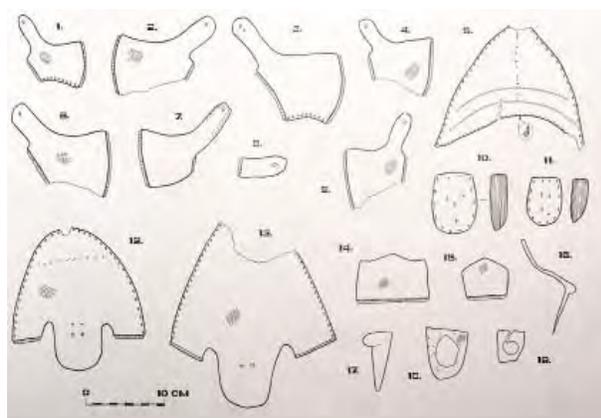

Рис. 8. КДМ-22. Раскоп 2. Детали обуви: 1 – берца, сектор 2, пласт 8; 2 – берца, сектор 5, пласт 12, объект 1; 3 – берца, № 1464; 4 – берца, траншея 4; 5 – головка «мюли», траншея 4; 6 – берца, сектор 3, пласт 8; 7 – берца, сектор 3, пласт 8; 8 – язычок берцы, траншея 4; 9 – берца, траншея 4; 10 – наборный каблук, траншея 4; 11 – наборный каблук, траншея 4; 12 – головка башмака, сектор 1, пласт 8; 13 – головка башмака, сектор 5, пласт 10; 14 – клапан головки, пласт 9, кв. 106; 15 – клапан головки, сектор 3, пласт 9; 16 – обрезок от раскроя, пласт 2, кв. 40; 17 – обрезок от раскроя, сектор 1, пласт 8; 18 – обрезок от раскроя, пласт 7, кв. 61; 19 – обрезок от раскроя, пласт 3, кв. 54

Рис. 9. КДМ-22. Раскоп 2. Траншея 4. Обрезки от раскроя с булавками. Фото А.В. Курбатова

по характерному утолщению неровного края (обреза). Для данной коллекции соотношение обрезков с края шкуры к общему числу обрезков от раскроя новых кож представляется несколько заниженным, что объяснимо частым расслоением обрезков, затрудняющим их определение. Но в целом большое количество обрезков от раскроя новых кож определенно указывают на то, что основную массу кожаных предметов надо считать производственными отходами, а состав кожаных предметов позволяет уточнить специализацию мастерской – ремонт и пошив кожаной обуви. Надо предполагать, что в данном месте в определенный период происходила массовая утилизация городских бытовых отходов для засыпки низкого и заболоченного участка.

Основной состав коллекции – это детали обуви, среди которых определяются: фрагменты подошв (431 ед.), полные подошвы (79 ед.), прокладка под пятку (1 ед.), верх обуви (96 ед.), головка (18 ед.), задник (4 ед.), поднаряд (3 ед.), наборные каблуки (41 ед.), обтяжка каблука (3 ед.), каблучные флики (360 ед.), наборы башмаков (3 ед.), рант (120 ед.), берцы (18 ед.), обшивка верха обуви (1 ед.), подметки (6 ед.), заготовка фликов (4 ед.), войлочный вкладыш в подошву (2 ед.). Большая группа – «верх обуви» – включает много мелких обрезков со швами, более точное определение которых затруднительно.

Реконструкция форм обуви – башмаков и домашних туфель без задника – с определенной долей условности стала возможной при наличии трех наборов деталей башмаков, сохранившихся в сшитом виде (рис. 10: 9, 10), и 41 наборного каблука. В конструкцию башмаков входили: две наружные подошвы малой толщины, наборный каблук,

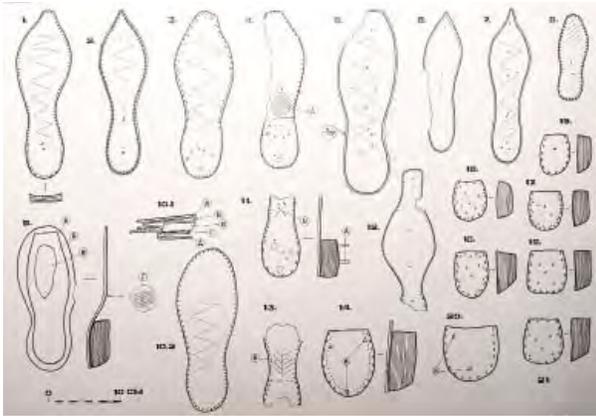

Рис. 10. КДМ-22. Раскоп 2. Детали обуви: 1 – набор из внешней и внутренней подошв, сектор 5, пласт 12, объект 1; 2, 3 – внутренние подошвы, сектор 5, пласт 12, объект 1; 4 – внешняя подошва, сектор 5, пласт 12, объект 1: А – клеймо; 5 – внутренняя подошва, сектор 7, пласт 11; 6 – внешняя подошва, сектор 7, пласт 11; 7 – внутренняя подошва, сектор 1; 8 – внешняя подошва, сектор 5, пласт 10; 9 – набор деталей башмака, сектор 5, пласт 12, объект 1: А – внешняя подошва, Б – внутренняя подошва, В – берестяная прокладка, Г – клеймо; 10 – набор деталей башмака, сектор 5, пласт 12, объект 1: 1 – продольная схема сборки, А – внутренняя подошва, Б – рант, В – кожаная обшивка деревянного каблука, Г – промежуточная подошва, Д – внешняя подошва, 2 – внутренняя подошва; 11 – часть подошвы с каблуком, № 1468: А – железные гвозди, Б – клеймо; 12 – внешняя подошва, сектор 2, пласт 8; 13 – фрагмент внешней подошвы, пласт 8, кв. 65: А – клеймо; 14 – фрагмент внешней подошвы с каблуком, № 344: А – железные гвозди; 15–17 – наборные каблуки, траншея 4: А – железные гвозди; 18–21 – наборные каблуки, траншея 5: А – железные гвозди

собранный на крупных деревянных шпёнках, рант, в отдельных случаях самостоятельная подпяточная подкладка, внутренняя подошва или стелька, а также набор деталей верха: головка с поднарядом и задник со вставкой. В ряде моделей задник заменяет пара берцев. Высота каблуков составляла 2,0–2,5 см. Очень часто между двумя внешними подошвами помещались дополнительная кожаная и берестяная прокладки или прокладка из заболони листовых деревьев (рис. 10: 9В). Большинство моделей башмаков имели плоскую подошву и прикрепленный снаружи наборный каблук, но встречаются и конструкции, имевшие подошву «с крокулем», то есть подошву, охватывающую каблук по переднему краю и снизу (рис. 11: 2).

Еще одним техническим элементом пошива служат диагональные следы от шнура на внутренней подошве, скреплявшего края ранта (рис. 11: 1, 7, 8).

Различная форма подошв свидетельствует о стилевых различиях в обуви, демонстрирует обувную моду определенного времени. Имеются подошвы, у которых носок плавно скруглен (рис. 12: 8, 10, 12), или заострен (рис. 12: 6, 7, 9), или заужен и поперечно срезан (рис. 12: 1.2). Среди жестких подошв встречены 2 экз., относящихся к модельной обуви с вытянутыми зауженными носками (рис. 10: 12). Надо полагать, что большая часть обуви имела каблуки. Все каблуки в данной коллекции были наборными, то есть они собраны из тонких кожаных раскроек – фликов, скрепленных деревянными шпёнками (рис. 10: 14–21). Снизу каблуки подбивались железными гвоздями с широкой шляпкой.

Верх башмаков включал головку и задник или пару берцев. Конструктивно в формах низкой обуви преобладают модели с берцами (рис. 8: 1–9). Немногочисленные сохранившиеся головки имеют короткие боковые выступы и широкий язычок на подъеме, в котором вырезаны отверстия под завязки (рис. 8: 12, 13; 11; 14: 2). Домашние туфли без задника, иногда именуемые при описании археологических материалов как «мюли», выделяются только своеобразной формой головок с заостренными концами и слабо вогнутым обрезом на подъеме (рис. 8: 5; 12: 2, 11). Такие головки часто декорировались. В данной коллекции

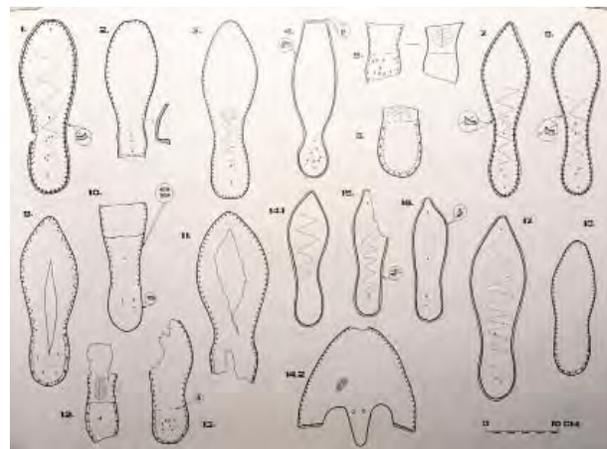

Рис. 11. КДМ-22. Раскоп 2. Детали обуви: 2, 3, 5, 6, 9–13, 18 – внешняя подошва; 1, 4, 7, 8, 14.1, 15–17 – внутренние подошвы; 10 – набор внешней и внутренней подошв; 14.2 – головка башмака; 13-А – след каблука. Локализация: 1–10, 12 – траншея 4; 11, 13 – траншея 5; 14–18 – траншея 5

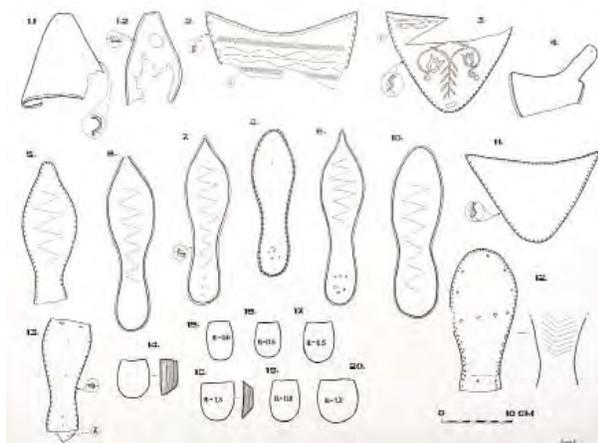

Рис. 12. КДМ-22. Раскоп 2. Детали обуви:
1 – набор деталей башмака, сектор 8, пласт 10:
1 – головка, 2 – внутренняя подошва; 2 – головка
«мюли», сектор 8, пласт 10: А – декоративная
надрезка мереи; 3 – головка «мюли», траниця 3:
А – декоративная надрезка мереи и выскабливание
мереи; 4 – берца, траниця 3; 5–10 – внутренние
подошвы, траниця 3; 11 – головка «мюли»,
траниця 3; 12 – внешняя подошва, траниця 4,
клеймо с мереи; 13 – внутренняя подошва
с прокладкой, траниця 3: А – войлок;
14–20 – наборные каблуки, траниця 3: В – высота в см

имеется головка туфли с растительным декором по всей поверхности, который выполнен в технике аккуратной подрезки мереи и выскабливания заполнения между декоративными элементами (рис. 12: 3). Другая головка имеет полосу декоративной надрезки мереи в форме «частой сеточки», чередующейся с «волной» (рис. 12: 2).

В коллекции встречена группа подошв со знаками на плантарной стороне, в области свода стопы – клеймами отдельных мастеров-обувщиков или пошивочных мастерских. Эти клейма нанесены в технике надреза мереи острым ножом. Таким способом нанесены два ряда параллельных линий, соприкасающиеся друг с другом, но идущие под углом, создавая вид своеобразной «елочки». Они встречаются на шести подошвах (рис. 12: 12). Еще в пяти случаях «елочка» дополнена продольной осевой линией между рядами диагональных (рис. 10: 13; 11: 5, 6, 12). На трех подошвах нарезанные диагональные линии образуют сетку (рис. 10: 4). Сочетанием «елочки» и сетки можно назвать знак на одной подошве (рис. 10: 9Г). Индивидуальным вариантом нарезного клейма можно считать небрежно нанесенные крест-накрест линии на двух подошвах (рис. 10: 11; 11: 3).

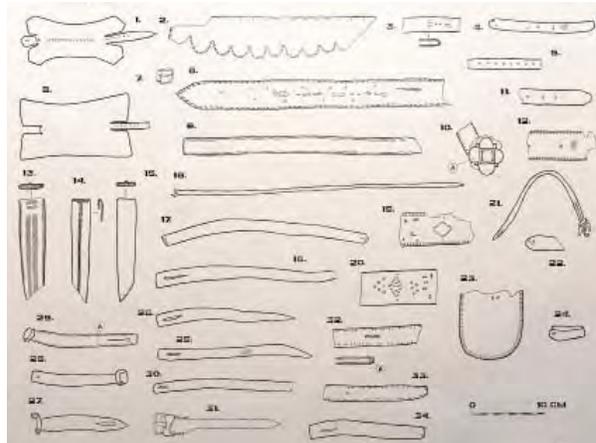

Рис. 13. КДМ-22, Раскоп 2. Предметы разного назначения: 1 – деталь шпорного ремня, сектор 5, пласт 12, объект 1; 2 – декоративная обшивка, траниця 8; 3 – ремень под пряжку, траниця 4; 4 – ремешок под пряжку, пласт 7, кв. 57;
5 – ремешок под пряжку, № 19; 6 – деталь шпорного ремня, сектор 8, пласт 10; 7 – обрывок ремня с пряжкой, № 63; 8 – поясной ремень № 412; 9 – ремень, № 411; 10 – декоративная лента под бронзовой накладкой, № 1288: А – бронзовая накладка; 11 – ремень под пряжку, № 21; 12 – фрагмент поясного ремня, сектор 1, пласт 8; 13 – чехол для ножа, сектор 3, пласт 7; 14 – чехол для ножа, сектор 5, пласт 13, объект 1; 15 – чехол для ножа, сектор 5, пласт 13, объект 1;
16 – завязка, № 18; 17 – соединительный ремешок, сектор 3, пласт 8; 18 – завязка, пласт 9, кв. 116; 19 – фрагмент поясного ремня, пласт 8, кв. 16; 20 – обрезок поясного ремня, пласт 8, кв. 85; 21 – завязка, сектор 3, пласт 8; 22 – обрезок завязки, траниця 3; 23 – деталь (?), траниця 4; 24 – обойма, сектор 2, пласт 8; 25 – пуговица, № 20: А – слабое линование; 26 – пуговица, № 576; 27 – пуговица, № 1466; 28 – ремень-завязка, пласт 5, кв. 15; 29 – ремень-завязка, траниця 4; 30 – ремень-завязка, пласт 8, кв. 55; 31 – ремень с пряжкой, № 577; 32 – ремень под пряжку, пласт 7, кв. 67: А – след металлической пряжки; 33 – ремень под пряжку, пласт 5, кв. 30;
34 – ремень-завязка, сектор 8, пласт 10

Кроме деталей обуви, изделия и предметы иного назначения немногочисленны. Среди них выделены: чехлы для ножа (3 ед.) (рис. 13: 13–15), декоративная нашивка (рис. 13: 2), завязки (8 ед.) (рис. 13: 16–18, 28–30), ремни (5 ед.) (рис. 13: 8, 9, 11, 12, 19; 14: 18), одна деталь руковицы, кожаная петля, две декоративные детали шпорного ремня (рис. 13: 1, 6), два обрезка кожи с булавками и три кожаные пуговицы (рис. 13: 25–27). Назначение ряда предметов остается неясным (рис. 14: 1–12).

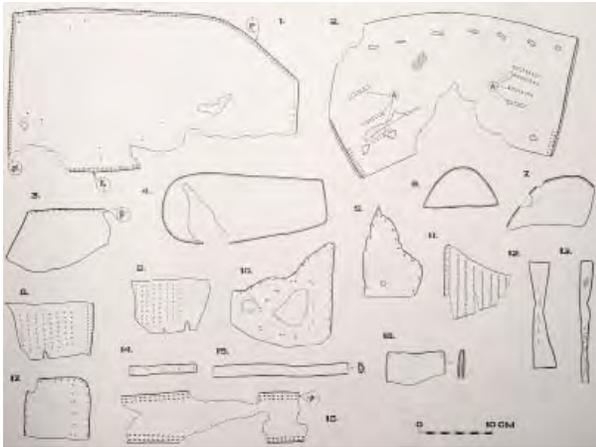

Рис. 14. КДМ-22, Раскоп 2. Детали разного назначения: 1 – покрытие (?), № 1831; 2 – покрытие (?), № 993: А – потайные швы с бахтармы; 3 – деталь, сектор 8, пласт 10; 4 – деталь, сектор 3, пласт 9; 5 – усиленная деталь, траниця 5; 6 – деталь, сектор 3, пласт 9; 7 – деталь, траниця 3; 8 – деталь, пласт 8; 9 – деталь, пласт 8, кв. 32; 10 – усиленная деталь, траниця 5; 11 – деталь, сектора 4–6, пласт 10; 12 – обрзок детали, траниця 4; 13 – обрзок детали, пласт 8, кв. 16; 14 – обрзок ремня, траниця 7; 15 – обрывок ремня, сектор 3, пласт 9; 16 – деталь, сектора 4–6, пласт 10; 17 – деталь, траниця 5; 18 – фрагмент поясного ремня, сектор 3, пласт 9

Уникальным предметом в археологических материалах надо считать находку в раскопе 2 кожаного тисненого переплета печатной книги – краткого изложения Ветхого Завета (рис. 15).

Кроме того, с кожаными изделиями связаны: железная подковка и подбойный гвоздь, а также три металлических пряжки, встреченные на ремнях. Одна из пряжек определенно соответствует по размерам ремням в конструкции крепления шпор на сапогах (рис. 13: 7). Опосредованно с кожаными изделиями могли быть связаны ключья шерсти (5 ед.), фрагмент войлока, фрагмент каната из конского волоса и три куса ткани.

Впервые шпорные ремни из археологических раскопок разных лет описаны в Риге, где они встречены в слоях с XIII до XVII–XVIII вв. (Бебре, 2008. С. 351 и сл.). Исследователь выделила 16 полных ремней или фрагментов на пяти объектах раскопок. В комплекте шпоры определяют верхний и нижний (подшпорный) ремни. Однако ранними автор считает шпоры с одним узким ремнем, который охватывал стопу и сверху, и снизу. Такой предмет найден в слоях XIII в. Но в тех же слоях

Рис. 15. КДМ-22, Раскоп 2. Кожаный переплет книги

встречены и шпоры, на которых должны были крепить по два ремня. Надшпорные ремни имели широкую среднюю часть, декоративно вырезанную в форме бабочки. Именно такие детали встречены на раскопе 2. Подобные шпорные ремни найдены в Вильнюсе непосредственно на шпоре (Montvilaitė, Ožalas, 2007). Признаком бытования шпор можно рассматривать и отдельные находки железных пряжек для шпорных ремней, что отмечено выше. Таким же могло быть и назначение пряжки с двумя овальными рамками на центральном стержне из раскопок 2017 г. в Старой Ладого.

Таким образом, коллекции кожаных предметов из раскопок 1 и 2, расположенных на обоих берегах р. Преголе в районе проведения реконструкции двухъярусного моста, показывают сходный состав кожаных предметов и изделий. Подавляющее большинство предметов являются деталями обуви. При этом полные комплекты деталей индивидуальных моделей в составе коллекций единичны. Также показателен представительный набор обрзков от раскроя. Вместе эти два признака позволяют дать культурно-историческую оценку коллекциям кожи.

1) Оба комплекса кожаных предметов можно считать сбросом использованного материала и отходов из специализированных мастерских по пошиву и ремонту кожаной обуви. Соотношение ремонта и пошива новой обуви определить сегодня затруднительно. Выброс материала осуществляли на свободные от городской застройки участки в черте города, заболоченные и малопригодные для застройки. Разные варианты утилизации кожаного материала из пошивочных мастерских рассматривались для русских средневековых городов (Курбатов, 2008).

2) Коллекция каждого раскопа показывает внутреннее единство конструкций и моделей обуви, что позволяет говорить об относительно коротком времени накопления отходов в этих мастерских перед их выбросом. При этом коллекции показывают разные исторические периоды деятельности каждой мастерской. Коллекция предметов с раскопа 2, судя по стилевым и конструктивным особенностям обуви, может быть отнесена к первой половине XVII в. Верхней временной границей для основной массы кожаных находок с этого раскопа надо считать время основания крепости Фридрихсбург в 1657 г. Территориально и хронологически близкими можно назвать археологические находки в литовских городах, например в Жогаре и Клайпеде (Bračiulienė, 2011; Puškorius, 2015). При этом нельзя исключать, что отдельные кожаные предметы могли выпадать в культурный слой уже при существующей крепости. Можно отметить, что при всем сходстве технических приемов раскроя и пошива обуви, а также вариантов конструкций обуви и стилевых особенностей, археологические коллекции прекрасно демонстрируют своеобразие обувной продукции в каждом городе. Это фиксируется и для ряда городов в Западной Европе, и в России. Коллекции из Кенигсберга только подтверждают это раннее наблюдение. Конструкции обуви в коллекции с раскопа 1 надо считать более поздними, чем на раскопе 2. Конструкции и стили обуви находят аналогии в моделях второй половины – конца XVII и XVIII вв., известных по археологическим и изобразительным источникам, а также хранящихся в собраниях европейских музеев (Swann, 2001). В то же время отдельные находки с этого раскопа надо относить к концу XVIII – началу XIX вв. Это определено подметки и подошвы из очень жесткой кожи, пропитанные минерализованной известью.

3) Для изучения кожевенно-обувного производства Кенигсберга XVII–XVIII вв. особенно интересно выявление на подошвах обуви различных клейм – показателей работы конкретных мастеров (мастерских) и контроля за качеством обувной продукции (Курбатов, 2023). Ранее такие клейма в археологических материалах западноевропейских городов не выделялись. Хотя они известны по музейным собраниям, например на обуви XVIII в. из Стокгольмского национального музея (Swann, 2001. Fig. 158, 178, 199).

4) В массе кожевенного материала стало возможным выделить материал неместного производства, представленного обрезками от раскроя и деталями, кроеными из кожи, которая по своим качествам и внешнему виду является характерной для городов Московского государства.

5) В целом кожевенный материал и различные конструкции обуви показывают своеобразие кожевенно-обувного производства Кенигсберга в XVII–XVIII вв., а также торговлю кожевенным товаром между городами Московского государства и Кенигсберга.

6) Коллекции кожаных предметов из Кенигсберга расширяют набор бытовавших в нем кожаных изделий, которые сегодня встречаются в археологических материалах. В частности, это отражают находки кожаных покрытий сундуков. Также расширяется археологическая база вариантов изученных методов отделки кожевенного товара и клеймения кожевенно-обувной продукции.

Источники и литература

- Бebre В. В., 2008. Находки шпорных ремней в рижском археологическом материале // Семинар имени академика В. В. Седова. Материалы ЛПЗ заседания (10–13 апреля 2007 г.). Псков.
- Курбатов А. В., 2008. О внестратиграфическом датировании комплексов кожаных изделий в русских средневековых городах // Записки ИИМК РАН. СПб. № 3.
- Курбатов А. В., 2023. Коллекция кожи из раскопок на ул. Лабутина, д. 5 в Санкт-Петербурге в 2022 г. // Бюллетень ИИМК РАН. СПб. № 14.
- Субботин А. В., Боковенко Н. А., Филиппенко Р. В., 2023. Работы ИИМК РАН в Калининграде и Калининградской области // Бюллетень ИИМК РАН. СПб. № 14.
- Bračiulienė R., 2011. The footwear of Klaipėda dwellers in the 16th and 17th centuries // *Archaeologia BALTICA*. Klaipėda. N 16.
- Ceynowa B., 2009. Obuwie ochronne znalezione w Gdansku – problematyka I metody badawcze // *IN GREMIO – IN PRAXI. Studia nad średniowiecznym skórnictwem*. Szczecin.
- Montvilaitė E., Ožalas E., 2007. Vilniaus žemutinės pilies pietinės dalies bei valdovų rūmų pietinio korpuso 2004–2006 m. tyrimai // *Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje*. 2006 metais. Vilnius.
- Puškorius A., Kalėdienė J., 2005. XVI a. Vilniaus žemutinės pilies rūmų dzariškių avalynė // *Lietuvos Pilys*. N 1.

Puškorius A., 2015. XVII amžiaus Žagarės miestiečių avalynė // Archaeologia Lituana. Vilnius. N 16.

Swann J., 2001. History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. Stockholm.

Обзор нумизматических находок из раскопок на Нейшлотском переулке (Санкт-Петербург) в 2018 г.¹

К. В. Горлов², Р. В. Филиппенко³

DOI: 10.31600/978-5-6052467-2-5.213–226

В июле–ноябре 2018 г. Санкт-Петербургской археологической экспедицией ИИМК РАН проводились охранные научно-исследовательские работы на территории планируемых строительных работ дома по адресу: г. Санкт-Петербург, Нейшлотский пер., д. 3, лит. А, на площади 1091,67 кв. м. Экспедиция отдела охранный археологии ИИМК РАН обнаружила и обследовала неизвестное ранее городское кладбище, действовавшее в XVIII в. Некрополь располагался южнее первого в Санкт-Петербурге общегородского Сампсониевского кладбища, достоверные упоминания о захоронениях на котором относятся уже к 1710 г. Анализ картографических и письменных источников позволил заключить, что открытые в 2018 г. погребения находятся за пределами основной территории как православного Сампсониевского, так и одноименного лютеранского некрополей, располагавшихся неподалеку (Филиппенко, 2021а. С. 10). Изучение истории выявленного кладбища на основании археологических данных и письменных источников позволяет отнести начало его действия к 1710-м гг., а окончание к середине 1730-х гг. Вероятнее, в 1760–1770-е гг. данная территория рассматривалась в качестве резерва для расположенных поблизости городских некрополей.

¹ К. В. Горловым работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № FMZF-2022-0017 «Развитие методики учета, хранения, научного описания и актуализация археологических коллекций, находящихся на хранении в ИИМК РАН». Р. В. Филиппенко работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № FMZF-2022-0016 «Совершенствование методики проведения охранно-спасательных археологических мероприятий и внедрение цифровых технологий в археологию».

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Лаборатория камеральной и цифровой обработки, учета и хранения археологических коллекций. E-mail: konstantin.v.gorlov2018@yandex.ru.

³ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: rovif74@mail.ru.

В 1790-е гг. здесь возводятся сооружения канатной фабрики (Филиппенко, 2021а. С. 16, 21, 38, 39).

В границах раскопа на уровне погребенной почвы удалось зарегистрировать 595 захоронений, совершенных по православному канону (Филиппенко, 2021а. С. 13; 2021б. С. 31). В значительной части погребений присутствовали нательные кресты, изготовленные из медного и свинцово-оловянного сплавов. Другие предметы, связанные с погребальным убором или инвентарем, немногочисленны. Во время работ не удалось обнаружить остатков надмогильных плит или каких-либо других элементов капитальных надгробных конструкций, что может указывать на низкий социальный и имущественный статус погребенных здесь людей. Отметим, что в пределах городского православного Сампсониевского кладбища находки надмогильных плит⁴ в том числе первой половины – середины XVIII в. хорошо известны, как и погребения знатных дворянских фамилий (Филиппенко, 2021а. С. 14, 32, 33, 48, 54).

В метрических книгах середины XVIII в. упоминаются захоронения на Сампсониевском кладбище как жителей Санкт-Петербурга, так и населения из пригородных сел, представленного по происхождению двумя группами. К первой принадлежало коренное финское православное население, оставшееся здесь после отвоения побережья Невы у Швеции. Ко второй – люди, переведенные в Приневье в первые десятилетия XVIII в. из внутренних областей России для обслуживания вотчин сановников. Местные финские жители, скорее всего, имели возможность хоронить покойных на старых родовых кладбищах. Русское население для отправления религиозных обрядов использовало окраинные церкви Петербурга, прежде всего в «открытой», неведомственной Сампсониевской церкви. На выявленном в 2018 г.

⁴ Надмогильные плиты XVIII в. были неоднократно обнаружены в пределах Сампсониевского кладбища (Филиппенко, 2021а. С. 32, 33, 48). Часть этих надгробий XVIII в. в настоящее время находится в одной из открытых галерей Сампсониевского собора.

кладбище, вероятно, были исследованы погребения жителей ближайших к Петербургу окрестностей (Филиппенко, 2021а. С. 52–54).

В ходе исследования культурного слоя была собрана крупная коллекция нумизматических находок,

представленная в основном мелкими номиналами Русского царства, Российской империи и СССР, чеканными из серебра и медного сплава. Большинство монет происходят из культурного слоя, не связанного с ингумациями. Только шесть денежных знаков обнаружены в составе захоронений (табл. 1).

Табл. 1. Состав нумизматической коллекции

Эмитент	Номинал	Дата чеканки	Место чеканки / дифферент	Гурт / вес	Материал	Тип ⁵	№ в п/о
Русское Царство / Петр I	Копейка	СS / 1698	Москва. Старый денежный двор	0,160	Серебро	ГКХ-1242	1169
Русское Царство / Федор Алексеевич	Копейка	1676–1680	Москва / о/М	0,410	Серебро	ГКХ-1022	2876
Русское Царство / Петр I	Копейка	АУӨ / 1709	Москва. Кадашевский денежный двор	0,150	Серебро	ГКХ-1797	2875
Русское Царство / Петр I	Копейка	АУАИ / 1711	Москва. Кадашевский денежный двор	0,135	Серебро	ГКХ-1835	2876/1
Русское Царство / Петр I	Копейка	УСИ / 1716	Москва. Красный (Старый) денежный двор	0,240	Серебро	ГКХ-1416	2876/2
Русское Царство / Петр I	Денга	1700–1718	Москва. Набережный двор	Гладкий	Медь	У-?	2926
Российская империя / Анна Иоанновна	Денга	1738	Екатеринбург	Сетчатый	Медь	У-2501	2258
Российская империя / Елизавета Петровна	Денга	1748	Москва; Красный двор	Сетчатый	Медь	У-2530	3806
Российская империя / Павел I	2 копейки	1797	Екатеринбург / ЕМ	Шнур.	Медь	У-2938	3885

⁵ При указании типологии монет использованы следующие сокращения и публикации: ГКХ – И.В. Гришин, В.Н. Клецинов, А.В. Храменков (Гришин и др., 2021); У – В.В. Уздеников (Уздеников, 2011); Y – Международный каталог монет мира (<https://ru.ucoin.net/>).

Эмитент	Номинал	Дата чеканки	Место чеканки / дифферент	Гурт / вес	Материал	Тип ⁵	№ в п/о
Российская империя / Павел I	1 деньга	1798	Екатеринбург / ЕМ	Шнур.	Медь	У-2966	3778
Российская империя / Павел I	1 деньга	1797–1801	Екатеринбург / ЕМ (?)	Шнур.	Медь	У-?	4186
Российская империя / Александр I	2 копейки	1812	Санкт-Петербург / СПБ-ПС	Гладкий	Медь	У-3159	3852
Российская империя / Александр I	2 копейки	1812	Екатеринбург / ЕМ-НМ	Гладкий	Медь	У-3161	4418
Российская империя / Александр I	2 копейки	1813	Екатеринбург / ЕМ-НМ	Гладкий	Медь	У-3172	3884
Российская империя / Александр I	2 копейки	1814	Колпино; Ижорский двор / ИМ-ПС	Гладкий	Медь	У-3181	1299
Российская империя / Александр I	2 копейки	1814	Колпино; Ижорский двор / ИМ-ПС	Гладкий	Медь	У-3181	4232
Российская империя / Николай I	1/2 копейки серебром	1841	Колпино / СПМ	Гладкий	Медь	У-3406	2021
Российская империя / Николай I	1/2 копейки серебром	1841	Колпино / СПМ (?)	Гладкий	Медь	У-3406	4019
Российская империя / Николай I	1 копейка серебром	1841	Колпино / СПМ	Гладкий	Медь	У-3403	1110
Российская империя / Николай I	1 копейка серебром	1839–1847	?	Гладкий	Медь	У-?	3795
Российская империя / Александр II	Денежка	1857	Екатеринбург или Варшава	Гладкий	Медь	У-3570, 3572	4422
Российская империя / Александр II	Копейка	1859	Екатеринбург или Варшава	Гладкий	Медь	У-3598–3600	3590

<i>Эмитент</i>	<i>Номинал</i>	<i>Дата чеканки</i>	<i>Место чеканки / дифферент</i>	<i>Гурт / вес</i>	<i>Материал</i>	<i>Тип⁵</i>	<i>№ в п/о</i>
<i>Российская империя / Александр II</i>	<i>3 копейки</i>	<i>1859</i>	<i>Екатеринбург</i>	<i>Гладкий</i>	<i>Медь</i>	<i>У-3591</i>	<i>1016</i>
<i>Российская империя / Александр II</i>	<i>Копейка</i>	<i>1861</i>	<i>Екатеринбург / ЕМ</i>	<i>Рубчатый</i>	<i>Медь</i>	<i>У-3625</i>	<i>4018</i>
<i>Италия / Виктор Эммануил II</i>	<i>10 центезимо</i>	<i>1862–1867</i>	<i>Милан / М (?)</i>	<i>Гладкий</i>	<i>Медь</i>	<i>КМ-11</i>	<i>2737</i>
<i>Российская империя / Александр II</i>	<i>Полушка</i>	<i>1868</i>	<i>Екатеринбург / ЕМ</i>	<i>Гладкий</i>	<i>Медь</i>	<i>У-3699</i>	<i>3101</i>
<i>Российская империя / Александр II</i>	<i>5 копеек</i>	<i>1869</i>	<i>Екатеринбург / ЕМ</i>	<i>Гладкий</i>	<i>Медь</i>	<i>У-3701</i>	<i>3099</i>
<i>Российская империя / Александр II</i>	<i>5 копеек</i>	<i>1875</i>	<i>Екатеринбург / ЕМ</i>	<i>Рубчатый</i>	<i>Медь</i>	<i>У-3754</i>	<i>1118</i>
<i>Российская империя / Александр II</i>	<i>1 копейка</i>	<i>1876</i>	<i>Санкт- Петербург / СПб</i>	<i>Рубчатый</i>	<i>Медь</i>	<i>У-3766</i>	<i>661</i>
<i>Российская империя / Александр II</i>	<i>1 копейка</i>	<i>1877</i>	<i>Санкт- Петербург / СПб</i>	<i>Рубчатый</i>	<i>Медь</i>	<i>У-3776</i>	<i>3609</i>
<i>Российская империя / Александр II</i>	<i>20 копеек</i>	<i>1877</i>	<i>Санкт- Петербург / СПБ-Н1</i>	<i>Рубчатый</i>	<i>Серебро</i>	<i>У-1926</i>	<i>77</i>
<i>Российская империя / Александр II</i>	<i>1 копейка</i>	<i>1879</i>	<i>Санкт- Петербург / СПб</i>	<i>Рубчатый</i>	<i>Медь</i>	<i>У-3788</i>	<i>1100</i>
<i>Российская империя / Александр II</i>	<i>1 копейка</i>	<i>1879</i>	<i>Санкт- Петербург / СПб</i>	<i>Рубчатый</i>	<i>Медь</i>	<i>У-3788</i>	<i>3798</i>
<i>Российская империя / Александр II</i>	<i>1 копейка</i>	<i>1879</i>	<i>Санкт- Петербург / СПб</i>	<i>Рубчатый</i>	<i>Медь</i>	<i>У-3788</i>	<i>2776</i>
<i>Российская империя / Александр II</i>	<i>5 копеек</i>	<i>1879</i>	<i>Санкт- Петербург / СПб</i>	<i>Рубчатый</i>	<i>Медь</i>	<i>У-3785</i>	<i>1298</i>

Эмитент	Номинал	Дата чеканки	Место чеканки / дифферент	Гурт / вес	Материал	Тип ⁵	№ в п/о
Российская империя / Александр II	2 копейки	1880	Санкт-Петербург / СПБ	Рубчатый	Медь	У-3793	2017
Российская империя / Александр II	20 копеек	1880	Санкт-Петербург / СПБ-НФ	Рубчатый	Серебро	У-1954	3893
Российская империя / Александр III	1 копейка	1882	Санкт-Петербург / СПБ	Рубчатый	Медь	У-3707	7263
Российская империя / Александр III	2 копейки	1886	Санкт-Петербург / СПБ	Рубчатый	Медь	У-3824	1217
Российская империя / Александр III	2 копейки	1886	Санкт-Петербург / СПБ	Рубчатый	Медь	У-3824	3607
Российская империя / Александр III	1 копейка	1889	Санкт-Петербург / СПБ	Рубчатый	Медь	У-3837	2873
Российская империя / Александр III	1 копейка	1892	Санкт-Петербург / СПБ	Рубчатый	Медь	У-3850	2803
Российская империя / Александр III	1 копейка	1893	Санкт-Петербург / СПБ	Рубчатый	Медь	У-3855	331
Российская империя / Александр III	1/2 копейки	1881–1894	Санкт-Петербург / СПБ	Рубчатый	Медь	У-?	3648
Российская империя / Александр III или Николай II	1 копейка	1894 (?)	Санкт-Петербург / СПБ	Рубчатый	Медь	У-3860	2386
Российская империя / Николай II	2 копейки	1895	Санкт-Петербург / СПБ	Рубчатый	Медь	У-3865	3880
Российская империя / Николай II	10 копеек	1897	Санкт-Петербург / СПБ-АГ	Рубчатый	Серебро	У-2085	146

<i>Эмитент</i>	<i>Номинал</i>	<i>Дата чеканки</i>	<i>Место чеканки / дифферент</i>	<i>Гурт / вес</i>	<i>Материал</i>	<i>Тип⁵</i>	<i>№ в п/о</i>
<i>Российская империя / Николай II</i>	<i>2 копейки</i>	<i>1898</i>	<i>Санкт-Петербург / СПБ</i>	<i>Рубчатый</i>	<i>Медь</i>	<i>У-3880</i>	<i>2901</i>
<i>Российская империя / Николай II</i>	<i>1 копейка</i>	<i>1899</i>	<i>Санкт-Петербург / СПБ</i>	<i>Рубчатый</i>	<i>Медь</i>	<i>У-3886</i>	<i>2395</i>
<i>Российская империя. Великое княжество Финляндское / Николай II</i>	<i>10 пенни</i>	<i>1899</i>	<i>Гельсингфорс</i>	<i>Гладкий</i>	<i>Медь</i>	<i>У-4760</i>	<i>2681</i>
<i>Российская империя / Николай II</i>	<i>3 копейки</i>	<i>1900</i>	<i>Санкт-Петербург / СПБ</i>	<i>Рубчатый</i>	<i>Медь</i>	<i>У-3889</i>	<i>3084</i>
<i>Российская империя / Николай II</i>	<i>3 копейки</i>	<i>1901</i>	<i>Санкт-Петербург / СПБ</i>	<i>Рубчатый</i>	<i>Медь</i>	<i>У-3894</i>	<i>3069</i>
<i>Российская империя / Николай II</i>	<i>2 копейки</i>	<i>1903</i>	<i>Санкт-Петербург / СПБ</i>	<i>Рубчатый</i>	<i>Медь</i>	<i>У-3901</i>	<i>491</i>
<i>Российская империя / Николай II</i>	<i>10 копеек</i>	<i>1903</i>	<i>Санкт-Петербург / СПБ-АР</i>	<i>Рубчатый</i>	<i>Серебро</i>	<i>У-2141</i>	<i>1944</i>
<i>Российская империя / Николай II</i>	<i>1 копейка</i>	<i>1905 (?)</i>	<i>Санкт-Петербург / СПБ</i>	<i>Рубчатый</i>	<i>Медь</i>	<i>У-3908</i>	<i>2964</i>
<i>Российская империя / Николай II</i>	<i>2 копейки</i>	<i>1906</i>	<i>Санкт-Петербург / СПБ</i>	<i>Рубчатый</i>	<i>Медь</i>	<i>У-3910</i>	<i>1942</i>
<i>Российская империя. Великое княжество Финляндское / Николай II</i>	<i>10 пенни</i>	<i>1907</i>	<i>Гельсингфорс</i>	<i>Гладкий</i>	<i>Медь</i>	<i>У-4788</i>	<i>3576</i>
<i>Российская империя / Николай II</i>	<i>3 копейки</i>	<i>1908</i>	<i>Санкт-Петербург / СПБ</i>	<i>Рубчатый</i>	<i>Медь</i>	<i>У-3815</i>	<i>2</i>

Эмитент	Номинал	Дата чеканки	Место чеканки / дифферент	Гурт / вес	Материал	Тип ⁵	№ в п/о
Российская империя / Николай II	3 копейки	1908	Санкт-Петербург / СПБ	Рубчатый	Медь	У-3815	4446
Российская империя / Николай II	1/2 копейки	1909	Санкт-Петербург / СПБ	Рубчатый	Медь	У-3922	825
Российская империя / Николай II	1 копейка	1909	Санкт-Петербург / СПБ	Рубчатый	Медь	У-3921	654
Российская империя / Николай II	1 копейка	1909	Санкт-Петербург / СПБ	Рубчатый	Медь	У-3921	2965
Российская империя / Николай II	3 копейки	1910	Санкт-Петербург / СПБ	Рубчатый	Медь	У-3824	2956
Российская империя / Николай II	1/2 копейки	1911	Санкт-Петербург / СПБ	Рубчатый	Медь	У-3933	2874
Российская империя / Николай II	1 копейка	1911	Санкт-Петербург / СПБ	Рубчатый	Медь	У-3932	2060
Российская империя / Николай II	1 копейка	1911	Санкт-Петербург / СПБ	Рубчатый	Медь	У-3932	26
Российская империя / Николай II	1 копейка	1911	Санкт-Петербург / СПБ	Рубчатый	Медь	У-3932	2912
Российская империя / Николай II	2 копейки	1911	Санкт-Петербург / СПБ	Рубчатый	Медь	У-3931	1059
Российская империя / Николай II	2 копейки	1911	Санкт-Петербург / СПБ	Рубчатый	Медь	У-3931	686
Российская империя / Николай II	1/2 копейки	1912	Санкт-Петербург / СПБ	Рубчатый	Медь	У-3938	3092
Российская империя / Николай II	1 копейка	1912	Санкт-Петербург / СПБ	Рубчатый	Медь	У-3937	807

<i>Эмитент</i>	<i>Номинал</i>	<i>Дата чеканки</i>	<i>Место чеканки / дифферент</i>	<i>Гурт / вес</i>	<i>Материал</i>	<i>Тип⁵</i>	<i>№ в п/о</i>
<i>Российская империя / Николай II</i>	<i>1 копейка</i>	<i>1913</i>	<i>Санкт-Петербург / СПб</i>	<i>Рубчатый</i>	<i>Медь</i>	<i>У-3941</i>	<i>2800</i>
<i>Российская империя / Николай II</i>	<i>1 копейка</i>	<i>1913</i>	<i>Санкт-Петербург / СПб</i>	<i>Рубчатый</i>	<i>Медь</i>	<i>У-3941</i>	<i>3600</i>
<i>Российская империя / Николай II</i>	<i>2 копейки</i>	<i>1913</i>	<i>Санкт-Петербург / СПб</i>	<i>Рубчатый</i>	<i>Медь</i>	<i>У-3940</i>	<i>926</i>
<i>Российская империя / Николай II</i>	<i>1 копейка</i>	<i>1914</i>	<i>Санкт-Петербург / СПб</i>	<i>Рубчатый</i>	<i>Медь</i>	<i>У-3945</i>	<i>1018</i>
<i>Российская империя / Николай II</i>	<i>1 копейка</i>	<i>1914</i>	<i>Санкт-Петербург / СПб</i>	<i>Рубчатый</i>	<i>Медь</i>	<i>У-3945</i>	<i>2350</i>
<i>Российская империя / Николай II</i>	<i>2 копейки</i>	<i>1915</i>	<i>Петроград</i>	<i>Рубчатый</i>	<i>Медь</i>	<i>У-3948</i>	<i>2020</i>
<i>Российская империя / Николай II</i>	<i>2 копейки</i>	<i>1915</i>	<i>Петроград</i>	<i>Рубчатый</i>	<i>Медь</i>	<i>У-3948</i>	<i>2559</i>
<i>Российская империя / Николай II</i>	<i>2 копейки</i>	<i>1915</i>	<i>Петроград</i>	<i>Рубчатый</i>	<i>Медь</i>	<i>У-3948</i>	<i>2266</i>
<i>Российская империя / Николай II</i>	<i>3 копейки</i>	<i>1915</i>	<i>Петроград</i>	<i>Рубчатый</i>	<i>Медь</i>	<i>У-3947</i>	<i>2955</i>
<i>Российская империя / Николай II</i>	<i>3 копейки</i>	<i>1915</i>	<i>Петроград</i>	<i>Рубчатый</i>	<i>Медь</i>	<i>У-3947</i>	<i>2911</i>
<i>Российская империя / Николай II</i>	<i>10 копеек</i>	<i>1915</i>	<i>Петроград / ВС</i>	<i>Рубчатый</i>	<i>Серебро</i>	<i>У-2217</i>	<i>3</i>
<i>Российская империя / Николай II</i>	<i>15 копеек</i>	<i>1915</i>	<i>Петроград / ВС</i>	<i>Рубчатый</i>	<i>Серебро</i>	<i>У-2216</i>	<i>3779</i>
<i>Российская империя / Николай II</i>	<i>1 копейка</i>	<i>1916</i>	<i>Петроград</i>	<i>Рубчатый</i>	<i>Медь</i>	<i>У-3960</i>	<i>3575</i>

Эмитент	Номинал	Дата чеканки	Место чеканки / дифферент	Гурт / вес	Материал	Тип ⁵	№ в п/о
Российская империя. Великое княжество Финляндское / Николай II	5 пенни	1916	Гельсингфорс	Гладкий	Медь	У-4833	3574
Российская империя. Великое княжество Финляндское / Николай II	5 пенни	1895–1916	Гельсингфорс	Гладкий	Медь	У-?	2957
Российская империя	2 копейки	1867–1916	?	Рубчатый	Медь	У-?	3068
Российская империя	5 копеек	1867–1916	?	Рубчатый	Медь	У-?	3741
Фальшивая монета, имитирующая 2 копейки 1867–1916 Российской империи			?	Гладкий	Медь	У-?	3463
РСФСР	10 копеек	1923	Петроград	Рубчатый	Серебро	У# 80	3881
СССР	1 копейка	1924 (?)	Ленинград	Рубчатый	Медь	У# 76	3090
СССР	2 копейки	1924	Ленинград	Гладкий	Медь	У# 77	4445
СССР	3 копейки	1924	Ленинград	Гладкий	Медь	У# 78	824
СССР	3 копейки	1924	Ленинград	Гладкий	Медь	У# 78	3439
СССР	3 копейки	1924	Ленинград	Гладкий	Медь	У# 78	3064
СССР	5 копеек	1924	Ленинград	Гладкий	Медь	У# 79	1
СССР	5 копеек	1924	Ленинград	Гладкий	Медь	У# 79	823
СССР	5 копеек	1924	Ленинград	Гладкий	Медь	У# 79	822
СССР	5 копеек	1924	Ленинград	Гладкий	Медь	У# 79	809
СССР	10 копеек	1924	Ленинград	Рубчатый	Серебро	У# 86	3499
СССР	Полкопейки	1925	Ленинград	Рубчатый	Медь	У# 75	2305

Эмитент	Номинал	Дата чеканки	Место чеканки / дифферент	Гурт / вес	Материал	Тип ⁵	№ в п/о
СССР	1 копейка	1926	Ленинград	Рубчатый	Алюм./бр.	У# 91	2303
СССР	Полкопейки	1927	Ленинград	Рубчатый	Медь	У# 75	21
СССР	Полкопейки	1928	Ленинград	Рубчатый	Медь	У# 75	2755
СССР	1 копейка	1928	Ленинград	Рубчатый	Алюм./бр.	У# 91	2738
СССР	Полкопейки	1925–1928	Ленинград	Рубчатый	Медь	У# 75	2279
СССР	15 копеек	1928	Ленинград	Рубчатый	Серебро	У# 87	3608
СССР	10 копеек	1929	Ленинград	Рубчатый	Серебро	У# 86	2538
СССР	3 копейки	1929	Ленинград	Рубчатый	Алюм./бр.	У# 93	2304
СССР	5 копеек	1930	Ленинград	Рубчатый	Алюм./бр.	У# 94	2275
СССР	5 копеек	1930	Ленинград	Рубчатый	Алюм./бр.	У# 94	3777
СССР	10 копеек	1930	Ленинград	Рубчатый	Серебро	У# 86	2349
СССР	2 копейки	1931	Ленинград	Рубчатый	Алюм./бр.	У# 92	43
СССР	1 копейка	1931	Ленинград	Рубчатый	Алюм./бр.	У# 91	2347
СССР	3 копейки	1931	Ленинград	Рубчатый	Алюм./бр.	У# 93	3601
СССР	5 копеек	1931	Ленинград	Рубчатый	Алюм./бр.	У# 93	2280
СССР	5 копеек	1931	Ленинград	Рубчатый	Алюм./бр.	У# 93	3440
СССР	20 копеек	1931	Ленинград	Рубчатый	Мед./ник.	У# 97	2278
СССР	20 копеек	1932	Ленинград	Рубчатый	Мед./ник.	У# 109	2299
СССР	20 копеек	1932	Ленинград	Рубчатый	Мед./ник.	У# 109	3732
СССР	20 копеек	1933	Ленинград	Рубчатый	Мед./ник.	У# 95	1039
СССР	3 копейки	1935	Ленинград	Рубчатый	Алюм./бр.	У# 93	1303
СССР	5 копеек	1935	Ленинград	Рубчатый	Алюм./бр.	У# 101	4853
СССР	15 копеек	1935	Ленинград	Рубчатый	Мед./ник.	У# 103	2306
СССР	15 копеек	1935	Ленинград	Рубчатый	Мед./ник.	У# 103	2742
СССР	15 копеек	1935	Ленинград	Рубчатый	Мед./ник.	У# 103	3796
СССР	20 копеек	1935	Ленинград	Рубчатый	Мед./ник.	У# 104	2680

Эмитент	Номинал	Дата чеканки	Место чеканки / дифферент	Гурт / вес	Материал	Тип ⁵	№ в п/о
СССР	2 копейки	1936	Ленинград	Рубчатый	Алюм./бр.	У# 99	1108
СССР	3 копейки	1936	Ленинград	Рубчатый	Алюм./бр.	У# 100	3438
СССР	3 копейки	1936	Ленинград	Рубчатый	Алюм./бр.	У# 100	3780
СССР	5 копеек	1926–1935	Ленинград	Рубчатый	Алюм./бр.	У# 94	2263
СССР	20 копеек	1936	Ленинград	Рубчатый	Мед./ник.	У# 104	2264
СССР	2 копейки	1937	Ленинград	Рубчатый	Алюм./бр.	У# 105	891
СССР	2 копейки	1937	Ленинград	Рубчатый	Алюм./бр.	У# 105	2560
СССР	2 копейки	1937	Ленинград	Рубчатый	Алюм./бр.	У# 105	656
СССР	3 копейки	1932	Ленинград	Рубчатый	Алюм./бр.	У# 107	3070
СССР	10 копеек	1937	Ленинград	Рубчатый	Мед./ник.	У# 109	4852
СССР	10 копеек	1937	Ленинград	Рубчатый	Мед./ник.	У# 109	2294
СССР	20 копеек	1937	Ленинград	Рубчатый	Алюм./бр.	У# 109	657
СССР	3 копейки	1938	Ленинград	Рубчатый	Мед./ник.	У# 107	2756
СССР	15 копеек	1938	Ленинград	Рубчатый	Мед./ник.	У# 110	3443
СССР	1 копейка	1939	Ленинград	Рубчатый	Алюм./бр.	У# 105	4543
СССР	3 копейки	1939	Ленинград	Рубчатый	Алюм./бр.	У# 107	2295
СССР	3 копейки	1939	Ленинград	Рубчатый	Алюм./бр.	У# 107	3063
СССР	5 копеек	1940	Ленинград	Рубчатый	Алюм./бр.	У# 108	2558
СССР	5 копеек	1940	Ленинград	Рубчатый	Алюм./бр.	У# 108	3584
СССР	10 копеек	1940	Ленинград	Рубчатый	Мед./ник.	У# 109	3530
СССР	1 копейка	1941	Ленинград	Рубчатый	Алюм./бр.	У# 105	2355
СССР	2 копейки	1941	Ленинград	Рубчатый	Алюм./бр.	У# 106	2336
СССР	15 копеек	1946	Ленинград	Рубчатый	Мед./ник.	У# 110	3761
СССР	10 копеек	1952	Ленинград	Рубчатый	Мед./ник.	У# 116	2256
СССР	2 копейки	1957	Ленинград	Рубчатый	Алюм./бр.	У# 120	3464

При исследовании некрополя нумизматический материал был зарегистрирован в составе погребения № 37 (табл. 1, № п.о. 1169; рис. 1: 1). В заполнении могильной ямы исследованы фрагменты прямоугольного гроба из досок шириной до 0,03 м. Погребенный лежал на спине, головой на юго-запад. Сохранились фрагменты бедренных, локтевых, лучевых костей, позвонков, зубы мужчины в возрасте 45–55 лет (Филиппенко, 2021б. С. 45, 46). У южной стенки гроба, в области правой плечевой кости скелета обнаружена серебряная проволочная копейка эмиссии Петра I, выпущенная на Старом денежном дворе в 1698 г.

В заполнении могильной ямы погребения № 200 исследовались человеческие останки, от которых сохранились фрагменты длинных костей нижних и верхних конечностей скелета взрослого человека (Филиппенко, 2021б. С. 110). В восточной половине гроба, у левой бедренной кости погребенного вместе с фрагментом ткани зафиксировано компактное скопление монет⁶, представленное четырьмя проволочными серебряными копейками эмиссии Федора Алексеевича 1676–1680 гг. и Петра Алексеевича 1698, 1709, 1711 и 1716 гг. Также в состав комплекса входила и медная денга 1700–1718 гг.⁷ (табл. 1, № п.о. 2876, 2875, 2876/1, 2876/2, 2926; рис. 1: 2–5). Вероятно, при захоронении монеты были укрыты в кошельке или в деталях погребального убора.

Время чеканки и период обращения обнаруженных в составе рассмотренных погребений монет в целом коррелируют с предложенным временем функционирования кладбища. Относительно ранняя к началу действия могильника дата выпуска копейки из захоронения № 37 нивелируется длительным периодом бытования петровских проволочных монет после прекращения их эмиссии в 1717 г. Денежные знаки, обнаруженные в составе погребения № 200, имеют широкий хронологический диапазон, связанный с присутствием здесь копейки Федора Алексеевича, аналоги которой на территории Санкт-Петербурга в виде единичных находок как будто неизвестны. Петровские проволочные монеты имеют относительно компактное время чеканки, коррелирующее с первым десятилетием действия кладбища. Датировка и период обращения медной денги, вероятнее всего, не позже середины 30-х гг. XVIII в., что также не противоречит намеченному времени функционирования некрополя.

⁶ Отметим, что две проволочные серебряные копейки в момент фиксации были скреплены продуктами коррозии.

⁷ Плохая сохранность монеты не позволила определить точную дату ее чеканки.

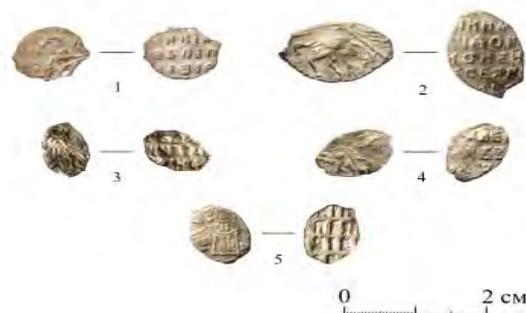

Рис. 1. Нумизматические находки из захоронений, исследованных в Санкт-Петербурге на Нейшлотском пер., д. 3, лит. А в 2018 г.

Обращает на себя внимание отсутствие в захоронениях копеек, выпущенных в самом начале XVIII в. огромными тиражами. Примечателен и факт наличия в одном скоплении вместе с серебряными проволочными копейками медной денги. Как правило, на протяжении периода своего одновременного обращения в первой половине XVIII в. серебряные и медные монеты в составах одних комплексов не встречаются. В первую очередь данное замечание относится к составу кладов. Даже в небольших депозитах, интерпретируемых в качестве потерянных кошельков, монеты ручной чеканки изолированы от денежных знаков машинного производства. Вероятно, причина появления в составе одного скопления серебряных и медной монет заключается в его ритуальном характере.

Прежде чем перейти к рассуждениям о возможных причинах появления монет в рассмотренных погребениях, еще раз отметим, что они были совершены на городском кладбище, где, вероятно, захоронения производились населением из ближайшей к Санкт-Петербургу округи. С большой долей вероятности можно говорить, что ингумацией здесь занимались родственники усопших, а не «казна»⁸, что влекло за собой соблюдение погребальной обрядности с исключением случайного попадания посторонних предметов в могилы. По этой причине наличие монет в захоронениях в данном случае нельзя связать со случайным попаданием (Горлов и др., 2023. С. 130–143). Вероятнее всего, здесь прослеживается традиция «обола мертвых» – ритуального помещения денежных знаков в состав погребений.

⁸ Захоронения, совершенные под патронатом городских властей, известны на территории Санкт-Петербурга и имеют свою специфику (Горлов, Соболев, 2024).

В пользу предложенной версии свидетельствует место обнаружения копейки из захоронения № 37 – возле правой плечевой кости скелета, что указывает на отсутствие связи денежного знака с убором усопшего. Вероятнее всего, монета была помещена в гроб на одном из этапов обряда. Археологические исследования дают примеры фиксации денежных знаков как на костяках, например в области груди, так и рядом с ними, по сторонам от черепа или у ступней (Мокерова, 2013. С. 147). Часть монет помещалась в могильные ямы до или во время их заполнения (Хухарев, 1999. С. 161; Векслер, Петухов, 2002. С. 204; Иов, 2004. С. 121; Горлов, 2024. С. 246–261). Этнографические источники предлагают богатый набор функций, которые монеты могли выполнять в составе погребений: это разного рода платы (за «спокойное» лежание в земле, за преодоление различных преград), своеобразные обереги (от смерти родственников умершего, от падежа скота) и прочее (Зеленин, 1991. С. 348; Бузин, 2015. С. 585, 600, 601). Данные поверья тесно связаны с народными представлениями о загробной жизни, уходящими своими корнями в языческую культуру. Вероятнее всего, к намеренному ритуальному помещению монет в захоронение следует отнести и случай с ингумацией № 200, где изначально денежные знаки, видимо, хранились в истлевшем кошельке, от которого сохранился только небольшой фрагмент ткани.

Данные археологии и этнографии указывают на то, что в погребения как в эпоху Средневековья, так и Нового времени для ритуальных целей помещали одну или пару монет чаще всего низкого достоинства. Иногда для этого использовали и фрагменты денежных знаков или специально изготовленные суррогаты (Новиков, Хухарев, 1999. С. 155–165). Известны случаи намеренного использования в погребениях денежных знаков, давно вышедших из обращения. В связи с этим создается впечатление, что в случае с рассматриваемым захоронением к группе из трех петровских проволочных копеек, выпущенных во время, близкое к кончине, были намеренно добавлены старый двудежник Федора Алексеевича, аналоги которого массово вышли из обращения на рубеже XVII–XVIII вв., и медная денга, не характерная для монетных комплексов из драгоценного металла. Таким образом, серию монет из состава погребений, исследованных на Нейшлотском переулке, вероятнее всего, следует рассматривать как пример намеренного включения денежных знаков в состав захоронений с ритуальной целью.

Источники и литература

- Бузин В. С., 2015. Рождение, вступление в брак и смерть в традиционной южнорусской обрядности (Липецкая, Тамбовская, Пензенская области). СПб.
- Векслер А. Г., Петухов С. П., 2002. «Обол Харона» в погребениях средневекового некрополя церкви Св. Троицы в Старых Полях (г. Москва) // Десятая Всероссийская нумизматическая конференция (Псков, 10–20 апреля 2002 г.). М.
- Иов О. В., 2004. «Оболы мертвых» Снядинского могильника середины XVI – XVII вв. // Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, 19–24 апреля 2004 г.). М.
- Горлов К. В., 2024. О находках монет XV–XVI вв. из погребений у д. Коваши Ленинградской области // Русское денежное обращение IX–XVII вв. М.
- Горлов К. В., Масловский А. Н., Яглов П. Н., 2023. Кошелек с проволочными монетами Петра I из состава воинского захоронения города Азова // Записки ИИМК РАН. № 28.
- Горлов К. В., Соболев В. Ю., 2024. Новые находки монет Петровского времени на территории Санкт-Петербурга: к истории «повседневного» денежного обращения русского города первой половины XVIII в. // АВ. Вып. 44.
- Гришин И. В., Клецинов В. Н., Храменков А. В., 2021. Каталог русских монет от Ивана Грозного до Петра Великого. М.
- Зеленин Д. К., 1991. Восточнославянская этнография. М.
- Мокерова Е. Ю., 2013. Некоторые итоги изучения нумизматических материалов Кадочниковского могильника XVI – начала XVIII в. // Семнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, Пущино, 22–26 апреля 2013 г.). М.
- Мокерова Е. Ю., 2017. Предварительные итоги изучения нумизматических материалов Грековского могильника XVI–XVII вв. // Деятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Великий Новгород, 18–22 апреля 2017 г.). М.
- Новиков А. В., Хухарев В. В., 1999. Монеты из погребений некрополя у церкви Алексея – человека Божия в Твери // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья: Материалы научного семинара. Тверь. Вып. 3.

Уздеников В.В., 2011. Монеты России 1700–1917. 4-е изд. М.

Филиппенко Р.В., 2021а. Отчет о результатах археологических раскопок на территории выявленного объекта археологического наследия «Участок исторического культурного слоя г. Санкт-Петербурга XVIII–XIX вв. с сохранившимися историческими захоронениями» в зоне строительства дома в г. Санкт-Петербург, Нейшлотский пер., д. 3, лит. А. в 2018 г. Т. 1. // Архив Центра спасательной археологии ИИМК РАН.

Филиппенко Р.В., 2021б. Отчет о результатах археологических раскопок на территории выявленного объекта археологического наследия «Участок исторического культурного слоя г. Санкт-Петербурга XVIII–XIX вв. с сохранившимися историческими захоронениями» в зоне строительства дома в г. Санкт-Петербург, Нейшлотский пер., д. 3, лит. А. в 2018 г. Т. 2. // Архив Центра спасательной археологии ИИМК РАН.

Хухарев В.В., 1999. Монеты XV–XX вв. из погребений Тверского края // Седьмая Всероссийская нумизматическая конференция (Ярославль, 19–23 апреля 1999 г.). М.

Стоянка Ирба 2 в контексте верхнего палеолита долины Енисея: общее и особенное¹

Т. В. Корнева²

DOI: 10.31600/978-5-6052467-2-5.227–230

Применение планиграфического, технико-типологического, естественно-научного и других методов для изучения финальнопалеолитической стоянки Ирба 2 (Красноярский край) позволило получить представление об ее устройстве и функционировании. Результаты этих исследований были подробно рассмотрены в статьях прошлых лет (Корнева, 2021; 2023). Настоящая работа посвящена определению места стоянки в палеолите Енисея, которое стало возможным благодаря обобщению полученных данных и их сравнению с данными по другим памятникам региона. Для стоянки Ирба 2, как и для позднепалеолитических стоянок долины Енисея, характерно сочетание орудий «архаического» вида (крупных галечных орудий, скребел) и небольших изделий позднепалеолитического облика (скребков, долотовидных орудий, резцов), использование техники параллельного расщепления и микропластинчатой техники, разнообразие форм торцовых и клиновидных микронуклеусов. Не вызывает сомнения определение индустрии Ирбы 2 как относящейся к афонтовской культуре: ведущей формой заготовки являлся отщеп, а крупные пластины и орудия, изготовленные из них, практически отсутствуют. С афонтовскими памятниками Ирбу 2 сближает наличие в коллекции бифасиальных скребел, высокий процент долотовидных орудий, большое количество микроорудий среди скребков и долотовидных изделий и низкий процент резцов и острий.

В районе правобережья Южно-Минусинской котловины, где была найдена стоянка Ирба 2, стратифицированные местонахождения эпохи палеолита практически неизвестны. Большинство памятников было представлено подъемными сборами

на развешанных песках. Исключение составляет Притубинск I, инвентарь которого значительно отличается от инвентаря Ирбы 2: комплекс был отнесен к кокоревской культуре (Акимова и др., 2017). Как и на правом берегу Енисея, в районе Абакано-Енисейского междуречья палеолитические памятники представлены преимущественно сборами на песчаных выдувах. К основным территориальным группам афонтовских памятников долины Енисея относятся группа стоянок северной части Саянского каньона (наиболее представительны коллекции многослойных стоянок Майнинской и Уй II), памятники Среднего Енисея, приуроченные преимущественно к левобережью Енисея в Северо-Минусинской котловине, и группа стоянок, обнаруженных в районе Красноярска, самыми выразительными из которых являются комплексы Афонтовой Горы (рис. 1) (Астахов, 1999; Лисицын, 2000). При отсутствии ярко выраженных региональных различий между разными группами афонтовских памятников их индустрии обладают рядом специфических черт (Васильев, 1996. С. 178).

Особенности первичного расщепления, зафиксированные на Ирбе 2, полностью соответствуют технологии, описанной для енисейского палеолита (Абрамова, 1979а. С. 104, 105; Васильев, 1996. С. 191, 192). Помимо повсеместно распространенных одно- и двуплощадочных галечных нуклеусов, на Ирбе 2 найдены единичные крупные торцовые нуклеусы, имеющие аналоги во втором культурном слое Уй II и на стоянке Кокорево II. На Ирбе 2 были обнаружены два нуклеуса с оформленной радиальными сколами тыльной стороной. Подобные леваллуазские формы имеют аналогии в слоях А-1-3 Майнинской стоянки, втором слое стоянки Уй I, в инвентаре стоянок Тарачиха, Кантегир, Аешка I, Кокорево II и IVA (Абрамова, 1979а. С. 71; 1979б. С. 177; Васильев, 1996. С. 175, 191, 192). Характерные для афонтовских стоянок дисковидные нуклеусы на стоянке не найдены.

Самыми распространенными разновидностями микронуклеусов на Ирбе 2, как и на большинстве енисейских памятников, являются клиновидные и торцовые. Обращают на себя внимание

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № FMZF-2022-0017 «Развитие методики учета, хранения, научного описания и актуализация археологических коллекций, находящихся на хранении в ИИМК РАН».

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Лаборатория камеральной и цифровой обработки, учета и хранения археологических коллекций. E-mail: kortania22@gmail.com.

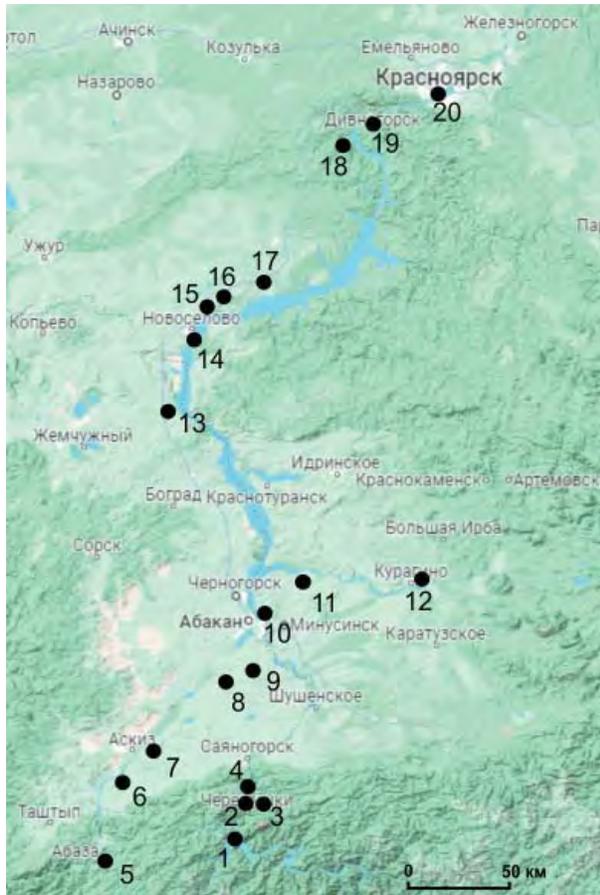

Рис. 1. Схема расположения палеолитических групп памятников и отдельных стоянок в долине Енисея:
 1 – Кантегир, Джой; 2 – Майнинская стоянка, Уй I, II, Майнинский Лесозавод I, II; 3 – Голубая I–IV, Сизая I–XVI; 4 – Означенное I; 5 – Можаров Увал I, Куйбышево II, Большие Арбаты I; 6 – Конгурэ; 7 – Улугбиль; 8 – Сосновое Озеро I; 9 – Смирновка; 10 – Быстрая II; 11 – Притубинск I; 12 – Ирба 2, Гора Веселовская; 13 – Таштык I–IV; 14 – Аешка I–III, Кокорево I–VI; 15 – Тарачиха; 16 – Новоселово I–XIV; 17 – Куртак I–III; 18 – Бирюса; 19 – Лиственка; 20 – Большая Слизнева, Караульный Бык, Афонтова Гора II, III, Переселенческий Пункт

удлиненные клиновидные микронуклеусы: эта форма характерна для финальнопалеолитических памятников региона (Васильев, 1996. С. 174).

Скребки из коллекции Ирбы 2 представлены распространенными на енисейских стоянках типами. К специфическим формам можно отнести двойные скребки с противоположащей ретушью, которые находят аналогии в материалах Кокорево III, Кантегира, Майнинской стоянки и Уй II, скребки с носиком, присутствующие в инвентаре стоянок

Кокорево II, III, IVA, Кантегир, Сизая VIII, Аэродром, Майнинская, а также скребки с выемкой в основании, которые имеют сходство с предметами со стоянок Афонтова Гора III, Кокорево II, Таштык I, Кантегир, Джой (Васильев, 1996. С. 175).

Разновидности скребел, выделенные на Ирбе 2, распространены на афонтовских памятниках повсеместно. Среди долотовидных орудий встречены широкие предметы, которые напоминают изделия, найденные на Майнинской стоянке, Уй II, Афонтовой Горе II, Кокорево II, Куртаке III и Таштыке I.

Единичные находки пластинок с притупленным краем, с ретушью двух продольных краев и ретушью на брюшке, сделанные на Ирбе 2, схожи с изделиями из коллекций Майнинской стоянки, Уй II, Кантегира и Кокорево II, а пластинка с наискось усеченным ретушью концом находит аналогии среди материалов стоянок Афонтова Гора II и III, Уй II (Абрамова, 1979б. С. 177; Васильев, 1996. С. 123, 175–177).

В инвентаре Ирбы 2 отсутствуют остроконечники, распространенные на енисейских памятниках. Впрочем, иногда сложно провести грань между конвергентными скреблами, зафиксированными на Ирбе 2, в верхних слоях Майнинской стоянки и в Уй II, и широкими подтреугольными остроконечниками, найденными в Афонтовой Горе II и III, Новоселово VI, Таштыке I и II, Кокорево I и II и других стоянках (Абрамова, 1979а; Васильев, 1996. С. 175–177).

Среди галечных орудий в коллекциях Ирбы 2 отсутствуют двусторонние топоры, тесла и топоровидные унифасы, характерные для стоянок Северо-Минусинской котловины (Васильев, 1996. С. 176–178). Представляют интерес массивные галечные пиковидные орудия. С.Н. Астахов выделил в коллекции Афонтовой Горы III особую форму галечных орудий с носиком-острием, которые напоминают пиковидные орудия Ирбы 2 (Астахов, 1999. С. 130, 148). Сходные изделия были обнаружены в единичных экземплярах на стоянках Кокорево II и IVa, и на Майнинской стоянке (Абрамова, 1979а. С. 82; Васильев, 1996. С. 64, 78). Часть галечных орудий Ирбы 2 напоминает струги – чоперы с мелкой краевой ретушью вдоль острого края, выделенные в отдельную группу исследователями Афонтовой Горы II и стоянок Дербинского залива (Стасюк и др., 2004. С. 10; Акимова и др., 2021. С. 135).

Особый интерес представляет листовидный бифас из коллекции Ирбы 2. Листовидные бифасы

характерны для средней поры верхнего палеолита Енисея, большие серии таких изделий были встречены на стоянках Дербинского залива (Акимова и др., 2018). В отличие от бифаса из Ирбы 2, который имеет форму, близкую к ромбовидной, выраженное расширение в нижней части и закругленный рабочий конец, эти изделия обладают более вытянутыми пропорциями, симметричной овальной формой или заострением на конце. В конце позднего палеолита листовидные бифасы практически исчезли из инвентаря енисейских стоянок. На памятниках афонтовской культуры встречаются морфологически близкие к ним формы, но их, как правило, относят к категориям бифасиальных скребел, двусторонне обработанных наконечников или острий. Небольшой бифас из слоя 3 Кокорево I, описанный З.А. Абрамовой как «рубильце», по своим пропорциям наиболее близок предмету из Ирбы 2 (Абрамова, 1979б. С. 73). Выразительная серия листовидных бифасов, изготовленных на плитчатом кварцитовом сырье, была встречена на стоянке-мастерской Куйбышево II на Верхнем Абакане. Как и бифасы Дербинского залива, они обладают вытянутыми очертаниями и заострением на конце (Васильев, Зубков, 2021. С. 29). Изделий, идентичных бифасу Ирбы 2, в позднем палеолите Енисея зафиксировано не было.

Таким образом, в каменном инвентаре стоянки Ирба 2 прослеживаются аналогии с комплексами Западного Саяна, Среднего Енисея и Красноярской лесостепи. По ряду черт коллекция камня Ирбы 2 обнаруживает большее сходство с комплексами Майнинской стоянки и Уй II. Коллекция обработанной кости Ирбы 2 невелика, что затрудняет ее сравнение с костяным инвентарем других стоянок. Молоток из рога имеет аналогии в слое А-3 Майнинской стоянки, на Афонтовой Горе I и Куртаке III (Васильев, 1996. С. 102; Абрамова и др. 1991. С. 37; Астахов, 1999. С. 40). Особый интерес представляют заготовки украшений. Плоские мраморные гальки, обнаруженные группой из 24 предметов, имеют сходство с бусинами из мелких галек белого мраморовидного известняка, найденными в слое 3 Кокорево I (Абрамова, 1979б. С. 7). Можно предположить, что набор галек предназначался для изготовления бус. Наиболее выразительная находка – галька с гравировкой – находит ближайшие аналогии среди дисков из агальматолита, найденных на Афонтовой Горе II и III (Абрамова, 1962. Табл. LIX: 12, LX: 3). Изображение креста не встречается на произведениях искусства, происходящих из сибирских стоянок, однако известно в Европе со времен среднего палеолита (Корнева, 2022).

Что касается функциональной специфики стоянки Ирба 2, то она, как и большинство стоянок Южной

Сибири, представляет собой остатки кратковременного стойбища, расположенного рядом с водой в районе с контрастным ландшафтом на стыке физико-географических зон. Нетипичной выглядит позиция Ирбы 2 на гипсометрическом уровне 3,5–4,0 м. Позднепалеолитические памятники в бассейне Енисея приурочены, как правило, к аллювиальным толщам на уровнях 10–15-метровых надпойменных террас или к покровным толщам выше отметок 35 м. Исключением, аналогичным Ирбе 2, является афонтовская стоянка Кокорево VI, расположенная в необычных геоморфологических условиях на уровне 3–4 м, на тектонически опущенном участке II террасы (Григорьева, 1964. С. 64).

Большая часть позднепалеолитических памятников Сибири демонстрирует сходную структуру культурного слоя, состоящего из отдельных скоплений, связанных с остатками очажных комплексов, выкладками, зольными пятнами или участками окрашенного углем или охрой культурного слоя, на которых производился полный цикл обработки камня. В культурном слое стоянки Ирба 2 расчищена серия скоплений, которые, по-видимому, являлись остатками рабочих площадок под открытым небом, где происходило расщепление камня и обработка кости, изготовление и использование каменных орудий из местного и приносного сырья. На памятнике нет следов очагов, каменных выкладок и других компонентов, которые могли бы быть интерпретированы как жилища, и не зафиксировано следов окрашенности слоя. Посещение стоянки, вероятно, было непродолжительным и приходилось на теплое время года (Корнева, 2021). При этом обращает на себя внимание совместное обнаружение на Ирбе 2 следов расщепления рога, которое производилось в холодных условиях, и следов операций по резанию рога, которые характерны для теплого времени года.

Находки костей в анатомической связи, а также большое количество фрагментов раздробленной кости в скоплениях указывают на то, что на Ирбе 2, как и на многих енисейских памятниках, добыча приносилась на стоянку в виде крупных кусков туш и разделялась на стоянке. Фаунистический состав Ирбы 2 типичен для позднепалеолитических стоянок региона. Преобладают остатки копытных: бизона, благородного оленя, дикой лошади и северного оленя. Как и на других стоянках Верхнего Енисея, таких как Уй I, Майнинская, Голубая I, возраст которых определяют в интервале 25,4–12,2 тыс. л. н., на Ирбе 2 отсутствуют остатки мамонта (Поляков и др., 2017).

Таким образом, стоянка Ирба 2 органично вписывается в общий контекст енисейского палеолита

и в круг стоянок афонтовской культуры. Ряд своеобразных черт может объясняться хозяйственной спецификой и функциональным назначением изученного участка, который, вероятно, представлял собой периферийную часть памятника.

Источники и литература

- Абрамова З. А., 1962. Палеолитическое искусство на территории СССР. М. ; Л.
- Абрамова З. А., 1979а. Палеолит Енисея. Афонтовская культура. Новосибирск.
- Абрамова З. А., 1979б. Палеолит Енисея. Кокоревская культура. Новосибирск.
- Абрамова З. А., Астахов С. Н., Васильев С. А., Ермолова Н. М., Лисицын Н. Ф., 1991. Палеолит Енисея. Л.
- Акимова Е. В., Стасюк И. В., Горельченкова О. А., 2017. Позднепалеолитическая стоянка Притубинск I – новый памятник кокоревской культуры Средней Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. Т. XXIII.
- Акимова Е. В., Стасюк И. В., Харевич В. М., Лаухин С. А., Мотузко А. Н., Санько А. Ф., 2018. Палеолит Дербинского залива. Новосибирск.
- Акимова Е. В., Анойкин А. А., Васильев С. К., Галухин Л. Л., Дроздов Н. И., Дудко А. А., Зольников И. Д., Клементьев А. М., Лысенко Д. Н., Разгильдеева И. И., Славинский В. С., Стасюк И. В., Томилова Е. А., Харевич В. М., Цыбанков А. А., 2021. Позднепалеолитическая стоянка Афонтова Гора II: итоги мультидисциплинарных исследований 2014 г. Новосибирск.
- Астахов С. Н., 1999. Палеолит Енисея. Палеолитические стоянки на Афонтовой Горе в г. Красноярске. СПб.
- Васильев С. А., 1996. Поздний палеолит Верхнего Енисея (по материалам многослойных стоянок района Майны). СПб.
- Васильев С. А., Зубков В. С., 2021. Палеолитические местонахождения Хакасии // Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая: материалы XI Международной научной конференции (8–11 сентября 2021 г., г. Абакан). Абакан.
- Григорьева Г. В., 1964. Новая палеолитическая стоянка Кокорево VI на р. Енисей // КСИА. Вып. 101.
- Корнева Т. В., 2021. Планиграфическое распределение находок на палеолитической стоянке Ирба-2 в Красноярском крае // ЗИИМК. № 24.
- Корнева Т. В., 2022. Геометрические изображения на гальках и каменных плитках в палеолите Европы и Сибири // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». Иркутск. Т. 41.
- Корнева Т. В., 2023. Развитие методики научного описания и анализа палеолитических находок на примере коллекции стоянки Ирба 2 // Бюллетень ИИМК РАН. СПб. № 14.
- Лисицын Н. Ф., 2000. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. СПб.
- Поляков А. В., Васильев С. А., Амзараков П. Б., Рыжов Ю. В., Корнева Т. В., Сапелко Т. В., Барышников Г. Ф., Бурова Н. Д., Гиря Е. Ю., Ямских Г. Ю., 2017. Новые данные по палеолиту Минусинской котловины (стоянка Ирба-2) // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Барнаул.
- Стасюк И. В., Акимова Е. В., Томилова Е. А., Лаухин С. А., Санько А. Ф., Тихомиров М. Ю., Махлаева Ю. М., 2004. Палеолитические местонахождения Дербинского археологического района (Красноярское водохранилище) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень. № 4.

Список сокращений

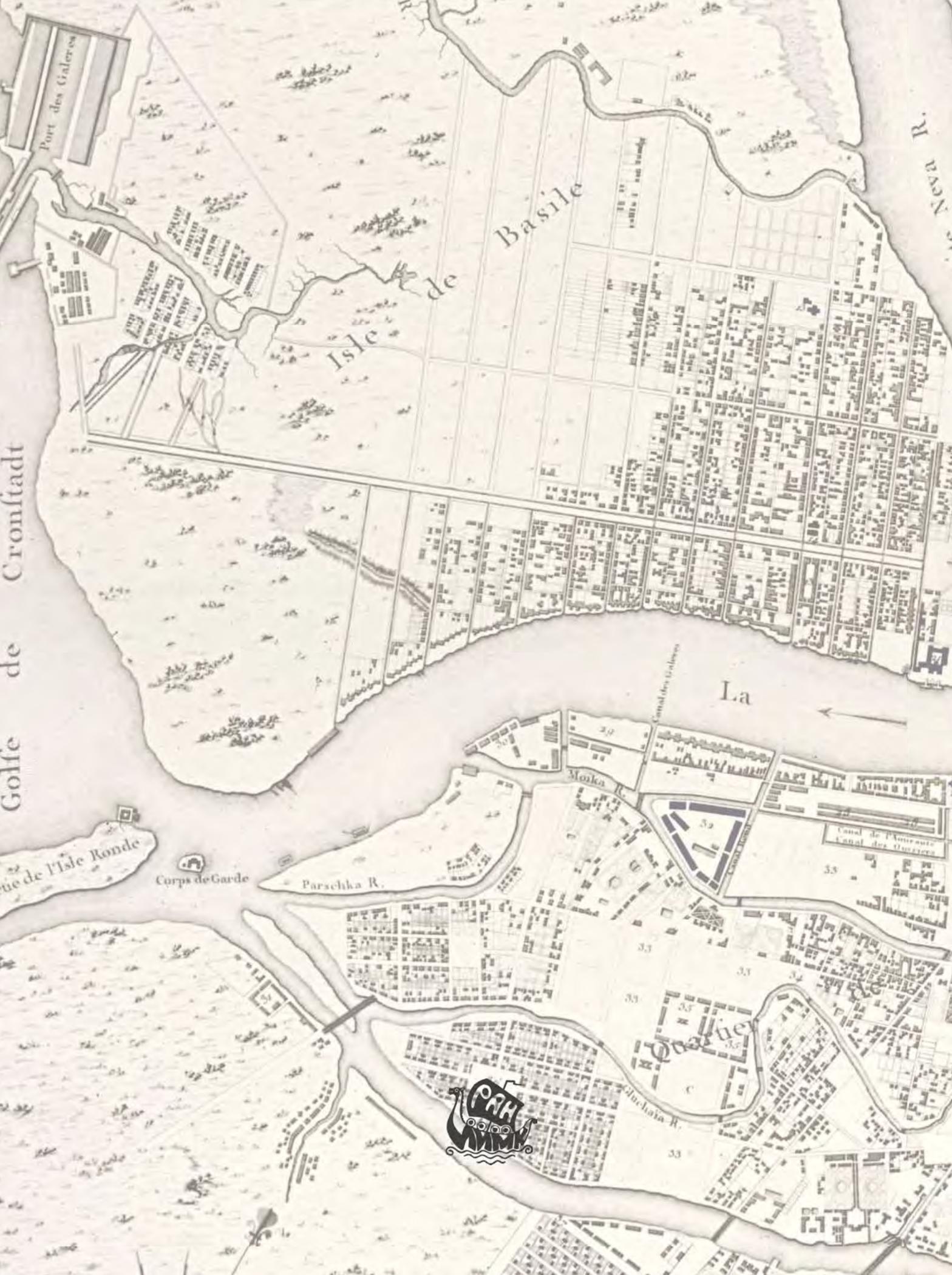
- АВ – Археологические вести. СПб.
АДСВ – Античная древность и средние века. Екатеринбург
АО – Археологические открытия. М.
БИ – Боспорские исследования. Симферополь
БС – Боспорский сборник. М.
ДБ – Древности Боспора. М.
ДРКМ – Донецкий республиканский краеведческий музей
ЗИИМК – Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.
ЗОРСА – Записки отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. СПб.
ИАК – Известия Императорской Археологической комиссии. СПб.
ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры. Л.
КСИА – Краткие сообщения института археологии. М.
КСИИМК – Краткие сообщения института истории материальной культуры. Л.
ЛОО ВООПиК – Ленинградское областное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры
МАИЭТ – Материалы по археологии и этнографии Тавриды. Симферополь
МАР – Материалы по археологии России. М.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.
МИАСК – Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. Краснодар
НА ИИМК РАН. РО – Научный архив Института истории материальной культуры. Рукописный отдел. СПб.
ОАК – Отчеты Императорской Археологической комиссии. СПб.
ПИФК – Проблемы истории, филологии и культуры. Магнитогорск
РА – Российская археология. М.
СА – Советская археология. М.
САИ – Свод археологических источников. М. ; Л.
СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа. СПб.
ХСб – Херсонесский сборник. Севастополь
ЦГИА – Центральный государственный исторический архив. СПб.

Список авторов

- М. И. Бажин – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- П. А. Бараненко – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Е. К. Блохин – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Н. А. Боковенко – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- В. В. Вахонеев – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Ю. А. Виноградов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- А. С. Гарипов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- К. В. Горлов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- А. А. Гущин – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- А. Ю. Касимов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Е. Ю. Кононович – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Т. В. Корнева – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Н. А. Кубло – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- А. В. Курбатов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- В. Г. Мизин – независимый исследователь, Россия
- В. М. Петровский – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Л. Ю. Пономарев – Институт археологии Крыма РАН
- С. А. Семенов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- С. Л. Соловьев – Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Государственный Эрмитаж
- Н. Ф. Соловьева – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- М. А. Топоривская – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- П. А. Украинский – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Р. В. Филиппенко – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Н. С. Черткова – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- А. С. Цинько – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Л. Г. Шепко – Донецкий государственный университет

Подписано в печать 28.11.2024 г.
Формат 60×90/8. Усл. печ. л. 29,25.
Тираж 300 экз. Заказ № 684.
Дата выхода: 28 декабря 2024 года

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «А-ЭЛИТ»
195030, СПб, ул. Коммуны, д. 67 лит. БМ, пом. БМ10702
Тел. +7(812) 380-79-50
E-mail: albommonet@yandex.ru

Port des Galeres

Isle de Basile

Golfe de Cronstadt

Isle Ronde

Corps de Garde

Parschka R.

Mouka

La

Canal des Galeres

Canal de l'Amirauté
Canal des Turcs

Goulet

Guchina R.

R. Neva